Александр Лукашук

Освальд в Минске

поэма

Будущее не меняется, меняется только прошлое

Александр Лукашук

Освальд в Минске

поэма

Минск
«Галіяфы»
2017

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Беи=411.2)-5
Л84

Перевод с белорусского, дополненный и исправленный
(по книге «Сьлед матылька», изд. 2011, 2015)

Лукашук, А. М.
Л84 Освальд в Минске. Поэма / Александр Лукашук. — Минск : Галіяфы, 2017. — 456 с. : ил.
ISBN 978-985-7140-51-0.

Время Ли Харви Освальда в Минске в плену документов, воспоминаний и вариаций. Плюс стихи автора-переводчика.

На обложке центральная часть триптиха Генадзя Дроздова «Небоскребы человеческого духа».
Иллюстрации по мотивам фото из Государственного архива кинофотофонодокументов Беларуси, Национального архива США, частных собраний, открытых источников и авторских снимков.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Беи=411.2)-5

ISBN 978-985-7140-51-0

СОДЕРЖАНИЕ

В налипшей грязи поблескивал зеленью, золотом
и чернью мотылек, очень красивый и очень мертвый.
— Не из-за такой же малости! Не из-за мотылька!

Рэй Брэдбери, «И грянул гром»

Жизнь Освальда в Минске является той частью его жизни,
о которой известно менее всего.

Отчет комиссии Уоррена
по расследованию убийства
президента США Джона Ф. Кеннеди

СЛЕДЫ МОТЫЛЬКА

В четверг 7 января 1960 года, в 8:16 утра, шаркающей пассажирской походкой из купейного вагона скорого поезда дальнего следования № 3 «Москва — Берлин» на перрон города М. под звуки местного железнодорожного гимна вышел двадцатилетний американский гражданин в солдатской шапке-ушанке и без паспорта...

Хотя нет. Так поэму начинать неправильно, потому что вначале было другое путешествие.

В 1952 году, когда герою этой книги Ли Освальду было тринадцать лет и подростки зачитывались фантастикой, американский писатель Рэй Брэдбери опубликовал свой самый известный рассказ «И грянул гром» (первое место в мире по переизданиям).

...Наутро после президентских выборов герой Брэдбери идет в контору, которая организует путешествия во времени: лучше отправиться в прошлое, чем жить при новом президенте-диктаторе. Но в последний момент выясняется, что выборы всё же выиграл кандидат-демократ, и герой с легким сердцем

отправляется в прошлое на охоту. Там он случайно раздавил мотылька, и история изменилась: президентом стал диктатор. Последнее, что слышит вернувшийся в настоящее время путешественник, — гром выстрела, который обрывает его жизнь и его роль в истории...

Автор данной поэмы, далее для ясности именуемый А. Л-к, рассказ Брэдбери тоже прочитал, и не придумал ничего лучшего, чем написать, как всё было на самом деле, только с другим путешественником и другим президентом. Этого путешественника звали ЛХО, а президента — Дж.Ф.К.

А. Л-к писал, что следственное дело об убийстве Дж.Ф.К. — самое большое в истории человечества, свыше четырех миллионов листов оригинальных документов. Что в американских архивах можно найти всё, от анализов ЛХО из Белорусского научно-исследовательского института переливания крови (резус отрицательный) до показаний электросчетчика и жировок за газ в его квартирах (неаккуратный плательщик). Что американская комиссия У., ее официальные «дети» и «внуки», занимавшиеся расследованием, по закону о свободе информации, известному в интернет-эпоху как «вынь да положь», всё из секретных папок достали и выложили.

Свои пять копеек в эту историю А. Л-к вставил, когда еще ходили пятаки с государственным гербом СССР: он перевел и опубликовал «Исторический дневник» ЛХО, который тот вел в Москве и Минске. Позже был консультантом съемочной группы американской телекомпании Frontline, в начале 1990-х снимавшей в Минске фильм «Кем был ЛХО?», давал интервью и выступал с рассказами о минской жизни героя во время поездок на его родину.

Американец, по своей воле прилетевший жить и работать в СССР в 1960-е годы, воспринимается сегодня как мотылек, ослепленный уличным фонарем, судорожно бьющийся о прозрачную преграду, чтобы достичь сказочный источник чудного свечения, холодного и испепеляющего одновременно. Минск времен ЛХО сейчас тоже иной — это незнакомый город с другим светом, другими законами и названиями, хотя иногда похожими и даже совпадающими с нынешними, но на самом деле иными. Тени там падают не туда, звуки не смолкают — как на

заевшей пластинке, — и только счастье неуловимо, как и во все времена.

Порхает залетный мотылек в минском остановленном времени — и всё время за ним поворачивается бдительный глаз и чуткое ухо.

За ЛХО в Минске наблюдали, как энтомолог наблюдает за членистоногим насекомым отряда чешуекрылых. Изучаются стадии жизненного цикла — яйцо, гусеница, куколка, имаго, фиксируются привычки, движения, маршруты, питание, сексуальные функции, способность к мимикрии, взаимодействие с окружающей средой, специфические навыки, реакция на раздражители...

Раздел энтомологии, изучающий бабочек и мотыльков, называется «лепидоптерология».

Но что это мы всё о насекомых — настоящая поэма невозможна без любви.

Любите ли вы архивы так, как любит их А. Л-к, то есть всеми силами души своей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, ведомым только авторам нон-фикшн, от Гомера до Алексиевич, от Солженицина до Дилана?! Но взаимность — увы, взаимность в этом деле, как и во всех страстях, в перечень услуг не включена.

Раздел советского государства, изучавший людей, называется «кагебе». А. Л-к скорбел, что в белорусских архивах, в отличие от американских, найти нельзя ничего, но не потому, что там ничего нет, а потому что нельзя. А нельзя потому, что то, что там есть, добыто способом, срок действия авторских прав на который в Беларуси еще не истек. Жизненный цикл ЛХО в Минске изучали на протяжении 867 дней — как надеется А. Л-к, будет что почитать после списания в архив второго по всемирной известности русского слова из трех букв.

Это слово А. Л-к предпочитает писать в английской аббревиатуре — KGB, потому что большей частью по-английски знакомился с творчеством этой организации, которую расшифровывает так называемой алфавитной смесью: К — Как, G — с Гуся, В — Вода.

А познакомиться с творчеством KGB А. Л-ку помог американский писатель Норман М., ставший первым и единствен-

ным автором, получившим доступ к коллекции KGB в Минске. Доступ ограниченный и фрагментарный, но вкупе с воспоминаниями родственников, друзей, знакомых героя достаточный, чтобы книга М. «История О» взлетела в список бестселлеров. И как все перелетные крылатые существа, эта лепидоптерологическая поэма возвращается туда, откуда вылетела.

Она не о том, кто кого и как убил. Скорее — попытка отыскать следы, оставленные в минском воздухе полвека назад одним мотыльком.

Литературный ландшафт после встречи ЛХО с Дж.Ф.К. выглядит как после рейда тяжелого бомбардировщика, а его биография — как история мировых войн.

Хотя на самом деле — мотылек пролетел.

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете документальных поэм? Да заклинит лгуну его гнусную клавиатуру! За А. Л-ком, мой читатель, и только за ним, и он покажет тебе такую поэму!

ПАССАЖИР БЕЗ ПАСПОРТА

В четверг 7 января 1960 года, в 8:16 утра, шаркающей пассажирской походкой из купейного вагона скорого поезда дальнего следования № 3 «Москва — Берлин» на перрон вокзала города Минска под звуки железнодорожного гимна вышел 20-летний американский гражданин в солдатской шапке-ушанке и без паспорта — он сдал его в посольство США в Москве, заявив о желании навсегда остаться в СССР, после чего через два с половиной месяца ожидания и попытки самоубийства получил 5000 рублей от Красного Креста, направление на работу и жилье в столице Белоруссии, где через год женился, а когда родилась дочка, вместе с женой вернулся в США, чтобы в субботу 22 ноября 1963 года в 12:30 из окна на шестом этаже книжного склада в Далласе с расстояния пятьдесят метров первым выстрелом из итальянского карабина «Манлихер-Каркано» калибра 6,5 мм ранить тридцать пятого президента США Джона Кеннеди, вторым — губернатора Техаса Джона Конналли, третьим — добить президента, затем на улице четырьмя выстрелами из револьве-

ра убить полицейского Джея Ди Типпита и через 46 часов 51 минуту, во время перевода из полицейского участка в тюрьму, при включенных камерах в прямом эфире американского телевидения получить в упор пулю из кольта Кобра .38 от местного жителя Джека Руби и, после вскрытия трупа в морге и других формальностей, быть зарытым на кладбище города Форт Ворт в яме, рядом с которой десятилетиями никого не будут хоронить.

Так закончилась одна жизнь Ли Харви Освальда и началась другая.

В новой жизни нечто, известное как «Ли Харви Освальд», стало объектом истерического внимания политиков, журналистов и писателей, героем расследования комиссии Уоррена[1], публикаций, книг и фильмов, предметом обсуждения американского Конгресса и советского Политбюро, головной болью для ФБР, ЦРУ и KGB. Его советский дневник, который он сам назвал «историческим», бесконечно цитировался. Его рукописи, письма, записки, страницы блокнотов, справки, медицинские рецепты, удостоверения, технические документы, фотографии от младенчества до предсмертной судороги выставлены на всеобщее обозрение. Его выкапывали из могилы, называли убийцей-психопатом, кубинским агентом, двойником KGB, а также невинной жертвой мафии, американских спецслужб, правых и левых радикалов, секретных биологических экспериментов, проводником оккультного мирового заговора.

---

1 По оперативным данным, Комиссия Президента по расследованию убийства президента Джона Кеннеди, известная как комиссия Уоррена, была создана распоряжением президента США Линдона Джонсона 29 ноября 1963 г. В нее вошли 34 человека, а возглавил председатель Верховного суда США Эрл Уоррен. После года работы комиссия выпустила отчет, в котором сделала вывод, что Ли Харви Освальд убил президента один и без посторонней помощи. Текст отчета составил 888 страниц, опубликованные материалы следствия составили 26 томов, а дополнительные документы, меморандумы и стенограммы заседаний насчитывают более 50 тысяч страниц.
Для справки: всё это преступно доступно по адресу www.history-matters.com.

Дата, когда он нажал на спусковой крючок, на полвека стала сакральной в американской жизни: а где ты был, когда убили Кеннеди, а что ты делала в тот день?..

В Советском Союзе о нем еще долго почти никто ничего не будет знать, хотя почти каждый его минский день от 7 января 1960 года до 22 мая 1962 года, каждый шаг, каждое письмо и знакомство были предметом пристального государственного внимания.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
10.01.60
08:00—24:00

В 11:00 Ли Харви вышел из гостиницы «Минск» и пошел в ГУМ. Там зашел в отдел электротоваров, что-то спросил у продавца, достал из кармана деньги и пошел к кассе. Не заплатил, положил деньги в карман и стал расхаживать по первому этажу универмага туда и обратно и рассматривать различные товары.

Затем вернулся в отдел электротоваров, заплатил 2 рубля 25 копеек за электровилку, положил ее в карман и поднялся на второй этаж. Там провел некоторое время в отделе готовой одежды, пересмотрел имеющиеся костюмы, затем быстро вышел из ГУМа. Вернулся в гостиницу в 11:25.

В 12:45 вышел из своего номера и пошел в ресторан. Сел за свободный столик и начал есть. (Наблюдение во время еды не велось, так как больше людей там не было.)

В 13:35 Ли Харви вышел из ресторана и вернулся в свой номер.

В 18:10 вышел из номера и пошел в ресторан. Сел за свободный столик, поел, вышел из ресторана в 18:45, на лифте поднялся на четвертый этаж и пошел в свой номер.

Не выходил из номера до 24:00, после чего наблюдение не велось до утра.

Наблюдатель, как бесстрастная камера, ловит даже жесты — «объект засовывает руки в карманы» — и фиксирует цены на случайные покупки. Пристрастный читатель заметит, что походка у Освальда стала летящей: до ГУМа и обратно — 1300 метров, идти минут пятнадцать, если не шаркать.

Сам Освальд в описании январского воскресенья в своем дневнике лаконичен:

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
10 января 1960

Целый день мой. Гуляю по городу. Очень красиво.

У архивных документов свои отношения со временем: как камни в реке, они могут показываться то одним, то другим боком, исчезать без следов и появляться в другом контексте, с новыми смыслами и акцентами. Пытаться воспользоваться ими для восстановления хронологии — всё равно как после целого дня поездок по городу завтра захотеть восстановить вчерашний день и попытаться проехать задним ходом по всему маршруту, глядя в зеркало заднего вида.

Напор транспортных потоков, ремонты дороги и аварии делают попытку безнадежной. Можно только снова выехать из исходной точки и повторить маршрут, чтобы разглядеть то, что осталось за кадром.

А еще лучше пойти пешком. Прогуляться.

Стрелки на часах показали 11:00, швейцар открыл тяжелые двери четырехзвездочной гостиницы «Минск», А. Л-к вышел на проспект Независимости, который во время приезда Освальда носил имя Сталина, а ко времени отъезда — Ленина, посмотрел на колонны самого красивого здания в городе — почтамта, повернул налево и пошел в ГУМ покупать электровилку.

МАНИФЕСТ САМОУБИЙЦЫ

Призрак бродит по страницам, призрак главного героя.

Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, вы, наверно, прежде всего захотите узнать, где герой родился, как провел свое детство, что делали его родители до его рождения, — словом, всю эту, как справедливо писал один современник Освальда, «дэвид-копперфильдовскую муть».

Не будем спорить над пропастью по имени ЛХО и откроем страницы ненаписанной первой части этой книги, без которой она была бы невозможна, как мотылек без куколки, куколка без гусеницы, гусеница без личинки.

Ли родился 18 октября 1939 года в Новом Орлеане. Отец, страховой агент, умер за два месяца до его рождения, двух старших братьев Ли (первый, Джон Пик, — от первого замужества матери, родного брата звали Роберт) мать, Маргерита Освальд, то отдавала в приют, то забирала, вышла в третий раз замуж, но вскоре развелась. Денег не было, братья поступили на воинскую службу. К 17 годам Освальд сменил 12 школ и 22 адреса про-

живания. В 1955 году Ли бросает школу (прогулы, конфликты, неуспеваемость) и вступает в Социалистическую лигу молодежи, левую организацию, отколовшуюся от коммунистической Рабочей партии. Толчком послужила брошюра об американских коммунистах Юлиусе и Этель Розенберг, расстрелянных в 1953 году за шпионаж и выдачу ядерных секретов СССР. В публичной библиотеке берет коммунистическую литературу и называет себя «марксистом».

В октябре 1956 года, вслед за братом Робертом, поступает на военную службу в морскую пехоту, получает специальность оператора авиационной электроники (радары) и звание «рядовой 1-го класса». Допуск секретности — самый низкий. Служит в Японии, на Тайване и Филиппинах, затем — на базе в Калифорнии. Служба идет кое-как: дважды за проступки (дурачился с пистолетом и поранился, подрался с сержантом в баре, ни с того ни сего стрелял по джунглям) его лишают звания и переводят в рядовые. Продолжает интересоваться коммунистической литературой, читает советские пропагандистские журналы. В казарме слушает пластинки с русскими песнями, говорит «да» и «нет» по-русски, просит, чтобы его называли «Освальдскович», к сослуживцам обращается «товарищ» и радуется, когда так обращаются к нему.

Спорит с офицерами о международной политике, бравирует тем, что читал книги, которых не знают другие, в том числе «Скотный двор» и «1984» Джорджа Оруэлла. Солдаты считают его выскочкой. Сдает экзамены за среднюю школу (в том числе и по русскому языку, но неудачно), во второй раз получает звание рядового 1-го класса. Летом 1959 года, сославшись на болезнь матери, досрочно увольняется в запас с базы в Калифорнии.

Оформляет загранпаспорт, официальное объяснение — для учебы в Швейцарии, в колледже Альберта Швейцера, где приняли его документы. Обманывает мать, будто нанимается на корабль торгового флота, но перед отплытием пишет ей письмо:

Мои ценности сильно отличаются от ваших с Робертом. Я ничего не говорил о своих планах, так как вряд ли можно надеяться, что вы поймете.

За время службы Освальд скопил полторы тысячи долларов — их с лихвой хватило на задуманное путешествие. 8 октября 1959 года Освальд ступает на землю в Гавре во Франции и сразу же отправляется в Лондон. На следующий день вылетает в Хельсинки, где в советском посольстве легко получает пятидневную туристическую визу. 15 октября выезжает из Финляндии и 16-го прибывает в Москву. Селится в гостинице «Берлин» и сразу же заявляет переводчице «Интуриста», что он — коммунист и хочет получить советское гражданство. Переводчица передает заявление начальству.

Через два дня Освальд празднует свой день рождения с переводчицей Риммой Широковой.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
18 октября 1959

Мой 20-й день рождения, идем на выставку утром, а после обеда — на могилу Ленина — Сталина. Она вручает мне подарок — книгу «Идиот» Достоевского.

Пожелание Широковой на подарке: «Пусть сбудутся все твои мечты!» — было перечеркнуто уже через три дня. 21 октября Освальду сообщают, что в гражданстве отказано, виза заканчивается и он должен покинуть страну до 20:00. За час до окончания срока Освальд напускает воду в ванну и режет себе вены на левой руке. «Скорая» отвозит его в больницу. На следующий день он уже в состоянии писать.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
22 октября 1959

Больница. Я в маленькой палате. Со мной 12 больных, два санитара и медсестра. Палата темная, завтрак плохой. Только после длительного двухчасового наблюдения за другими больными я прихожу к выводу, что я в палате для умалишенных, и это меня весьма беспокоит.

Через неделю, после снятия швов и выписки, его переводят в отель «Метрополь», в более скромный номер.

Он занимается русским, продолжаюися встречи с представителями «Интуриста».

В письме старшему брату Освальд объясняет, почему решил остаться в Советском Союзе.

ЛХО — РОБЕРТУ ОСВАЛЬДУ
26.11.1959

Дорогой Роберт,

Я задам тебе вопрос, Роберт: для чего ты поддерживаешь американское правительство? Какой идеал у тебя на первом плане? Не говори: «Свобода», так как свобода — это слово, которое всегда использовали все народы. Спроси меня, и я отвечу, что борюсь за коммунизм.

Я не скажу, что твои внуки будут жить при коммунизме, сам поинтересуйся историей, посмотри на карту мира! Америка — умирающая страна, я не хочу в этом участвовать и не хочу быть инструментом ее военной агрессии.

Это должно дать ответ на твой вопрос и дать представление о моем образе мыслей.

Эти слова наводят тебя на мысль о рабах или несправедливости — из-за американской пропаганды.

Ты говоришь о преимуществах. Ты думаешь, я здесь ради этого? Ради личных, материальных выгод? Счастье — не личное дело, это не маленький дом, возможность всё брать и получать. Счастье — это участие в борьбе, в которой нет границ между личным миром и миром в целом. Я никогда не считал, что на этом этапе развития найду больше материальных выгод в Советском Союзе, чем в США.

Я был настроен прокоммунистически много лет, хотя никогда не встречал ни одного коммуниста. Вместо этого я хранил молчание и наблюдал, и то, что я увидел, плюс мое изучение Маркса, привело меня в Советский Союз. Я всегда считал эту страну своей.

Здесь хорошие, теплые, живые люди. Они хотят, чтобы все народы жили в мире, но одновременно они хотели бы видеть свободными экономически порабощенных людей Запада. Они верят в свои идеалы и готовы постоять за свое правительство и страну до конца.

Ты говоришь, что не отказывался от меня, хорошо, я рад, но вот тебе мои условия. Я хочу, чтобы ты понял, что я сейчас скажу, и я не говорю это легко или не подумав, потому что я, как ты знаешь, служил в армии и знаю, что такое война.

1. Если будет война, я убью каждого американца, который наденет военную форму для защиты американского правительства — любого американца.

2. По своему внутреннему убеждению у меня нет никакой привязанности к США.

3. Я хочу и буду иметь нормальную, счастливую и мирную жизнь здесь, в Советском Союзе, до конца своей жизни.

4. Моя мать и ты не являетесь объектами моей любви, а только примерами рабочих в США.

Не пытайся вспомнить, каким я был, ибо только теперь я показываю тебе, какой я. У меня нет горечи или ненависти, я приехал сюда, только чтобы найти свободу. Говорю правду, я чувствую, что наконец я со своим народом.

В Москве сейчас идет снег и всё выглядит очень красиво. Я вижу Кремль и Красную площадь, и я только что поужинал mjaso и kartofel, мясом и картофелем. Как видишь, русские не так уж сильно отличаются от тебя и меня.

Ли.

В письме Освальд выделяет несколько слов, одно из выделений — «убью каждого американца». Каждый — это и брат.

Попытка вскрыть себе вены в свете манифеста в конверте выглядит не как акт отчаяния, а как мужественный шаг революционера, жизнь которого не имеет смысла вне борьбы за его идеалы.

Такие натуры бродят по всей истории человечества, и, несмотря на всю свою призрачность, покидают следы, которые потом долго не смываются.

ВСТРЕЧА С ДЗЕРЖИНСКИМ

Знаменитый совет трех обезьян: не видеть, не слышать и не говорить — относится к вещам нехорошим и неправильным. Но поди разберись в двадцать лет, если языка не знаешь, архитектура вокруг изобильная, а мороженое — сладкое.

В последний день 1959 года Освальд берет такси, едет в американское посольство, чтобы заявить об отказе от гражданства и сдать паспорт.

Консул Ричард Снайдер уже имел дело с несколькими подобными случаями. За три месяца до Освальда, в августе 1959-го, в Москву как турист прибыл американец Николас Петрулли. Ему пришло в голову, что хорошо бы остаться, получить гражданство и какую-нибудь работу. Языка Петрулли не знал, квалификации и образования не имел, денег тоже. От гражданства он успешно отказался, несмотря на уговоры Снайдера, но, когда его стали выселять из гостиницы, захотел домой. Госдепартамент смог отменить отказ от гражданства, квалифицировав его как деяние психически неполноценного человека, и таким способом вернул Петрулли в Америку.

Еще один путешественник, Роберт Вебстер, прибывший в Москву за полгода до Освальда, влюбился в официантку ресторана «Украина», о чем сообщил американской жене с двумя детьми и посольству, сдал паспорт, но был послан на жительство в Ленинград. Вскоре стал проситься обратно, процедура, как и у Освальда, заняла больше года, и в мае 1962 г., одновременно с Освальдом, вернулся в США — оставив официантку с новорожденной дочкой в Москве.

Снайдер выслушал Освальда и попробовал объяснить, что так такие дела не делаются, но после громкого скандала паспорт вынужден взять.

Тогда же Освальд дал самое долгое интервью в своей жизни. Американская журналистка Присцилла Джонсон (по мужу Макмиллан) работала в Москве внештатным корреспондентом американского газетного синдиката и жила, как и Освальд, в отеле «Метрополь».

Знакомый из посольства рассказал ей о молодом перебежчике, и она захотела взять интервью. Освальд согласился, надел костюм (в публикации есть детали: костюм из темно-серой фланели, темный галстук, кашемировый свитер, глаза голубые, волосы коричневые, рост метр восемьдесят), пришел к ней в номер и с готовностью отвечал на вопросы. Разговор продолжался с девяти вечера до двух утра. Диктофона у Макмиллан не было, она делала пометки.

Освальд удивил ее тем, что гордился первым самостоятельным поступком в Москве — один вышел из гостиницы «Берлин» и сам дошел до универмага «Детский мир».

«Детский мир» стоял на площади имени Дзержинского. Немногим менее чем за год до приезда Освальда в центре площади воздвигли памятник основателю ЧК-КПУ-НКВД-KGB, а за спиной нержавеющего Феликса высился массивный восьмиэтажный дом, на который Освальд не обратил внимания. Может, потому, что не интересовался архитектурой. Но вся его советская эпопея будет связана именно с этим домом: здесь будут рассматривать его просьбу остаться в СССР и получить гражданство, здесь решат отказать, но примут решение отправить в Минск, а потом разрешат вернуться в Америку, здесь на протяжении десятилетий будут храниться сведения о каждом дне

его жизни, о его разговорах с дипломатами в посольстве и с женой в постели[2].

Не заметив KGB, Освальд купил мороженое и вернулся в гостиницу. Макмиллан отметила странное сочетание инфантилизма и решимости — всё же далеко не каждый был способен на такой шаг, как отказ от гражданства и переезд в чужую неизвестную страну. Потом она напишет:

Когда наша беседа подходила к концу, у меня возникло ужасное ощущение тщетности. Его ждало, я была уверена, разочарование. Когда мы прощались, я пригласила его заглядывать в гости. Русские меня предупредили, ответил Освальд, чтобы я не разговаривал с американцами. Но перед тем, как закрыть дверь, он пообещал не делать никаких решительных шагов, не сообщив мне. Через два дня я спустилась на второй этаж и спросила у дежурной, где Освальд. Он уехал, ответила она.

Впоследствии Макмиллан познакомится и подружится с вдовой Освальда, и в 1977 году увидит свет ее книга «Марина и Ли». Но основы освальдоведения Макмиллан заложила еще в Москве.

4 января 1960 года Освальда вызывали в ОВИР и выдали документ для лиц без гражданства. Сотрудник сообщил, что местом жительства определен Минск.

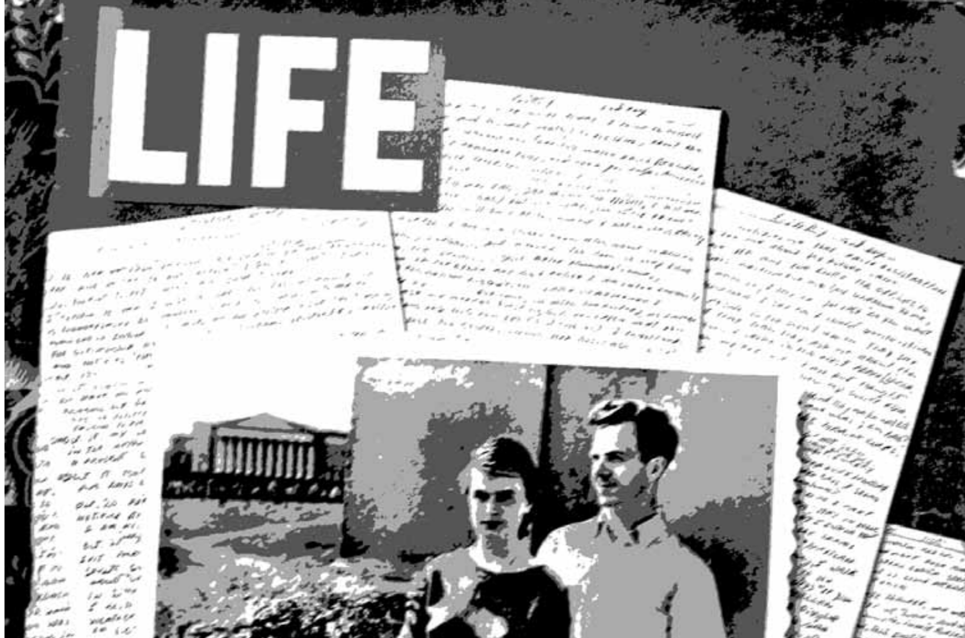
ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
5 января 1960

Я спрашиваю: это в Сибири? Он смеется.

Этот первый смех в истории Освальда и можно считать началом нашей поэмы.

---

2 По оперативным данным, архитектора мавзолея Алексея Щусева, перестраивавшего здание KGB после войны, в печати хвалили за «своеобразную трактовку русской национальной архитектуры» и создание правдивого образа административного здания «не аскетического, не сурового, а свидетельствующего об изобилии духовной и материальной культуры». Для справки: сам Щусев, по некоторым сведениям, допускал враждебные заявления: «Попросили меня построить застенок, ну я и построил им тюрьму повеселее».

ДНЕВНИК С ИСТОРИЕЙ

На бумаге все хорошие мысли приобретают силу, а плохие — теряют. Это гуляющее в интернете разъяснение, почему надо вести дневник, впечатляет своим чудовищным оптимизмом.

После ареста Освальда полиция нашла записи под заглавием «Исторический дневник»[3].

Вся историческая история уместилась на двенадцати страницах, охватывающих события от приезда в Москву в октябре 1959 года до минского марта 1962 года. Последние три месяца

---

3 По оперативным данным, первая публикация «Дневника» в СССР состоялась в 1990 г. в минском журнале «Родник», всесоюзный тираж составил 400 тысяч экземпляров. Доступа к оригиналу А. Л-к тогда не имел и делал перевод по публикации «Полный Русский Дневник Освальда» в журнале «Life» за 1964 г. В американской публикации и в переводе имена знакомых Освальда в СССР были изменены.
Для справки: для данной поэмы А. Л-к сделал новый полный перевод с оригинала, но аутентичную орфографию («Идеот» вместо «Идиот» и прочую подобную красоту) не передал.

перед отъездом в Америку записи не велись — но большинство страниц посвящены событиям, происходящим в Минске.

Дневник пестрит грамматическими ошибками, непоследователен, содержит большие пробелы и поздние дополнения, иногда события нескольких недель описаны в один присест. Действительно ли это дневник?

Ответ дает сам текст: это такой дневник.

Записи организованы хронологически, но велись неритмично, иногда запоздало, с пропусками, даты бывают смещены. Не классика жанра. И правописание модернистское — буквы переставлены, пропущены, имена искажены, много сокращений, знаки препинания то появляются, то исчезают.

У Освальда была дислексия — он не мог грамматически правильно писать. Но на правдивость дислексия не влияет. Как и время, когда записи делаются. И ошибки, когда они встречаются, — всего лишь ошибки, а не подделка, неумелая или, наоборот, слишком умелая.

Дневники нередко рассказывают об авторах и их жизни больше, чем они сами подозревают, и меньше, чем думают. Это не столько текст, сколько ноты, и звучание произведения зависит от прочтения его исполнителем. И акустики времени.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
7 января 1960

Выезжаю поездом из Москвы в Минск, Белоруссия. Счет за гостиницу был на 2200 рублей, билет до Минска — 150 рублей, таким образом, у меня много денег и надежды. Я написал брату и матери письма, в которых сказал: «Я не желаю никогда больше с вами контактировать. Я начинаю новую жизнь и не хочу ничего со старой».

Мать и брат оставались в прошлом, с собой были деньги и надежда, впереди был Минск.

Под стук колес на полке в ночном поезде спит пассажир, а тем временем сбывается его мечта: из иностранного туриста и лица без паспорта он превращается в нового человека — жителя столицы одной из провинций коммунистической импе-

рии и члена советского рабочего класса, самого передового, как писали тогда газеты, класса современности, которому принадлежит будущее.

Он начинает новую жизнь и ничего не хочет со старой. Так, забыв о своем существовании в виде личинки, гусеницы и куколки, мог бы думать оптимистический мотылек.

Если бы думал.

К НАМ ЕДЕТ ФРЕЙД

Все говорят: Минск, Минск.

Американцы, выехавшие из этой черты оседлости, слышали про него, даже если ни разу не видели. Все оттуда прибывшие привезли с собой в Америку корневую рифму «Минск — Пинск». Все американские учебники географической ностальгии едины в том, как с севера ли, юга ли, запада ли, востока ли — всё равно откуда — попадают в это место:

— Куда вы едете?

— В Минск.

— Вы специально сказали «в Минск», чтобы я подумал, что в Пинск. Но я-то знаю, что на самом деле в Минск. Что вы мне голову дурите!

Маршрут «Минск — Пинск» был любимым примером подсознательного австрийца Зигмунда Фрейда, он вписан золотым венским пером в его книги и лекции по психоанализу. И с тех

пор этим путем путешествуют академики и комики, отчисленные за загулы студенты и профессора со всего мира[4].

Пока Фрейд везет Освальда в Минск, наша поэма поедет навстречу: в Вашингтон, в Вашингтон, в Вашингтон!

Уже более полувека Минск рифмуется с Вашингтоном, как никакой иной город в мире, и никто до нашей поэмы не знал об этой рифме, хотя так никогда и не бывает.

Но факты, факты!

Вначале человек с минской пропиской пересекается с 35-м президентом США и в Белом доме образуется вакансия.

Следующий, 36-й президент США Линдон Джонсон, занявший Овальный офис благодаря этому минчанину, отказывается идти на вторые выборы.

37-й президент Ричард Никсон через шесть недель после визита в Минск отправляется в отставку.

В минской поездке Никсона сопровождал политик Патрик Бьюкенен, который потом трижды участвовал в выборах, пытаясь стать президентом США — впустую.

38-й президент Джеральд Форд, поселившийся в Белом доме в результате отставки Никсона, еще раньше едва не поплатился за свою связь с Минском. Форд был членом комиссии Уоррена и написал книгу об Освальде, вышедшую в 1965 году. Во время утверждения в сенате на должность вице-президента, с которой Форд вступил в Белый дом, он должен был оправдываться за включение в свою книгу материалов закрытых слушаний комиссии Уоррена.[5]

---

4 По оперативным данным, «Стэндфордская энциклопедия философии» приводит диалог «Минск — Пинск» в главе «Определение лжи и обмана» как иллюстрацию двойного обмана, не являющегося неправдой.
Для справки: смотрите дальше сами, ей-богу: https://plato.stanford.edu/entries/lying-definition/

5 По оперативным данным, в книге «Портрет убийцы» автор утверждал, что «монументальный отчет Президентской комиссии будет стоять в веках как Гибралтар литературы факта». В 2007 г. вышла посмертно еще одна книга Форда на ту же тему — комментарий к отчету Уоррена.
Для справки: в критическом обзоре литературы об убийстве Кеннеди аналитик ЦРУ оценил первую книгу Форда как «перелицовку отчета комиссии в слишком вольном стиле».

Свои первые и единственные президентские выборы через два года Форд проиграл.

39-й и 40-й президенты обошли Минск стороной, и у них более-менее всё обошлось.

41-й президент Билл Клинтон посещает Минск в 1994 году — и получает импичмент.

Первая леди Хиллари Клинтон провела тогда в Минске даже не целый день, всего шесть часов — и дважды потерпела неудачу. Двери Белого дома не открылись для нее, даже когда она набрала почти на три миллиона голосов больше соперника.

Страшное слово просится с клавиатуры на страницу — карма.

НАКАЗАНИЕ ПЕРЕД ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Если вам не повезет и вы в молодости будете жить в Минске, то, где бы вы ни были потом, он останется с вами до конца ваших дней, потому что Минск — это наказание, которое всегда с вами.

Через четыре года после приезда Освальда вопрос о Минске прозвучал в Вашингтоне на заседании Президентской комиссии, расследовавшей убийство Кеннеди, — «комиссии Уоррена».

Вопрос был адресован дипломату американского посольства в Москве Ричарду Снайдеру, который занимался документами Освальда:

Конгрессмен Форд: Если бы вы тогда знали, что Освальд будет в Минске, что бы вы сказали?

Снайдер: Так ему и надо.

Конгрессмен Форд: Почему вы так говорите?

Снайдер: Вы никогда не были в Минске. Города в провинции в Советском Союзе стоят существенно ниже, чем столица, а столица, поверьте мне, — значительно ниже, чем любой американский населенный пункт. Различие между крупными городами и малыми, и между малыми и деревнями — это огромный шаг назад во времени.

Жить в Минске или любом другом провинциальном городе в Советском Союзе — довольно мрачный опыт для любого, кто жил в нашем обществе.

Конгрессмен Форд: Вы когда-нибудь были в Минске?

Снайдер: Я провел около часа в Минске, гулял однажды между поездами.

Форд до Минска не доехал. А вот его предшественник в Белом доме, как указывалось выше, столицу Беларуси посетил.

Ричард Никсон встречался с генеральным секретарем ЦК КПСС Брежневым в Крыму и оттуда вместе с женой на два дня прилетел в Минск на торжества по случаю 30-летия освобождения Беларуси от немецкой оккупации. Посмотрел парад, возложил цветы, американских гостей свозили в мемориальный комплекс «Хатынь». Западная печать писала тогда о Хатыни как о сознательной подмене Катыни, где НКВД расстрелял тысячи польских офицеров.

Никсон заметно хромал — у него обострился тромбофлебит на левой ноге, в Вашингтоне приближалась кульминация уотергейтского скандала, до позорной отставки оставалось полтора месяца...

Никсон был на площади Победы, куда ежедневно ходил Освальд, но вряд ли ему показывали здание по соседству, где жил убийца его бывшего соперника на выборах.

В 1959 году, когда избиратель Освальд был уже в СССР и не голосовал, Никсон проиграл президентские выборы Джону Кеннеди — всего 0,17 % голосов. Если бы выиграл — у Освальда могла быть другая мишень.

Марина Освальд позже расскажет следователям, что муж действительно собирался при случае убить Никсона. Такой случай представился в апреле 1963 года, когда газеты написали, что бывший вице-президент посетит Даллас. Освальд надел костюм и подготовил оружие, а на вопрос встревоженной Ма-

рины ответил, что приезжает Никсон и он будет действовать по обстоятельствам. Марина позвала мужа в ванную комнату, закрыла дверь, схватила, он вырывался, она плакала, пока Освальд не сник и не пообещал ничего не предпринимать. Никсон визит в Техас тогда отменил.

Вся сага о намерении покушения подробно, на десятках страниц, изложена в документах комиссии Уоррена, о ней писала пресса, и Никсон, главный ее герой-мишень, наверняка был знаком с планами Освальда.

Минск стал последним городом за границей, который посетил Никсон-президент. На официальном обеде во время обмена тостами американский президент пошутил, что Брежнев послал его в Минск из-за того, что тут живет гимнастка Ольга Корбут, олимпийская чемпионка.

А мог и об Освальде пошутить.

Скандал был бы — не слабее, чем Уотергейт.

ШЕЛ-ШЕЛ И ПРИШЕЛ

Вначале вообще-то было дело.

Но чтобы не обидеть верующих в традиции, начнем со слова: одновременное пребывание двух или нескольких субъектов в одном месте называется встречей.

Хотя Освальд в СССР был объектом, в Минске его встречали.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
7 января 1960

Приезжаю в Минск, встречают две женщины из Красного Креста. Идем в гостиницу «Минск», получаю номер, знакомлюсь с Розой и Стеллиной, двумя сотрудницами «Интуриста» в отеле, которые говорят по-английски. Стеллине за 40, красивая, замужем, маленький ребенок, Розе около 23, блондинка, привлекательная, не замужем. Отличный английский, мы сразу понравились друг другу.

Стеллина потом будет вспоминать, что это был день ее рождения, и на самом деле ей было «за 30», но дежурное знакомство

с Освальдом впоследствии заставит ее бросить работу, квартиру и вместе с семьей уехать из Минска. А вот привлекательная Роза, хоть и будет ходить с Освальдом на свидания, но не даст поцелуя без любви, и свою интуристскую карьеру не испортит и даже упрочит.

А самая удачная для американца встреча произойдет уже на следующий день, когда он окажется в одном месте с председателем столичного горисполкома — в его кабинете.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
8 января 1960

Встречаюсь с мэром города товарищем Шараповым, который приветствует меня и обещает «вскоре» найти для меня бесплатную квартиру, предупреждает о «некультурных людях», которые иногда оскорбляют иностранцев.

Поход в горсовет и встреча с председателем были организованы еще в Москве, и подготовленный там сценарий для Освальда в Минске разыгрывается без отклонений.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
09.01.60
08:00—23:00

В 10 часов Ли Харви вошел в фойе отеля «Минск», подошел к администратору и начал о чем-то разговаривать. Потом поднялся в фойе 4-го этажа, сел и вступил в разговор с переводчицей Таней, к которой присоединилась еще одна работница отеля. После разговора, который длился около 40 минут, Ли Харви вернулся в свой номер 453.

В 11:40 Ли Харви вышел из отеля и быстро пошел вниз по улице Свердлова в гастроном. Внутри он обошел прилавки, бегло осмотрел выставленные продукты, после чего вышел и направился по улице Кирова на перекресток до вокзала, остановился, осмотрел витрину технического отдела Белорусской железной дороги, затем подошел к ресторану «Радуга», постоял там, после пошел в гастроном на улице Кирова. В дверях рассматривал людей, входивших за ним. Прошел по магазину, вышел, ничего не купив, и прямо пошел в книжный магазин, где прошел через

все отделы без остановки, затем вышел и быстро ушел. Вернулся в гостиницу в 12:25.

16:40. Ли Харви вышел из номера и спустился в ресторан «Минск». Сел за свободный столик и стал ждать официантку. (Наблюдение в ресторане не велось, так как было мало людей.)

Вышел из ресторана через 45 минут и поднялся в свой номер. Не выходил из номера до 11:00 вечера, и наблюдение прекращено до следующего утра.

Пошел, вошел, обошел, прошел, вышел, зашел — этот примитивный, как движение насекомого, текст цитируется здесь не по первоисточнику.

Но этот первоисточник был, да еще как; он есть, только поди возьми; он будет, потому что написанное его авторами остается, даже когда рукописи сгорают.

Назывался он по-канцелярски сухо, по-художественному многозначительно, по-медицински бесстрастно, по-прокурорски зловеще, по-житейски просто: дело.

Потом будут слова, но вначале было «Дело».

СТРОГОЕ СОВЕРШЕНСТВО

Когда слова не поспевают за делами, это называется жизнь. А в жизни, когда практика опережает теорию, надо догонять, иначе веры не будет.

Практика агентурной разработки Освальда опередила чекистскую теорию на десять лет. Только в 1972 году Высшая краснознаменная школа KGB при Совете Министров СССР имени Ф. Э. Дзержинского совершенно секретным тиражом, но пронумеровав каждый экземпляр, выпустило для своих практических и теоретических работников «Контрразведывательный словарь».

Всего в словаре 371 страница, от «абвера» до разных «явок». На «О» слова «Освальд» нет, но есть больше сотни иных терминов, особых, как отдел, неуловимых, как одорология, загадочных, как оу-эн-ай. И как оборона, необходимых для дальнейшего безопасного чтения.

Вот только понятия, начинающиеся с прилагательного «оперативный»:

версия, войсковая группа, группа при военных комендатурах, группа специального назначения, деятельность, документирование, защита войск, звукозапись, игра, информация, карта, комбинация, наблюдение, обстановка, объект разработки, окружение, опрос, оценка информации, подборка, подготовка открытых мер пресечения подрывной деятельности противника, подслушивание, предупреждение подрывной деятельности противника, проверка, радиообстановка, радиосвязь, разработка, реализация дела, силы, средства, техника, установка, штаб[6].

Термины отбирали из приказов, инструкций, указаний, обзоров и ориентировок предыдущих лет, а также, как указывают авторы, учитывались предложения с мест. То есть с Освальдом работали именно по этому словарному запасу, иногда уточняя терминологию. Так, заведенное на Освальда после его приезда в СССР «Агентурное дело» в тот же год приказом КГБ при Совете Министров СССР было переименовано в «Дело агентурной разработки», а после стало «Делом оперативной разработки». Понятия «Архивное дело» в словаре не существует.

На одном дыхании дать на экзамене ответ, что такое «оперативная разработка» даже в «узком смысле», как гуманно обозначено в «Контрразведывательном словаре», сможет даже не каждый отличник — выпускник минской школы KGB. Вдохните и попробуйте:

В узком смысле — форма оперативной деятельности, которая проводится в отношении конкретных лиц (групп), подозреваемых в причастности или причастных к подготовке или совершению государственных преступлений, и целью которой является наиболее полное вскрытие преступной деятельности разрабатываемых и подготовка мер ее пресечения.

Форма этой деятельности в отношении Освальда сузилась до наблюдения, но не простого, а тоже оперативного:

---

6 По оперативным данным, А. Л-к так и не понял, куда включить термин «окраска дел оперативного учета».
Для справки: «Словарь» хранится по адресу genocid.lt/KGB/ci_dictionary.pdf.

Наблюдение оперативное — метод оперативной деятельности, заключающийся в получении фактической информации путем организованного, систематического, конспиративного восприятия с помощью оперативных сил и средств внешних проявлений подрывной деятельности в момент ее совершения. Н.о. делится на следующие виды: оперативное подслушивание (акустическое наблюдение), визуальное (оптическое) наблюдение, наблюдение в невидимых лучах (инфракрасные лучи и тепловые эффекты), радиоконтрразведывательное наблюдение (радиотехническое наблюдение), агентурное наблюдение.

Теперь опять наберите воздуха и задержите дыхание, чтобы не спутать последующее наблюдение с предыдущим:

Наружное наблюдение (НН) — негласное наблюдение за поведением и действиями разрабатываемых и других интересующих органы госбезопасности лиц во время их нахождения на улице, в общественных местах или при передвижении на транспорте, осуществляемое силами разведчиков службы наружного наблюдения органов KGB по заданию оперативных подразделений.

В процессе НН решается ряд задач: выявление, документирование, а при наличии специальных указаний и пресечении подрывной деятельности объектов наблюдения, выявление и установление их связей, контроль за действиями агентов или негласная их охрана и т.п.

По форме организации НН подразделяется на: стационарное НН, подвижное НН и наблюдение зональное (поэтапно-территориальное). Существует два способа НН (наблюдение сопровождающее и наблюдение встречное) и несколько приемов НН («цепочка», «вилка», «лидирование», наблюдение по параллельным улицам, опережение и др.).

Всего «Контрразведывательный словарь» различал одиннадцать типов наблюдения — больше, чем известно лепидоптерологии и астрономии, вместе взятым. А было, наверно, еще больше.

Авторский коллектив «Словаря» насчитывает 144 чекиста, а редакторская коллегия — 17 человек, плюс два книжных редактора и один литературный — по семь авторов на редактора. Борьба шла за каждое слово. Оно и понятно, если десятилетиями смотреть на плакат: «Не болтай!» — не только говорить, но

и писать разучишься. Макет книги был готов уже в 1969 году, потом еще три года дорабатывали.

И то генерал-полковник С. Цвигун указывал в предисловии, что словарь не свободен от недостатков.

Главным из них, как свидетельствует история Освальда, является разница в скоростях жизни и наблюдения. Над этой проблемой бьются лучшие теоретические умы спецслужб всего мира, от KGB до ФБР, от ФСБ до Интеллидженс сервис. В общем, как пишет краснознаменная редколлегия: «Вследствие недостаточно высокого уровня разработки чекистской теории объяснение отдельных терминов нельзя признать окончательным».

Не станем спорить с этим признательным показанием.

Окончательным не является даже конец[7].

7 По оперативным данным, А. Л-к трижды пытался вставить в эту главу принцип неопределенности Гейзенберга и эффект наблюдателя.
Для справки: А. Л-ку трижды было разъяснено, что это поэма, а не Википедия и не справочник по оккультизму, и трижды произведено изъятие.

ДЕПУТАТ ИДЕТ В KGB

Демократия — как пицца: она хороша, если не остыла.

Поскольку закон «вынь да положь» в отношении советского архивного прошлого действует избирательно, точно известно только о двух гражданах Беларуси — не кадровых чекистах, которые держали «Дело № 34451» в руках.

Первый из них — журналист Сергей Наумчик, в начале 1990-х годов — депутат Верховного Совета Беларуси, секретарь парламентской комиссии по делам средств массовой информации, гласности и прав человека[8].

Он пишет в своих воспоминаниях:

---

8 По оперативным данным, в 1992 году, во время распития чая в кабинете депутата Наумчика С., А. Л-к рассказал последнему о своих знакомых американских тележурналистах, собиравшихся снимать в Минске документальный фильм об Освальде. А. Л-к высказал мнение, что и депутату будет интересно ознакомиться с «Делом Освальда».
Для справки: со вторым гражданином, листавшим дело Освальда, А. Л-к ничего никогда не пил, поэтому он только упоминается на этой сранице.

Как-то я получил просьбу от американской телекомпании PBS помочь со съемками в Минске, связанными с Освальдом. Я написал официальный запрос председателю Верховного Совета Беларуси Станиславу Шушкевичу с просьбой помочь американцам и также предоставить доступ к «Делу Освальда» и мне.

В то время KGB напрямую подчинялся Верховному Совету и его председателю — другого начальства над комитетом в независимой Беларуси не было. Кроме того, согласно законодательству, депутаты имели доступ во все государственные органы и ко всем документам. Ведомственные инструкции KGB ограничивали круг лиц, допущенных к секретам. Но закон выше.

Я считал, что, если Шушкевич даст прямое указание руководству KGB, у меня будут реальные шансы получить доступ. Через несколько дней помощник председателя ВС показал мне резолюцию на моем обращении: «Э. Ширковскому — С. Шушкевич».

И — всё. Мол, пусть председатель KGB решает.

В перерыве сессии Верховного Совета к Наумчику подошел тоже депутат, заместитель председателя KGB генерал Геннадий Лавицкий и ошеломил новостью: вот ты, Сергей, пишешь просьбы Шушкевичу, а в Минске полным ходом работает американский писатель Мейлер, приходит в клуб Дзержинского — и ему дают документы из «Дела», водят минских знакомых американца.

Неожиданную новость депутат воспринял спокойно, так как считал, что кто-кто, а американцы имеют моральное право получить информацию о том, кто признан убийцей их президента. Он также считал, что и белорусские исследователи имели право на эту информацию:

После «никакой» резолюции Шушкевича оставалось ждать решения генерала Ширковского, последнего главы KGB в БССР и первого его руководителя в независимой Беларуси. Дать определенную (разумеется, не всю) информацию из «Дела Освальда» белорусскому исследователю, да еще с демократическим имиджем, да еще тому, кто, согласно законодательству, имеет на это право, — означало еще и возможность снять упреки KGB за допуск Мейлера. Ну и, возможно, не последнюю роль играл мой статус координатора парламентской оппозиции БНФ — работа та-

кого депутата в архиве KGB наилучшим образом свидетельствовала бы о степени демократизации органов (и делала проблематичной критику депутатом деятельности KGB хотя бы на время этой работы). Так или иначе, Ширковский положительно отнесся к моей просьбе, и где-то весной 1993 года в кабинете начальника архивного управления Александра Вереса мне показали то, что называется «Делом Освальда».

До Сергея Наумчика никто из гражданских исследователей, отечественных или иностранных, никогда не держал в руках и не листал «Дело агентурной разработки № 34451». Это — первое полное его описание:

На тележке привезли пухлые тома и положили их на стол. Томов было семь. Последний, седьмой, полностью состоял из переписки по поводу выдачи материалов дела исследователям, а самым последним подшитым документом было мое письмо Шушкевичу на депутатском бланке.

Был том, который начинался вырезкой из газеты (кажется, «Известия») с портретом Кеннеди в траурной рамке; были вырезки из других газет. Мне показали запрос по правительственной связи (ВЧ) в KGB БССР об Освальде, сделанный сразу после убийства Кеннеди, и ответ — справку, опять же по ВЧ, с подписью председателя KGB Петрова. И там же — машинопись статьи за подписью АПН «Так что же делал Освальд в Советском Союзе?» с поправками от руки. Отдельный том составляли материалы, связанные с выездом Освальда и Марины Прусаковой из СССР: переписка с ОВИРом, какие-то справки.

Еще один том содержал материалы, изъятые из различных учреждений, которые имели отношение к Освальду, — я заметил его медицинскую карту. Но, конечно, наиболее интересными были тома «оперативной разработки» Освальда — донесения приставленных к нему агентов (помню фразу «и быстрым шагом пошел»), стенограммы разговоров. Одного взгляда на какой-то текст хватило, чтобы понять, что квартира Освальда в Минске прослушивалась. Я заметил расшифровку в форме диалога «Он-Она-Он-Она».

На некоторых листах в машинописном тексте были прочерки, в которые чернильной ручкой вписаны слова. Были даже тексты записок, извлеченных из помойки. Отдельный том состоял из конвертов с магнитофонными лентами и фотонегативами (35-миллиметровки, нарезанные по 4–5 кадров). Так, в одном конверте лежали негативы со свадьбы

Освальда — как мне объяснили, сделанные скрытой камерой. Магнитофонные ленты были преимущественно без бобин. Были и письма — Освальду и от Освальда, из Минска и из Америки. Я заметил конверт, от которого была оторвана «с мясом» почтовая марка, — надо думать, кто-то из тогдашних сотрудников KGB увлекался филателией и оторвал для коллекции.

Филателистические страсти оказались сильней, чем государственная безопасность. Ну а если бы там были микроточки или какой-нибудь специальный код, как показывают в кино? Куда только вся хваленая бдительность делась!

Оказалось — никуда не делась.

ДЕПУТАТ ПРИШЕЛ В KGB

Оно, может, Хичкок и прав, и нет ничего страшнее закрытой двери, но и полуоткрытая ненамного лучше.

Сергей Наумчик заметил, что некоторые фамилии в рапортах заклеены полосками бумаги:

— Это так готовили документы для Мейлера? — спросил я у Вереса.

— Что вы, Мейлеру ни одного документа отсюда не попало — ответил полковник. — Сергей Иосифович, в общем-то вы первый, кто держит в руках эти папки. Если не считать наших сотрудников, разумеется.

Депутату объяснили, что два обстоятельства препятствуют выдаче этих томов в его полное распоряжение: фамилии секретных сотрудников и методы оперативной работы.

— Я тебе скажу по-простому, — объяснял мне коллега-депутат, он же зампред KGB Лавицкий в своем кабинете под портретом Дзержинского. — Начиная с создания «органов», с 1917 года, мы не раскрыли ни од-

ного имени ни одного агента. Это гарантия нашей работы. Ведь если бы раскрыли — как бы мы сегодня привлекали новых агентов?

Сергей Наумчик вновь пошел к Ширковскому. Беседа состоялась в начале мая 1993 года в кабинете председателя на третьем этаже здания KGB. Ширковский позвонил Вересу:

— Здесь у меня депутат Наумчик. Так вы ему всё показали? Да, он мне сказал, что ты показал, и поблагодарил. Но понимаешь, там большая работа. Давай-ка ты вот что. Нужно включаться. Ну что это, американцы там приезжают, пишут. Что, у нас нет нормальных журналистов вообще? Есть вопросы, давай посмотрим и будем искать. По Костюкову. Что, ты его найти не можешь? Ищи. Ты передай извинения, что я тогда на них всех взвился, когда американец приезжал. А то, знаешь, приехал американец, посадили его в этом клубе Дзержинского, водили всех туда.

Ширковский пообещал Наумчику содействие, назвал фамилию оперативника, который занимался Освальдом, — Костюков, приказал привлечь его на помощь депутату.

— У нас еще много недалеких людей в аппарате, — сказал Ширковский на прощание. — Тебе еще придется обратиться ко мне по этому делу. И, поверь, не один раз.

Как в воду смотрел.
Или в зеркало[9].

---

9 По оперативным данным, газета «Известия» от 6 августа 1992 г. цитирует заявление Э. Ширковского о том, что ему предлагали 50 миллионов долларов за «Дело Освальда».
Для справки: блокнот Джона Кеннеди 1960 г. с набросками речей продается за 20 000 долларов. В декабре 2010 г. на аукцион был выставлен оригинальный сосновый гроб Освальда (после эксгумации останки перезахоронили в другом гробу), который купили за 87 469 долларов. По мнению А. Л-ка, цифра в полсотни миллионов — галлюцинация или дезинформация. Хотя он же допускает, что эта цифра — маркетинг и коммерция. По результатам исследования рынка летом 1993 г. генерал-полковник Ширковский Э. сделал заявление для печати, в котором разъяснил, что «KGB — не изба-читальня».

ДЕПУТАТ ВЫШЕЛ ИЗ KGB

Утраченные возможности впоследствии называются иллюзиями. Но впоследствии многое называется не так, как вначале.

Следующие несколько месяцев Сергея Наумчика были похожи на песенку про сороку, которая кашку варила, деток кормила:

Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не дала.

Сначала мне сказали, что дадут всё — за исключением фамилий информаторов. «Этому Мейлеру наговорили 40 процентов лжи, а у вас будут правдивые факты», — пообещал мне Верес. Потом — что нужно пропустить каждый документ через специальную ведомственную комиссию по рассекречиванию, в которой были ветераны KGB. Потом сказали, что поскольку там ветераны, то трудно оперативно всех собрать.

Депутата, как и обещали, однажды свели с полковником в отставке Костюковым, куратором Освальда. Во время единственной встречи Костюков повторил Наумчику то, что уже говорил Мейлеру: у него было две задачи — выяснить, не является ли Освальд агентом ЦРУ и нельзя ли его завербовать в интересах KGB. На оба вопроса получили отрицательные ответы: Освальд, по своему характеру, не представлял интереса для спецслужб.

На тот момент Костюков был самым ценным потенциальным источником, которого, по-хорошему, надо было разрабатывать, снимать показания, проводить очные ставки, выезжать на место действия, ставить следственные эксперименты, поить чаем с гинкго билоба или что там еще помогает памяти, чекисты лучше знают — но депутат занят был другими делами[10].

Потом возникла новая пауза, так как ответственный сотрудник KGB попал в больницу.

— Трагическая история, — объяснил мне Лавицкий. — У полковника была дача, он туда не ездил: нет времени, горит человек на работе. Ответственный офицер, профессиональный чекист. А жена пилит и пилит его: мол, соседи помидоры-огурцы сажают, а у нас сорняки. Ну, отпросился он у меня, взял три дня отпуска за свой счет. Поехал на дачу. Три дня копал-пахал, всё вспахал, посадил. Оказалось — не свой участок запахал, а соседей. Он к соседу (тоже чекист) — вспаши, говорит, теперь ты мой участок. А сосед: «А я что, тебя просил мой пахать?». Разволновался, давление поднялось, теперь вот в больнице...

Дачная драма настолько красивая, что депутат не исключал, что настоящая.

Однажды возникла новая преграда. Руководство KGB внезапно обеспокоила юридическая сторона депутатского интереса: а не затаскает ли по судам белорусского гражданина Марина Прусакова-Освальд-Портер, если он обнародует определенные

---

10 По оперативным данным, С. Наумчик горячий чай не любил.
Для справки: в указанный период депутат участвовал в разработке и утверждении 107 законопроектов, выступил 362 раза от микрофона № 3, провел 412 встреч с избирателями, подписал 1 килограмм 600 грамм заявлений от имени парламентской оппозиции.

эпизоды ее частной жизни, подслушанные и подсмотренные органами?

Затем Сергею Наумчику предложили сосредоточиться на нескольких тематических блоках — например, был ли Освальд агентом KGB?

— Но вы же понимаете: чтобы писать, что Освальд не был агентом, я должен иметь доказательства. А доказательства — это материалы дела, — ответил я.

— Да поверьте, не был!

— Могу поверить. Но почему вы думаете, что другие мне поверят? Давайте материалы!

Далее опять — обещания, временные проблемы, серьезные причины.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы и, после аборта референдума о досрочных выборах, к середине 1993 года в стране поменялось не только будущее, но и прошлое.

Походы Сергея Наумчика закончились тем, что ему дали ксерокопии (не на вынос, а переписать) нескольких документов об отъезде Освальдов в США, в том числе заявление в ОВИР с визой министра внутренних дел Александра Аксёнова.

И это, как вспоминает депутат, — всё:

Сергей Наумчик считает главной причиной отхода KGB от своего первоначального обещания изменение политического времени.

Главной — но не единственной:

Если бы в 1992 году Станислав Шушкевич наложил недвусмысленную резолюцию открыть дело, вполне вероятно, руководство KGB ее бы выполнило.

Сергей Наумчик говорит хоть и о полной, но — всё же вероятности. Тянуть резину с канителью и при этом не мычать и не телиться в Минске умели всегда.

Еще и волынку заводили: дать-не-дать, дать...

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Случайность, к счастью, неустранима принципиально.

Весной 1992 года во время первой встречи с первым американским послом в Минске Дэвидом Суорцем первый глава Республики Беларусь Станислав Шушкевич удивил дипломата рассказом о своих встречах с американцем, который жил здесь за тридцать лет до белорусской независимости.

...Когда в 1960 году недавнего аспиранта Института физики Академии наук БССР Стася Шушкевича, который занимался исследовательской работой на радиозаводе, вместе с его коллегой Сашей Рубенчиком вызвали в партком, он меньше всего готов был к разговору о грамматике русского языка.

Секретарь парткома Владимир Либезин сообщил молодым инженерам об оказанном доверии — учить склонениям и спряжениям нового рабочего-американца. Учителя должны всегда быть вдвоем, личных вопросов не задавать, на посторонние темы не разговаривать.

Освальд потом так описывал Либезина:

Партийный секретарь, сорок с лишним лет, ростом 6 футов 4 дюйма, старый член партии. Он руководит деятельностью 1000 членов партии и контролирует так или иначе 5 тысяч человек, работающих на этом важном предприятии Минска.

Освальд записал в блокнот имя учителя: Станислав Шушкевич. Занятия проходили в корпусе, где работал инженер. После смены Освальд переходил через двор, поднимался на второй этаж, и они приступали к грамматике.

Язык давался трудно. Освальд был не слишком старательный ученик, не проявлял большого интереса, эмоций, не улыбался и не благодарил после занятий. Но через некоторое время он начал кое-что понимать, когда Шушкевич говорил медленно, помогая жестами, писал отдельные слова на бумажке, справлялся в словаре. За первый месяц провели около десятка занятий.

Посол Суорц включил рассказ Шушкевича в телеграмму в Госдепартамент. Из администрации президента Джорджа Буша-старшего сразу пошли запросы об архивном деле Освальда. Суорц попросил руководство KGB о встрече — его дружелюбно приняли, выслушали и обещали способствовать.

Больше посол к этой теме не возвращался — на повестке дня был вывод из Беларуси ядерного оружия, построение всего комплекса отношений с новым государством, подготовка первого визита главы Беларуси в Вашингтон.

В июле 1993 года Шушкевич встречался с президентом Клинтоном в Белом доме. Кеннеди был личным героем Клинтона, широко известны кинокадры июля 1963 года, где Кеннеди в Белом доме жмет руку 17-летнему Биллу.

Шушкевич и Клинтон тоже пожали друг другу руки — но говорили не о прошлом, а о настоящем и будущем. Клинтон благодарил Шушкевича за отказ от статуса ядерной державы, оказал материальную помощь — было выделено 59 миллионов долларов на уборку атомного мусора, пообещал новые взаимности.

Если тень бывшего хозяина и витала в Овальном кабинете во время этой встречи в верхах, она была разочарована. И дело не в недостатке личной исторической ностальгии участников.

Как раз тогда администрация Клинтона напрямую занялась Освальдом. В 1992 году Конгресс США принял «Акт о сборе документов об убийстве президента Джона Ф. Кеннеди». Администрация Клинтона, сменившая правительство Буша-старшего в январе 1993 года, должна была организовывать этот сбор, в том числе в Минске.

О своих рукопожатиях с Освальдом во время беседы в Белом доме Шушкевич не упомянул ни тогда, ни во время ответного визита Клинтона в Беларусь.

Случайное воспоминание иногда неожиданно влияет на историю — как и его отсутствие. Случайно ли отсутствие случайностей — этот вопрос, ей-богу, благоразумней оставить без ответа.

Пока.

НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ

Вера, как известно, есть осуществление ожидаемого невзирая на существующее и уверенность в невидимом.

Хотя убийство Кеннеди исследовала президентская комиссия Уоррена в 1963—1964 годах, а во второй половине 1970-х происходили дополнительные слушания в Конгрессе, американская публика продолжала задавать вопросы, что и почему случилось в Далласе. Тем более что «Комитет по убийствам» Конгресса, вновь рассматривавший убийства Джона Кеннеди, его брата Роберта и Мартина Лютера Кинга, в 1979 году заключил, что убил президента Освальд, но не исключил второго стрелка и заговора.

Государство отличается от общества отношением к тайне, как винодел от пьяницы отношением к вину: одни хотят хранить как можно дольше, другие — открыть как можно быстрее. Секретность во времена холодной войны была нормой, и норма эта не способствовала открытию американских архивов раз-

ведки и служб безопасности. Не все документы были доступны для публичного ознакомления. Подозрения размывали уверенность в правдивости власти и подрывали доверие.

Цвели теории, вызывающие острую историческую аллергию. Вышел фильм Оливера Стоуна «Дж.Ф.К.» (принятая в Америке аббревиатура инициалов тридцать пятого президента) с выводами о заговоре и участии в нем государственных структур. В ответ на фильм вышла книга Дэйва Райцеза под названием «100 ошибок в фактах и выводах фильма “Дж.Ф.К.”», в ответ на которую вышло сто статей ста верующих Стоуну о ста ошибках в этой и других документальных книгах, согласных с выводами комиссии Уоррена.

На таком фоне в 1992 году Конгресс принял «Акт о сборе документов об убийстве президента Джона Ф. Кеннеди», создал «Совет по сбору» и наделил его особыми полномочиями. Совет мог напрямую работать с Госдепартаментом, чтобы получить документы от других государств, в первую очередь из России и Беларуси.

Минская телеграмма Суорца и его переговоры с руководством KGB попали в эпицентр нового расследования. Оно длилось вдвое дольше, чем Кеннеди был президентом, и втрое больше, чем работала комиссия Уоррена, — шесть лет.

В сентябре 1998 года Конгресс получил отчет о проделанной работе. Было рассекречено и опубликовано более двадцати тысяч документов ФБР, более трех тысяч — ЦРУ, также более трех тысяч — Пентагона, тысячи отчетов, архивных материалов других ведомств и частных граждан, всего 33 176 документов.

Общий объем коллекции Кеннеди, открытой для общественности, превысил четыре миллиона страниц. В отчете был раздел под заголовком «Беларусь». Он занял одну страницу:

С помощью посольства США в Минске председатель Совета Тангайм, член Совета Гол и исполнительный директор Марвэл в ноябре 1996 года ознакомились с обширными материалами дела слежки белорусского KGB за Освальдом. Дело содержит материалы более двух лет слежки KGB за Ли Харви Освальдом во время его жизни в белорусской столице. Некоторые из документов были использованы Норманом Мейлером в его книге «История Освальда». Совету не удалось получить копию

дела, частично из-за ухудшения отношений между США и Беларусью в 1997—1998 годах.

Совет настоятельно рекомендует приложить всевозможные усилия, чтобы получить для американского народа эти важные документы о деятельности обвиняемого убийцы Ли Харви Освальда в годы перед убийством.

Трудно было выбрать худший момент для визита американской делегации в Минск, чем ноябрь 1996 года: отставка премьера, попытка импичмента президента, смена Конституции, состава Центризбиркома, Конституционного суда и парламента.

«Совет по сбору» также сетовал на слабое сотрудничество с Москвой.

Однако менее чем через год, в июне 1999, во время встречи «большой восьмерки» в Кёльне президент России Борис Ельцин сделал жест, который тогда назвали «дипломатией документов», — передал Биллу Клинтону 39 папок «Дела Освальда».

Это были документы не KGB, а ЦК КПСС, МИД и МВД СССР. Они появились на свет сразу после выстрелов в Далласе. Тогда, после Карибского кризиса, Москва опасалась обвинения в подготовке покушения, и этому была посвящена лихорадочная переписка с советским посольством в Вашингтоне, справки и объяснения.

Минский период Освальда там упоминается, но материалы минского KGB не фигурируют.

Тогда же, летом 1999 года, ельцинскую передачу документов прокомментировал еще один президент — Александр Лукашенко. На поле в Брестской области он заявил журналистам: «Посмотрел я эти дела — нет там ничего такого, чтобы рвать на голове последние волосы и плакаться. — И объяснил: — Мы не собираемся плевать на свою историю»[11].

---

11 По оперативным данным, именно этого гражданина имел в виду А. Л-к на стр. 41.
Для справки: способ поплевать и пригладить широко применяется при строительстве чего-нибудь в одной отдельно взятой стране.

История у каждого своя, и минские сороки, которые летают над KGB, поют тоже по-своему:

Этому не дала,
Этому не дала,
Этому не дала,
А этому дала.

Тем интереснее — кому и как давала.

КОНЦЫ И НАЧАЛА

Всё, что имеет конец, имеет его начало, и т.д.

В 1995 году, когда Станислав Шушкевич уже не был председателем Верховного Совета Беларуси, а Эдуард Ширковский — председателем KGB, когда первый президент Беларуси заявил, что всем лучшим в своей жизни обязан KGB, в Америке вышла книга Нормана Мейлера «История Освальда».

На суперобложке издательство Random House писало:

В 1993 году Норман Мейлер провел шесть месяцев в России, где брал интервью у бывших друзей и любовниц Освальда, взял эксклюзивные интервью у офицеров KGB, приставленных отслеживать каждый шаг Освальда. Ему также дали эксклюзивный доступ к материалам дела Освальда в KGB, в том числе к расшифровкам подслушанных разговоров в квартире, где Ли жил со своей русской женой Мариной.

Как вспоминал А. Л-к, на этот удар обухом по последним волосам всех отечественных исследователей было непонятно как реагировать, на кого плевать. На бывшего председателя бывшего президиума бывшего Верховного Совета? На KGB с его отсутствием местного патриотизма? На гласность на экспорт?

Оставалось только порадоваться — за американского писателя и его читателей, которые смогли наконец познакомиться с неизвестными до тех пор минскими страницами своей национальной трагедии[12].

Ну, и кое-то уточнить.

И А. Л-к позвонил в Нью-Йорк первому (и до сих пор единственному) автору в мире, который получил доступ к материалам KGB об Освальде в Минске.

Получить доступ к Норману Мейлеру было непросто, но дело было не в отсутствии благоприятной резолюции ЦРУ, личном согласии или возражениях, не в каких-то условиях, — трудно было связаться. Адрес и телефон не значились в справочниках; в интернете имелась страница Мейлера, но ее автором был не сам писатель, а его читатели.

Пока А. Л-к переписывается с издательством Random House и шлет факсы литературному агенту Мейлера, можно открыть энциклопедию или набрать имя писателя в интернете и узнать его годы жизни (1923—2007), образование (Гарвардский университет), участие во Второй мировой войне (служил на Тихом океане), род занятий (прозаик, журналист, драматург, поэт, киносценарист), публикации (более тридцати книг, первый роман «Нагие и мертвые» вышел в 1948 году), награды (дважды лауреат Пулитцеровской премии, Нобелевский номинант, критика называет его «американским Толстым»).

---

12 По оперативным данным, в ноябре 1991 г. отдельные страницы «Дела Освальда» были показаны журналистам американской телекомпании ABC. Летом 1991 г. и весной 1992-го в Минск приезжал инкогнито и провел ряд несанкционированных встреч со знакомыми Освальда канадский журналист Питер Вронски. Корреспонденту «Известий» Сергею Мостовщикову летом 1992 г. было разрешено сфотографировать сейф, где хранилось дело, и сделать снимок шести томов, разложенных на стульях.
Для справки: стулья на снимке вышли убедительно.

Когда А. Л-к, наконец, дозвонился, он уже знал, что перед приездом в Минск Мейлер окончил самую длинную в своей жизни книгу под названием «Призрак проститутки» — 1300 страниц, посвященных истории ЦРУ.

«Призрак…» должен был иметь продолжение — второй том, но следующей стала книга об Освальде.

На вопрос, взялся ли бы он за эту книгу, если бы не имел доступа к архиву KGB, Мейлер дал прямой ответ: «Нет. Никогда».

Всё же некоторые вещи начинаются тогда, когда начинаются.

СЛОВАРЬ АНДРОПОВА

Не все книги пишутся руками тех, кто их пишет.

Хотя на обложке «Истории Освальда» значится только одно родительское имя, у Нормана Мейлера был партнер по имени Лоуренс Шиллер. И хотя Шиллер не написал ни слова, издательство Random House оценило его родительские труды во столько же, во сколько и Мейлера — гонорар и права были поделены пополам[13].

Шиллер зачал идею, помог выносить концепцию и принял роды, был отцом-матерью и акушером-нянькой одновременно, двигателем прогресса и ремнем безопасности.

---

13 По оперативным данным, аванс за книгу составил 870 тысяч долларов — половина Мейлеру, половина Шиллеру, но 200 тысяч предназначались на полеты в Минск, проживание-питание, аренду офисов, покупку сканеров, зарплату персоналу и «оплату услуг посредников».
Для справки: за эти услуги по статьям 430 (ч. 2) и 431 (ч. 2) УК РБ для плательщиков предусмотрено от двух до семи, для служивых — вплоть до пятнадцати с конфискацией. Без кавычек.

«Без доступа к архиву KGB не было бы этой книги», — сказал Мейлер.

Без Шиллера не было бы доступа к KGB.

KGB не дал бы доступа, если бы бывший председатель KGB СССР Юрий Андропов не глянул Шиллеру в глаза и не ошибся. Не полностью, конечно, — органы полностью никогда не ошибаются, — а примерно наполовину. Правда, неизвестно, что хуже.

Не будем ходить вокруг да около, а согласимся с А. Л-ком: когда совсем неясно, с чего начинать, тогда легче всего — потому что начать можно с чего угодно. Например, с чаепития на подмосковной даче русского писателя Юрия Нагибина, редактора диалогов американского телефильма «Петр Великий».

Фильм снимал Шиллер, и снимать надо было в СССР. По совету знакомых кинематографистов братьев Михалковых Шиллер обратился за помощью к Нагибину. Братья объяснили, что не только диалоги будут отличные, но и шансы на утверждение проекта в Госкино существенно повысятся.

Снимать в начале 1980-х годов сериал с десятками зарубежных актеров, операторов и художников без договора с советским государственным Голливудом было невозможно, и не важно, что ты привезешь Омара Шарифа, Ванессу Редгрейв и Лоуренса Оливье. А Нагибин и царские диалоги напишет, и с царями на короткой ноге.

Шиллер понимал ценность таких советов. Перед съемками он обратился за помощью к самому успешному американскому коммерсанту за всю историю советско-американских отношений. Арманд Хаммер известен не только тем, что встречался с коммунистическим начальством от Ленина до Горбачева, но и тем, что во все времена очень неплохо зарабатывал на бизнесе с большевиками. Шиллер пришел к Хаммеру и спросил, как правильно вести дела с советской властью, чтобы эти дела шли и дошли куда надо.

«Сейчас Советским Союзом руководят экономисты — люди финансов, — начал Хаммер. — Ты должен убедить их, что у тебя достаточно денег, чтобы сделать этот фильм. И что у тебя твердый бюджет, который ты никогда не превысишь, потому что ты финансово ответственный человек».

Чтобы понять ошеломляющую характеристику советского правительства 1970—1980-х годов как правительства экономистов и финансистов, не надо раскрывать многотомные пятилетние планы с расписанными до спички государственными заданиями и показателями роста всего, что растет, от благосостояния до кок-сагыза.

Надо просто попробовать поставить себя на место Хаммера, который начал бизнес с советской властью во времена военного коммунизма, продолжил при НЭПе, приспосабливался к коллективизации-индустриализации, зарабатывал на военной экономике и послевоенном восстановлении, после чего с большим для себя успехом помогал догнать Америку. На этом историческом фоне генсек Брежнев выглядел человеком, который понимал толк в деньгах[14].

Второй совет, который Хаммер дал Шиллеру, был не менее реалистичен: «Ты должен вести себя, будто ты царь. В отеле ты хочешь только этот номер. И чтобы каждое утро для тебя готовили ванну. Отель только на улице Горького, номер только 202 и ванна в 8 утра. Надо быть экстремистом, и тогда все в Москве будут это знать и всё делать».

Царь как эффективный менеджер — надо признать, что Хаммер действительно разбирался в психологии людей, с которыми вел дела. Ну, а чтобы понять совет о ванне в 8 утра, не обязательно углубляться в историю: советская традиция плановых отключений горячей воды до сих пор гармонично дополняется авариями и их ликвидацией.

Хаммер дал Шиллеру еще несколько практических подсказок: для первого раза пригласить переводчика из Франции, потому что Советы больше доверяют французам; привезти знаменитых актеров — Советы млеют перед кинозвездами; оставить им свою съемочную технику — Советы любят получать вещи на халяву.

---

14 По оперативным данным, Л. И. Брежнев обиделся, когда госсекретарь США Генри Киссинджер во время визита оценил его новый охотничий домик тысяч в триста долларов.
Для справки: Киссинджер побоялся назвать истинную стоимость, два миллиона, чтобы не обидеть коммунистические чувства генсека. И такие люди управляли Госдепом!

Всё это, казалось, могло иметь смысл — если бы разговор не происходил весной 1983 года. И дело было не в том, что после смерти экономиста-охотника Брежнева его должность в Кремле перешла к главе KGB Юрию Андропову. В марте того года американо-советские отношения опустились до самой низкой после Карибского кризиса точки: выступая на съезде Национальной ассоциации евангелистов, Рональд Рейган объявил Советский Союз империей зла.

Советский Союз обиделся и объявил Рейгана лунатиком.

Рейган также заявил, что Советы превратятся в пепел истории.

Это обидело Политбюро еще больше: авторские права на это выражение принадлежали его бывшему члену Льву Троцкому. Правда, Троцкий адресовал его своим коллегам по партии, которые оказались в меньшинстве. Поэтому их назвали меньшевиками и впоследствии обратили в лагерную пыль.

Лев Троцкий наблюдал за этим из ссылки в Мексике, пока по просьбе остальных членов Политбюро ему не проломили голову ледорубом, закрыв вопрос с авторскими правами навсегда.

И вот во время этих терминологических баталий между Москвой и Вашингтоном американский продюсер берется за фильм о российской истории и едет договариваться о съемках. И переписчик сценария Юрий Нагибин приглашает его к себе на дачу выпить чаю и познакомить со своей новой женой, которой в качестве гонорара за диалоги обещана поездка в Вену.

На входе Шиллера встретила писательская жена, еще не бывшая за границей — у Нагибина это был пятый или шестой брак, и она просто не успела. Внимание американца привлекли две черные автомашины, превосходившие своими размерами все, которые он видел на московских улицах.

На столе стоял чай, за столом сидел гость, которого не нужно было представлять, но тем не менее хозяин представил: Юрий Владимирович Андропов.

И пояснил: сценарий прочитали, но перед окончательным разрешением товарищ генеральный секретарь захотел встретиться, чтобы посмотреть вам в глаза.

Нагибин не назвал настоящей причины — готовый фильм у советских режиссеров зачастую не имел ничего общего с ут-

вержденным сценарием. Но Шиллер этой причины и не понял бы, как не понял бы, почему его сценарий должен был бы утверждать президент Рейган, хотя тот сам играл в кино и даже возглавлял актерскую гильдию.

Шиллер понял другое: Советы боялись, что фильм может быть использован против них. И одновременно не хотели просто запретить проект: стране нужна валюта, а бюджет фильма составлял 5 миллионов долларов.

И тут Шиллер допустил, как он сказал А. Л-ку, большую ошибку — так он охарактеризовал свое обращение к Андропову:

— Я сказал: раз вы уж сидите здесь, дома у мистера Нагибина, я считаю, что это свидетельство того, что с вашей стороны есть доверие. Андропов посмотрел на меня и сказал: «В моем словаре нет слова “доверие”. Я решил рискнуть. Слово “риск” есть в моем словаре».

Ошибка оказалась не слишком большая, скорее наоборот. «Петр Великий» был снят, прошел по американскому телевидению в 1986 году, получил кучу наград, его показали и советским телезрителям.

Во время приема в Кремле, на который Шиллер был приглашен вместе с Мейлером, его представили новому генсеку как режиссера знаменитого американского фильма о знаменитом русском царе-перестройщике.

Шиллер спросил генерального секретаря, понравился ли ему фильм. Горбачев посмотрел ему в глаза и сказал: «Нам нечего стыдиться в своей истории»[15].

Похоже, что в словаре генсеков не было не только слова «доверие», но и слова «стыд».

Наверное, в словаре Шиллера тоже не было каких-то слов, например, «невозможно», но наверняка присутствовало слово, с которого он начал ответ на самый первый и самый важный, самый скандальный, самый жгучий и обидный для А. Л-ка и до

---

15 По оперативным данным, установление истины путем смотрения в глаза в данной поэме встречается более тридцати раз, но в «Контрразведывательном словаре» этот метод не описан.
Для справки: весь «Словарь», если честно, является синонимом выражения «смотри в оба».

сих пор актуальный вопрос: как американцам удалось то, чего не удалось пока больше нигде, никогда и никому?

А. Л-к спрашивал, конечно, не о высадке человека на Луну, хотя ответ, как он подозревал, получил бы точно такой же. Как американцам удалось получить доступ к архивному делу Освальда?!.

— Очень просто, — сказал Шиллер. И пояснил: — Самые сложные вещи — самые легкие.

В словаре Андропова эта формула, вероятно, читается в обратном порядке.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Внутреннее противоречие Гегель рассматривал — это знают даже дети —как движение от абстрактного к конкретному: понятие выходит в свое инобытие, отрицается, а затем самоотрицается повторно. В советских органах этот процесс был доведен до совершенства и сведен до рутины.

— Ширковский дослушал, а затем ударил рукой по столу и сказал: «Нет! Нет! Нет!» — Шиллер показал как — тоже стукнул по столу.

Но этот стол был не в секретной минской сауне с рестораном, куда председатель KGB Беларуси пригласил на обед Мейлера и Шиллера, а в нью-йоркской квартире Шиллера на углу 57-й улицы и 5-й авеню. С места А. Л-ка открывался один из самых завидных видов Нью-Йорка — на зеленые кроны Центрального парка; его собеседник сидел в торце стола и мог видеть макушки небоскребов на площади Колумба, где находится Фонд Нормана Мейлера.

Шиллер был председателем Фонда, и, когда А. Л-к послал ему просьбу об интервью, сразу согласился, но предупредил, что не дает интервью по телефону. Приезжайте. Похоже, что желание видеть глаза собеседника не было прерогативой KGB, а являлось универсальным, как джинсы унисекс. С другой стороны, сам Мейлер так вопрос не ставил и отвечал по телефону.

Может потому, что не встречался с Андроповым.

Дорога Шиллера за стол с генерал-лейтенантом KGB Ширковским началась от Петра Великого, но перед этим сделала несколько зигзагов. После триумфа с историей первого российского царя-перестройщика Шиллер решил взяться за новую горячую тему, которая гарантировала дивиденды, — Чернобыль. Он проводил переговоры, встречался с экспертами, но история не стояла на месте и подбрасывала новые захватывающие сюжеты: в 1989 году рухнула Берлинская стена.

Правильно оценив, что А. Л-к выпил два стакана воды со льдом во время его чернобыльского рассказа, потому что не мог понять, какое всё это имеет отношение к Освальду, Шиллер сжалился и сообщил, что, когда идея с фильмом сорвалась, он вернулся домой и послал факс в KGB.

А. Л-к налил еще один стакан.

— Мейлов еще не было, а телеграмм уже не было, — пояснил Шиллер. — Потому я послал факс.

Американское общество волнует три вопроса, ответить на которые можно только с помощью KGB, писал Шиллер. Первый — был ли американский дипломат Алджер Хисс агентом Кремля, в чем его обвиняли и что он сам категорически опровергал? Второй — были ли супруги Розенберги советскими агентами и передавали ли американские атомные секреты Москве? И третий — кем был Освальд? Не будут ли господа из

службы внутренней безопасности так любезны, чтобы встретиться и обсудить эти вопросы, как когда-то автор обсуждал свои творческие планы с господином Андроповым.

Шиллер особенно гордился тем, что не называл KGB, потому что знал, что своя служба безопасности есть в армии, у пограничников, у милиции, и кто знает, кто там за что отвечал.

— Прошло месяцев шесть. И я получаю факс из Москвы. Алджер Хисс не работал на Советский Союз, нет предмета для разговора. После суда над Розенбергами вы знаете всё, что можно узнать об этом деле. Мы готовы встретиться, чтобы обсудить Ли Харви Освальда. Подпись — глава KGB, Москва.

На два «нет» и одно «да» Шиллер ответил цифрой «пять».

— Я знал, что во время первой встречи с KGB будет очень важно сказать, кто будет писать эту книгу. Русские любят знаменитые имена. Я сделал список из пяти имен — и мой подход был такой: если мы подписываем соглашение, я смогу представить любого из этой пятерки.

Встреча с Ширковским в тот момент не планировалась, роль его не была написана, имя неизвестно. Но KGB вступил в фазу отрицания, и инобытие готовило свой ответ на факсы любопытного американца.

ПОЛЕТЫ «ДЕЛА № 31451»

Архивы в СССР — дело тонкое.

В 1990 году, когда в журнале «Родник» готовилась к печати первая публикация А. Л-ка об Освальде, редакция обратилась в KGB БССР с запросом об архивных материалах. В ответ было сообщено, что никаких материалов у них нет. Никто тогда в это не поверил и, как выяснилось, зря.

Все секретные тома минского «Дела агентурной разработки № 31451» были в Москве уже на следующий день после убийства Кеннеди.

Вечером 22 ноября 1963 года Минск получил приказ из Москвы — срочно доставить документы.

На следующий день куратор Освальда капитан Костюков сложил папки — всё уместилось в одну серую почтовую сумку — и отправился на аэродром. Его сопровождал вооруженный охранник. На военном аэродроме в Люберцах их ждали. Через час они входили в здание KGB на площади Дзержинского — на Лубянку. Костюков потом расскажет Мейлеру, как по-

сле долгого блуждания по коридорам его завели в комнату, где за столом сидело несколько человек. Костюков доложил: согласно вашим указаниям материалы доставлены.

Он запомнил первый вопрос и свой ответ, будто это было вчера:

— Делали ли вы попытки провести вербовку Освальда?

— Даю голову на отсечение, мы не только не пробовали, эта мысль нам даже не приходила в голову. Ознакомьтесь с этими документами. Там очень ясно видно, в каком направлении мы работали. Выполняли ваши инструкции.

За столом выдохнули.

Мейлеру объяснили, что KGB разрабатывал несколько версий. Первая — Освальд агент ЦРУ, так как служил в морской пехоте, откуда нередко набирают агентов в разведку. Подозрение вызвало заявление Освальда о том, что он марксист, — KGB пришел к выводу, что тот слабо знал марксистско-ленинскую теорию.

Была опасность, что Освальд говорил по-русски лучше, чем показывал. Возможно, разведзадание заключалась в том, чтобы выяснить, как советские власти работают с перебежчиками из США.

Еще одна версия — Освальд действительно был искренним иммигрантом, и последняя — он был психически неустойчивым.

Костюков потом сказал Мейлеру, что, когда после убийства Кеннеди началась компания клеветы на Советский Союз, он думал, что Хрущёв передаст эти папки американскому правительству:

И все американские слухи лопнут, как мыльный пузырь.

Папки, в которых исследовались эти версии, никуда не были переданы. Следующие 27 лет они лежали в веселом административном здании, хранившем разнообразное изобилие духовной и материальной культуры СССР. В августе 1991 года начальник здания В. Крючков попробовал сменить советское правитель-

ство, но сменил свой кабинет на тюремные нары, и сменивший его новый начальник KGB Вадим Бакатин пообещал выпустить «Дело» Освальда на волю.

В ноябре 1991 года помощник Бакатина прочитал «Дело» за три вечера и передал его для оформления ведомственной комиссии по рассекречиванию.

Газета «Известия» на первой полосе напечатала портрет Освальда и сообщение под заголовком:

КГБ НАМЕРЕН РАССЕКРЕТИТЬ ДОСЬЕ НА УБИЙЦУ ДЖОНА КЕННЕДИ

Комиссия экспертов КГБ в пятницу, 22 ноября, закончила изучение собранного советской контрразведкой досье, которое хранится в архивах комитета, на американского гражданина Ли Харви Освальда, подозреваемого в убийстве президента США Джона Кеннеди, совершенном ровно 28 лет назад, 22 ноября 1963 года. Как ожидается, в начале следующей недели результаты работы будут доложены Вадиму Бакатину, который примет решение, какие материалы будут опубликованы.

То ли «Известия» внимательно читали в Минске, то ли кто-то из московского аппарата предупредил, но на следующей неделе Бакатину позвонил Эдуард Ширковский и попросил перед рассекречиванием учесть мнение белорусской стороны: большую часть агентурного дела составляют минские материалы, надо бы глянуть. Бакатин выслушал — просьба показалась резонной — и согласился.

В конце ноября 1991 года «Дело агентурной разработки № 31451» вернулось в Минск. В начале декабря скончался Советский Союз, Бакатин остался без работы и обратного адреса.

Посылку распаковали, переименовали в «Архивное дело № 266», сделали надпись: «Без разрешения начальника отдела не выдавать» — и заперли в отдельном сейфе.

Полетало — и хватит.

СПИСОК ШИЛЛЕРА

Всё, что бывает последним, когда-нибудь случается впервые.

В 1991 году, когда Шиллер опять приехал в Москву, KGB уже не существовало. После августовского путча и ареста председателя KGB место аббревиатуры заняла межрегиональная служба безопасности во главе с верным президенту Горбачеву генералом Бакатиным, которую через несколько месяцев, после распада СССР, сменило Министерство безопасности России с генералом Баранниковым. Президент Ельцин продолжал политику гласности, и генералы госбезопасности чувствовали себя в безопасности, садясь за один стол с американцами. Доверие по приказу со скрипом, но работало.

— Я встретился с Баранниковым, представился, как всегда: меня зовут Ларри, не надо никаких мистеров. Помогает, — объяснил он А. Л-ку. — Сначала, правда, меня заставили осмотреть музей KGB. Когда я сел с ним за стол, состоялась краткая беседа — я сказал, что привезу любого из этих писателей.

Мейлер открывал список Шиллера — у них уже было несколько общих книжных проектов, а одна их совместная ра-

бота, документальная книга «Песня палача» о смертной казни в Америке, получила самую престижную в Америке премию для журналистов и писателей — Пулитцеровскую.

Шиллер категорически отказался назвать А. Л-ку другие имена — некорректно.

Кто мог быть в списке Шиллера? Рэй Брэдбери, Курт Воннегут, Джером Сэлинджер, Стивен Кинг?

Наиболее реалистическим выглядел бы выбор короля жанра ужасов Стивена Кинга — хотя бы потому, что Кинг не только интересовался историей убийства Кеннеди, но и написал целый роман о путешествии во времени с целью остановить Освальда — названием романа стала дата убийства, «11.22.63» (в американской традиции сначала пишется месяц, затем день и год). Однако эта книга вышла только в 2011 году, через два десятилетия после переговоров Шиллера с KGB.

У Брэдбери и Воннегута встречаются сюжеты, похожие на историю Освальда.

А сам Освальд встречается у Сэлинджера: это Холден Колфилд, герой романа «Над пропастью во ржи», если добавить немного мути и убрать патологическую правдивость. Роман был опубликован одновременно с рассказом Рэя Брэдбери о путешествии во времени и сразу стал бестселлером. По-русски роман вышел в 1960 году, когда Освальд уже жил в Минске, и его первой фразой А. Л-к открыл начальную главу этой поэмы.

Книга Сэлинджера об Освальде была бы особенно занимательна. Известны как минимум три одержимых читателя, которые вместе с книгой взяли в руки оружие: помешанный на Колфилде Джон Хинкли совершил покушение на президента Рейгана в 1981 году, еще один очарованный читатель Роберт Бардо убил актрису Ребекку Шеффер в 1989 году. В 1980 Марк Чепмен всадил пять пуль в Джона Леннона и сел под фонарем читать Сэлинджера — в полиции он заявит, что приказ убить музыканта зашифрован в книге.

Впрочем, это только читательские грезы. Мейлер был единственным человеком, которого Шиллер посвятил в свои планы перед поездкой в Москву.

В списке было одно имя. Но оно не было одиноким, потому что рядом всегда звучало еще одно: «Зовите меня Ларри».

ЭФФЕКТ ЮНГА

Извините, но без Юнга дальше никак.

Карл Юнг был психологом, и поэтому в его словаре нет слова «случайность». Но поскольку он был и философом, то нет и слова «причинность». Эффект, учил Юнг, не зависит от аффекта, в природе действует творческий принцип, которому нет дела до скучных связей между причинами и следствиями.

Эта теория оперативного анализа называется синхронистичностью, и одним из ее направлений является освальдоведение.

Если бы Шиллер снимал фильм о Чернобыле, как он планировал в начале 1990-х годов, «Истории Освальда» не было бы — окно исторической возможности захлопнулось бы на десятилетия. Когда Шиллер расспрашивал KGB о трех тайнах советско-американских отношений, его на самом деле интересовала лишь одна. Когда предлагал пять писателей на выбор, имел договоренность только с одним.

Иными словами — «История Освальда» могла появиться только в тот момент, только с этим автором и только с этим героем. Вопрос только в том, как в этой истории появился сам Шиллер.

И хотя вопрос А. Л-ка был не философский, ответ был ударом по психике. И звучал так:

— Конечно, я видел Освальда. Я был к нему ближе, чем к вам за этим столом.

А. Л-к шарахнулся. История налетала как бешеная электричка.

— Я ведь журналист, — пояснил Шиллер. — Я был в Далласе через пару часов после убийства. И сделал много снимков Освальда, сразу, когда его арестовали, и потом тоже. Например, обошедший весь мир снимок карабина, из которого он стрелял, — мой снимок.

На этом снимке шериф или агент ФБР среди толпы на двух вытянутых над головой руках держит карабин «Манлихер-Каркано» с оптическим прицелом — главную улику, найденную на книжном складе, откуда раздались выстрелы. И хотя, вероятно, эту сцену снимал не один Шиллер, именно его снимок стал классикой.

После травмы в детстве Шиллер почти не видел одним глазом, что, возможно, только усилило его любовь к фотографии. Его снимки публиковали ведущие американские и европейские журналы и газеты. У Шиллера была «Лейка М3», в объектив которой попали, кажется, все иконы американской культуры и политики 1960-х годов: Никсон признает поражение на выборах от Кеннеди — будто поднимает штангу, Мартин Лютер Кинг в полоборота взлетает над толпой, Мухаммед Али правым сверху отправляет в нокаут соперника, Софи Лорен смеется за ресторанным столиком, утомленный Роберт Кеннеди спит на полу между кресел в самолете, мужское ню для журнала «Плейбой»...

Еще два снимка Шиллера входят в канон 23 ноября 1963 года. Первый — Марина Освальд с четырехнедельной дочерью Рейчел на руках в полицейском участке, внешне спокойная, сосредоточенная в сумбуре вокруг, по ее лицу неясно, ей уже сказали или нет, в чем обвиняется муж, но наверняка сказали, и она уже

замыкается в своем мире на десятилетия вперед, — впечатление, что смотришь кино, в котором отключили звук.

Второй снимок — ведут Освальда. Он на первом плане, белая майка перекручивается под пиджаком, торс наклонен вперед, почти выламывается со снимка, руки заломлены назад, вероятно, в наручниках, то ли говорит что-то, то ли просто с силой выдыхает от болезненной позы. Ощущение толпы и одновременно пустоты и одиночества создается двумя доминантами: два агента в шляпах не обращают внимания на арестованного, разговаривают между собой, в кадре правая рука фотографа со вспышкой и очертания форменного плоского полицейского шлема за Освальдом, неумолимая тень конца.

— Я был в Далласе три дня, снимал, есть фотографии, где я вместе с Освальдом. И это я сделал последнее интервью с Джеком Руби в тюремной больнице перед его смертью.

Руби застрелил Освальда в том же участке и сам оказался за той же решеткой, был приговорен к смертной казни, подал апелляцию, но умер от рака легких, не дождавшись нового суда (но дождавшись Шиллера). Так создавались фундаменты и для бесконечных версий освальдоведов, и для книги Мейлера, и для этой поэмы в том числе.

Шиллер не только снимал Марину в Далласе в ноябре 1963 года, но и задавал ей вопросы — и она запомнила молодого фотографа.

Шиллер говорил об этом как о чем-то само собой разумеющемся: а где же ему еще было быть, как не в Далласе, и что делать, как не снимать и не разговаривать с убийцами, и как потом было не снять сериал для телевидения, и как было не дружить с Мариной, и как потом не приехать в Минск...

Стоит беспричинно упомянуть Юнга, как опровергнуть его теорию становится невозможным.

Однако в ее рамках возможно сделать следующее заявление: как бы не так.

ДЛИННЫЕ НОГИ

Многое сочетается со многим и всё соседствует со всем.

На такую мысль наводит не меланхолический Экклезиаст, а бодрая «Большая советская энциклопедия» 1974 года, т. 16, стр. 13, где так написано о творчестве Мейлера: «Разоблачение милитаризма и фашиствующих элементов в армии США сочетается с натуралистическим изображением быта. Сатира на амер. образ жизни соседствует с экзистенциалистскими взглядами».

Как оказалось, срок действия этой рекомендации не истек и через двадцать лет.

После встречи с KGB Шиллер вернулся в Нью-Йорк и вместе с Мейлером предложил будущую книгу издательству Random House. Издательство согласилось профинансировать подготовительный период — выделило 25 тысяч долларов на то, чтобы выяснить, действительно ли что-то получится.

Мейлер с Шиллером полетели в Москву, где их ждала переводчица Людмила Пересветова, работавшая с Шиллером еще на «Петре Великом». Работала недолго — Шиллер уволил ее на второй день. Но связь сохранил. У Пересветовой, как говорил Шиллер, было два достоинства: длинные ноги и муж, который работал в KGB. Именно через нее факс Шиллера с тремя вопросами попал на стол руководству KGB.

К началу работы над «Историей Освальда» Пересветова была вдовой: муж погиб при невыясненных обстоятельствах где-то в Сибири. Но ноги никуда не делись и даже были вынесены на первое место в заголовке интервью Шиллера на сайте фонда Мейлера, где он вспоминает работу над книгой: «Длинные ноги, Американский Толстой, Освальд и KGB».

Начались встречи с людьми, знавшими Освальда, которых находил KGB в Москве. Офицеры в отставке, переводчица «Интуриста», врачи, лечившие американца после попытки самоубийства... В Петербурге им организовали встречи со знакомыми Марины Прусаковой, позже ставшей Мариной Освальд.

Далее, как вспоминал Шиллер, на авторском пути встала независимая Беларусь:

— Мне объяснили, что всего дела Освальда у них нет. В Москве оставались документы, касающиеся периода до отъезда Освальда в Минск. А потом мне нужно будет иметь дело с Минском. Сейчас независимость, и всё, что они могут, — написать рекомендательный лист. В Минске я буду сам по себе.

Но если постсоветские государства соседствуют одно с другим, то их спецслужбы сочетаются.

— Я знал, что их письмо само по себе уже являлось разрешительной печатью.

Пересветова отправилась в Минск, встречалась с помощником Ширковского. Вернулась с цитатой из классики: «Лед тронулся!», в переводе — «Все едем в Минск».

— Мы поднимаемся по ступенькам здания KGB, и Людмила говорит: «Это идет Ширковский со своим помощником», — вспоминает Шиллер. — Они подходят ближе, чтобы поприветствовать Нормана… А она очень хитрая, умная — спотыкается и падает. А у нее очень длинные ноги. Ширковский подхватывает ее и помогает. Отличный, отличный ход!

А. Л-к честно всё записывал — вдруг пригодится, если кто-то захочет написать историю ступенек KGB.

— Мы идем в кабинет Ширковского, там очень короткая встреча, и он говорит — едем на обед. Садимся в машину, еще две машины за нами. Едем за город, в какую-то большую сауну с рестораном. И там мы впервые попробовали водку из дерева.

А. Л-к не перебивал и уже ничего не уточнял о спецводке: «Зубровка»? Из березового сока? Какой-нибудь ужас с дубовой корой?

— Выпили — но я же деловой человек. Я говорю — если вы дадите дело Освальда российскому журналисту или даже такому известному писателю, как Юрий Нагибин, — никто на Западе не поверит ни одному слову. Если дадите французам — это будет на телевидении во всех выпусках новостей в 6 часов, все будут обсуждать, — но в 11 часов всё перебьет выпуск о новой любовнице президента Франции. Дайте газете «The New York Times» — это будет первая полоса и еще 20 страниц, однако назавтра американцы выбросят газету в урну. Но если вы дадите дело Освальда человеку, чьи книги имеются во всех библиотеках мира, кого ваша собственная энциклопедия представляет как американца, имеющего смелость писать то, что думает, — тогда есть шанс, что вам поверят!

Энциклопедия стояла в одном из помещений минского KGB, и грустную цитату, напоминающую утомленного Экклезиаста, нашла Людмила Пересветова. Шиллер гордился находкой переводчицы как своей и через полгода сочетался с ней браком. Соседство перешло в сочетание (недолгое, на пару лет, до получения Пересветовой американской «зеленой карты»).

На официальных встречах Шиллер никогда не называл Мейлера по имени, никакой фамильярности, только «господин Мейлер».

Так он говорил и за столом с Ширковским, когда привел свой последний и самый сильный, на его американский взгляд, аргумент:

— Господин Мейлер, с которым мы здесь сидим и с которым мы вместе получили Пулитцеровскую премию, хочет, несмотря на проблемы с сердцем — ему нужно делать операцию, — он хочет пожертвовать девятью месяцами, годом, сколько потре-

буется, — чтобы сделать всё как положено. Дайте документы человеку, который потратит пять лет на книгу — и вам поверят!

Шиллер сделал паузу:

— И Ширковский смотрит на Людмилу — она переводила — и говорит: «Нет! Нет! Нет!». Три раза.

Шиллер ударяет по столу, и кубики льда вздрагивают на дне графина. А. Л-к склонился к мысли, что в сауне они пили «Беловежскую» — это классическая номенклатурная водка для официальных приемов и взяток, особенно если в штофах.

— Затем Ширковский говорит — но у меня есть план. Вы арендуете офис на третьем этаже нашего здания, за тысячу долларов. И вы будете задавать вопросы, а мы будем приносить вам часть дела, отвечающую на эти вопросы. И если вы говорите правду, что готовы остаться так долго, и мистер Мейлер достаточно умен, чтобы задавать правильные вопросы, — вы познакомитесь со всем делом.

Аренда кабинета KGB за 1000 USD — такой оказалась цена вопроса.

Цена откровенная, легко поддающаяся сложению, умножению и делению, хотя и не вполне ясная. Шиллер говорил А. Л-ку о 1000 долларах за месяц, а в интервью с ногами в заголовке двумя годами ранее сказал, что за неделю. Но А. Л-к зря ломает себе голову, сразу видно, что не бухгалтер. Ведь обе суммы могут не только соседствовать, но и сочетаться — одна банковским переводом, другая налом!

Кривое, как учил Экклезиаст, не может сделаться прямым. Но если это и предсказание замкнутого круга, то всё же не сильно порочного — цель оправдывала.

Раздел «Благодарности» в конце своей книги Мейлер открывает дробью и математическим комплиментом Людмиле Пересветовой, «которая была нашей переводчицей для девяти десятых всех интервью и у которой была такая сильная и личная точка зрения, что в этой книге есть и ее присутствие».

На хищный девиз: «У нас длинные руки» — у природы всегда наготове смиренный, симметричный и симпатичный ответ: «А у нас длинные ноги».

Плюс библиографические навыки.

ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ

Повторение, как известно, мать учения и мачеха развлечения.

Но притворитесь! Хотя эта глава и повторяет кое-что из предыдущих и последующих, повторение — не недостаток, а природа действительного, как у зеркал в трельяже, разумно повторяющих одно изображение с разных сторон.

И с разных времен.

«История Освальда» стала 28-й книгой Мейлера, а его разговор с А. Л-ком в ноябре 1995 года — первым и единственным интервью с человеком из Минска. Как Мейлер не брался бы за историю Освальда без документов KGB, так и А. Л-к не взялся бы за эту поэму без Мейлера.

Или Шиллера. Но его знакомство с Шиллером и его историями было еще в будущем, через два десятилетия, а тогда,

в 1995 году, первый вопрос Норману Мейлеру был — почему? О смерти тридцать пятого американского президента написано и опубликовано в разы больше, чем о его жизни, клуб имени Освальда оккупировали предсказатели прошлого, одержимые и ревнивые, — почему «американский Толстой» решил вступить в этот клуб?

Я член этого клуба — неофициально, так как раньше не писал на эту тему, — уже более 30 лет, хотя начал собирать материал для книги об Освальде только через 29 лет после убийства. Я был поражен этим убийством. Я начинал писать, исходя из мнения, что Освальд был участником заговора, что был заговор, чтобы убить Кеннеди. В течение шести месяцев расследования в Беларуси, потом после возвращения в Америку, проведя около двух лет над этой книгой, я пришел к неутешительному-выводу, что Освальд вполне мог сделать это сам.

Мейлер вспомнил свою реакцию, когда Шиллер предложил ему новую совместную работу:

Он говорит: возможно, придется поехать в Минск на шесть месяцев. Я сказал: олрайт, я еду! Меня увлекла возможность добраться до этих папок.

Тогда же, в 1995 году, Мейлер дал А. Л-ку первые ответы на главные вопросы: что, где, когда, почему и как.

— Случилось следующее: сначала KGB согласился. Но в то время в Германии начали открывать имена агентов штази. И это породило настоящий ад в восточной Германии. Множество людей были информаторами штази, они попали в очень неприятное положение и злостно жаловались. И у белорусского KGB тогда возникли иные мысли по поводу обещания, которое они нам дали.

— С кем вы связались первым в деле документов?

— В сентябре 1992 года мы приехали в Минск. У нас был контакт, сотрудник KGB, с которым мы регулярно встречались. Мы спрашивали, когда сможем получить тот или иной документ, и он отвечал: это сейчас обсуждается в комитете.

— Какого рода материалы вы просили?

— Ну, мы хотели бы иметь всё, что было у них в деле. Так звучало их первоначальное обещание — мы получим полное дело Освальда.

— Как они реагировали на ваши просьбы?

— Реакция была такой: у нас проблемы. Множество людей пострадает, если эти документы открыть. Это долгая история, которая длилась шесть месяцев. Кое-что они нам дали, кое-что мы добыли с черного хода. Мы добывали материалы различными способами, и получили довольно много. Но всё это было очень и очень тяжело.

— Где было легче контактировать с офицерами KGB, в Минске или Москве?

— В Москве. Прежде всего, мы беседовали с очень высокопоставленными сотрудниками KGB. В Москве люди были очень заинтересованы, помогали нам — до определенной степени. Мы встречались с высокими чинами KGB, преимущественно в отставке — ведь им было меньше чего терять. И они были с нами искренни.

— Как вы их находили?

— Нам помогал московский KGB. У них хорошая служба связей с общественностью. Это был уже не Советский Союз, а новая Российская республика. Во главе KGB стояли новые люди. И их подход состоял в следующем: мы хотим иметь хорошие отношения с Америкой, это широко известный американский писатель, давайте ему поможем. И они помогли нам с контактами. Мы провели интервью с 17 сотрудниками KGB.

— Где вы с ними встречались — в их кабинетах, в отеле?..

— Мы пошли на Лубянку — там у нас был целый ряд разговоров. В Минске мы проводили интервью в основном в нашем офисе. У нас был небольшой офис.

— Какое впечатление на вас произвел Эдуард Ширковский?

— Это типичный человек KGB. Сильный, слегка брутальный, с хорошими манерами — для брутального типа. Циничный. Глубоко циничный.

— Вы записывали ваши разговоры на магнитофон либо вели заметки?

— Мы записывали на магнитофон.

— Что насчет фотографий — у вас был фотоаппарат?

— Нет, мы решили не фотографировать: они не любят, когда их снимают. Никто из них не согласился, чтобы в книге приводились подлинные фамилии.

— Вы работали с документами в своем офисе?

— Нет. Это было в центре города.

— Вы были один, когда работали с документами?

— Со мной были переводчики. Это была целая команда — на нас работали четыре человека. Людмила Пересветова была нашим главным переводчиком.

— Вам разрешали выносить документы?

— Нет-нет-нет. Они давали нам документы. Точнее, копии документов. Затем мы их переводили и изучали.

— Это были папки в полном объеме либо избранные страницы?

— Папки были только небольшой частью того, с чем мы работали в Минске. Главным стали интервью людей, которые знали Освальда. Мы начинали с мыслью сделать то, что хотим, на основе материалов KGB, но закончили серией действительно трогательных интервью с людьми, которые знали Освальда. Мы получили намного лучшую картину Минска и Освальда в Минске в начале 1960-х годов.

Мейлер открыл двери и заглянул в уголки Минска, где десятилетиями не ступала нога исследователя, и не только в штатском[16].

Американец сделал то, что должен был сделать сам А. Л-к.

Если без притворства.

16 По оперативным данным, выражение «человек в штатском» не означает, что костюм пошит в Соединенных Штатах. Не означает, даже когда не исключает.
Для справки: даже если там пошит.

ДВЕ ПАМЯТИ

Разницей во времени теперь не удивить, она включается в путешествия из Америки в Европу и обратно вместе с надписью: «Пристегните ремни».

Но Мейлер был поражен, когда приехал в Минск. Не уровнем комфорта, марками автомобилей или памятниками вечно живого тут прошлого, а разницей в историческом времени.

В Минске оно текло иначе, чем в Америке, — здесь, как Мейлер объяснял А. Л-ку, можно было совершить путешествие на десятилетия назад:

Главное, что позволило сделать книгу, — и это чрезвычайно положительный момент, в отличие от трудностей с KGB, — было то, что мы расспрашивали людей, знавших Освальда во время его жизни в Минске на протяжении двух лет и четырех с половиной месяцев. У него и его жены Марины было много друзей. После убийства президента Кеннеди к ним приходили люди из KGB и говорили: ни слова про Освальда!

Чтобы пояснить ситуацию, Мейлер принял точку зрения одновременно KGB и ЦРУ:

Если смотреть с высоты прошедших лет, то нужно понять, что с точки зрения KGB, который очень пристально следил за Освальдом, он был абсолютно безобиден. И они пришли в шок после убийства. Они считали, что он невиновен. Что это провокация США. Некоторые люди в KGB думали: а что, если США пытаются начать Третью мировую войну? Была атмосфера настоящего тихого ужаса.

Мейлер пришел к выводу, что спецслужбы страдали от когнитивного диссонанса. А сам он не страдал от избытка уважения к политикам и военным. После неудавшейся попытки американского вторжения на Кубу в 1961 году Мейлер опубликовал открытое письмо к Кеннеди с критикой, которая поставила бы в тупик (и справедливо, если судить по будущим войнам) не только Пентагон и ЦРУ, но и советский Генштаб:

Вы хоть понимаете, какую огромную ошибку вы совершили — вы вторгаетесь в страну, не понимая ее музыки!

Мейлер считал, что не всё было в порядке с музыкальным слухом и у KGB.

Они не могли этого понять. Освальд не занимался в Беларуси никакими важными делами. Он не произвел на KGB никакого впечатления — его не воспринимали как серьезного человека. Он совершенно не впечатлил KGB. Им было очень трудно поверить, что он мог такое совершить. Они предполагали, что сейчас США используют его, потому что он был в России. Они думали, что его используют без его ведома. Они верили в эту версию. Они быстро встретились со всеми, кто знал Освальда, и всех предупредили: заткнитесь, молчите. И люди молчали все эти годы.

Что бы ни говорил Мейлер о KGB, он признавал, кому обязан подарком, который ждал его в Минске:

Мы появились тут через 30 лет. Советская система приказала долго жить. Сталинизм в далеком прошлом. И люди сейчас готовы говорить.

И большим преимуществом, с нашей точки зрения, стало то, что их память была абсолютно чистая, они никогда не говорили об этом. Они молчали, потому что боялись KGB, и из чувства самосохранения не говорили почти 30 лет. И мы получили великолепный материал. Свежий, очень свежий материал.

Законсервированная свежесть по-мински впечатляла:

Одна женщина сказала, что Освальд ей нравился, он был умный, но имел два недостатка. Он любил читать американские комиксы, которые ему присылала мать, и при этом хохотал как сумасшедший, что вызывало раздражение, — он был «некультурный». А второе, как она выразилась, — Освальд портил воздух.

Американская память напоминала Мейлеру трясину:

И наоборот, когда мы вернулись в Америку — ничьим воспоминаниям нельзя было доверять. Это уже было поле битвы, по которому прокатилась армада танков. Это было болото. Хочешь получить настоящие воспоминания — и имеешь дело с трясиной. Каждый давал интервью по многу раз, каждого расспрашивали. Все уже были знакомы с отчетом комиссии Уоррена и забыли, что было на самом деле. Безнадежное дело. В конце концов я пришел к тому, что сам должен был принять отчет комиссии за основу как наилучший материал — лучший, чем могла дать людская память. У нас был контраст: великолепные, точные, подробные интервью в Минске и ни одного настоящего интервью в Америке.

Вот какая качественная в Беларуси память.
Если долго молчать.

МЭР ОЦЕПЕНЕЛЫЙ

Двоемыслие является непрерывной цепью побед над собственной памятью. Оруэлл прав, но, по мнению А. Л-ка, недоговаривает: еще непрерывнее и гораздо цепенеюще обеспечивает победу над мыслями дву- и более -памятность.

Пока оба автора спорят, где яйцо по-венски, а где цыпленок-табака, перейдем от прочитанного Освальдом романа к нашей поэме: не всё только плохое связано в Минске с телефонной службой, хотя она поставлена так, что всё бывает слышно и без санкции прокурора.

Можно просто открыть дневник Освальда, назвать первое имя, которое встречается в его минских записях, и телефонная справка сразу выдаст номер абонента.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
8 января 1960

Встречаюсь с мэром города товарищем Шараповым, который приветствует меня и обещает «вскоре» найти для меня бесплатную квартиру, предупреждает о «некультурных людях», которые иногда оскорбляют иностранцев.

Через пятьдесят лет после этой записи Василий Иванович Шарапов, глава Минского городского исполнительного комитета в 1954—1967 годах, глядя А. Л-ку в глаза, тихим уверенным голосом скажет:

— Я с Освальдом не встречался.

У Шарапова завидная память: в 1945 году он приехал в Минск после демобилизации по ранению, называет фамилии, имена и должности людей, с которыми работал полвека назад, помнит названия улиц, которых нет на карте, объясняет, почему и как происходило переименование, и единственное, чего не помнит, — встречу с Освальдом.

Об Освальде всё же что-то слышал.

— Вроде был такой американец, приехал в Минск с женой, потом уехал. Даже работал здесь, кажется. О жене говорили, будто легкого поведения. Гулящая. Он пишет, что встречался со мной? И я говорил о некультурных людях? Не помню такого.

Общались ли с ним по этому поводу из KGB?

— Не думаю. О квартирах со мной многие говорили. Каждую пятницу вел прием по квартирному вопросу, бесконечный поток людей, у каждого своя история, свои проблемы, не хватало жилья.

Бывали ли на приеме иностранцы?

— Да, бывали, например, раза четыре встречался с одним репатриантом из Аргентины, по фамилии Зигер, Александр Романович, у него еще две дочери было, одна очень красивая певица, Элеонора, а вторая — кажется, Анита, дали ему квартиру.

А Освальду?

— Не помню. Кажется, звонили однажды из секретариата Хрущёва, но квартиру ему давал завод, может, мы дали заводу, такое могло быть...

Был теплый ясный сентябрьский день, и часы, как и писал автор двоемыслия, пробили тринадцать (где-нибудь да пробили). Через три часа беседы, во время которой речь также шла об исторический остановке в Минске поезда товарища Сталина, после чего город начал расти и цвести, о необыкновенном пленуме ЦК КПБ 1953 года, когда хорошего русского первого секретаря Патоличева коварный грузин Берия хотел поменять на никакого белоруса Зимянина, о памятнике генералиссимусу — как возводили и как погубили, о симпатичном первом секретаре ЦК КПБ Кирилле Мазурове и его неказистых преемниках, о визитах в Беларусь волюнтариста Хрущёва, о своей ссылке с должности первого секретаря горкома на обочину, в дорожники, уже на прощание бывший машинист паровоза, политрук на войне, умеренный до сильного сталинист, строитель олимпийской «дороги номер 1», самый долгоиграющий городской голова в тысячелетней истории Минска, чья фамилия после публикации журнала «Life» в 1964 году стала всемирно известной благодаря не тому, чего он честным трудом достиг в своей жизни, а потому, что его упомянул в своем неграмотном дневнике 20-летний американский посетитель, Василий Иванович Шарапов, 94-летний белорус из-под Борисова, в добром здравии и живом уме улыбнулся А. Л-ку и сказал:

— Ну, если надо вам написать, что я встречался с Освальдом, — напишите.

А Мейлер сетует на американскую память.

Одномысленно как-то[17].

---

17 По оперативным данным, через пару лет после публикации А. Л-ком этой беседы В. Шарапов издал книгу «Листая жизни страницы», где вспомнил, что квартиру Освальду давал по личному поручению первого секретаря ЦК Мазурова, вспомнил свою встречу и разговор с американцем о марксизме-ленинизме и малокультурных людях, а потом о госте забыл до конца 1963 года, когда газеты опять напомнили.
Для справки: Шарапов также открыл новую главу освальдоведения сообщением в книге, что квартиру Освальду дали двухкомнатную и звали его «Луи».

RUSSIA ИЛИ BYELORUSSIA

Независимость одних радует, других раздражает, третьих ставит в тупик. Большинству же, как всегда, до одного осветительного прибора — пока не погаснет свет.

Первый посол США в независимой Беларуси Дэвид Суорц любил показывать дом Освальда гостям из Вашингтона — они столбенели от удивления, которое вызывает внезапная встреча с историей. Все думали, что Освальд жил в Москве.

Когда Суорц летел в Минск в 1992 году, он тоже ничего не знал о жизни там американского гражданина — знал только, что тот жил в Советском Союзе. Суорц был профессиональным дипломатом, в 1972 году уже работал в посольстве в Москве, что уж говорить о других.

СССР был одна большая Russia, никто не расшифровывал четыре согласные, которые образовывали самую длинную свистящую аббревиатуру для названия страны в истории человечества.

Самое интересное в вопросе «Был ли Ли Харви Освальд в Беларуси?» — после тройного «л» и двойного «ли» — это как бы ответил он сам.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
11 января 1960

Посещаю Минский радиозавод, где буду работать. Там встречаюсь с аргентинским эмигрантом Александром Зигером, польским евреем по рождению. Он иммигрировал в Аргентину в 1938 году и вернулся на польскую родину (сейчас часть Белоруссии) в 1955. Говорит по-английски с американским акцентом. Работал в американской компании в Аргентине. Он заведующий отделом, ему уже далеко за 40 лет, мягкие манеры, приятный. Кажется, хочет мне что-то сказать. Я показываю ему мой временный документ и говорю, что скоро буду иметь русское гражданство.

Можно прочитать десятки страниц книги Мейлера, посвященных людям и событиям в Беларуси, и не понять, что это не Россия. Всех знакомых Освальд считает русскими (исключение — евреи, которые, однако, тоже русские), вокруг говорят по-русски, кино, опера, концерты, названия улиц, рапорты KGB — всё по-русски[18].

Рабочие на радиозаводе приехали в Минск из деревни, где обучение в школах было по-белорусски, могли говорить на родном языке. Но на передовом производстве, в столице нужно было говорить «по-городскому» — тем более с американцем.

В своем дневнике Освальд упоминает название Беларуси три раза: первый, когда получает новость о своем распределении

---

18 По оперативным данным, Мейлер признавался в частном письме во время работы над «Историей Освальда»: «Со времени первого визита в Россию в 1984 г. у меня было чувство, что мы намного больше русские, чем признаемся себе, и намного меньше евреи. Потому что все русские кажутся мне евреями...» Такое вот может прийти в голову в Минске.
Для справки: и много кому приходит.

в Минск (оказывается, это не в Сибири), второй — когда пишет о репатриации Зигера, и третий — осенью 1960 года, в лирической смеси погоды и политической географии:

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Октябрь 1960

Наступающая осень, мой ужас перед новой русской зимой тает в чудесном золоте и багрянце осени в Белоруссии.

Как раз тогда, когда Освальд напишет эти строки, вопрос белорусского языка будет обсуждаться на его родине, в Америке, и обсуждаться группой людей, с одним из которых он вскоре познакомится и даже будет у него в гостях.

Здесь, по мнению А. Л-ка, необходимо отступление: в Беларуси давно ходит анекдот о том, как глава партии и правительства Никита Хрущёв во время приезда в Минск сказал, что белорусы первые придут к коммунизму, потому что уже отказались от родного языка и перешли на русский — язык коммунистического общества. Существуют разные версии, где и когда это было сказано, — которые, однако, не подтверждаются ни стенограммами, ни письменными свидетельствами современников по горячим следам.

Точно известно как раз совершенно противоположное.

Осенью 1960 года проходила сессия ООН, на которой БССР и Украина, как основатели организации, были представлены отдельными делегациями. Никита Хрущёв, участие которого в этой сессии обычно вспоминают в связи со стучанием ботинком по столу, пишет в мемуарах, как попросил руководителей делегаций выступить на родных языках. Хрущёв рассчитывал на внимание украинской и белорусской диаспоры в США и Канаде:

Настал день их выступлений. Украинцы поступили как я советовал, а с Белоруссией не получилось. Я был очень огорчен. «Мы не можем подготовить текст на белорусском языке, — оправдывались представители БССР, — даже пишущей машинки нет с белорусским шрифтом». «Если не можете, то другого выхода, конечно, нет, но это наносит ущерб

национальной политике. Враги советской системы используют данный факт в пропаганде: нет у союзных республик никаких прав, всё там делается для показа загранице, сплошная фикция. Русские подавляют всех, и даже на таком международном форуме, как сессия ООН, ее член выступает не на своем родном языке, а на русском». Думаю, что это понимал и представитель Белоруссии, но он не был лично подготовлен, не знал толком своего языка[19].

Хрущёв был прав, но дело обстояло еще хуже.

Главой белорусской делегации в 1960 году был первый секретарь ЦК КПБ Кирилл Мазуров — он не только знал язык, но и письма писал по-белорусски, и даже стихи. И в 1959 году выступил по-белорусски на праздновании 40-летия БССР, за что даже получил разнос от переменчивого Хрущёва.

В составе делегации был и известный белорусский поэт Максим Танк. Поэт скандал с белорусским языком зашифровал в своем дневнике так, что и сегодня не понять, что к чему: написал, что глава украинской делегации Подгорный говорил на украинском языке, а о Мазурове — что тот выступал дважды. А потом пояснил: «Как известно, только главы правительств имеют право выступать на своем языке, а все другие делегаты должны выступать на любом из рабочих языков: английском, испанском, русском, французском или китайском». Подгорный, как и Мазуров, был первым секретарем ЦК компартии, а не главой правительства.

Официальную речь надо было читать с бумажки — но не могли напечатать. Машинки не было.

И тут уже даже человек, который угрожал закопать капитализм и размахивал водородной бомбой, был бессилен.

---

19 По оперативным данным, с июля 1959 г. в США ежегодно проводится «Неделя порабощенных народов», и белорусы вместе с другими диаспорами участвовали в демонстрациях у штаб-квартиры ООН, в которой тоже сидели белорусы, но не порабощенные. Представительство БССР в ООН было образовано в 1958 г., и первым начальником стал член КПСС с 1927 г., сотрудник МИД СССР Феодосий Грязнов. Национальность по паспорту «белорус», но языком, как отмечено в служебной анкете, не владел.

Для справки: опытный был белорус.

В самый важный день своей жизни в Минске, когда Освальд встретит будущую жену, он познакомится также с членом той белорусской делегации в ООН Лидией Черкасовой, и даже будет разглядывать ее снимок вместе с Хрущёвым. Черкасова выступала в Минске во Дворце профсоюзов с публичной лекцией о своей поездке на сессию ООН. После лекции Освальд даже окажется у Черкасовой дома, но драму с белорусским языком никто не вспомнит (может, потому, что драмы не заметили, — Черкасова была биологом, профессором мединститута, родом с Украины, в Минск приехала в 1950 году).

Уже по возвращении в США Освальд будет готовить очерк о жизни в СССР, и продемонстрирует большие познания в языковой ситуации (хоть и ошибочно назовет театр на улице Володарского, когда на самом деле будет писать о театре Янки Купалы): «В Минском белорусском театре драмы на улице Володарская в трупе 55 профессионалов, зарабатывающих от 90 до 140 рублей в месяц, которые играют 4 спектакля в неделю на белорусском языке».

В дневнике Освальда тогдашнее название Беларуси по-английски (Byelorussia) ни разу не написано правильно.

И дело не только в дислексии.

Ответ на вопрос, был ли Освальд в Беларуси, Мейлер дал в книге: Освальд был в СССР.

Интересно, что этот же вопрос можно адресовать и Мейлеру: был ли он в Беларуси?

В письме приятелю Мейлер напишет: «Это грустное место, оно заставило меня понять, насколько я сам русский, хотя Минск в Беларуси (Белоруссия не Россия, а отдельная страна сейчас), но это не имеет значения — можно почувствовать, какова была жизнь в старом Советском Союзе. Это было довольно мрачное место, хотя и не такое плохое, как его представляют».

Многие бы согласились. Хоть и не все.

НЕГРЫ В ГОРОДЕ [20]

Прозрачность зависит не только от среды, но и от силы взгляда.

В свой первый год проживания в Минске Освальд мог подумать, что он в Лондоне: 1960-й был самым туманным в истории города, 102 дня столичные парки, скверы и улицы таяли во мгле. Туман не только затрудняет движение, но и скрывает разнообразные несообразности, строительные недоделки, дорожные выбоины и прочие недостатки городского хозяйства.

Но советской власти туман не помеха.

Минский городской совет, как говорится в его официальной истории, был образован с целью защиты классовых и общедемократических интересов трудящихся. К моменту, когда Освальд

---

20 По оперативным данным, аббревиатура «негр» на постсоветском русском означает «не гражданин».
Для справки: не только.

стал минчанином, интересы трудящихся надо было защищать от них самих. Главный депутат, первый секретарь горкома партии А. Д. Рудак, выступавший с докладом (по-белорусски), был нелицеприятен:

Обратите внимание, какими становятся почти все центральные улицы города во второй половине дня. На улицах валяются обрывки бумаги, окурки, другой мусор. Нередко можно увидеть такие случаи: стоит девушка или парень на трамвайной остановке, грызет семечки и плюет во все стороны. Пока постоит, вокруг насорит, а потом то же самое делает в трамвае.

Вряд ли этот пассаж из выступления на сессии горсовета удивил бы Освальда: и Новый Орлеан, и Нью-Йорк были не чище, а упаковки и разного пластика для засорения мест общественного пользования там было намного больше. Не говоря о сигарах.

Как молодой дракон после битвы, послевоенный Минск тысячами проглатывал деревенских детей со всей республики и, не успевая переварить, глотал новые и новые тысячи. Как подросток, он не узнавал себя в зеркале, разрастаясь, опережая свои возможности, забыв свою историю и набухая мускулами, которые обгоняли ум, сердце и память.

В первый год проживания Освальда в Минске планировали построить 320 тысяч квадратных метров жилья, 20 километров водопровода, 6 школ, 32 детсада, 43 магазина, три кинотеатра, посадить 150 тысяч деревьев и 257 тысяч кустов, заасфальтировать 600 тысяч квадратных метров улиц...

Урбанистический драйв немного портила скромная цифра шесть — именно столько планировалось открыть «предприятий общественного питания». Общественный аппетит обогнал городское меню как минимум на полвека, и даже в пору приезда в Минск Мейлера и Шиллера обеденные истории времен Освальда не ушли в прошлое.

В том же урбанистическом докладе секретарь Рудак рассказывал о столовой маргаринового завода, куда ходили работники соседнего гипсового завода, стройтреста № 1 и других организаций:

На 36 посадочных мест тут имеется 7 подносов (все погнутые), 31 ложка, 1 чайная ложечка, 1 столовый нож, 50 глубоких мисок и вилок, чайных блюдец нет совсем.

Как в плановом хозяйстве могла сложиться такая арифметика, ответ знает только Госплан, и именно его демонов стремился привлечь на свою сторону секретарь Рудак. Вставят в план — будут ресурсы. Нет — ходи голодный.

Секретарская критика была правильная, но несправедливая, считает А. Л-к, у которого в этом месте проснулся внутренний бухгалтер. Главная цифра здесь не семь кривых подносов — миску и в руках подержать можно, — а 31 ложка: лаптем щи не похлебаешь. В любой момент за столами мог сидеть максимум 31 едок. Когда очередник номер 31 забирал последнюю чистую ложку, номер 1 уже доставал сушеные груши из стакана с компотом и его посуда шла на мойку. Пять мест были лишние!

На углу дома, где жил Освальд, находился специализированный магазин «Мясо-молоко», который также попал в доклад сессии горсовета:

Заведующий Шмуклер и продавец мяса Дынкин решили заняться изготовлением мяса из субпродуктов ценой по 3 руб. 50 коп. за килограмм фарша. Свою продукцию они реализовывали по 12 рублей за килограмм. Разницу в деньгах клали в свой карман. В этом магазине не всегда можно купить пельменей, котлет, молочных продуктов. Колбаса, например, на складе есть, а в продаже нет.

Городским властям в любом советском городе было куда тяжелей, чем американским мэрам и депутатам. Всё в Минске не принадлежало никому, и потому городской совет делал вид, что отвечает за всё. В том числе и за попавшую в доклад на сессии парикмахерскую на главном проспекте, где мог стричься Освальд:

Когда мы сели в кресла, перед нами встали две детины в таких халатах, будто только что на бойне они зарезали по десятку бугаев. Правда, когда я присмотрелся, оказалось, что это не кровь, а пятна краски. В таких же темных пятнах были простыни, которыми замотали наши шеи.

«У вас всё такое белье? — поинтересовался я. Всё, — засмеялся мастер. — Полон шкаф. Только сегодня получили. Я сказал: а вы требуйте другое, лучшее. Он засмеялся: так нам и дали. Все парикмахерские таким пользуются. — А почему оно такое? — Это после женской химической косметики». Конечно, мы с другом на наших женщин-красавиц не обиделись. Мы вспомнили ласковым словом тех, кто командует движением этих перемазанных халатов. К рассказанному хочется еще добавить, что, когда мы встали с кресел, на наши места сели два студента-негра.

Последняя фраза в выступлении председателя комиссии по культпросветработе М. Г. Ткачёва несколько двусмысленна. Даже весьма двусмысленна — но надо признать, что это не был призыв к расовой сегрегации, которая в то время существовала в Америке. Кеннеди стал президентом в том числе и потому, что выступал против сегрегации и получил почти все черные голоса.

В советском Минске проблема выглядела наоборот: все иностранцы были высшей расой. Негры в парикмахерской были политическим аргументом в еще одном докладе на белорусском языке, потому что стрижка и бритье были делом не бытового обслуживания, а политики:

Минск — не просто город, а столица Белорусской республики, республики, которая занимает место в Организации Объединенных Наций, это город, который каждый день на виду перед всем миром.

Простыни в кровавых подтеках были политическим аргументом, и красноречивый докладчик знал, что делал, сажая негров в освободившиеся кресла и не жалея тройного одеколона. Ткачёв выступал по-белорусски, ратовал за памятники, переименования улиц в честь героев национальной истории, и даже опустил два определения из названия БССР — не назвал республику ни советской, ни социалистической.

Еще недавно в Минске арестовывали за пропущенные буквы в официальных публикациях — но Освальд приехал в Минск уже во время хрущёвской оттепели.

Он не почувствовал изменений, как студент из экваториальной Африки не чувствовал июльской жары самого горяче-

го месяца 1960 года, когда температура в Минске поднялась до 30,9 градусов[21].

Если оттепель заграничные клиенты могли и не заметить, то подозрительные пятна в парикмахерских действительно, как тогда говорилось, «бросали тень». Горсовет взялся не только за стирку, но и за утюжку: на сессии было предложено «ликвидировать обезличку в глажке путем закрепления исполнителей за отдельными партиями белья».

Но на этом власть трудящихся не остановилась:

Группа депутатов во главе с т. Шекун, проверяя прачечную № 2, внесла предложение установить радиоточки для клиентуры в приемных пунктах прачечной. Это предложение сразу же было одобрительно встречено директором прачечной т. Ваншиной и уже осуществлено.

Чтобы все всё понимали правильно. Даже не зная языка.

21 По оперативным данным, первый год Освальда в Минске по шкале Цельсия выглядит так: январь — от −18,8 до +1,4; февраль — от −26,1 до +2,4; март — от −24 до +9,1; апрель — от −4,7 до +19,5; май — от +1,1 до +25,2; июнь — от +9,3 до +27,4; июль — от +5,8 до +30,9; август — от +7 до +26,4; сентябрь — от +0,5 до +19,7; октябрь — от −2,7 до +16,9; ноябрь — от −10,3 до +11,6; декабрь — от −5,4 до +8,7.
Для справки: в первый рабочий день Освальда на заводе в Минске, 13 января, температура воздуха была минус 13, а в Новом Орлеане — плюс 27.

МИНСКОЕ ВРЕМЯ

Любой город один для его жителей и другой для гостей[22].

Когда в сентябре 1992 года Мейлер впервые приехал в белорусскую столицу, из всех возможных определений Минска его, вероятно, больше всего удивило бы популярное одно время выражение «город солнца»:

Когда я оказался в Минске, это было очень трудное время. Инфляция: за те полгода, что мы там провели, курс упал от двух с половиной

---

22 По оперативным данным, А. Л-к хотел тут написать, что «третий для покойников», имея в виду возможную главу о возвращении в Минск возможного Освальда, прятавшегося полвека в партизанских пущах, что не невозможно.
Для справки: но разум победил.

до семи с половиной тысяч рублей за доллар. И это еще куда ни шло по сравнению с инфляцией, наступившей позже. Люди распродавали свое имущество, как когда-то в Германии, в веймарской республике. Минчане преимущественно стояли на консервативных позициях и были не очень рады огромным неожиданным переменам. Они привыкли к советской системе. Это было одно из нескольких мест, где старая система работала. Наполовину работала. И вдруг — новая ситуация, которую они не понимали. Это было время плохого настроения и неразберихи. Многие из тех, с кем мы встречались в Минске, были очень привлекательные. Большинство — очень достойные люди.

Мейлер и Шиллер поселились вначале в отеле, а затем сняли квартиры. Шиллер — в центре, Мейлер — на окраине. Мейлер хотел почувствовать атмосферу, в которой жил Освальд. Он и раньше использовал погружение как метод: роман «Нагие и мертвые» начался с идеи долгого патруля, и Мейлер вызвался в разведку, чтобы попасть на такое задание. Любопытный автор селился в мотеле, где жил один из его героев, убийца, ожидавший смертной казни. Большинство деталей, которые он узнавал, не попадали в книги, но он чувствовал себя намного уверенней, потому что думал, что понимал героя.

Я жил километрах в трех от центра, в рабочем районе, в доме, где жили рабочие, в маленькой темной квартире. По минским стандартам это была шикарная квартира. Небольшая кухня, две маленькие спальни, среднего размера гостиная. Я платил около 200 долларов за месяц, что в 20 раз превышало стоимость квартиры для владельца.

Даже в центре Минска, как напишет потом Мейлер, вечерами нечего делать, кроме как «пойти на весьма посредственный ужин в скучном ресторане, потому что Минск никогда не будет известен своей кухней, по крайней мере в течение следующего десятилетия или двух». В спальном районе вечером не работали даже столовые. Мейлер назовет наибольшей кулинарной сенсацией своей минской жизни собственноручно поджаренную яичницу, а также борщ и загадочный салат из капусты и тунца.

Мейлер и его коллеги нанесли визит в американское посольство, дипломаты им охотно помогали, они вместе отмечали

День благодарения, который американцы празднуют в последний четверг ноября. Резиденция посла, с залом для приемов и кинозалом, находилась в Дроздах, на огромной даче, где раньше жил секретарь ЦК.

Шиллер, много работавший в Голливуде, был в восторге от проекционной аппаратуры — антиквариат! Шиллеру удалось снять квартиру в том же комплексе зданий, где когда-то жил Освальд, и туда на вечеринки они приглашали посла и дипломатов.

Мейлеру казалось, что он жил в другом городе.

Мрачное место с видом во двор. Единственное, что я помню, — с октября до февраля в Минске не было солнца. Как только солнце выглядывало на десять минут, матери высыпали во двор вместе с детьми и колясками и держали своих бэби на солнце. А когда солнце скрывалось, они бежали обратно в дом, чтобы дети не простыли.

Но не всё было так беспросветно.

Это был рабочий район. Подростки, 18—19 лет, напивались по пятницам и субботам. Но это были неплохие дети. Мне даже нравилось там. Иногда, когда я шел домой, они здоровались и предлагали самогонку[23].

Мейлер благодарил и отвечал каждый раз одинаково: «Я — американский!». Это всегда вызывало взрыв смеха.

Так иногда отвечал и Освальд.

Решение Мейлера поселиться на окраине, а не в центре, где жил Освальд, было попыткой путешествия во времени. Во многих столицах время в центре и на окраинах течет по-разному.

Но не для всех.

---

23 По оперативным данным, с исчезновением частного сектора городское самогоноварение переместилось в многоэтажные дома. Практиковался как горячий метод, когда брагу грели на газовой плите, а змеевик охлаждали водопроводной водой, так и холодный способ: брагу заливали в пластиковые пакеты, клали в морозильник, сусло замерзало, а алкоголь оставался сверху.

Для справки: в первом случае самогонка чище, во втором — сразу холодная.

ACHERONTIA ATROPOS

Кристальные люди с благородными душами, горячим сердцем и другими частями тела выдающейся чистоты и нижекомнатной температуры встречаются, по мнению А. Л-ка, даже на автосервисе, что уж говорить о других местах.

Мейлер встречался с семнадцатью офицерами KGB.

Это число в книге похоже на шагреневую кожу: только пять из тех, кто занимался Освальдом, согласились на интервью, однако в книге фигурируют только три, так как трех из пятерки пришлось объединить под одним именем, никто не согласился дать свое настоящее имя.

«Генерал Маров» — собирательное имя для трех высокопоставленных чинов KGB в Москве.

«Игорь Иванович Гузьмин», он же «Игорь» — начальник минского управления KGB, которое занималось Освальдом.

«Степан Васильевич Григорьев», или просто «Степан» — подчиненный «Игоря», офицер KGB, который непосредственно, изо дня в день, на протяжении двух с половиной лет вел Освальда.

Один из ветеранов щита и меча объяснил свою нелюбовь к гласности святыми для американцев ценностями частной жизни: «Чтобы журналисты не докучали вопросами».

Американцы поняли правильно. Поэтому Random House и выписало пятизначный аванс.

Еще до выхода книги Мейлера чекистов расшифровали. В интернете и газетах можно прочитать, что генерал «Игорь Гузьмин» был Голубцовым, его прислали в Минск из Москвы «на укрепление кадров» в 1946 году, до Освальда он занимался поиском коллаборационистов, в начале 1950-х ловил американских парашютистов в БССР и вышел в отставку с должности начальника управления контрразведки в 1977 году.

Мейлер дает такой портрет 70-летнего генерала KGB в отставке:

> Грузный человек, старый, с широким красным лицом, которое могло принадлежать полицейскому-ирландцу в Нью-Йорке. Лицо впечатляет: от острого носа и вверх — выцветшие голубые глаза, готовые загореться праведным моральным огнем; но от губ и вниз он выглядел коррумпированным — двойной подбородок, раздутая шея полицейского шефа.

А непосредственный куратор Освальда «Степан» идентифицирован как капитан Александр Федорович Костюков, уроженец Гомельской области — в 1992 году его имя напечатали «Известия», именно так он был представлен и депутату Сергею Наумчику.

«Степану», как и «Игорю», посвящена особая глава в книге. Мейлер цитирует высказывание «Гузьмина» о Костюкове: интеллигентный, профессиональный, серьезный, с холодной головой, характер стойкий, терпеливый, чистый белорус, хорошо знал местную специфику, ловил и допрашивал немецких и британских шпионов — местных жителей, которых во время войны занесло на Запад, а потом домой.

Костюков родился в белорусской деревне, воевал, был ранен, пришел в органы еще во времена Берии, а ранее был сотрудником районного отдела статистики. Мейлеру он рассказывал, что не пил, не курил, не играл в домино, был морально устойчив. Квартира находилась в трех километрах от работы, выходил из

дома рано, шел пешком тихой улицей к парку Горького, проходил возле парка Купалы, дальше по проспекту, к дому с колоннами, поднимался на свой третий этаж и уже в половине девятого сидел за столом. Ему нравилось, что окна выходили во двор: тихо, ничего не мешает.

Начинал день с работы над документами, которые всегда, даже выходя на минуту, запирал в сейфе. И не потому, что в кабинете был еще один сотрудник, а потому что такой порядок. Потом сидел на совещаниях, собраниях, обедал в служебной столовой — очень хорошей (бифштекс или котлеты, салаты, чай со сливками), — в обед выходил во внутренний дворик, посидеть на солнышке, иногда сыграть в волейбол, он был хотя и невысок, но неплохо бил крюком.

Работа была творческая, объяснял он Мейлеру, что-то можно было решить за месяц, а что-то за год. Нельзя было ограничиваться временными рамками: всегда возникало что-то неожиданное. Кто, например, мог предвидеть, что Освальд женится на Марине?

Были задания, которые невозможно было выполнить, как ни старайся. Иногда уходил ночью, жена относилась с пониманием, сама работала на освобожденной комсомольской должности, дети были в круглосуточных яслях — каждый понедельник служебный автобус отвозил их от здания KGB на бывшую дачу друга Берии, бывшего председателя KGB БССР Цанавы, и там дети оставались до пятницы.

Когда дело Освальда близилось к завершению, Костюкова обидели: назначили заместителем начальника отдела, дали отдельный кабинет, но звание осталось прежнее — капитан. Полгода он молчал, но потом всё же пошел в отдел кадров, оказалось, просто забыли: ходили же в штатском.

Когда Мейлер попросил его покритиковать самого себя, Костюков сказал, что был чрезмерно требователен к детям, слишком добивался дисциплины. И иногда нетерпелив: когда собеседники говорили не по делу, он прерывал их и направлял разговор к сути дела.

В детстве он хотел стать учителем.

Если искать аналогии в лепидоптерологии, то чекисты, конечно, принадлежат к Acherontia atropos, семейству сфинксов

или бражников. Как пишут в популярной энтомологической литературе: «Бабочка “Сфинкс Мертвая Голова” является предметом предрассудков и ужаса среди простых людей из-за ее мрачного ауканья и изображения черепа на груди».

Мрачные восклицания в начале 1960-х годов раздавались намного реже, чем в предыдущие десятилетия, когда газеты не успевали печатать сообщения о разоблачении вражеских заговоров и молниеносных приговорах.

Восклицали обычно раз в год, в декабре, в день рождения органов. Коллега «Игоря» и «Степана» Михаил Аценков, русский, из мещан, член КПСС с 1916 года, чекист с 1920, зек с 1938 (попал под волну чисток НКВД от «ежовщины»), после отсидки — заслуженный ветеран и, как и Освальд, житель Минска, написал статью на 45-летие органов в главную белорусскую газету «Звязда»:

Напрасно темные силы международной реакции высовывают свое ядовитое жало. Его отсечет твердая рука наших славных чекистов! Отщепенцам и наемникам, людям с черными душами не свить своих гнезд на нашей земле!

В 1926 году Аценков получил выговор «за пьянство в притонах», который преследовал его в личном деле всю жизнь — может быть, этим и вызвана была некоторая мрачность, свойственная «бражникам».

Любители исторической литературы могут открыть рассказ Эдгара По «Сфинкс»: герой встречает ужасающего монстра, у которого из мохнатой массы щетинистых волос торчит двадцатиметровый хобот с пастью на конце, из шерсти высовываются два блестящих клыка, как у кабана, по бокам хобота блестят два хрустальных призматических рога, и две пары покрытых металлической чешуей крыльев раскинулись на двести метров в ширину. На груди ярко белело изображение черепа. Монстр взревел, и герой упал в обморок.

Оказалось — обычный мотылек.

Только вырос бесконтрольно. А так был хороший.

БЕРЕГИТЕ УШИ

Минск был не в Сибири, но Сибирь в Советском Союзе была всегда и, значит, всюду.

Освальду требовалась шапка. В декабре 1959 года в Москве ртуть в градуснике опускалась ниже минус 20, и уши можно было запросто отморозить.

Шапками в СССР занималось министерство обороны. Армия большая, зимы долгие, генералов как снега, и им надо что-нибудь приказывать.

Согласно приказу министерства обороны, шапка-ушанка — единственный головной убор, который можно было купить без очереди и блата — состояла из окола, колпака и тульи, а окол, в свою очередь, из козырька, назатыльника с наушниками и тесьмой — для их завязывания, как пояснялось в приказе. А носить ушанку приказывалось с 11 октября по 11 апреля, невзирая на термометры.

Солдатская шапка из серого сукна с искусственным мехом, которую купил Освальд, легко превращала генерала в рядово-

го, защитника отечества в солдата Чонкина, иностранца в лицо без гражданства.

Но американцу шапка шла. «Освальд чувствовал себя в ней очень комфортно, как джентльмен!» — так Станислав Шушкевич вспоминал своего ученика.

Мейлер так рассказывал А. Л-ку о встрече с Шушкевичем:

— Мне показалось, что это хороший человек. Мне показалось, что он немного поздно пришел в политику. Я не знаю, что произошло после нашего отъезда, но тогда у меня было очень хорошее впечатление.

А Шушкевич рассказывал А. Л-ку о встрече с Мейлером так:

— Когда ко мне обратились с просьбой о встрече и я узнал, что это автор романа «Нагие и мертвые», что это известный Мейлер, я сказал, что с удовольствием с ним встречусь. Когда он сказал, что хочет познакомиться с делом Ли Харви Освальда в белорусском KGB, я позвонил председателю KGB, тот пообещал изучить этот вопрос и дать ответ. И впоследствии ответил: пожалуйста, если хочет ознакомиться — пусть знакомится.

Шушкевич огорошил Мейлера рассказом о шапке Освальда — оказалось, он лично знал американца, и такая деталь! Другие детали были немногочисленны и некрасноречивы. Шушкевич не скрывал своего скептического отношения к Освальду: слесарь первого разряда не впечатлил аспиранта Академии наук.

Мейлер не исследовал далее роль шапки в жизни Освальда — но без нее его жизнь, как и судьба президента США, могла сложиться иначе. Точнее, с ней.

Как вспоминал Шушкевич, Освальд носил шапку как джентльмен — иными словами, с поднятыми и завязанными сверху наушниками. А опустил бы клапаны и затянул тесемкой — не заболел бы острым отитом и не попал бы с воспалением уха в больницу. Освальд, вероятно, даже нарушал приказ министерства обороны, предписывавшего не снимать шапку до 11 апреля, — чтобы пофорсить перед девушкой, с которой познакомился на танцах в начале марта 1961 года.

Девушек с опущенными наушниками не провожают — вдруг недослышишь что-нибудь девичье. Да и февраль, и март в том году выдались необычайно теплыми, средняя темпера-

тура колебалась вокруг нуля. Однако американскому уху этого хватило: оно воспалилось, таблетки стреляющую боль не успокоили, и ухажер очутился в больнице, где ему заодно удалили аденоиды.

Девушка посчитала своим долгом проведать кавалера — больных всегда жалеют, — и когда тот вдруг сделал предложение руки и сердца, она была застигнута врасплох. Остальные женихи поспели к шапочному разбору — через месяц гуляли свадьбу. Роль шапки-ушанки в этой истории соизмерима с опоздавшим письмом Джульетты к Ромео.

Вместе с недооцененной шапкой Освальда Шушкевич попал в книгу Мейлера и стал известен американским читателям — но не в качестве деятеля, причастного к уникальному в истории человечества событию — мирному распаду империи, а в роли учителя русского языка. Мейлер ничего не написал о личной истории «члена семьи изменника родины» Станислава Шушкевича, как делал это с другими своими собеседниками.

Отец Станислава Шушкевича, тоже Станислав, провел 14 лет в ГУЛАГе за «принадлежность к контрреволюционной национал-демократической организации», как в 1930-е годы называлась белорусская поэзия. Сын стал первым руководителем независимой Беларуси, и не видать бы Мейлеру архивов Освальда как своих ушей, если бы во главе государства тогда стоял или предшественник Шушкевича — партийный функционер, или генерал МВД, сменивший сына контрреволюционного поэта.

«Нет ничего хуже, чем измена родине», — так через три десятилетия после уроков русского языка Шушкевич объяснил американскому писателю, почему он недолюбливал Освальда.

«Шушкевич был воспитан в старых традициях», — так объяснил Мейлер своим читателям слова Шушкевича.

«Шапка сидит как на джентльмене» — несколько странный комплимент, обычно так говорят о шляпе, но это был самый позитивный отзыв, который Шушкевич дал об ученике при встрече с Мейлером.

Освальд Шушкевича в дневнике не упоминает, но в свой блокнот имя учителя русского языка записал.

Лучше бы шапку научился правильно носить.

СЕКРЕТ № RDP78T04753A0003000200005-4

Во Втором послании к фессалоникийцам апостол Павел увещевал трудящихся, поверивших в близость второго пришествия и прекративших в этой связи всякую трудовую деятельность как не имеющую смысла: не спешите, братья, кто не работает, тот не ест. В СССР это апостольское предупреждение включали в Конституцию, распорядок ГУЛАГа и декреты о тунеядстве. Исключений не делали и для перебежчиков.

Приказом № 6 от 12 января 1960 года Ли Харви Освальд был принят на работу в опытный цех Минского радиозавода регулировщиком 1-го разряда.

В документе ЦРУ № RDP78T04753A0003000200005-4 от ноября 1955 года предприятие под названием «Минский радиозавод “Молотов”» характеризовалось как «одно из важнейших производств гражданских радиоприемников в СССР, также, возможно, занимается военной электроникой и производством радаров». Отдел исследований и рапортов ЦРУ перечислял строения на территории завода по состоянию на ноябрь

1955 года: всего 16, от основных цехов до угольного склада. Еще один документ ЦРУ, 1952 года, утверждал, что на заводе изготавливали оборудование и радары для танков и самолетов, а также навигационные системы для радиоуправляемых бомб и ракет.

Эту информацию в документе под 26-значным номером разрешалось выдавать только на основании «необходимости знать»; персонал должен был сначала пройти специальную подготовку и получить допуск. Копии без разрешения источника делать запрещалось. Показ посторонним лицам карался в соответствии с законом о шпионах[24].

Как на такой режимный объект могли пустить американца? Ответ так прост, что даже обидно: не пустили. Только не Освальда на завод, а завод к Освальду.

К моменту появления американца в Минске радиозавод не только лишили имени (Молотов попал в политическую опалу и по СССР прокатилась волна переименований колхозов, заводов, улиц), но и лишили секретного производства. Военную часть вместе со всеми рабочими, инженерами и особым отделом перевели в состав другого промышленного объединения. А на улице Красной, куда определили слесаря из Нового Орлеана, делали мирные приемники и телевизоры. А потом и чуть-чуть кое-чего другого, но это потом.

Местом работы Освальд обязан медицинской карте стационарного больного. Врач Боткинской больницы, вносивший паспортно-статистические данные, со слов неудавшегося самоубийцы в графу «образование» вписал загадочную среднюю школу радиотехники — так, вероятно, трансформировались курсы морских пехотинцев, где готовили операторов радаров.

Генерал «Игорь» объяснил Мейлеру, что:

а) KGB не занимался трудоустройством Освальда,
б) не подбирал ему квартиру,

---

24 По оперативным данным, дело № RDP78T04753A0003000200005-4 и другие подобные сведения о Минске и окрестностях были рассекречены и в 2017 г. стали общедоступны в читальном зале библиотеки ЦРУ по адресу https://www.cia.gov/library/readingroom/
Для справки: зато в Минске улицы чистые.

в) это была прерогатива Совета министров,
г) с органами даже не консультировались.

Мейлер повторяет эти слова без комментариев, принимая логику генерала. Действительно, если бы с KGB консультировались и следовали его указаниям, вряд ли бы американца, которого подозревают в связях с ЦРУ, поселили рядом с тремя режимными объектами с круглосуточной охраной, во дворе телецентра, рядом с радиокомитетом и с видом на штаб военного округа.

Логика, конечно, могла быть и обратной — поэтому и поселили, но не более правдоподобной.

С логикой всегда так.

СЛЕСАРЬ ИЗ НОВОГО ОРЛЕАНА

Гордыня, как известно, является грехом номер один, но встречавший Освальда на проходной плакат: «Гордое звание — рабочий!» — если и грешил, то только в сравнении со званием «колхозник»[25].

Рабочую профессию Освальда в разных документах именовали и переводили по-разному: регулировщик, слесарь, контролер, токарь. Главным будет, однако, то, что ни одна из них не пленит воображение нового строителя коммунизма, не воодушевит его не только на трудовые подвиги, но даже на выполнение плана.

Хотя KGB следил за Освальдом с момента выхода из гостиницы до позднего ужина, подробности первого рабочего дня на рабочем месте не зафиксированы.

---

25 По оперативным данным, у рабочих, например, были паспорта, а колхозникам их выдали только в 1974 году.
Для справки: не это главное.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
13.01.60
08:00—24:00

В 8:00 было установлено наблюдение за проходной на радиозаводе, где сейчас работает Ли Харви. В 16:25 Ли Харви вышел с радиозавода и пошел вниз по улице Красной и Захарова до троллейбусной остановки, там сел на троллейбус № 2 и, не вступая ни с кем в разговоры, доехал до остановки «Улица Володарского», вышел из троллейбуса и пошел в гостиницу. Было 17:00, когда он вошел в гостиницу. Пошел сразу в свой номер. В 21:55 Ли Харви вышел из номера и спустился в ресторан, где сел за свободный столик, заказал у официантки еду, поужинал, затем расплатился и вернулся в номер в 22:25. Из номера не выходил. В 24:00 наблюдение было прекращено до следующего утра.

За то, что происходило за проходной и в опытном цеху, отвечал завод.

В городе за Освальдом вели наблюдение несколько групп KGB, которые не должны были знать друг о друге. Все рапорты попадали к «Степану», который писал регулярные отчеты «Игорю», а тот докладывал председателю Петрову и информировал Москву напрямик.

От здания на московской площади, где он купил свое первое советское мороженое, Освальда отделяли три иерархические ступени.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
13—16 января 1960

Работаю «контролером», слесарем, зарплата 700 рублей в месяц, работа очень легкая, быстро учу русский язык. Все очень дружелюбны и добры. Встречаю много молодых русских рабочих моего возраста, у каждого свой характер, все хотят обо мне знать, даже предлагают провести собрание, чтобы я рассказал. Вежливо отказываюсь. Вечерами хожу с Розой в театр, кино или оперу, почти ежедневно. Живу на широкую ногу и очень доволен. Получаю «помощь» от Красного Креста, 5-го числа каждого месяца. Это 700 рублей. Всего в месяц у меня выходит 1400, почти как у директора завода!

1400 рублей — это «старыми», до реформы 1961 года, которая отняла один ноль. Официально средняя зарплата в СССР составляла 783 рубля.

Что можно было купить на эти деньги? Свой опыт жизни и работы в СССР Освальд изложит в рукописи, которую озаглавит «Коллектив — жизнь русского рабочего». Автор не ограничится наблюдениями за заводской проходной. Во время прогулок по Минску Освальд заходил в ГУМ не только, чтобы купить электровилку, но и для изучения предложения, спроса и цен (в новых рублях), которые аккуратно записывал.

Отчет о ГУМе получился насыщенный:

КОЛЛЕКТИВ — ЖИЗНЬ РУССКОГО РАБОЧЕГО

Здесь можно купить всё, что продается в маленьких специализированных магазинах, записаться на холодильник, пылесос, даже машину (ничего из этого нельзя купить сразу). Очередь на холодильники (112 миллионов продано с 1952 по 1958 год) — три месяца, столько же на пылесосы. На автомашины очередь от шести месяцев до года, в зависимости от того, на какую из трех моделей внесен задаток. «Москвич» стоит 2500 рублей, считается наилучшим, и поэтому его ждать нужно почти год; однако «Победа» и «Волга» немного дешевле, и их можно дождаться через шесть-семь месяцев.

Освальд напутал: «Москвич» стоил 2500 рублей, «Волга» — 4000. (В новых деньгах, после девальвации 1961 года. Обе антикварные марки того года выпуска можно купить и через полвека, но разница в цене уже тридцатикратная — в пользу «Волги».)

Машины здесь покупают в основном под заказ. Модели не очень впечатляют. «Москвич» выглядит как коробка на колесах, а «Волга» — как «Студебеккер» 1938 года, с которого, кстати, она и сделана, «довоенная помощь Америки». Мотоциклы и телевизоры, однако, можно приобрести сразу за наличный расчет. Хороший, с мощным двигателем мотоцикл стоит 350 рублей, и их качество лучше, чем более сложных автомобилей. Телевизор стоит от 80 рублей за экран размером 6 на 6 дюймов до 350 рублей за хорошо сделанный аппарат с экраном 22 дюйма. Другие легкие настольные модели стоят 190 и 145 рублей.

Ни мотоцикла, ни телевизора Освальд не купил. Покупал рубашки, галстуки, костюм26.

Здесь можно купить готовые костюмы, сшитые из грубой ткани. Более дешевые, двубортные голубые за 110 рублей либо лучше пошитые на трех пуговицах за 250 рублей. Пиджак стоит 40 рублей, и пара брюк не дешевле 15 рублей. Также обычно продаются и дешевые пиджаки, по 30 рублей.

Освальд не упоминает в этих записях самую важную и самую длинную очередь — жилищную.

Может потому, что жилье выдавалось бесплатно.

---

26 По оперативным данным, этот костюм поехал с Освальдом в Америку и являлся самой дорогой вещью в его гардеробе.
Для справки: комиссия Уоррена оценила купленный в Минске костюм советского пошива как «плохо сидящий, из грубой ткани, не подходящий к климату в Техасе и Луизиане, но, хотя Освальд чувствовал себя в нем некомфортно, все же надевал его несколько раз, когда этого требовали обстоятельства».

КВАРТИРА ДЛЯ ХОЛОСТЯКА

Все сближения странны: у тройки положительных признаков «женатый», «рабочий» и «боевой» один общий антоним: холостой.

Через две недели после появления американца на радиозаводе главная республиканская газета «Звязда» опубликовала странное письмо рабочего этого самого завода.

Под несколько игривым заголовком «А как же холостяку?» некто М. Дмитриенко жалуется на дискриминацию по семейному признаку: он живет в общежитии, не женат, а таких не ставят в очередь на получение квартиры. Рабочий никого не боится и по-боевому называет фамилии разных заводских и профсоюзных начальников, которые со смехом советуют ему найти девушку с квартирой или сначала жениться и родить ребенка, а потом записываться на очередь. Затем Дмитриенко сообщает, что ему не до шуток, потому что к созданию семьи надо относиться вдумчиво.

Странным это письмо было только по одной причине — что его опубликовали, ведь таких, как Дмитриенко, были тысячи.

Через месяц газета получит ответ директора завода «тов. Юделевича» о месте в общежитии, которое имеет жалобщик (в отличие от автора письма — рабочего, инициалы директора не называются), — но не напечатает ответ полностью, а только съязвит и назовет доводы директора невразумительными.

Ни один из трех участников этого эпистолярного столкновения на газетных страницах не искренен.

Автор письма знает, что по углам ютятся даже инвалиды войны и многодетные семьи, и делает акцент на вдумчивое, серьезное отношение к браку.

Директор знает, что инструкция не запрещает ставить одиноких мужчин на квартирный учет, но считает требования рабочего «непонятными», потому что тот обеспечен общежитием.

А газета демонстрирует принципиальность, ни словом не упомянув саму проблему — катастрофическую нехватку жилья, потому что деньги шли на солдатские шапки и другую амуницию.

Всё происходит, как в анекдоте Мейлера про садиста и мазохиста, только никто не удовлетворен[27].

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
16 марта 1960

Получаю небольшую квартиру. Одна комната, кухня, ванная комната, недалеко от завода (8 минут пешком) с великолепным видом на речку с 2 балконов, почти бесплатно (60 рублей в месяц). Это мечта русских.

О квартире на берегу речки в центре города на одного ценой в 5 % месячного заработка 20-летние рабочие могли с одинаковым успехом мечтать и в Минске, и в Новом Орлеане.

---

27 По оперативным данным, анекдот будет рассказан на стр. 170.
Для справки: фамилию директора завода, где работал Освальд, сам он нигде не упоминает, хотя и хвалится в дневнике, что зарабатывает как директор. Его имя не известно ни комиссии Уоррена, ни Мейлеру с Шиллером, ни широкой общественности освальдоведов. Впервые оно открыто для читателей этой поэмы: Юделевич Давид Львович.

Более реалистичным не только для Америки, но и для СССР выглядел свой автомобиль. Для Освальда — «Запорожец», который начали выпускать в 1960 году, и стоил он 16 000 дореформенных рублей. До своего отъезда из Минска в июне 1962 года Освальд реально мог бы собрать на машину и стать первым американцем — владельцем «горбатого» однодверного «Запорожца».

И потом перевезти его в Америку, ездить на нем на работу, и в один ноябрьский день он заглох бы по дороге, и вместо склада учебников водитель должен был бы попасть в автомастерскую и там долго рассказывать шокированным механикам, откуда такое чудо взялось, почему вместо мотора впереди багажник, и зачем там карабин и пачка патронов.

Освальд в Минске машину не купил.

Он вообще не имел прав и не умел водить.

Но ружье купил. И патроны.

Кстати — не холостые.

76 СТУПЕНЕК ВВЕРХ И ВНИЗ

Если город стоит на берегу, в городе должна быть улица Набережная. В Минске такая улица есть, но речки с нее не видно. Возможно, поэтому сегодня набережная Свислочи называется улицей Коммунистической.

Дом на берегу под номером 4 на этой улице, носившей во время приезда Освальда имя Калинина, строили еще пленные немцы.

Капитальные стены клали из кирпича, а перегородки в квартирах делали из дерева, заполняли дранку известковым раствором, штукатурили и клеили обои. Лифта нет, до площадки четвертого этажа нужно одолеть 76 ступенек.

Пол паркетный, из крохотной прихожей одни двери ведут в кладовку, другие на кухню, справа дверь в ванную комнату, где вместе с огромной чугунной эмалированной ванной (пришлось дополнительно делать прорезь в косяке, чтобы она стала) был туалет — белый стульчак, от которого на два метра вверх шла чугунная труба до сливного, также чугунного бачка. Потянешь за цепочку — и ринется вниз вода, смывая порванные на мелкие кусочки шифровки, секретные документы, схемы аэродромов...

Ничего такого Освальд не смывал, потому что не имел. Но чугунные трубы остались без изменений и продолжают служить новому хозяину квартиры, который ходит по тому самому паркету, смотрит в те самые окна и охотно фотографируется с журналистами на балконе в той самой позе, как когда-то Марина и Освальд: спиной к стенке, без улыбок, муж смотрит на речку, жена в объектив.

Когда Эдуард Кадырович Сагындыков покупал квартиру в 1990-е годы, он ничего не знал о прежнем знаменитом жильце. Предыдущая хозяйка рассказала, только когда были оформлены и подписаны все бумаги. Сейчас у Сагындыкова в компьютере масса информации об Освальде: интервью, исторические фотографии, газетные публикации.

Сагындыков кое-что в квартире переделал: поставил новые окна, сменил громоздкую чугунную батарею на эффективную современную и, чтобы не ходить через коридор, прорезал стенку из комнаты в кухню. Ширина внутренней стенки — 12 сантиметров, щепа, дерево, пустоты — именно через такую стенку вели наблюдение сотрудники KGB.

Изначально квартира планировалась как большая, но потом из нее сделали две, их разделяет как раз такая несерьезная перегородка. Если Сагындыков засыпает и забывает выключить телевизор, соседи жалуются — всё слышно.

Дом на берегу реки был одним из самых завидных в Минске: в самом центре, до площади Победы одна минута через двор, восемь минут до заводской проходной, окна на парк и на Свислочь, чье водяное зеркало выглядит здесь как озеро, с двойного балкона, больше похожего на террасу, видны парк Горького, Дом офицеров, далее — две башни православного собора, Театр

оперы и балета и классический фронтон штаба Белорусского военного округа, теперь Министерства обороны.

Под окнами, чуть левее, деревянный дом-макет I съезда РСДРП. Освальд не оставил свидетельств, посетил ли он музей.

Сагындыков в макете бывал, тем более что и до переезда жил рядом, через проспект, со стороны парка Горького. Жена умерла, дети выросли и разъехались, и он перебрался в меньшую квартиру. Если кому-то заблагорассудится написать для сцены историю жильцов квартиры, например сделать мюзикл, проблемы с исполнением роли теперешнего хозяина будут большие, чем с ролью Освальда.

Сначала вопрос языка: казах по паспорту, Сагындыков понимает идиш, на котором говорили в Минске до войны, работал на белорусском телевидении и может говорить по-белорусски, но по-казахски не знает ни слова.

Его дед, зажиточный минский еврей-торговец Онефатэр, посмотрел на послереволюционный бардак и принял единственно правильное решение — уехать в Америку. Но четыре дочери-марксистки твердо верили в идеалы нового мира и остались его строить. Одна из них поехала на учебу в Москву в Коммунистический университет имени Свердлова, познакомилась там с национальным кадром из Казахстана, и поехала с ним в Петропавловск, куда его назначили секретарем обкома партии. Вскоре после рождения сына отца арестовали и расстреляли, мать как жену врага народа сослали в ГУЛАГ, а ребенка отдали в детский дом. Там его нашла тетка, забрала и воспитывала как сына — до десяти лет он ничего не знал о своей истории. Однажды он вернулся из школы домой и увидел двух матерей: сестры были близнецами. Ну и так далее.

Мейлер приходил в восторг от таких историй и включал в книгу всё, что попадало под руку, какое бы далекое отношение ни имели жизненные перипетии его собеседников к центральной теме книги. Этой истории в книге нет только потому, что интернациональный хозяин заселился в дом на Коммунистической уже после выхода книги.

Сагындыков не знал, что Освальд — не единственный американец, который ночевал в его квартире.

Еще — Норман Мейлер.

СНЫ МЕЙЛЕРА

Всем не спалось.

Так, с одетых и бодрствующих, начинается самый первый роман Мейлера о нагих и мертвых. Автор любил ночную жизнь.

Вся эта история — и Освальда, и Мейлера, и еще сотни персонажей — могла бы быть рассказана после одной ночи автора в минской квартире героя.

Писатель в постели будущего (уже в прошлом) убийцы — тени, голоса, шаги, позы, окно, балкон, туда-назад...

Можно снять такой фильм — хоть документальный, хоть художественный, хоть сериал.

Но в нашей поэме это будет только короткая глава.

Так захотел Мейлер, ни словом не обмолвившись об этой ночи в своей книге.

Спал, что ли[28].

---

28 По оперативным данным, это еще не самая короткая глава.
Для справки: ее сестра.

НАЛИМ И ЛИХАРЯ

Ли Харви — язык отталкивается от альвеол и после узкого, влажного и короткого гласного звука поднебье наполняется горячим объемом то ли эха, то ли смеха, то ли горя, чтобы хрипло вскрикнуть на прощанье: рви.

Самое первое имя Освальда в Минске — Алёша.

Именно так его начинают называть девушки-переводчицы «Интуриста» в гостинице «Минск». Первая реакция Мейлера на это — конечно, из-за Достоевского, как одного из братьев Карамазовых?..

В ответ переводчица рассказывает писателю историю о песне «Алёша» и болгарском памятнике советским воинам-освободителям в Пловдиве, названный так нежно в честь русского солдата-связиста[29].

На минском радиозаводе Освальда называют Аликом — он откликается на это имя, так большинство знакомых и запомнило его на многие десятилетия.

Жена называет его еще и «Алька».

Ленинградские родственники Марины присылают им поздравление с новым 1961 годом, в котором нежно именуют Освальда Олегушкой (на конверте — «Олегу Освальду»).

В донесениях KGB Освальда называют «Ли Харви». Может, и почтительно, но неграмотно, ведь это только имя и второе имя, даже не имя-отчество.

Вскоре ему присваивается кличка «Лихой» — здесь уже чувствуется фонетический вкус.

Затем кличка меняется на «Налим». Почему? Возможно, обычное бюрократическое соперничество различных управлений и отделов, отсутствие координации, возможно, результат режима секретности, когда каждый сотрудник или группа работают автономно и не знают, что делают коллеги. Две клички некоторое время встречаются в документах KGB одновременно.

Также применяются аббревиатуры: «ОЛХ» — до июля 1961 года, после — «ЛХО», и изредка — «Л».

В конце 1961 года американца в донесениях KGB представляют почти как советского гражданина — «Освальд Л. Х.», в заводской характеристике — «Л. Х. Освальд».

Удостоверение общества охотников и рыболовов выписано на имя «Алексей Харвей Освальд».

В одном заводском документе написано: «Фамилия — Освальд, Имя — Ли Харвей». Это наиболее корректный вариант, он употребляется в материалах Красного Креста БССР, где Освальд состоял на учете как «политэмигрант».

---

29 По оперативным данным, песню «Стоит под горою Алёша» Освальд не слышал, т. к. она впервые прозвучала в 1968 году.
Для справки: популярная была песня, ее пели советские связисты, когда в 1968 г. танковыми колоннами двинулись в Восточную Европу.

Сам Освальд по-русски подписывается «Алик» и «Алек», но чаще — «Алек». Обратный адрес на конверте он сдержанно подписывает «Л. Освальд»[30].

Этимологические словари объясняют значение фамилии «Освальд» как «божественную силу, управление Бога» — поэтому в одной из конспирологических теорий Освальда связывают с именем мага Оза, который управляет Изумрудным городом и находится в оккультной связи с идеей прекращения жизни. А фамилию Руби, убийцы Освальда, — с рубиновыми туфельками героини сказки Элли, победившей Оза.

Страшно представить, что будет, если любители ономастики узнают имя первой минской переводчицы Освальда — ее звали Сталиной (после смерти «отца народов» она превратилась в Стеллину).

Еще страшнее представить, что было бы, если бы Освальд остался в Беларуси и пришел получать местный паспорт: Алексей Георгиевич, или Олег Харитонович, или Александр Григорьевич Освальдов либо Освальдчук.

Имя Освальда как волшебный магнит уже больше за полстолетия притягивает всё, что хоть ненароком оказывается вблизи или даже вдали, как несчастная фотография с вроде бы отцом кандидата в президенты США Теда Круза, на которой тот запечатлен вроде бы рядом с Освальдом. Логики не ищи, как говорил об окружающей советской действительности ее руководитель Леонид Брежнев.

Один выпускник Минского политехнического института, куда Освальд заходил на танцы, вспоминал, что студенты между собой называли американца «Лихарь», «Лихаря» и даже «Харя».

Но в этой поэме Освальд всегда будет ЛХО.

---

30 По оперативным данным, в США Л. Х. Освальд пользовался также именами О. Х. Ли — под такой фамилией он снимал квартиру в Далласе. Алек Дж. Хиделл — на это имя, переиначенное из кубинского Фиделя, он подделал документы и оформил заказ на покупку револьвера и карабина через почту. Леон Освальд — так он представлялся кубинцам.
Для справки: кубинским симпатиям Освальда посвящены многие страницы отчета комиссии Уоррена, а вот «Ли» как китайско-корейский след не исследовался.

ИСКАТЕЛИ СЧАСТЬЯ

Добыча серотонина, известного как гормон счастья, — занятие общечеловеческое. Но не повсеместное, так как на экспорт этот продукт не идет, ибо скоропортящийся. Что и установила комиссия Уоррена, когда расширила контекст и посмотрела на товарищей Освальда по поискам счастья в СССР[31].

В одно время и в одном месте с Освальдом повышала уровень эндорфинов в крови американская пара Молли и Морис Блоки. В календарном смысле даже наоборот: Освальд занимался гормонотерапией в одно время с Блоками.

---

31 По оперативным данным, на это указывал один издатель-писатель полтысячи лет назад: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знають ямы своя; птици, летающие по возъдуху, ведають гнезда своя; рибы, плывающие по морю и в реках, чують виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, — тако же и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають».
Для справки: это значит, что кроме серотонина и эндорфинов, для счастья необходим нейромедиатор так называемого внутреннего подкрепления с говорящим именем «домафин».

Морис Блок приехал в 1957 году на всемирный фестиваль молодежи в Москву, оттуда отправился в еще одну землю обетованную, Китай, после чего госдепартамент конфисковал его паспорт. Однако настоящую любовь не остановить: в 1958 году Блок попробовал вернуться в Советский Союз по фальшивому паспорту, но неудачно. Тогда летом следующего года с женой и ребенком он приплыл в польскую Гдыню, объяснился в любви к социализму, и через месяц все трое очутились в Москве.

Гостиница «Ленинградская», одна из семи сталинских высоток, воплощала все преимущества власти трудящихся для иностранцев: лифты, рестораны, золото, мрамор, ковры, бронзовые канделябры, внесенные в книгу рекордов Гиннесса. Блоки получили бесплатный номер, сходили в мавзолей и обратились за визой в китайское посольство. То ли в Китае хватало своих коммунистов, то ли самим не было чего есть, но Блокам повезло — визу им не дали[32].

В сентябре 1959 года, за месяц до приезда Освальда, Блоки получили убежище в СССР и внутренние паспорта для иностранцев. Круг замкнулся.

Замкнулся только в том смысле, что предки обоих Блоков были из белорусского местечка Пружаны и выехали в Америку в поисках лучшей доли. Теперь их внуки двигались за тем же, но в обратном направлении.

Блоков в Беларусь не послали. Им дали двухкомнатную квартиру в Одессе, выписали 1000 рублей на мебель, Мориса приняли на работу механиком в порту, а Молли стала преподавать в политехническом институте. 166 рублей зарплаты на двоих в месяц, квартплата 19 рублей — условия ничем не хуже, чем у Освальда в Минске, плюс море, солнце, рынок, рыба, фрукты и овощи. То есть лучше.

От полноты чувств в декабре 1959 года Морис опубликовал письмо в украинской республиканской газете, в котором су-

---

32 По оперативным данным, в 1959 г. в результате политики большого скачка в Китае начался период не менее большого голода, протянувшийся три года и официально унесший 15 миллионов жизней.
Для справки: неофициально погибло 36 миллионов — в полтора раза больше, чем во всем мире непосредственно в результате военных действий во время Второй мировой войны.

рово критиковал американские порядки и жаловался на ФБР, не полюбившее его хождения по коммунистическим огородам. Через пару месяцев выступил с новым разоблачением США в местной газете.

Всё было хорошо, а потом стало даже отлично. Если в Минске в учителя русского Освальду назначили двух инженеров с недвусмысленными инструкциями никогда не оставаться с американцем один на один и личных вопросов не задавать, то в Одессе учить Мориса склонениям и спряжениям приставили юную лингвистку. Хотя на дворе стоял февраль и ртуть опускалась до 17 градусов, температура тел на уроках подскочила выше рекомендуемой нормы. На почве супружеской неверности вспыхнул скандал, жена забрала дочь и села в московский поезд.

В Москве ее встретили и, вместо того чтобы отправить, например, на родину предков в Пружаны, поселили в еще лучший отель, где останавливался Мао Цзэдун и жил Освальд, — «Метрополь». Там, под майоликовым панно работы художника Врубеля с уместным названием «Принцесса Греза», греза Блоков продолжилась. За всё платил Красный Крест, а когда через полгода заболела дочка, Молли получила однокомнатную квартиру и работу переводчицы в издательстве. А в августе с повинной явился Морис.

Советская власть, однако, оказалась не резиновой, и супругам предложили вернуться по месту прописки и работы в Одессу. Тогда же, одновременно с Освальдом, Блоки решили, что, возможно, их пружанские деды знали, что делали. Начались походы в американское посольство: мы передумали, дайте нам паспорта, одолжите денег на дорогу. Посольство своим гражданам было готово помочь, но у советской власти кончились выездные визы, и Блоки вернулись в Одессу.

Трижды им предлагали принять советское гражданство, трижды они отказывались. Освальд с женой и дочкой уже вернулся в Америку, а Блоки застряли в Одессе.

В январе 1963 года Госдепартамент принял решение о выдаче им документов на возвращение, но февраль того года тоже таил сюрпризы. У Блоков неожиданно и бесследно пропали все советские документы.

Новых не выдавали, на хождения, просьбы, письма отвечали неторопливо, и в мае сообщили, что вместо документов они получат справки о регистрации. Летом 1963 года Блоки вновь обратились за выездными визами, получили отказ, затем в апреле 1964 обратились снова.

Мориса стали раздражать вещи, ранее восхищавшие. Выведенный из себя бесконечными рапортами о трудовых победах и преимуществах соцстроя, непрерывно лившимися из всегда включенного радиорепродуктора на работе, он его отключил. За что был на месте серьезно поколочен группой рабочих, раздраженных привилегиями Блока и изменой взглядам. А может, за учительницу русского отомстили.

Молли нажаловалась на жизнь корреспонденту The New York Times, заехавшему в Одессу, но перед тем как стать лучше, после публикации стало хуже. Мужу предъявили обвинение в хулиганстве, жене — в распространении антисоветской пропаганды. Поучив неблагодарных Блоков еще пару месяцев, советская власть объявила их персонами нон грата и 11 июля 1964 года семейство отбыло в том же направлении, что и их пружанские деды полувеком ранее.

Эпопея Блоков попадет в поле зрения комиссии Уоррена и убедит, что отсутствие логики и здравого смысла не обязательно являются следствием заговора и операций спецслужб.

Гормональная недостаточность правит миром.

ОШИБКА KGB

Сын за отца не отвечает, ха-ха-ха. Как-то так.

Отец Павла Головачёва был летчиком и дважды Героем Советского Союза, мать — домохозяйкой, верно следовавшей за мужем по местам службы, а сын — исключенным из комсомола разгильдяем, которого родители послали в Минск, где у них была квартира, зарабатывать производственную характеристику для учебы в институте.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
17 марта — 31 апреля 1960

Работаю. Потерял связь с Розой после переезда в квартиру. Познакомился с Павлом Головачёвым. Молодой человек моего возраста, дру-

желюбный, очень умный, отличный радиотехник. Его отец генерал Головачёв, командующий в Юго-Западной Сибири. Дважды герой СССР во Второй мировой войне.

Рабочее место Головачёва было в пяти метрах от американца. Когда секретарь парткома Либезин спросил, кто на участке знает английский, оказалось, что все вокруг учили немецкий, один Павел кое-что помнил со школы. «Будешь помогать», — постановил партсекретарь.

Дело было в том, что уже в начале трудового пути Освальда едва не побили. Один слесарь подготовил свой пресс для работы и вышел покурить. Неписанная этика относила такие конструкции к категории неприкасаемых. Освальд разобрал настройки и начал прикручивать свою деталь. Хозяин пресса вернулся, озвучил непечатные слова рабочей этики и прикоснулся к американцу: взял за грудки.

Международный конфликт погасил секретарь парткома: заставил любителя перекуров извиниться. Но это не решало главной пробемы Освальда на заводе — ограниченной лексики и непонятности понятий. И тут под руку подвернулся молодой парень с английским. На следующий день со словарем в руках он начал знакомиться с американцем.

Головачёв взял спичечный коробок и уронил — так Освальд выучил важные глаголы «упал», «падать».

Однажды во время долгого интервью с Мейлером начальник управления KGB «Игорь» признался, что и они делали промахи: никто не совершенен. И одна из главных промашек — допустили знакомство и дружбу 18-летнего генеральского сына с американцем.

А ошибки, даже собственные, надо исправлять.

Уже через две недели после первой встречи с Освальдом по дороге домой Павла остановил незнакомый человек, показал удостоверение KGB и предложил поговорить. Стоял мороз, Павел мерз и пригласил «Степана» зайти в квартиру. Оперработник показывал одну за другой пять фотографий и спрашивал — знаешь? Павел никого не узнал и спросил сам, кто эти люди.

В ответ прозвучало: государственные преступники.

Затем «Степан» достал фото Освальда и объяснил Головачёву, что сейчас его патриотический долг помочь родине.

Никакого особого долга перед родиной Головачёв не испытывал, но, как он объяснил Мейлеру через три десятилетия, существовал очень сильный заменитель этого чувства.

Страх.

РАПОРТ KGB
18.02.60

Путем личного наблюдения и в разговорах «Л.» не заметил подозрительных проявлений в поведении Освальда. Он не слишком интересовался работой и нередко делал замечания вроде: «Почему я должен пилить этот металл этой пилкой, я же не собираюсь в инженеры. Моя настоящая мечта — выучить иностранные языки, и выучить хорошо». (Он не уточнил, какие именно.) В разговорах сдержан, отвечает на вопросы кратко, уверенно.Однажды, по просьбе «Л», они читали речь президента Эйзенхауэра в «Правде». В этой речи Эйзенхауэр пытался показать техническую отсталость Советского Союза по сравнению с Соединенными Штатами. Освальд ответил, что Эйзенхауэр лжет, СССР не менее технически развитая страна, чем США. Освальд почти никогда не рассказывает о жизни в своей стране или как он попал сюда. Иногда, в обед, он обменяется двумя-тремя словами с молодыми людьми, девушками и парнями, и сравнит жизнь в СССР и США. Но в таких случаях он также высказывается положительно о положении рабочих в СССР.

В действительности после первой недели на заводе Освальд заметил и почувствовал что-то совсем иное.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
16 января 1960

Мне не нравится: портрет Ленина, который смотрит со своего почетного места, и физзарядка в 11:00 —11:10 каждое утро (обязательная) для всех. (Тени Г. Уэллса!!).

Мейлер не пишет, кто такой «Л.», — ибо не знает. Кто угодно мог быть. После звонка Шушкевича в KGB Мейлеру начали

помогать, но сразу предупредили об ограничениях. В интервью А. Л-ку Мейлер вспоминал:

Председатель KGB Ширковский однажды, ухмыляясь, сказал: «Разумеется, мы не можем дать вам имена наших источников».

Мейлер объяснил ухмылку — Ширковский также сказал ему:

— «Но если немного потрудитесь, походите вокруг, вы поймете, кто они». И мы действительно узнали.

— Когда вам давали документы — это были полные тексты или некоторые части были закрыты?

— Они были очень осторожны. Они не хотели никоим образом повредить себе тем, что нам давали. Как я сказал, часть более интересных материалов мы получили с черного хода, но я действительно не могу об этом рассказывать.

— Они всегда помогали вам материалами?

— В принципе, да. Через месяц или два суть позиции KGB была такова: мы дали обещание. Это было дурацкое обещание. И сейчас, когда приходится его выполнять, это действительно головная боль. И как, черт побери, выполнить это обещание? Давайте дадим минимум того, что можно дать.

— Был ли какой-то важный материал, который вы просили, но не получили?

— Главное, чего мы не получили, — имена источников.

Их могло быть сколько угодно: просьба органов следить за американцем не выглядела незаконной или морально сомнительной. Наоборот — патриотической. Не родственник, не земляк, не друг, как с неба свалился — из чужой, враждебной империи. И даже удостоверение не нужно было показывать — сами придут и расскажут.

Однако ценность информатора возрастала по мере его приближенности к объекту, поэтому именно ближний круг интересовал в первую очередь. «Степан» говорил Мейлеру, что следить в принципе было нетрудно. Круг общения Освальда был небольшим, резко не менялся, не представлял особых сложностей.

Как писал в газете «Звязда» в год приезда Освальда в Минск председатель KGB генерал Петров:

Тесная связь органов безопасности с народом — незыблемая традиция советского общества, которая постоянно обогащается и развивается.

Хотя что там уже было обогащать и развивать в этой традиции после предыдущих десятилетий?..

Преувеличивал генерал. Но не преуменьшал[33].

33 По оперативным данным, газета «Известия» в 1992 г. оценивала число информаторов KGB вокруг Освальда в Минске в два десятка человек.
Для справки: а как бы А. Л-к хотел — чтобы за человеком без паспорта со склонностью к стрельбе по зайцам, генералам, полицейским, губернаторам, вице-президентам и президентам не следили?!.

ЩУРЬ И ЖМУРЬ

Из всех знаков препинания для любого читателя важнейшим является точка.

Эту краткую главу можно пропустить и не читать, настолько она необязательна, несущественна, бесполезна для тех, кого интересует история американского перебежчика. Но если в предыдущем предложении поставить точку на два слова раньше, так почему бы и не бросить на нее взгляд?

В январе 1960 года, когда Освальд почувствовал себя неловко под прищуренным взглядом портрета на стене, ему могло показаться, что покойник воскрес — если бы американец читал местную печать. За первый месяц года в республиканских журналах и газетах было опубликовано 733 статьи, которые книжная палата БССР сочла достойными упоминания в «Летописи печати».

«Топ-20» января 1960 года — только заголовки — выглядел так:

1. В. И. Ленин о двух концепциях развития
2. Ценный вклад в марксистскую литературу
3. В. И. Ленин о победе коммунистического труда
4. Ленинская идея соревнования — источник трудовых побед
5. Ленинское единство партии и современный ревизионизм
6. Как работал Владимир Ильич
7. В кружке, которым руководил Ильич
8. Бесконечно дорогое имя
9. Как Владимир Ильич писал «Декрет о земле»
10. Вечно живой
11. Ленин на трибуне
12. Большой друг трудового крестьянства
13. Любимый Ильич
14. Как работал Владимир Ильич
15. Черты гения
16. Из глубин сердец народных
17. «Вот это человек!»
18. Встреча
19. Мои последние встречи с Ильичом
20. Ленин и теперь живее всех живых, наше знанье, сила и оружие

Эта глава могла быть в 38,6 раза длиннее, если бы редактор позволил напечатать весь список за январь.

Ради справедливости — дальше в списке не только о самом человечном из всех человечков. Но и в году не только один месяц.

А Освальд жалуется, что портрет на него не так щурится.

Глаза зажмурь.

ДО И ПОСЛЕ

Когда говорить не о чем, говорят ни о чем, т. е. о погоде.

В день приезда Освальда градусник в Минске показывал ноль. В феврале температура падала ниже минус 26, в марте колебалась от минус 24 до плюс 9, в апреле подскочила до плюс 20.

Чем, кроме разговоров о метеоновостях, занимался Освальд первые сто дней в Минске, чему научился на заводе, с кем еще подружился, как проводил свободное время — неизвестно.

Мейлер не пишет — в книге нет цитат из материалов KGB за этот период. В «Историческом дневнике» тоже ни одной записи. Мотылек не оставил следов.

Исторический свет включается 1 мая 1960 года: хотя праздник рабочей солидарности пришелся на воскресенье, отмечали его два дня (в понедельник был выходной).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
1 мая 1960

Первое Мая стало моим первым праздничным выходным, все заводы и т. д. закрыты. После зрелищного военного парада — демонстрация ра-

бочих перед трибуной, с флагами и портретами мистера Х. и т. д. Я следую американскому обычаю, отмечая праздник тем, что всё утро сплю[34].

Пока Освальд спал в Минске, происходило историческое событие: американский самолет-разведчик U-2 приближался к уральскому городу Свердловску. Была объявлена тревога, и председателю советского правительства Хрущёву на первомайской трибуне Мавзолея докладывали об охоте на праздничного шпиона.

Американские самолеты летали и над Беларусью: несколькими годами ранее советский посол Зарубин в Вашингтоне передавал госсекретарю Даллесу ноту протеста, в которой критиковался воздушный маршрут U-2 над Пинском, Барановичами и Минском.

Советские ракеты обычно не долетали до высот, на которых пили кока-колу фотографы военно-воздушных сил ЦРУ, но так было до приезда в СССР специалиста 1-го класса, оператора радарных установок Ли Харви Освальда. После — таковы строго исторические факты — стало иначе, чем до.

Первая ракета оторвала хвост американцу, еще две сначала не взлетели, а потом сбили свой «МиГ-19», но в отличие от советского пилота американский остался жив. Парашют Фрэнсиса Пауэрса открылся, на советской земле его схватили герои-колхозники, Хрущёв снял папаху и стал радостно приветствовать демонстрантов — пока Освальд валялся в постели, СССР получил козырную карту против США.

Когда ее откроют, Освальд не на шутку встревожится, но пока можно было спокойно выспаться и прогуляться.

---

34 По оперативным данным, Первомай в Минске вызывал не только сон. Главное управление охраны государственных и военных тайн в печати информировало ЦК КПБ о провокационной обложке майского номера детского журнала «Вясёлка»: «На рисунке изображалась группа детей. По замыслу художника, дети должны были выражать встречу Первомая, и называлась обложка «Встречаем Первомай». Но в действительности на читателя смотрели огромные старческие лица, выражающие какой-то ужас».

Для справки: ужас является защитной реакцией, когда угроза превосходит возможности организма противостоять ей и отсутствует возможность скрыться.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
01—02.05.60
07:00—01:50

В 10:00 Ли Харви вышел из дома № 4 на улице Калинина и пошел на площадь Победы, где 25 минут наблюдал за парадом. Затем пошел на улицу Калинина и гулял вверх-вниз по набережной Свислочи. Вернулся домой в 11:00. С 11:00 до 12:00 несколько раз выходил на балкон своего дома. В 13:35 вышел из дома, сел на троллейбус № 2 на площади Победы, доехал до Центральной площади, вышел последним, пошел вниз по улице Энгельса, Маркса, Ленина в булочную на проспекте Сталина. Там купил 200 грамм ванильного печенья, пошел в кафе «Весна», выпил чашку кофе с печеньем и поспешил в сторону кинотеатра «Центральный». Просмотрел афишу и купил газету («Знамя юности»).

«ЗЮ», как называли комсомольскую газету, на первой полосе печатала первомайские призывы ЦК КПСС. Призыв № 58 относился к слесарю Освальду:

Работники машиностроения и приборостроения! Быстрее осваивайте производство новейших высокопроизводительных и экономичных машин и приборов, средств комплексной механизации и автоматизации!

Но Освальду в тот день был ближе иной призыв.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
(продолжение)

Еще раз зашел в булочную, сразу вышел, сел на троллейбус № 1 и доехал до площади Победы, и был дома в 14:20. В 16:50 вышел из дома и пошел на улицу Красная, дом 14.

В доме 14 жила семья инженера Александра Зигера. Освальд познакомился с ним еще в свой первый рабочий день на заводе.

Но именно в день солидарности во время разговора между этими двумя международными трудящимися прозвучит совет, который опять начнет делить время Освальда на до и после.

Особенно на после.

ТАНГО НА КРАСНОЙ

Кто жил и чувствовал, не может в душе не любить этих слов: «Над городом явственно послышался канифольный скрип колеса Фортуны. Это был тонкий музыкальный звук, который перешел вдруг в легкий скрипичный унисон... И хватающая за сердце, давно позабытая мелодия заставила звучать все предметы, находившиеся...»[35]

Находившиеся в самом южноамериканском доме Минска:

---

35 По оперативным данным, у А. Л-ка рука не поднялась убрать кавычки, а также открыть источник цитаты — как он пояснял, «чтобы не лишать новые поколения возможности самостоятельно случайно открыть и эту Америку».
Для справки: в «Kritik der Urteilskraft» Иммануил Кант действительно заявлял, что наивность полезна для здоровья, потому что приводит в движение внутренние органы и диафрагму (параграф 58). Т. е. в эпоху Google вызывает смех.

Под знойным небом Аргентины,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине...

1 мая 1960 года Освальд танцевал танго на улице Красной в доме 14.

Женщин с картины звали чика Анита и мучача Леонора, их мать — донна Анна, а отца — дон Александро.

В 1950-е годы СССР манил не только бывших морских пехотинцев. Послевоенная волна репатриации принесла на родину тысячи семей, разбросанных по миру переворотами, разделами территорий и победами любой ценой.

Из Буэнос-Айреса вернулась в Минск и еврейская семья Зигеров.

Чика и мучача сразу шокировали соседей, когда вышли на балкон загорать в бикини. От женихов после этого отбоя не было, на вечеринках у Зигеров звучала музыка, танцевали буги-вуги, твист и рок-н ролл. Старшее поколение предпочитало танго.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(продолжение)

Вечером иду на вечеринку к дочерям Зигера, около 40 человек, многие из Аргентины. Мы танцуем, и развлекаемся, и пьем до двух ночи, пока вечеринка не заканчивается. Леонора Зигер, старшая дочь, 26 лет, ранее замужем, сейчас разведена, талантливая певица. Анита Зигер, 20 лет, очень веселая, не такая привлекательная, но мы понравились друг другу. Ее кавалер Альфред — венгр, молчаливый и задумчивый, непохожий на Аниту.

Если пить до двух ночи, то паспортные вольности в записях неизбежны. Альфред был кубинцем и учился в университете, а венгром был другой кавалер Аниты, работавший вместе с ее отцом на радиозаводе. Анита, кстати, отказала обоим.

Невесту на вечеринке Освальд не нашел, но зато услышал нечто не менее важное.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(продолжение)

Зигер советует мне возвращаться в США. Это первый оппозиционный голос, который я услышал. Я уважаю Зигера, он видел мир. Он говорит и рассказывает о многих вещах, которых я о СССР не знаю. Я начинаю чувствовать себя неуверенно, это правда!

Квартиру Зигеров не подслушивали. Но кто там был, что пил и о чем говорил, можно было узнать и другим способом.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
(продолжение)

В 01:40 Ли Харви с другими мужчинами и женщинами, среди которых были дочери Зигера, пришел домой. В это время наблюдение было прекращено до утра.

В доме экс-аргентинца у Освальда начался легкий роман с одной из подруг Аниты, почтальоном Альбиной, как не преминет отметить Мейлер — блондинкой. Роман большого развития не получит, но именно Альбина осенью 1960 года сведет Освальда с одним из самых важных его знакомых в Минске, своим одноклассником Эриком Титовцом, а тот приведет его на танцы, где Освальд встретит будущую жену.

Услышанный на первомайской вечеринке у Зигеров совет — возвращаться в США — Освальд ни с кем не обсуждал. Но запомнил, как и еще нечто. Из Буэнос-Айреса Зигеры привезли полные чемоданы добра и большую кровать с матрасом. В Аргентине знали, что, хотя СССР большой, кровати там маленькие.

Настоящее танго любит простор.

РАПОРТ С САПОГАМИ

Любовь зла, даже когда безобидна.

Высокие ботинки морского пехотинца Освальд сменил на туфли сразу после увольнения, но в Минске не смог пройти мимо еще одного изделия министерства обороны — хромовых сапог. Голенища были с жесткими футорами и прошвой по заднему шву, поднаряды из подкладочной кожи, носки жесткие, каблуки кожаные с набойками, крепление низа — рантовое. Или деревянно-шпилечное.

Выпускницы иняза на крепление внимания не обращали, и поэтому неизвестно, какие сапоги купил Освальд — офицерские или солдатские. Известно, что купил. И известно из рапорта, который капитан Костюков подшил в дело Освальда после встречи с источником — переводчицей минского «Интуриста» «Таней».

РАПОРТ KGB
08.07.60

В результате встреч источник установила хорошие отношения с Ли Харви. Он рассматривает источник как человека, с которым можно хорошо провести время. Не проявлял интереса к деталям биографии, за исключением возраста. Ли Харви вполне доволен своей квартирой и имеющимися удобствами. Она еще не обставлена, но вполне пригодна для холостяка. Когда источник была в квартире, Ли Харви задал ей вопрос: «Почему ты не спрашиваешь о моих впечатлениях от Советского Союза?».

Аналитики KGB в этом месте должны были насторожиться: просто в глаза бросается, как Освальд начинает руководить «источником» — подсказывает ей, какой вопрос задать. Случайность или?..

Источник ответила: «Я думаю, ты сам поделишься со мной своими впечатлениями». И затем был ответ Ли Харви. Он начал делиться впечатлениями. Его рассказ был полон энтузиазма к советской действительности.

Полный энтузиазма ответ, однако, не приводится в рапорте ни целиком, ни в сокращении. Возможно, потому что дальше идет ценная оперативная информация.

Заметив две пары сапог, которые он приобрел, источник спросила с удивлением: «Зачем тебе сапоги?». Он ответил: «Я люблю всё русское. Я хочу выглядеть как русский».

Маскировка агента! Но почему тогда проговорился? Двойная игра ЦРУ?

Говоря о своих знакомых, он показал источнику несколько фотографий, на которых он снят в компании друзей, аргентинца и его жены. Попутно он проинформировал источник, что имеет еще одного друга, русского, который работает на радиозаводе.

Тройная игра?

Общее развитие Ли Харви, круг его интересов кажутся нашему источнику ограниченными. Он плохо разбирается в искусстве, музыке, живописи, не говоря уже о марксистско-ленинской теории. Хочет поступить в институт иностранных языков и собирается, кроме английского, самостоятельно изучать немецкий.

Хочет изучать английский в местном институте? Which time is now, как говорится в минском инязе...

Если сообщение о сапогах заслуживало доверия, то дислексия Освальда сбила с толку и источник, и KGB. И на много лет вперед.

Освальд любил классическую музыку — дома была коллекция пластинок, которые он мог слушать часами, а когда концерт передавали по радио, легко узнавал композитора и произведение.

Его дневник действительно полон грамматических ошибок, искаженных названий, перекрученных имен, непоследовательных дат.

Первая книга по-русски, которую Освальд получил в Москве в подарок на день рождения, — роман Достоевского «Идиот». В дневнике он напишет — «Идеот». Но дислексия — не идиотизм, на чтении не сказывается.

Герберт Уэллс — этот писатель приходит ему на ум, когда он пишет в «Дневнике» о порядках на заводе (обязательная физзарядка, собрания, рабочие как призраки) — вероятно, ассоциация со сценами из романов «Машина времени» или «Первые люди на Луне».

Освальд знает Эрнеста Хемингуэя — отрывки из его рассказов он начитывает в Минске на магнитофон.

Если двух предыдущих писателей «источник Таня» могла читать, то вряд ли она и «Степан» раскрывали антиутопию Джорджа Оруэлла «1984». Этот роман Освальд прочитал еще до поездки в СССР.

В своих заметках «Коллектив — жизнь русского рабочего» Освальд не прячет сарказма при описании советской литературы:

КОЛЛЕКТИВ — ЖИЗНЬ РУССКОГО РАБОЧЕГО

Истории о любви очень редки и обычно состоят из эпизодов вроде «парень любит — трактор — девушку», или как Иван увеличил производительность труда, чтобы понравиться Наташе, бригадиру[36].

Не была загадкой для Освальда и советская издательская политика по отношению к иностранным авторам:

Некоторые из этих авторов очень популярны и в США, но не по тем причинам. Джек Лондон писал, как мы считаем, приключенческие истории, а россияне думают, что это отражает сегодняшнюю жизнь. Эрнест Хемингуэй написал «Старик и море», глубоко трогательную историю борьбы человека с природой и морем, которую здесь считают обвинением капиталистического общества, хотя Хемингуэй, в отличие от Джека Лондона, никогда не был социалистом. У человека, который читает детективные истории зарубежных авторов, возникают очень депрессивные ощущения, его придавливает серость и грусть жизни, которая там описана.

Освальд упоминает романы немецкого прозаика Леонарда Франка, английского Уильяма Голдинга, классиков американской и английской литературы.

Освальд глотал книги: его библиотечный формуляр после возвращения в Америку за шесть месяцев 1963 года насчитывает 34 книги, в их числе «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына и «Портреты мужества» Джона Кеннеди, биографии Мао Цзэдуна и Никиты Хрущёва, книги по советской истории и научная фантастика. Последние книги, которые Освальд вернул за месяц до убийства, принадлежали перу двух авторов: «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность» Олдоса Хаксли, а также «Голдфингер» и «Гром с неба» Яна Фле-

---

36 По оперативным данным, Освальд после возвращения в Техас регулярно ездил на так называемое поле любви под Далласом.
Для справки: Love Field — название стрельбища, где Освальд практиковался после покупки карабина и револьвера (в стрельбе).

минга. Еще один роман об агенте 007 «Из России с любовью» он прочитал месяцем ранее.

Круг его чтения в Минске совсем иной. Когда две студентки иняза, с которыми Освальд познакомился на концерте в филармонии, впервые пришли в его квартиру, чтобы посмотреть английские книги, они волновались — вот сейчас увидят оригинальные издания Хемингуэя, Фолкнера, возможно, что-то запретное, редкое.

На полке стояли произведения Маркса и Ленина по-английски.

— И ты это читаешь?!.

— Очень интересно, правда?

— Мы всё это изучали по-русски, зачем нам читать то же самое по-английски?

— Ну, я не читал, и мне очень интересно.

«Идеот», возможно, так и остался неодоленным — но теоретиков коммунизма он читал, а сразу после возвращения в Америку даже заказал книгу «Учение Леона Троцкого».

Любовь Освальда к сапогам сбила всех с толку.

Любовь всегда сбивает.

СНЯТИЕ ХРИСТА

Любите ли вы непоследовательность так, как любит ее А. Л-к., то есть легко и беззаботно, нерадиво и безответственно, беспечно и легкомысленно, что гарантирует взаимность, т.к. ветер в голове всегда попутный!? Обожает, обожает А. Л-к забегать вперед и назад и делать шаги вправо-влево от предписанного маршрута.

Освальд не только читал классиков марксизма — он писал.

В 1963 году, вернувшись в Америку, на основе своего опыта жизни в двух системах Освальд создаст собственную теорию того, что должно прийти на смену капитализму и коммунизму, и назовет это «Афинская система».

В ней гарантируется частная собственность (как при капитализме), вводится бесплатное обязательное образование (как при социализме), упраздняются налоги (как обещала КПСС), отменяется расовая сегрегация (как обещала Демократическая партия США), не допускается национализация и монополизация (как при коммунизме и капитализме), запрещается

фашизм, какой-то национальный нигилизм, оружие массового уничтожения, а прессе гарантируется свобода (как предлагал академик Сахаров в теории конвергенции), вся демократия должна осуществляться на местном уровне без централизованного государства (чему учил Александр Солженицын).

Как для самоучки, то вышло сильно — если бы эти идеи овладели массами, гражданской войны было бы не избежать ни в США, ни в СССР.

Теорию в США не опубликовали, потому что она никого не заинтересовала. Не могла она быть опубликована и в СССР, даже если бы называлась не «Афинская система», а, как настаивают некоторые исследователи, «Атеистическая система»[37].

Атеизм в СССР был официальной религией, но первыми читателями всех книг в Советском Союзе были жрецы иной церкви, которая называлась Главлит.

Главлит — модное в 1920-е сокращение Главного управления по делам литературы и издательств — во времена Освальда сохранял свое уменьшительное наименование, но полностью и официально учреждение именовалось Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. А в Минске — при Совете Министров БССР. Без всяких литературных дел.

Однако дел у Главлита было невпроворот, в том числе литературных. Роль различных словарей в этой поэме такова, что история о еще одном напрашивается сама.

В год приезда Освальда в Минск готовился к печати «Арфаграфічны слоўнік» — словарь правописания на белорусском языке для средней школы. В словаре впервые за много лет должно было появиться слово «Христос». Причем — сразу с большой буквы.

---

37 По оперативным данным, в оригинале написано: «Atheian system», что одни объясняют опиской, вызванной дислексией (правильно — «Athenian»), а другие — что на самом деле Освальд имел в виду «Атеистическую систему» («Atheism system»).
Для справки: при обыске у Освальда была найдена как «Илиада», так и «Библия». Установлено также, что Освальд в церковь не ходил, но его крестили в лютеранской кирхе.

Явление Христа могло бы состояться, если бы не атеистическая бдительность. Начальник Главлита БССР Лев Садовский в письме секретарю ЦК КПБ по идеологии Василию Шауро докладывал:

Среди других правил дается § 5, где говорится: «С большой буквы пишутся индивидуальные названия, которые относятся к мифологии и религии, например: Антей, Геркулес, Венера, Зевс, Гром, Молох, Христос».

Дается и замечание к этому параграфу.

«Замечание. Индивидуальные названия мифологических существ, которые превратились в названия общие, пишутся с малой буквы, например: молох империализма, человека убило громом. Также с малой буквы пишутся родовые названия мифологических существ, например: домовой, лесовик, русалка, муза, нимфа, фея».

Замечание к § 13.

«Названия религиозных праздников, постов, а также дней недели, месяцев пишутся с малой буквы, например: рождество, масленица, великий пост, четверг, сентябрь».

Считаем, что поскольку этот словарь не академического издания предназначен для учащихся средних школ, которые могут неправильно истолковать эти слова, то нет необходимости помещать в вышеуказанных параграфах следующие слова: Христос, домовой, рождество, масленица, великий пост.

Христа сняли вместе с другой ересью, и словарь вышел в 1961 году в безопасном для учащихся виде[38].

В год приезда Освальда в Минск Главлит СССР издал «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети». В один том список не влез, потому что была разоблачена «антипартийная группа» весьма популярных, если судить по тиражам, авторов. Произведения бывших членов политбюро Молотова, Маленкова, Кагановича и прим-

---

38 По оперативным данным, это было второе издание — в первом, в 1948 г., несуществующих слов не существовало и в рукописи, но после смерти тов. Сталина авторы предприняли попытку их «осуществить».
Для справки: в последующие три десятилетия словарь издавался еще пять раз — но снятый Христос на страницах больше не воскресал.

кнувшего к ним Шепилова, как справедливо говорилось в документах партии, «засоряли книжные фонды».

Белорусский Главлит взялся за чистку и уборку: в 1961 году цензоры проверили три тысячи библиотек и полтысячи книготорговых точек. Зараза была обнаружена в каждой пятой библиотеке и 21 торговой точке.

О проделанной работе Садовский докладывал Шауро в пассивном залоге: «Нами изъято книг из библиотек 2351 экз. и из книготорговой сети 111 экз.».

Здесь интересна пропорция: запрещенной литературы в торговле было значительно меньше. Но не потому, что ее сразу раскупали сочувствующие антипартийной группе элементы, а потому что почти весь тираж речей и докладов вождей сразу намертво оседал на библиотечных полках.

Круг Освальда в Минске белорусскими словарями не интересовался, а вот имена популярных поэтов знали. Но и они не смогли бы прочитать следующие строки стихотворения Игоря Шкляревского с оптимистическим названием «Дорога жизни»:

Там люди за солнцем тянули дорогу.
А первые ливни пробили по жести...
А люди, как трупы, на койки валились.
Им снилась свобода. Им женщины снились.

И так далее — вплоть до того, что «их спины чернели, как дымные «МАЗы», трещали под кладью, потели в столовой, дрожали над письмами, никли у кассы».

Председатель Главлита жаловался секретарю ЦК на неясность мысли Шкляревского: «Трудно понять, о ком идет речь: то ли о строителях, то ли о заключенных».

Лучше не скажешь[39].

---

39 По оперативным данным, рукопись вернули в издательство, шесть стихов были изъяты, остальные пущены в переработку. Сборник «Я иду» дошел до читателей в 1962 г., но без «Дороги жизни».
Для справки: в 1990 г. автор опубликовал одно изъятое стихотворение под антисоветским заголовком «Над колхозом “Рассвет” догорает закат».

КОРОВЫ ИЗ АЙОВЫ

Родиной современных молочных войн считается Минск, но молочные боевые действия велись тут и ранее.

Когда Освальд приехал в Минск, в Беларуси было четыре миллиона коров. Так утверждает тогдашний энциклопедический словарь — на двух жителей была одна корова. Словарь еще много чего утверждал: в течение десятилетия СССР должен был перегнать Америку в производстве продукции на душу населения, которое к тому времени должно было сочетать духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. На страницах газет появились заголовки: «Держись, корова из штата Айова!».

Так выглядела историческая закономерность в советской энциклопедии.

Возможно, с точки зрения марксиста, каким считал себя Освальд, его первое лето в Минске тоже было просто исторической закономерностью. С реалистической точки зрения, ве-

роятно, более подходит жанр, в котором был написан энциклопедический словарь, — фэнтези.

Последующие события настолько изменят оптику, что уже мало кто будет в состоянии оценить невероятность того, что произошло осенью 1959 года.

19-летний демобилизованный солдат из американской провинции, из простой семьи, без денег, образования и профессии, тайно от всех близких вдруг приезжает в Москву, просит гражданство, сдает свой паспорт в посольство, пытается окончить жизнь самоубийством, в неопределенном ожидании коротает зимние дни и ночи в одиночестве гостиничного номера и наконец получает подарок от власти рабочих и крестьян — направление в Минск, работу, отдельную квартиру в центре и двойную зарплату.

К лету 1960 года основное драматическое событие жизни, кажется, осталось позади и забылось, всё установилось, определилось, улеглось.

Рапорты KGB становятся нудными, как километры записей из камеры технического наблюдения: вышел из дома, пошел на остановку, сел в троллейбус, вышел, купил газету, зашел в магазин, ничего не купил, вышел, сел в троллейбус...

Мейлеру рассказывали, что группа наблюдения имела задание покупать всё, что покупал Освальд, чтобы выяснить, не в шпионских ли целях.

Освальд купил небольшой приемник, по которому можно было слушать «Голос Америки». В KGB тоже купили и теперь могли официально послушать новости на специальном английском (andante, медленно и выразительно), интервью и джаз, джаз, джаз[40].

Освальд, несмотря на знакомство с радарами и работу на заводе, с радиотехникой был не в ладах: умудрился порвать про-

---

40 По оперативным данным, «Голос Америки» вещал на средних волнах с корабля, пришвартованного у греческого острова Родос, прием был неустойчивый.
Для справки: передачи на английском не глушились, потому что кто знал английский? В результате джаз развалил Советский Союз. А. Л-к предполагает, что и США развалились бы, если бы там тридцать лет крутили песню про реку Волгу, текущую издалека долго.

вода, вставляя батарейки, потом Павел Головачёв ковырялся ножом, чтобы настроить звук.

Помехи радиоволнам возрастают от солнца, дни долгие, и вряд ли Освальд слушал ежедневно. Летом время в минской хронике замедляется, останавливается даже личный дневник.

Потом, будто спохватившись, чтобы заполнить календарь, Освальд всё же делает несколько коротких записей.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Июнь — июль 1960

Летние месяцы зеленого великолепия, очень глубокого соснового леса. Я провожу много воскресных дней в окрестностях Минска с Зигерами, у которых есть автомобиль «Москвич». Альфред всегда едет с Анитой, у Леоноры, кажется, нет постоянного кавалера, но много ухажеров. У нее великолепная испанская фигура, длинные черные волосы, как у Аниты. Я не обращаю на нее много внимания, она для меня слишком стара. Кажется, ей не нравится отсутствие внимания с моей стороны. Она очень нервная.

Летом Освальд вступает на территорию, на которую ранее не обращал внимания и даже декларировал свое к ней безразличное отношение — качество жизни. Отдельная квартира, деньги только за то, что он американец, — этого оказывается недостаточно.

И Освальд пишет не о фруктах, а об их отсутствии большую часть года. Даже после армейской кухни еда в столичном кафе самообслуживания на площади Победы вызывает нарекания.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(продолжение)

Я привык к маленькому кафе, куда хожу ужинать. Еда обычно невкусная, и в любом кафе в любом месте города одинаковое меню. Еда дешевая, и мне на самом деле всё равно после трех лет в морской пехоте.

Освальд пытается убедить сам себя, что ему всё равно, и даже найти плюсы — дешево. Но попутно делает еще более важное

замечание — одно и то же меню, куда ни пойди, одинаковый набор повсюду.

Нужно действительно быть марксистом, чтобы только через год после приезда в страну своей мечты заметить ее самую отличительную черту: нет выбора.

Даже хуже — счастья нет.

Осенью 1959 года, сразу по приезду в Москву, Освальд писал брату, что не рассчитывает на какие-то блага в СССР, ведь «счастье не личная вещь, его не составляют маленький дом, брать и получать». И уточнял: «Счастье в том, чтобы принимать участие в борьбе, где нет границы между личным миром и миром вообще. Я никогда не считал, что на этом этапе развития найду больше материальных выгод в Советском Союзе, чем в США».

За девять месяцев в Минске Освальд существенно пересматривает свои взгляды на счастье.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Август — сентябрь 1960

По мере того, как улучшается мой русский язык, я всё больше осознаю, в каком обществе я живу. Общая физзарядка, обязательные собрания после работы, обычно политинформации. Обязательное посещение лекций и отправка целого цеха (кроме меня) в колхоз на картошку в воскресенье. «Патриотический долг» сбора урожая. Это большая головная боль, по мнению рабочих (не вслух). Они также не имеют большого энтузиазма и по отношению к другим «коллективным» обязанностям, естественное чувство.

А интересно было бы прочитать запись Освальда о поездке на картошку. А потом рапорт KGB. И затем объяснение Мейлера американским читателям, что это такое — принудительное направление инженеров и рабочих одного из флагманов советского научно-технического прогресса на колхозные поля, где уровень механизации измеряется ведрами и мешками, и как это стыкуется со спутником и водородной бомбой.

И, наверное, кто-то воскликнул бы: и мы во времена холодной войны потратили миллиарды долларов против такого противника?..

И ответ — да. Иначе сами бы ездили рвать кукурузу, боролись бы за надои, и посылали бы трудовые рапорты в Белый дом[41].

Жаль всё же, что не послали американца на картошку.

Драники попробовал бы. Корову доить научился бы.

Всё могло быть по-другому.

Залили бы Америку молоком.

41 По оперативным данным, за следующие 50 лет коровы США увеличили годовой надой с 6 до 9 тысяч кило. 30.12.2006 телеграфное агентство БелТА разослало своим подписчикам новость: «Впервые в истории Беларуси средний удой молока от коровы в сельхозорганизациях превысил 4 тыс. кг. Об этом говорится в телеграмме, направленной президенту Беларуси Александру Лукашенко Минсельхозпродом».

Для справки: телеграмма — мама факса, бабушка е-мейла, прабабушка Твиттера.

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ

Выстраивать иерархию искусств всё равно, что спорить, какое время года важнее. В Минске во времена Освальда не спорили: в каждом кинотеатре зрителей встречала цитата Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино».

Освальд вроде бы соглашался.

В документах KGB зафиксированы фильмы, которые Освальд смотрел в сентябре 1960 года:

4 сентября: «Ветер» в кинотеатре «Летний»
6 сентября: «Бабетта идет на войну» в кинотеатре «Мир»
7 сентября: «Партизанская искра» в кинотеатре «Победа»
8 сентября: «Бабетта идет на войну» в кинотеатре «Мир»
9 сентября: «Командир отряда» в кинотеатре «Летний»

Освальд ходил на поздние сеансы: все фильмы начинались после 8 вечера, а французская «Бабетта» — вообще в 10.

4 сентября — воскресенье (после кино Освальд еще сходил на танцы в Дом офицеров). Затем — вторник, среда, четверг, пятница. В течение недели французскую ленту Освальд смотрит дважды. Главную роль в комедии играла 25-летняя Брижит Бордо, сразу завладевшая сердцами мужской части залов и головами женской. Прическа «бабетта» мгновенно стала модной, всё а-ля Брижит Бордо: легкость, манеры, улыбка и смех — стало образцом для девушек в разных странах и городах. Минск, как Освальд быстро убедится, не был исключением.

В кино Освальд начал ходить сразу после приезда в Минск, с переводчицами и один — и время коротать, и язык учить. Перед сеансом крутили черно-белые выпуски киножурнала «Советская Беларусь». Там показывали передовиков семилетки, которую те обещали выполнить за пять лет, телят из передового совхоза сменяли рубашки из ткани будущего — капрона, по экрану бегали футболисты (минская «Беларусь» выиграла у киевского «Динамо» — 6:2!). Освальд мог увидеть писателя Кондрата Крапиву, который разрезал ленту на открытии музея Янки Купалы на противоположном от квартиры американца берегу Свислочи...

Один из выпусков открывался сюжетом о юбилее, как бы сегодня сказали, гендерного праздника. Раз в год государство считало нужным официально заявить, что женщины тоже люди. На фоне бравурной музыки закадровый голос объявлял:

В Минске состоялось торжественное собрание, посвященное 50-летию международного женского дня. Собрание открыла депутат Верховного Совета БССР Матюшко. Со славной годовщиной белорусских тружениц тепло приветствовали секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Беларуси Шауро, известный сталевар автозавода Барашкин, доктор биологических наук Черкасова и другие товарищи.

Камера дает панораму президиума, в котором преобладают мужчины, и зал, где женщин больше, но на первом плане вовсе не они. Крупный план зала дается дважды, и оба раза с одной точки, поэтому в кадре всегда полностью видно только одну

труженицу лет тридцати, с зачесанными назад волнистыми волосами и блестящими серьгами, в черном платье с коротким рукавом и неглубоким декольте, которое завершает большая круглая брошь. Вокруг нее старшие товарищи — в более строгих платьях с отложными белыми воротниками и шалями.

Женщина с серьгами знает, что ее снимают, и с нечеловеческой сосредоточенностью, не мигая, напряженно глядит на сцену. Кадр, по законам монтажного кино, перебивает поезд. Ну, не совсем поезд — под бой барабанов, с флагами над головой в проход между креслами стремительно врывается и перерезает экран отряд детей. Если кто не понял, диктор объясняет: «Поздравить женщин пришли пионеры. Они горячо приветствовали славных тружениц, борцов за мир и счастье»[42].

Конец сюжета — на всё про всё 40 секунд.

Авторы классически выполнили задачу: здесь и женщина-депутат, и секретарь компартии, передовик тяжелой индустрии, и женщина-профессор, и, конечно, дети — наше будущее.

С пионерами всё ясно: забросили букеты на стол президиума, помахали в воздухе флажками — и пошли, как и присягали, далее «горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия».

И с кинематографистами тоже ясно: пошли дальше создавать летопись.

И с Освальдом ясно, но не всё: в дневнике о киножурналах нет ни слова. Может, не понимал: дикторский текст был по-белорусски. Или недооценил, приняв классику жанра за халтуру. А может, потому, что не кино было для Освальда важнейшим из искусств.

---

42 По оперативным данным, объяснять показываемое словами требовалось, чтобы не вышло, как в журнале для детей «Вясёлка» № 9 за 1960 г. Главлит тогда сообщал ЦК КПБ: «На фоне красных знамен дается комсомольский значок, на котором искажено изображение В. И. Ленина. К тому же рисунок обложки имеет двоякий смысл. Трудно понять, несут ли плакат ученики для оформления школы или снимают его».
Для справки: случись это раньше, и 17 лет, которые поэт Василь Витка редактировал журнал, в справочнике Союза писателей были бы представлены фразой: «Работал на Севере».

Он любил классическую музыку, и после открытия сезона в октябре стал заядлым посетителем оперы и филармонии. До личной встречи с членом президиума женского собрания доктором биологических наук Черкасовой, которая сентябрь 1960 года проводила в Нью-Йорке, оставалось полгода.

День той встречи изменит его жизнь, как полет мотылька меняется резким порывом ветра.

А сам мотылек потом вызовет бурю. Так требуют законы искусства.

Но не науки[43].

43 По оперативным данным, крестный отец «эффекта бабочки», автор доклада «Предсказуемость. Вызовет ли взмах крыла мотылька в Бразилии торнадо в Техасе?» Эдвард Лоренц признавал, что название доклада является фривольным, и дал показания, что его придумал коллега, а он согласился за неимением лучшего.

Для справки: однако на сам вопрос ответил неискренне: «Если взмах крыльев бабочки может вызвать торнадо, тогда точно так же он может его и остановить».

ПРОЯВЛЕНИЯ ОЧАРОВАНИЯ

Google знает всё: Минск и Даллас разделяют 9007 км[44].

Это к чему: карабин «Манлихер-Каркано» Освальд получил по почте осенью 1962 года. Такие либеральные законы об оружии в Техасе, по мнению многих, и привели к американской трагедии.

На самом деле точно так же тогда можно было купить огнестрельное оружие и в Минске.

Во всех газетах печаталась реклама тульского магазина «Товары—Почтой», предлагавшего на выбор «дробовые, двуствольные, курковые охотничьи ружья с отъемными стволами 16-го калибра для стрельбы черным и бездымным порохом,

---

44 По оперативным данным, это если мерять от центра. А между домом 4 по улице Коммунистической в Минске и книжным складом в Далласе на улице Вязов, 411 по прямой только 8998 км.
Для справки: и 1417 дней.

бумажными и металлическими гильзами». За 456 рублей присылали обычное ружье, за 624 — с орнаментом-чеканкой, а за 848 рублей можно было заказать оружие ручной работы.

Но Освальд на почту не пошел. В августе 1960 года его приняли в Белорусское общество охотников и рыболовов — чтобы не допустить «проявлений разочарования». Свежее постановление ЦК КПСС предписывало парторганизациям вовлекать реэмигрантов и приравненных к ним лиц, поживших на Западе, в общественную жизнь, потому что некоторые очарованные разочаровывались и просились уехать туда, откуда приехали. Общество охотников было самым закрытым и надежно проверенным: ношение оружия без формы было привилегией немногих избранных.

Получив членский билет, «Алексей Харвей», как писалось его имя в билете, явился в магазин «Рыболов-охотник». Там он остановил выбор на одностволке Ижевского механического завода, модель ИЖ-59 16-го калибра, заводской номер 64621[45].

И с новыми друзьями-охотниками отправился на зайца.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
10.09.60
13:00—15:20

В 14:30 Лихой вышел с работы и быстро пошел домой. В 14:55 вышел из дома с охотничьим ружьем в чехле и сумкой с продуктами и пришел к проходной радиозавода. Там Лихой подошел к группе из 7 мужчин, также с ружьями, и вступил в разговор. Через минут 13 Лихой и другие сели в машину БО 18-89 и в 15:20 выехали из города по улице Сторожёвской на Долгиновский тракт. По договоренности с начальником отдела, наблюдение за Лихим в этот момент прекращено до 17 сентября 1960 года.

---

45 По оперативным данным, паспорт на оружие Освальд вывез из Минска в Америку, и он приобщен к вещдокам комиссии Уоррена. На допросе ФБР Марина Освальд вспомнила купленное в Минске ружье и показала, что видела его завернутым в одеяло в их доме в Форт Ворте, и что это ружье захватил Освальд в тот день в Даллас.
Для справки: на допросе М. Освальд также заявила, что «все ружья для меня выглядят одинаково».

В начале сентября было тепло, хотя лило каждый день, но как раз к отъезду дождь перестал, похолодало и установилась ясная погода, ночью было плюс 5, но к обеду температура поднималась до 16 градусов — рай для охотников. В «Дневнике» встречаются записи о «летних месяцах зеленого великолепия, очень глубокого соснового леса», но в осени Освальда очаровывает не пейзаж, а ее плоды.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Октябрь 1960

Сливы, персики, абрикосы и вишни в изобилии в эти последние недели осени. У меня здоровый цвет загара и я нашпигован свежими фруктами, которые невозможно достать в другие времена года.

KGB всегда был рядом, даже если не был. Кто из охотников следил за загорелым Освальдом, неизвестно: рапорта Мейлеру не дали. Зато он записал рассказ Леонида Цагойко, организатора и участника этой охоты.

Охотники шли друг за другом, Освальд с ружьем наперевес — предпоследний, за ним Цагойко, когда заяц выскочил буквально из-под ног.

Мейлер пишет, что Освальд крикнул: «Аооаох!» — и пальнул в воздух.

— Господи, Освальд, ты меня застрелишь из своего ружья! — ахнул Цагойко.

— Заяц напугал, — оправдывался тот.

Позже он стрелял еще раз и снова промахнулся[46].

---

46 По оперативным данным, эта охота была повторена в марте 1993 г.: А. Л-к и съемочная группа американского телевидения вместе с Цагойко выехали в охотничий домик в Минском районе, чтобы оттуда выйти в поле и пройти маршрутом 33-летней давности. Снежный покров был полуметровый, и в фильме охотники бредут по колено в сугробах, черной цепочкой на белом фоне. Цагойко показывает, как Освальд нес ружье и произвел немотивированный выстрел в воздух. Общий тон воспоминаний был снисходительный.
Для справки: охотники не упоминали, что взяли Освальда с собой не из товарищеских побуждений, а выполняя постановление ЦК.

Отчет об охоте смутил KGB: неужели бывший морской пехотинец не умеет обращаться с оружием, пуляет в небо? Маскировка агента, который скрывает свой опыт?.. Просто не повезло в тот день?..

Судя по стилю рапортов KGB, там вряд ли отраженно эхо испуганного выкрика неудачливого охотника посреди белорусского поля осенью 1960 года: «Аооаох!..».

Неплохо, хотя, конечно, весь набор эмоциональных выражений, которыми в таких случаях пользуются члены общества охотников и рыболовов, богаче и разнообразнее.

Станислав Шушкевич учил Освальда разговорному языку — правда, в рамках вежливости и приличия. Но на заводе любой рабочий мог научить американца основам уличной лексики.

Бывший минчанин Валерий Лебедев, который работал в политехническом институте и знал Павла Головачёва, вспоминал, как тот приводил Освальда на репетиции институтского джаз-оркестра. Головачёв заведовал радиоузлом и, когда ломались микрофоны или усилители, что случалось часто, Освальд комментировал. Звучало, как пишет Лебедев — «не передать», но всё же передал:

Плохо советска рэйдио. Х... текник. П... твой юсилител ор дивайс дайнемикс. Е... твоя мат ваша лайф![47]

Освальд ходил на охоту еще раз, и вернулся разочарованным: ничего не подстрелил. Помимо меткости стрельбы, KGB интересовали еще два вопроса: брал ли он с собой фотоаппарат и отставал ли от группы.

Все три ответа оказались отрицательными.

Мотылек не вызывал подозрения, и это вызывало подозрение.

---

47 По оперативным данным, А. Л-к находит тут подобие начала романа Л. Толстого «Война и мир», где во французскую речь вкраплены русские слова.
Для справки: в платонически ориентированной философии и теологии подобие действительно означает сообразность и причастность низшего высшему.

ЧЕЙ ОСВАЛЬД

Никому не рано и никогда не поздно, как популярно объяснял брак один персонаж советского кино и, как и все мудрые мысли, эту можно приложить к любой ране.

Например, забежать вперед детективного сюжета и сразу задать вопрос, вынесенный в заголовок, — но забежать не просто вперед повествования, а назад в историческое время, где мечется в поисках пропавшего сына одинокая женщина.

Слежка за Освальдом в Советском Союзе имела целью выяснить, работал ли он на ЦРУ, а в США пытались разобраться, не является ли он креатурой KGB.

Этим же вопросом задалась и мать Освальда Маргерита. После письма от сына, где он порывал всякие связи с семьей, она обратилась к своему конгрессмену, затем в Госдепартамент: почему младший сын в СССР? И зачем?

21 января 1961 года, пока Ли Харви Освальд выполнял план третьего года первой семилетки в Минске, Маргерита Освальд отправилась искать правду в Вашингтоне. Дорога заняла два

дня и две ночи, и сразу с телефона на вокзале она набрала номер Белого дома и сказала, что хочет говорить с президентом Кеннеди. Было 8 утра, оператор ответил, что работа начинается в 9. Перезвонила через час, ей сказали, что Кеннеди на совещании, и предложили записать сообщение для президента. Она отказалась и попросила встречи с госсекретарем Раском. Взамен ей предложили встречу с Дэвисом Бостером, высокопоставленным дипломатом, который занимался делами СССР.

В тот самый день в 14 часов ее приняли в Белом доме.

В тот самый день в 14 часов ее приняли в Белом доме[48].

Она задала главный вопрос: является ли ее сын американским агентом? Если так, она хочет, чтобы его вернули, так как она больна и требует ухода. Если он перебежчик, что ж — он имеет на это право.

Сына, который агентом не был, ей вернуть не смогли, но выслушали и даже не обвинили экс-морского пехотинца в измене: «Миссис Освальд, мы хотим, чтобы вы знали, что мы тоже так считаем».

Мать Освальда начала интенсивную переписку с Госдепартаментом, которая увенчалась успехом: в конце марта 1961 года, через полтора года после расставания, она узнала минский адрес сына. Американское посольство в Москве сообщало, что Освальд ищет возможность вернуться на родину. Из новых писем и ответов Госдепартамента Маргерита Освальд узнала не только о его визите в посольство, но и то, что у нее появилась русская невестка.

Интересовалось Освальдом и ФБР. Но не тогда, когда он уехал в Москву и отказался от американского паспорта, а когда решил вернуться. Следственное дело на Освальда ФБР было заведено только 31 мая 1962 года. Иммиграционная служба была обязана сообщить ФБР о его въезде в страну. А следствие должно было выяснить, был ли Освальд завербован советской разведслужбой.

---

48 По оперативным данным, это не ошибка набора, а осознанная А. Л-ком необходимость повторения.
Для справки: чтобы не подумали, что ошибка.

Во время телефонной беседы с А. Л-ком Мейлер расскажет о своих беседах на эту тему с советскими вербовщиками:

Они меня в принципе убедили, что KGB не пытался использовать Освальда в качестве агента. Они действительно были очень убедительны, а их аргументы разумны. Они говорили: послушай, Освальд мог работать на нас в Японии — он мог сотрудничать какое-то время в Японии с коммунистами. Однако он теряет свою ценность, когда приезжает к нам в Москву и заявляет, что он покидает Америку. Сейчас это не ценный агент, а дополнительная ответственность. Чего стоит то, что он пытается отказаться от американского гражданства в посольстве и там ведет себя очень-очень шумно. Они упомянули тот факт, что у них были жучки для подслушки в стенах посольства. Это смешно. Он говорит очень громко, так как, вероятно, хочет, чтобы они это записали. Если бы он мог быть для них чем-то полезен, всё было разрушено его приездом в Россию.

Через год после обращения Освальда за советским гражданством с таким же заявлением публично выступили еще два американца. В сентябре 1960 года шифровальщики Агентства национальной безопасности США Уильям Мартин и Бернон Митчелл на пресс-конференции в Москве попросили политического убежища и советского гражданства. В качестве причины они назвали возмущение методами американской разведки — секретными полетами над территорией СССР и перехватом информации. Они критиковали внутреннюю и внешнюю политику США, восхищались Советским Союзом и особенно правами женщин (один из них женился уже через четыре месяца после приезда). В американских газетах о перебежчиках писали преимущественно как о лицах с сексуальными отклонениями[49].

Мейлер попытался спорить со своими собеседниками из KGB: мол, Освальд много чего знал о военных делах. Они рассмеялись и сказали, что в Японии в то время их разведка была

---

49 По оперативным данным, оба впоследствии пытались вернуться в США, но не смогли, так как были лишены американского гражданства. Первый умер в Мексике в 1987 г., второй — в России в 2001 г. По оценкам историков, эта пара нанесла «гигантский ущерб национальным интересам США».
Для справки: но меньший, чем не знавший никаких секретов Освальд.

поставлена очень хорошо. Мол, кому нужна его информация, к тому же устаревшая.

Мейлер вспоминал еще один аргумент KGB, который показался ему достойным доверия:

Они говорили: а что, если он искренен? Мы тогда хотели верить, что наша система лучше, чем американская, и было бы трагедией, если бы мы отослали этого парня обратно. И он действительно был искренним. Позиция KGB строилась на трех китах: первый — они знают, что он не их агент, второй — возможно, он действительно тот, за кого себя выдает, и третий — не исключено, что он из ЦРУ. Они на самом деле думали, что это могла быть какая-то дурацкая провокация ЦРУ, что ЦРУ посылало пробный шар, чтобы посмотреть, как KGB будет реагировать на этот неожиданный раздражитель. Они решили никаких открытых действий не совершать, даже не проводить допроса.

Из этого, сказал Мейлер, следовало только одно: за Освальдом нужно было следить.

Они сказали, что хотели держать его под наблюдением, чтобы следить, что он собирается делать. Но они исключили возможность прямого контакта с Освальдом, потому что ЦРУ это стало бы известным, если бы, как предполагалось, Освальд информировал ЦРУ о методах KGB. Они хотели сохранить свои методы в тайне. Это имело смысл, когда они отстаивали свою точку зрения. И действительно, если посмотреть материалы дела, то мы увидим, что там в основном попытки выяснить, действительно ли он был тем, за кого себя выдавал.

Когда книга вышла, Мейлер объяснил логику спецслужб двух стран старым анекдотом:

— Ударь меня, — сказал мазохист.

— Не буду, — сказал садист.

И оба удовлетворены.

ПЕСНЯ ДЛЯ ХРУЩЁВА

На холодной войне теплые края были не на юге, а на западе.

Известно, что о перебежчике Освальде президенту США не докладывали. А вот о зеркальном случае, имевшем место за несколько месяцев до поездки Маргериты Освальд в Белый Дом, главе СССР доложили немедленно.

Осенью 1960 года советская делегация приплыла в Америку на сессию ООН. Никита Хрущёв так вспоминал о том, что случилось, когда теплоход «Балтика» пришвартовался к пирсу на окраине порта (выбирали, где подешевле):

Когда мы прибыли в Нью-Йорк, мне доложили о чрезвычайном происшествии на корабле. Оно заключалось в том, что один матрос покинул корабль и не вернулся, а пошел в полицию США и попросил политического убежища. Люди, сообщившие мне эту новость, были в страшном волнении. Я их успокоил и попросил не придавать делу большого значения: «Ну и что же? Ушел и ушел. Пусть попробует капиталистических хлебов,

узнает, почем они в Нью-Йорке и каковы на вкус!». Я, конечно, знал, что меня вскоре встретят журналисты, которые всегда неотступно сопровождали нас. Надо было подготовиться к ответу. И верно, при первой же встрече мне задали вопрос: «Господин Хрущёв, как вы смотрите на то, что матрос с вашего корабля попросил убежища в Соединенных Штатах? Отвечаю: «Мне докладывали об этом. Сожалею о происшедшем. Он человек неопытный, не имеет особой трудовой квалификации, и я сочувствую ему. Очень тяжело ему будет приспосабливаться к американским условиям жизни, ничего ведь нет у него за душой. Глупо он поступил, необдуманно. Если бы он мне сказал, что хочет остаться, я бы оказал ему какую-то помощь на первых порах». Весь накал, который был у журналистов, сразу исчез. Они ожидали совсем другой реакции с моей стороны, полагали, что я буду чернить этого человека, осуждать его и прочее. Ждали чего угодно, но только не того, что услышали. Так провалилась сенсация, и журналисты не смогли заработать на этом деле.

Излишне говорить, что сделали бы с матросом, заикнись он кому-нибудь на корабле о желании остаться в США. Правда, если бы он сказал об этом самому Хрущёву, то попал бы не в лагерь, а в психиатрическую больницу. А вот людям, которые страшно волновались, когда докладывали Хрущёву о ЧП, бояться было чего: их карьеры вместе с погонами и выслугой лет могли пойти коту под хвост. Анкеты и характеристики у команды правительственного рейса проверяли и утверждали десятки бдительных глаз, а вот же проглядели.

Виктору Яаниметсу было девять лет, когда Эстонию, его родину, в 1940 году оккупировали советские войска. Он давно хотел сбежать из СССР и ожидал своего шанса три года, пока его корабль не пришвартовался к американскому причалу.

Выход в город разрешали только группами, назначался старший, регламентировалось время возврата. Свой миг удачи Яаниметс словил в переполненном дешевом универмаге на Манхэттене. Когда группа направилась к выходу, он крикнул, что еще купит бриллиантина, пробрался через толпу, бросился ко второму выходу, выскочил на улицу и побежал что было сил.

Случайный собеседник в баре помог найти эстонский клуб, и вечером того же дня служба иммиграции взяла его под свою опеку. Когда советские дипломаты попытались спасти бедола-

гу, не знавшего, что творит, они быстро убедились, что Яаниметс точно знал, что и почему: «На моей Родине Хрущёва ненавидят. Мы все в его железном кулаке. Нигде нет свободы. Мы его рабы. Это второй Гитлер».

Яаниметс также заявил, что если бы могла, то сбежала бы половина команды. Нью-йоркские газеты написали, что с этим выводом беглеца явно согласились на «Балтике»: все увольнения на берег были отменены, на палубах дежурит вооруженный патруль.

Осенью 1960 года по радио впервые прозвучало музыкальное произведение в необычном жанре — послание руководителю СССР от перебежчика:

Меня зовут Виктор Яаниметс, и я убежал с русского корабля. В моем новом мире я нашел спокойствие и надежду. Я имею письмо для Никиты Хрущёва, которое прочитает мой американский друг.

Далее на фоне музыки начинался речитатив известного исполнителя Дона Мигана:

Дорогой мистер Хрущёв, я теперь живу в согласии, в согласии с собой, в согласии с миром, в согласии с моим Создателем. Вы когда-нибудь на минуту задумывались, что означает слово «согласие» или «мир», мистер Хрущёв? Это прекрасное слово с чудесным смыслом, но его можно написать двумя разными способами. Один — тот, которым много лет заставляли писать меня.

Яаниметс берет английское слово «peace» — «мир», и в песне расшифровывается каждая буква. «P» означает «persecution» — преследование, «E» — «evil» — зло, «A» — «atheism» — атеизм, «C» — «confusion», «conflict» — конфликт, недоразумение, «E» — «earth» — Земля.

Первая часть песни звучит так:

«P» — преследовать, уничтожить любого, любую вещь или народ, которые стоят на пути коммунизма. «E» — зло, которое принес коммунизм, и ненависть является его мотором. «A» — атеизм, там, где коммунизм, нет Бога, нет законов морали, нет надежды. «C» — конфликт и непони-

мание между народами. «E» — Земля, которую коммунизм стремится завоевать и установить повсюду свой гнет, зло, атеизм и конфликты.

Затем Виктор Яаниметс предлагает иную трактовку:

Но это не подлинный смысл мира, мистер Хрущёв. Я нашел новый прекрасный смысл. Миллионы и миллионы людей во всем мире читают его именно так. «P» — «Prayer» — молитва. Я могу стать на колени и молиться Создателю в любом месте и в любое время, когда пожелаю, как миллионы людей. «E» — «Equality», Равенство, Равноправие. Все люди созданы равными. Они получили от Создателя неотъемлемые права. «A» — «Ashes to Ashes» — пепел к пеплу, из праха в прах. Из праха человек был создан, и в прах превратится, но он может сделать много хорошего за это время. «C» — «Christmas» — Рождество. Урок Рождества — величайший и самый простой из всех: мир на Земле для всех людей доброй воли. «E» — «Eternity» — Вечность, где душа человека будет всегда и навсегда. Земля — как песчинка на морском берегу. Вечность длится, и длится, и длится, как великолепная Вселенная великого Создателя.

Песня заканчивается обращением:

Подумайте об этом, мистер Хрущёв, о подлинном смысле согласия и мира. Подумайте об этом.

Хрущёв подумал — и это заметно в его мемуарах, которые он вынужден был писать под домашним арестом и потом тайно переправлять на Запад, лишь бы только они не попали в руки его товарищей по партии. По следам Яаниметса пошли и члены семьи Хрущёва: сын и внучка перебрались в Америку, там живут правнуки. Еще раньше из СССР бежала дочь Сталина.

Яаниметс пережил Освальда на четверть века. Он получил множество предложений работы (квалифицированный моторист), но сначала объездил Америку, выступая с рассказами о жизни в оккупированной Эстонии и советских порядках.

В декабре 1960 года журнал «Тайм» опубликовал заметку под заголовком: «Никита не смог, а перебежчик посещает Диснейленд». Яаниметс после конференции в Калифорнии поехал

фотографироваться с героями легендарного мультфильма. В 1959 году Хрущёв был в Сан-Франциско и сразу после отъезда заявил, что ему не дали возможности поближе познакомиться с американским народом и посетить популярный развлекательный парк. На самом деле еще за месяц до визита парк исключила из списка посещений советская служба охраны.

Даже на свободе глава страны, из которой бежал Освальд, не был свободен.

И нет фотографии «Хрущёв и Микки Маус», под которой журналисты не удержались бы и сделали приписку: «Хрущёв справа». Или слева.

Свобода...

КНИГА БЛАГОДАРЕНИЙ

Списки обычно читают до половины — потом бессонница отступает. Но если там упоминается имя читателя, списки даже перечитывают.

Лучшие американские документальные исследования — биографии, мемуары, социальные очерки, эссе впечатляют объемом кропотливой и добросовестной черновой работы и академическим стандартом точности. А также списками вежливости: авторы перечисляют такое количество людей, так или иначе помогавших им, что уже кажется неясным, что же делал сам автор. Но так только кажется — автор делал всё, в том числе и список благодарения.

В главе «Благодарности» Мейлер перечисляет более ста фамилий людей, которые помогли в создании книги, — от вдовы Освальда Марины до бывшего главы Беларуси Станислава Шушкевича (он единственный, кого Мейлер благодарит дважды), от генералов KGB в запасе до действующих алкоголиков.

Из местных помощников в минской рабочей группе Мейлер вспоминает Сашу Батанова, Сашу Пальчинкова и неизвестного Марата (без фамилии). А вот бывшего главу KGB Ширковского Мейлер называет по имени-отчеству — Эдуард Иванович. Но без звания — может, потому, что когда Мейлер первый раз с ним встретился, тот был генерал-лейтенантом, а когда вышла книга — генерал-полковником, но в отставке. Да и когда вместе распивали «Беловежскую», Ширковский наверняка был без формы и орденов.

В отдельную и самую большую благодарственную группу объединены люди, которые знали Освальда в его советский период и согласились дать интервью для книги, — полсотни человек, большинство из которых жило в Минске во время приезда Мейлера. Вот как они поданы в книге:

Роза Агафонова, Люба Аксёнова, Константин Бандарин, Галина и Юрий Белянкины, Муся Берлова, Валентин Боровцов, Раиса Веденеева, Леонид Гельфант, Элла Герман, Павел Головачёв, «Степан Васильевич Григорьефф» (в кавычках даются псевдонимы, в этом случае — полковника KGB Александра Костюкова), Ольга Дмовская, Раиса Жинкевич, Александра Зигер, Людмила и Михаил Кузьмичи, Надежда и Дементий Макновец, Галина Маковская, «Генерал Маров», Юрий и Лидия Мережинские, Валентин Михайлов, Олег Ничипоренко, Стеллина Пажалуисте, Инна Писенко, Александр Пискалёв, Галина Прокопчук, Макс Прохорчик, Полина и Валентина Прусаковы, Александра Романова, Янина Сабела, Тамара Санковская, Лариса Севастьянова, Александр Симченко, Соня Скопа, Михаил Смольский, Альбина Шалякина, Анатолий Шпанко, Станислав Шушкевич, Наталья Титовец, Леонид Цагойко, Инесса Яхлиель.

В этом списке нет двух человек, которые близко знали Освальда. О них Мейлер пишет отдельно, им посвящена пятая часть объема главы «Благодарности», больше, чем предыдущим 44 лицам, вместе взятым. Речь идет о двух интервью, которые Мейлер хотел записать, но не смог.

Первое несостоявшееся интервью — с Александром Зигером, инженером радиозавода, аргентинским репатриантом, гостеприимно принявшим Освальда в свою семью, и первым, кто посоветовал ему вернуться в США. В ноябре 1962 года Алек-

сандр Зигер напишет Освальду в Техас: «Мы все вам завидуем. Что ж, у нас еще не потеряна надежда. Время идет и всё меняется. Даже самые закоренелые правила и нравы, самые устарелые законы и указы меняются со временем. Мы ждем и думаем, что дождемся».

Зигер дождался перестройки и в начале 1990-х годов вернулся в Аргентину, где вскоре и умер. Мейлера и Шиллера, к их большому сожалению, он не дождался.

Второе несостоявшееся интервью — с человеком, которого исследователи и журналисты иногда называют «самым ранним и близким другом» Освальда. Его звали Эрнст Титовец. Титовец был жив-здоров, работал в Минске и встречался с Мейлером и его помощниками.

Семь раз.

Его имя в разделе «Благодарности» встречается четыре раза, но благодарности ему нет.

И дело не в манерах автора.

КНИГА ЖАЛОБ

Утоление печали — занятие многовоздыхающее, как любое орошение иссохших сердец.

Весь круг известных близких знакомых Освальда в Минске делится на три части, и две первые примерно равны. Одну составляли люди, встретившиеся с ним в силу независящих от них обстоятельств (по работе — переводчицы, рабочие и инженеры на радиозаводе, а также их семьи, соседи), вторую — попавшие туда по инициативе самого американца (студентки иняза, подруги и родственники жены). Третья категория — инициативники. Только один человек появился в этом узком кругу по своей инициативе, сам искал способ познакомиться и прилагал усилия, чтобы подружиться.

Вписанным углом, как именуют в геометрии вдвинутый в круг клин, был кучерявый студент минского медицинского института Эрнст Титовец. Эрик, как его все звали, утверждал, что познакомился с Освальдом благодаря почте. Его школьная знакомая Альбина Шалякина работала на почте и помогала семье

Зигеров в получении посылок из Буэнос-Айреса. Она подружилась с дочками и бывала на вечеринках, где бывал и Освальд. Так выглядит версия знакомства со слов самого Титовца:

Как-то знакомые рассказали мне, что в нашем тогда еще маленьком городе Минске, где не с кем было поговорить по-английски, объявился американец. Я упросил познакомить меня с таким «дефицитом». Осенью 1960 года меня пригласили в гости, где был и Освальд. Он оказался очень интересным человеком, у нас появилась даже какая-то психологическая совместимость, к тому же мы были одногодками — потому начали тесно общаться[50].

Титовец был одержим английским языком, иногда выдавал себя за иностранца. Он слушал «Би-би-си», занимался самостоятельно и даже сдал экзамен по языку в мединституте за курс вперед, чтобы не ходить на слишком примитивные для него занятия.

Освальд был для него ценной лингвистической находкой — как и он для Освальда.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Ноябрь 1960

Эрик Титовец на четвертом курсе медицинского института. Очень умный парень.

Мейлер понимал ценность воспоминаний Титовца для своего исследования. Он и его помощники встречались с Титовцом, уже доктором биологических наук, профессором, семь раз — но, как выяснилось, свою ценность бывший приятель Освальда

---

50 По оперативным данным, эти показания Э. Титовца опубликованы 29 мая и 11 июня 2010 г. на сайте www.naviny.by.
Для справки: после этой публикации А. Л-к имел непродолжительную телефонную беседу с Э. Титовцом, в результате которой сделал следующую запись в альбоме разочарований: «Время Освальда, как “Титаник”, погружается всё глубже, но этот пассажир ревниво хранит ключи от своей каюты, будто надеется на вознаграждение от давно смытого с палубы стюарда».

ставил еще выше, чем американские гости. Мейлер пишет, что ему ни разу не удалось взять настоящее интервью.

Титовец поразил его тем, что мог говорить часами, но не сказать ничего. Бывшая жена Титовца, которую Мейлер также расспрашивал, описывает мужа как человека «чрезвычайно скрытного, холодного, который всё просчитывает».

Мейлер пишет: «Хотя мало кто из мужчин хотел бы, чтобы его оценивали мерками бывшей жены, после встреч с Титовцом, ладно скроенным и хорошо сбитым человеком, с противоречивой аурой, женственной и мачо одновременно, стало очевидно, что он жил уклончиво и сам по себе, как избалованный гепард».

Однажды Титовец согласился на интервью, но как только оно началось, зазвонил телефон и его вызвали по какому-то неотложному делу. Мейлер был уверен, что звонок подстроил сам Титовец — он ускользнул, как кот (гепард относится к семейству кошачьих)[51].

Мейлер был разозлен таким поведением неуловимого минского доктора и отомстил по-литературному.

Не получив никакой содержательной информации, он решил из свидетеля превратить Титовца в персонажа и показать его среди других героев и событий.

Насадить на острие пера и навести увеличительное стекло.

Утешить печалию сокрушенное писательское сердце.

---

51 По оперативным данным, подобная участь постигла еще одного американского исследователя, Питера Саводника, когда в феврале 2010 г. он приехал в Минск собирать материалы для своей биографии Освальда «Незваный гость» («The Interloper», Basic Books, New York, 2013).
Для справки: Титовец назначил встречу на станции метро «Парк Челюскинцев», Саводник думал, что они пойдут в какое-нибудь кафе, но Титовец взамен предложил прогулку по зимнему парку. Гуляли около часа, но, как пишет Саводник, он не мог ничего записать, потому что мерзли руки и нельзя было снять перчатки. Шел снег, что затрудняло пользование диктофоном. Когда Саводник всё же стянул перчатки и попробовал сделать несколько заметок для памяти, его блокнот от снега превратился в чернильное пятно. Последнее предложение в записи Саводника о прогулке безоговорочно капитулянтское: «Но всё это никак не помешало Титовцу, склонному говорить тихо и очень осмотрительно, выведать весьма много обо мне самом».

СМЕХ СКВОЗЬ КАВЫЧКИ

Блаженны плачущие, ибо воссмеются.

Персонаж «Титовец» под пером Мейлера предстает как эгоистичная, надменная, самоуверенная и коварная личность.

Действия Титовца находятся на слишком близкой дистанции от интересов KGB, он выглядит исполнителем некоторых поручений органов, знакомые удивляются, как он один сумел сохранить свой архив, связанный с Освальдом, и при этом сделал карьеру.

Известность Титовцу в американском мире освальдоведения принесли прежде всего магнитофонные записи голоса Освальда.

Титовец попросил Освальда начитать перед микрофоном несколько отрывков прозы, чтобы, как он объяснил, лучше почувствовать американский акцент.

Первые записи делались в лингафонном кабинете мединститута, где Титовца хорошо знали и не возражали, когда он привел незнакомого человека для записи. Так объясняет аудиооперацию сам Титовец: не сказал, что привел американца, и всё.

Для чтения были выбраны «Пигмалион» Бернарда Шоу, справочник Оксфордского университета, учебник с текстом

Шекспира (Освальд читал монолог Отелло из 3-й сцены 1-го акта). Кроме того, Титовец просил Освальда начитать отдельные звуки и слова.

Гораздо большую известность получила вторая аудиосессия, проведенная Титовцом у себя дома в декабре 1961 года.

Освальд читает начало рассказа Эрнеста Хемингуэя «Лагерь индейцев», затем переключается на его рассказ «Убийцы». Тексты ему не нравятся и, не меняя интонации, Освальд ругается, обзывает Титовца «е... идиотом», всё это остается на ленте. Титовец не в обиде, ведь, как он потом объяснит, он «концентрируется на языке».

Мейлер нигде прямо не пишет, что Титовец был агентом KGB.

В документах подслушивания и наружного наблюдения KGB, которые дали Мейлеру, можно встретить и Зигеров, и Головачёва, и других знакомых Освальда, но фамилия «Титовец» не попадается ни разу.

Генерал KGB «Гузьмин» говорил Мейлеру, что, несмотря на быстрый прогресс Освальда в русском языке, им нужно было иметь рядом с ним кого-то, кто хорошо говорил по-английски. Не только говорил — кто также мог проводить с ним свободное время, дружить и даже понимать его мысли.

В интервью А. Л-ку Мейлер объяснил ситуацию более детально:

— В KGB был человек, который долго беседовал с Освальдом по-английски в Минске. Цель — выяснить, был ли его акцент чистый или нет. У них был лингвистический аналитик, который должен был выяснить, действительно ли это американский акцент, действительно ли он с Юга, и они изучали его акцент. И решили — да, у него южный акцент, он оттуда, откуда говорит. Их задачей было создать систему проверки, и они это сделали.

В своей книге Мейлер цитирует фрагмент записи, сделанной дома у Титовца — но не литературной, а иной.

Отложив книги в сторону, Титовец и Освальд начинают импровизировать — играть в интервью, где Освальду достаются роли профессора, убийцы, спортивного комментатора, журналиста. Эрик спрашивает, Ли отвечает:

— Расскажите нам о вашем последнем убийстве?

— Это была молодая девушка под мостом. Она шла и несла буханку хлеба. Я перерезал ей глотку от уха до уха.

— Зачем?

— Ну, разумеется, я хотел хлеба!

— Окей. (Пауза.) А какое, по вашему мнению, самое знаменитое убийство в вашей жизни?

— Ну, это когда я убил восемь человек в Бауэри, на тротуаре[52]. Они стояли там, коротали время, мне не понравились их лица, я взял и расстрелял их из автомата. Это было знаменитое убийство, все газеты написали (смех).

Этот смех миллионы американцев впервые услышали в ноябре 1993 года.

Титовец продал эту запись американской телекомпании PBS, которая снимала в Минске документальное кино «Кем был Ли Харви Освальд?». Мейлер взял текст из фильма. Сразу после диалога с архивным смехом Освальда в американском телеэфире прозвучало объяснение профессора Титовца: «Мы просто хорошо проводили время, и на самом деле мы умирали со смеху».

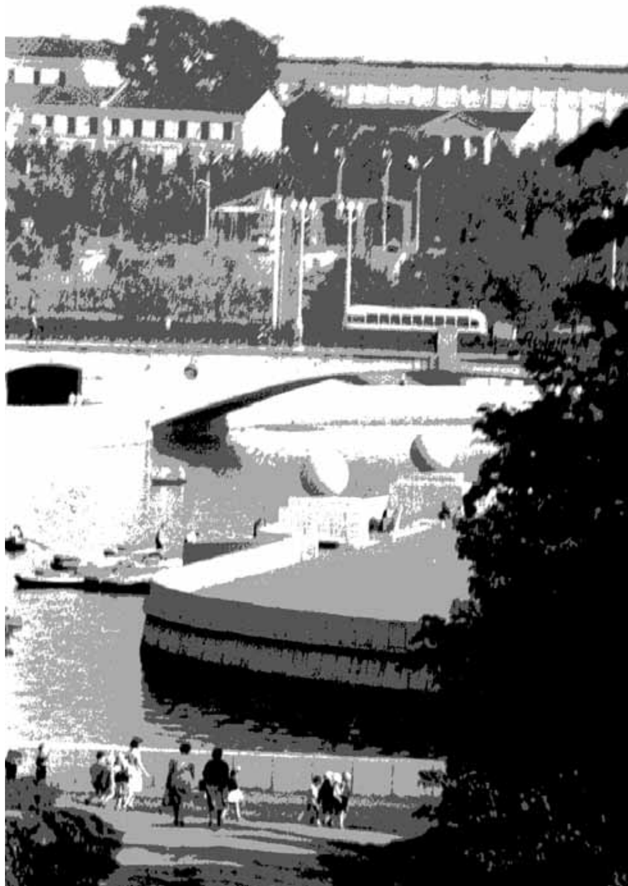
Новый Орлеан, где родился Освальд, славился своим джазом и был известен своим акцентом. Если попытаться передать новоорлеанские растянутые гласные и обрезанные окончания на языке южной Беларуси — Полесья, то можно, например, написать так: «Ну, т'колы я забыв восім чоловік в Бавэры на ходныку. Воны там стоялы, бавыл' час, нэ сподобалыся мн'іх твары, то я взяв й пострэляв ых з автомату. Тойе было важнэ, всі газэты псалы!».

Возможно, ФБР и ЦРУ определили бы, из какого региона Беларуси речь.

А вот смех точно не имеет региональных особенностей.

---

52 По оперативным данным, Бауэри — район Манхэттена, известный театрами и танцевальными залами, в те годы было местом сбора бездомных и алкоголиков.
Для справки: это классический пример пояснения, которое необходимо и бесполезно одновременно.

ГЕПАРД И ЧЕРЕПАХА

Каждый пишет, как он дышит, от тахипноэ до апноэ.

Свое нежелание открыть карты Эрнст Титовец впоследствии объяснял тем, что Лоуренс Шиллер предвзято относился к Освальду. Видимо, Титовец считал это объяснение более подходящим для печати, чем вполне рациональный ответ, данный ранее Мейлеру: он сам готовит книгу об Освальде.

И он издал свою книгу — через 17 лет после встречи с Мейлером. Причем сразу по-английски: «Oswald. Russian Episode» — «Освальд. Русский эпизод».

Книга была напечатана в Беларуси, автор сделал рассылку, пытаясь заинтересовать крупные издательства, которые допечатали бы тираж и организовали продажу[53].

На обложку вынесены три цитаты, удостоверяющие полномочия автора:

«Эрик... мой самый старый знакомый... мой друг, который очень хорошо говорит по-английски». Ли Харви Освальд, «Исторический дневник»

«Эрик Титовец, по всей видимости, был самым ранним и, возможно, самым близким другом Освальда в СССР». Эдвард Эпстайн, «Хроники убийства»

«[Эрнст Титовец] самый близкий друг Освальда в Минске». Норман Мейлер, «История Освальда»

Первая цитата требует уточнения.

Титовец познакомился с Освальдом осенью 1960 года. Но еще в январе Освальд знакомится с двумя людьми на заводе, с которыми будет дружить, встречаться, проводить время до самого отъезда из Минска, — это Павел Головачёв и Александр Зигер. Почему Освальд называет Титовца «самым старым знакомым» — неясно, но ясно, что это не так.

Еще одно «не так» — это не цитата. Титовец сводит вместе под одними кавычками две записи, сделанные Освальдом в разное время, меняет их местами и представляет их как один текст. «Мой друг» («a friend of mine»), хорошо говорящий по-английски, упоминается в «Дневнике» Освальда в ноябре 1960 года, а «самым старым знакомым» («oldest of existing acquaintances») он становится через полтора года в записи об отъезде, в марте 1962 года.

---

53 По оперативным данным, в 2014 г. это издание было продублировано под маркой издательства Custodian Books. Физический размер минской книги был механически увеличен приблизительно на 10 % и отпечатан со всеми искажениями действительности, как-то: написание фамилий («Лебизен» вместо «Либезин», «Прохорчук» вместо «Прохорчик»), анахронизмы (Освальд не работал на заводе, где производилась военная продукция — к его появлению она была выведена с радиозавода).
Для справки: вообще-то это мелочи, и где гарантия, что и А. Л-к чего-нибудь не преувеличил, не приуменьшил или не переставил в поэме.

Автор второй цитаты, Эдвард Эпстайн, всё сказал вводными словами «возможно» и «по видимости». Вводные слова, как известно, не вступают в связь с другими членами предложения, а выражают отношение говорящего к высказыванию.

Третья рекламная цитата интересна тем, что взята из того самого абзаца в приложении к книге Мейлера, где он сравнивает Титовца с капризным животным породы кошачьих. Гепард, правда, считается самым быстрым наземным животным в мире, а скорость Титовца-мемуариста скорее черепашья.

Титовец жаловался, что закончил книгу в 1999 году, но никак не мог найти издателя, объясняя это содержанием книги — мол, его версия событий не совпадает с официальной:

Сразу после написания книги я по совету друзей обращался к английским литературным агентам, которые все как один поначалу заинтересовывались книгой, а затем начинали что-то мутить и тянуть. Тогда-то я и понял, что на Западе эта книга никогда не выйдет именно из-за тех выводов, которые сделаны там.

Публикаций, где утверждается, что Освальд не мог быть и не был убийцей, — тысячи. Фактически, все опубликованные на Западе тексты можно разделить на две части: одна отвечает «да», вторая — «нет» на один и тот же главный вопрос и никогда не обходит его стороной.

Однако доктор биологических наук Титовец уверяет:

Это не паранойя, а реальные факты, складывающиеся в весьма интересную историю вокруг этого издания, которая еще не закончилась. Меня отслеживали, с моего компьютера через интернет были стерты все файлы, имеющие отношение к Освальду, а затем было отклонено мое предложение приехать с докладом на конференцию в Далласе, посвященную убийству Кеннеди, у меня просили продать мои магнитофонные записи диалогов с Освальдом...[54]

---

54 По оперативным данным, часть магнитофонных записей Э. Титовец продал американскому телевидению в 1993 г.
Для справки: посмотреть и послушать записи можно здесь: http://www.thirteen.org/programs/frontline/who-was-lee-harvey-oswald/

Но книга всё же вышла — и на почти пятистах страницах автор дает свою версию и свои оценки времени и событий.

Титовец выступил сразу в двух ролях. Одна — традиционного исследователя, который, как и Мейлер, изучает и анализирует всю историю Освальда на основании документов комиссии Уоррена, публикаций, разговоров со свидетелями, и вторая — мемуариста, непосредственного участника событий, вспоминающего, как что происходило.

Это совместимые, но разные задачи. Трудно найти что-то свое на протоптанных сотнями исследователей дорожках, еще труднее добиться, чтобы находку заметили. Нюансы интерпретаций интересуют только ярых фанатов. Значительную часть книги занимают описание общеполитической ситуации, цитаты из англоязычного советского еженедельника «The Moscow Times», разговоры и цитаты «по поводу», размышления, почему Освальд не мог быть убийцей и по возвращении в Америку не стал им, анализ его рукописей. На английском языке подобного написано и опубликовано столько, что само обращение к такому материалу оставляет впечатление вторичности, маргинальной любительской попытки.

Личные воспоминания, с другой стороны, могут быть уникальными — но могут и не быть. Автор не единственный, кто знал героя, и даже не ближайший к нему человек — рассказы жены или записи прослушивания KGB дают совершенно иную степень приближенности и интимности.

Титовца это не смущает, о чем он заявит в 2010 году:

Мы много беседовали, встречались во многих жизненных ситуациях. Я имел возможность близко оценить его. Это недоступно никому до сих пор — даже его жена знает его меньше по продолжительности общения, чем я, и она не интересовалась его внутренним миром[55].

---

55 По оперативным данным, Э. Титовец познакомился и встречался с Освальдом с осени 1960 г. по май 1962 г. (21 месяц). М. Прусакова — с марта 1961 г. по ноябрь 1963 г. (33 месяца).
Для справки: если придираться к словам — она знала Освальда в полтора раза продолжительней, чем Титовец. Если не придираться — больше на год.

Благородное намерение защитить друга начинает прогибаться под тяжестью эгоизма, когда автор помещает себя в центр истории, и книга превращается в автопортрет. Характер диктует стиль.

Дело не только в центростремительном стиле. Титовец признается, что со многими знакомыми Освальда он впервые встретился только в 1990-е годы — в начале 1960-х их жизнь вращалась на разных орбитах. И только через тридцать лет, когда не стало СССР, он начал задавать вопросы и выяснять некоторые сюжеты, центральные для своей книги. Своих главных конкурентов на близкую дружбу с американцем Титовец упоминает вскользь: Зигера — нейтрально, Головачёва — свысока и неуважительно.

В показаниях ФБР Марина Освальд назовет лучшим другом мужа Павла Головачёва: он был искренен, умен, начитан, хороший рассказчик — они с удовольствием слушали его бесконечные разговоры об электронике, хотя сами предметом не увлекались. Ли и Павел любили поговорить друг с другом о политике и часто играли в шахматы. В квартире Головачёва Освальды провели последнюю ночь в Минске перед отъездом. Что касается Эрика Титовца, Марина признается, что вначале он нравился ей больше Павла, но вскоре она увидела, что Павел был более честен и прям в своих высказываниях.

Что ж, каждый пишет свою книгу, и пишет, как может и как помнит. Титовец пишет так, будто помнит свое время с Освальдом четко и подробно — не только события, но и диалоги, не только мысли, но и чувства.

Вот они впервые идут в оперный театр, и Освальд бросает мусор под кресла и объясняет — чтобы была работа для уборщиц. Вот они дурачатся в его квартире, играя в американских солдат, и Эрик старательно выполняет команды рядового первого класса Ли: «Направо! Кругом! Налево! Смирно! Вольно!». Вот они устраивают эротическую вечеринку с двумя студентками (Ли со своей подружкой закрывается на кухне, Эрик робко дотрагивается до своей девушки в комнате, всё оканчивается сконфуженным смехом). Вот едут в Ждановичи на рыбалку, вот делают знаменитые магнитофонные записи, вот прорываются в общежитие иняза...

Оба персонажа выглядят симпатичными приятелями, им чуть больше сорока лет на двоих, они живут там, в счастливом начале 1960-х, всё у них еще впереди...

Эрнст Титовец обстоятелен и старателен: в книге около четырех сотен ссылок, автор методичен и, хотя не эмоционален, иногда обаятелен. Воссозданные им сцены оживляют портрет Освальда, созданный за последние полвека, — но не меняют его. Скорее, это контекст и автопортрет самого Титовца и его памяти, каковым, по сути, являются все мемуары.

Титовец сообщает, что одно английское издательство почитало, но не напечатало рукопись, объяснив, что рынок перенасыщен. Другое посоветовало автору передать рукопись в Библиотеку Конгресса США. Иными словами, редакторы дали понять автору, что знакомство со знаменитостью не гарантирует издания и гонорара.

Мемуарист выбрал не тот язык, не тех читателей, не тот фокус, не то время.

Проскочил мимо и опоздал.

ОСВАЛЬД И ПУСТОТА

В историческом зеркале заднего вида некоторые ответы стоят впереди вопросов.

Если первая минута Освальда в Минске не оставила следов, последний миг прощания снят, проявлен и закреплен навеки. В вагонной сцене, при желании, можно увидеть все, что случится с пассажирами на их веку. Но вернемся на перрон.

Профессор Титовец имеет основания утверждать, что он знал Освальда, его минский быт, общался с ним на его родном английским, что, конечно же, сближает и способствует ознакомлению с внутренним миром.

Знал ли Освальд Титовца?

Весной 1962 года завершается полуторагодовая борьба Освальда за возвращение в Америку. Первое письмо о радикальном изменении планов на жизнь Освальд отправил в посольство США в Москве в декабре 1960 года. Не дождавшись ответа, в феврале 1961 года послал повторную просьбу о возвращении американского паспорта.

Посольство приглашает его на беседу. Освальд пробует добиться получения паспорта по почте и выяснить, не арестуют ли его за измену, но всё же вынужден согласиться на поездку. В июле он летит на неделю в Москву, забирает паспорт, потом — новая переписка с посольством, настойчивые попытки получить гарантии от Госдепартамента, письма о возвращении в Америку, адресованные матери, и ее ответы на улицу Коммунистическую, 4, обсуждение выезда на открытках (не в конверте), поиск гарантий от будущего работодателя в Америке, переписка с армейскими властями по поводу формулировки увольнения из морской пехоты, новая поездка в Москву с женой и исключение ее из комсомола в Минске, затем еще одна поездка в Москву, снова переписка с посольством, борьба за визу для Марины, затем включение в бумаги для отъезда новорожденной дочери, напряженное ожидание ответов, бесконечные обсуждения, споры и ссоры о возвращении с женой, разговоры на эту тему с Зигерами и Павлом Головачёвым, а также с дядей и тетей Марины...

В одной из последних записей в «Историческом дневнике» Освальд упоминает Титовца.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Март 1962

Последние обмены посланиями между мной и посольством. Приходят письма от матери и брата в США. Я еще не сказал Эрику, который является моим самым старым знакомым, что мы собираемся в Штаты. Он Окей, но я боюсь, что он слишком хороший член коммунистического союза молодежи, поэтому я подожду до последней минуты.

Полтора года скрывать от «самого старого друга» самое важное решение своей минской жизни, заслонявшее всё, что происходило вокруг, требовавшее уймы времени, сил, нервов, денег, — такое надо было суметь. Как и иметь на это причины.

Чего или кого боялся Освальд? Титовца — близкого друга, которого не хотел расстраивать? Или Титовца — убежденного комсомольца, который лично возмутится и обидится на решение американца уехать из СССР, начнет отговаривать? Или

Титовца, представляющего какую-то другую опасность, и ему нельзя доверять?

Титовец в своих воспоминаниях нарисует сцену, где он так горячо доказывает Освальду преимущества социализма, что тот взрывается и говорит своему собеседнику — вы живете как рабы!

Освальд написал то, что написал.

Эрик — Окей, а всё остальное, как говорится, контекст.

Сам Титовец потом в газетных интервью и книге объяснил эту запись желанием Освальда выгородить его таким образом перед советскими властями.

Для этого, однако, необходимо сделать одно допущение и согласиться с выводом, который из него следует.

Надо допустить, что Освальд предполагал, что его дневник попадет в руки советских спецслужб, и таким образом действительно хотел защитить Титовца. И надо согласиться с неизбежным выводом — что тогда он сознательно «сдает» спецслужбам других своих знакомых, о которых пишет в дневнике благосклонно: Александра Зигера, советовавшего ему уезжать, Павла Головачёва, постоянно ведущего антисоветские разговоры, а также многочисленных подружек, вступавших в несанкционированные контакты с американцем.

Оснований для такого допущения и такого вывода Освальд нигде никогда не давал.

Когда через два месяца после последнего «Окея» в адрес Титовца американец с семьей будет навсегда уезжать из Минска, родственники и друзья придут на вокзал.

Титовца среди них не будет. Вместо лучшего друга — пустота[56].

---

56 По оперативным данным, в 1962 г. Павел Головачёв писал Освальдам в Америку, что Титовец сказал ему, что не пришел провожать, потому что не знал. О том же — что Освальд собирался рассказать Титовцу об отъезде лишь накануне и даже пошел к нему домой, но не застал, и поэтому Титовца не было на вокзале — Марина рассказала в 1964 г. Присцилле Макмиллан, и так это подано в ее книге, изданной в 1977 г.

Для справки: через четыре десятилетия в рамках памяти по-мински Э. Титовец заявил, что всё знал и с Освальдом попрощался накануне.

MOLTO ALLEGRO VIVACE

Всё же есть одно искусство, которое если и не выше всех остальных, но чуть шире, громче и распространеннее. Распространяется оно в виде упругих волн механических колебаний в газообразной среде. Если это физическое явление организовать по высоте и времени, получается музыка. Всё дело, как всегда, в организации.

Освальд как музыкальное произведение — жанр скорее инструментальный, чем вокальный.

Организационно на симфонию он не тянет, соната — слишком камерна, и если выбирать что-то среднее и универсальное, что может быть лучше концерта?

Его трехчастная композиция с двумя крайними частями в быстром движении и медленной средней частью, как описывает эту форму музыкознание, вполне укладывается на путь героя от Нового Орлеана до Коммунистической улицы в Минске. Правда, это был бы концерт с четвертой частью и темпом Con

fine terribile (ужасный конец), неизвестным музыковедам, но известным всем, кто слышал имя Освальда.

Мейлера музыка не особенно интересовала, но в разделе «Благодарности» он вспоминает Инну Андреевну Писенко — и выражает ей «особую благодарность за помощь с переводами специальных проектов».

Несколько поколений студентов иняза были тайно влюблены в блестящую и элегантную Инну, дважды чемпионку Беларуси по плаванию, преподавательницу с абсолютным фонетическим слухом и отличную синхронистку.

Она отвечала на вопросы А. Л-ка о своей работе с Мейлером, а потом спросила — а про Освальда неинтересно?

— А вы что, знали его?!

— Очень хорошо. Даже домой приводила.

Собеседнице действительно был посвящен раздел в книге Мейлера, но там она фигурировала под девичьей фамилией, и ее знакомство с Освальдом было неожиданностью.

— Мы познакомились в филармонии, у меня был годовой абонемент, и я ходила на все концерты. В перерыве я услышала английский язык — а это была такая редкость в Минске, и мы с подругой подошли познакомиться.

— А что играли в тот день?

— Первый концерт Мендельсона с оркестром.

Концерт для фортепиано с оркестром № 1 (Соль минор оп. 25) начинается Molto allegro — очень быстро и даже Con fuoco, пламенно, как финал тинейджерства Освальда: уволился из армии, сел на корабль, приплыл в Гавр, добрался до Лондона, прилетел в Хельсинки, явился в Москве и там стал 20-летним мужчиной.

Вторая часть, Andante — медленно, шагом, — описывает его спокойную, переходящую в скучную и нудную жизнь в Минске: завод, слесарь, узкий круг знакомых, убогая гастрономия, скудные развлечения, без женщин...

И вдруг Presto — быстро — всё начинает меняться, становится Molto allegro vivace — весьма весело и живо.

В минской жизни Освальда появляются первые девушки.

Эрик Титовец, который был с Освальдом на концерте, также попытался выдать себя за иностранца, но девушки не повери-

ли. И Освальд не поддержал игры — сказал, что только он настоящий американец.

После концерта новые знакомые прогулялись до площади Победы, Инна дала свой телефон, и уже назавтра, в воскресенье, позвонил Титовец и спросил, можно ли им прийти в гости.

Мейлер пишет: «Отец Инны занимал высокую партийную должность и был полковником. Очень большой патриот. Он не потерпел бы в своем доме кого-нибудь из-за границы».

В переводе это может означать, что полковник был нормальным советским человеком, опасавшимся, конечно, не иностранцев, а соседей, которые донесут, и начальства, которое испортит карьеру. Памятник Сталину всё ещё возвышался в центре Минска, улицы, заводы и колхозы по-прежнему носили имя генералиссимуса.

Но дома была только мать, и Инна пригласила на встречу также подругу, с которой была в филармонии.

Визит протек достаточно Presto — из-за грамматики.

Освальд сказал матери Инны «здрастуй» вместо «здравствуйте», она вызвала дочь на кухню и стала увещевать, что за невоспитанных грубиянов та приводит домой.

— Мама, он не русский. Он американец.

Мать побледнела и сказала — быстро уведи его, скоро вернется отец. Но дочь уговорила встревоженную женщину потерпеть, и гости остались на чай.

— О, настоящая Бухара! — не скрыл удивления американец, когда увидел на стене персидский ковер. Инна не стала рассказывать, что отец служил в Тегеране.

Больше Освальд сюда не приходил. Следующий раз девушки встретились у Освальда дома — они пришли посмотреть его библиотеку, которую, на их удивление, составляли не американские авторы, а Маркс и Энгельс.

Встречи с девушками продолжались, и весьма Vivace, но на новом месте, на нейтральной территории — если так можно назвать помещение с решеткой на окнах, куда вход разрешен по пропускам и охраняется круглосуточной вахтой.

В студенческом общежитии.

ПОХОДЫ В МОНАСТЫРЬ

О общежитие, как твой характер крут![57]

Новое место находилось совсем близко от площади Победы: Омский переулок, 13.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
15 ноября 1960

В ноябре я познакомился с четырьмя девушками, которые живут в общежитии института иностранных языков в комнате 212. Нелли очень интересная, так же, как и Томка, Томис и Алла. Я обычно хожу в институтский интернат с другом, который очень хорошо говорит по-английски. Эрик Титовец на четвертом курсе мединститута. Очень умный парень. В общежитии мы сидим и говорим часами по-русски и по-английски.

---

57 По оперативным данным, это у А. Л-ка чисто личное, после того, как его выселили из общежития иняза за нарушение режима.
Для справки: это было хотя и после Освальда, но при том же режиме.

Студенты и особенно студентки иняза таяли от возможности поговорить с «носителем языка», как называли иностранцев. Студентов интересовали не биография, не профессия, не личность, и даже не то, что говорят, — а как говорят: произношение, интонация, идиомы, сленг. Круг интересов студенток, принимавших Освальда, был шире, возможно потому, что их было больше. Или еще почему-то.

Чтобы пройти в общежитие, пропуск требовался даже законным обитателям, гостей записывали в книгу прихода-ухода, требовали документы в залог, по комнатам ходили проверки, не позволяли оставаться допоздна.

Когда об этой процедуре рассказали Мейлеру, он был так поражен, что написал следующую фразу:

К девушкам, которые учились в инязе, относились как к юным леди в монастыре.

Юные леди, однако, монахинями не были, а их кавалеров не останавливали железные решетки на окнах первого этажа: прутья можно было разогнуть, крепления — расшатать, а еще были пожарные лестницы и водосточные трубы, по которым можно было залезть сразу на второй этаж.

Освальд попал в общежитие через центральный вход.

Одна девушка сказала, что на вахте работает ее родственница и пропустит, в комнате заперли дверь: настоящий американец, как интересно. За первым визитом последовали новые — иногда проходили свободно, иногда прорывались.

Генерал KGB «Игорь Гузьмин» так объяснял Мейлеру беспрепятственные походы Освальда в общежитие:

Мы были готовы искать людей также в нашем институте иностранных языков. Как вы можете догадаться, девушки из института были в состоянии информировать нас о поведении Освальда.

Пребывание в таком состоянии неудобно для современников, но полезно для будущих историков.

Разговаривали, расспрашивали, шутили, иногда собиралось по шесть девушек, старались громко не смеяться. Открывали

толковый словарь английского языка, выбирали любое слово — и когда девушки не могли догадаться о его значении, Освальд всегда смеялся — он знал!

Встречи продолжались пару месяцев, иногда с участием Титовца, иногда без. Однажды Освальд попал в ситуацию, которую потом опишет в рукописи:

КОЛЛЕКТИВ — ЖИЗНЬ РУССКОГО РАБОЧЕГО

В 1961 году китайская делегация приехала в Минск, и ее повезли с вокзала в отель. Хотя было уже 10:30 ночи, по всему пути сотрудники МВД (безопасности) забегали в дома и интернаты и приказывали людям выходить на улицу приветствовать гостей. И хотя заранее не было никакого сообщения о делегации, еще один спонтанный приветственный комитет встретил кавалькаду черных лимузинов и послушно помахал руками затемненным машинам, из которых чуть высовывались желтоватые ладони. Я сам был в гостях у друзей в общежитии, когда сотрудник безопасности вызвал нас ради этого. Я сразу пошел вместе со всеми в толпу, и знаю, что это не просто правда, а стандартная процедура.

Девушки привыкли к Освальду и даже начинали с ним скучать. Его истории повторялись, шутки не смешили, сам он был невзрачен, кто-то даже сказал, что он ходит сюда, потому что больше нигде девушки не захотят с ним встречаться.

Мейлер, однако, пришел к выводу, что именно в инязовском монастыре Освальд нашел себе любовницу.

Как бы это деликатнее уточнить: не первую.

РОКОВЫЕ БЛОНДИНКИ

Каждый имеет право на частную жизнь, но не все — на ее неприкосновенность.

Интимная жизнь Освальда до брака изучена двумя исследователями: KGB и Мейлером. От Мейлера можно узнать, что первой женщиной Освальда была японка (американские солдаты на базе Окинава свободно посещали бордели), ни разу не было американки.

От KGB — что ему нравились блондинки. Так, по крайней мере, утверждала в отчете «Степану» источник «Таня», переводчица минского «Интуриста».

РАПОРТ KGB
08.07.60

В поведении Ли Харви было замечено стремление знакомиться с девушками, прежде всего с блондинками, которые говорят по-английски,

с расчётом, который граничит с алчностью. Например, он может пойти на свидание с девушкой, а потом пойти в ресторан один, так как считает, что одному дешевле. Он много раз организовывал встречи с источником, ибо может прийти или позвонить ей на работу. Источник склонна думать, что Ли Харви в последнее время остыл в своих заигрываниях, ведь его требование, что он заслужил поцелуй после шести месяцев встреч, не было удовлетворено. Он притворился, что разочарован или обижен и после этого стал встречаться с источником не так часто.

Третьим источником интимной информации стал сам Освальд.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(дополнительная страница, без даты)

Инна Т. Я встретился с ней в 1960 году у Зигеров, ее семья, которая послала ее в Минск, очевидно, состоятельная. Инна любит модную одежду, хорошую обувь и белье. В октябре 1960 года мы становимся очень близки, кульминацией стал половой акт 21 октября. Она была девственницей и очень интересной. Мы встречались таким образом 4 или 5 раз, последний — 4 ноября 1960 года. По окончании последнего курса Минской консерватории она уехала из Минска в Ригу.

Что записано в материалах прослушивания KGB 21 октября 1960 года, Мейлеру не показали.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Декабрь 1960

У меня легкий роман с Нелли К. Высокая, 5 футов 11 дюймов, 150 фунтов, хорошие пропорции, большая высокая грудь, широкие и красивые бедра, пропорциональные, сама из деревни неподалеку от польской границы, чисто русского деревенского происхождения. Хрупкая, добрая, женственная и всё понимает, с горячим и строгим сердцем. Она сочетала все наилучшие женские черты с хорошим, большим русским сердцем. Я познакомился с ней через соседку в комнате Томку. Нелли с Томкой и еще тремя девушками жили вместе в комнате общежития Института

иностранных языков около площади Победы. Я начал серьезно обращать внимание на Нелю, когда разошелся с Инной Т.[58]

Позже на отдельном листе Освальд дописывает:

Неля вначале не обращает на себя большого внимания, она просто смотрит, очень крупная, но я сразу почувствовал, что она хорошая и ее страсти соответствуют ее размером, что удалось выяснить только после длительного изучения предмета. После легкого романа, который длился до января и даже февраля, мы поддерживали дружбу, но ничего больше вплоть до мая 1961 года, и после женитьбы больше не встречались.

Эту запись Мейлер называет единственным, кроме записи о студентке консерватории, конкретным свидетельством сексуальной жизни Освальда в Минске до женитьбы. Сам Освальд в заметках, сделанных после отъезда, будет хвастаться, что в Минске у него было «множество девушек».

Осенью 1960 года у Освальда развивается намного более серьезный, третий роман, который завершится предложением руки и сердца.

Брюнетке.

---

58 По оперативным данным, в «Дневнике» имена и фамилии девушек Освальд пишет полностью, и так, целиком, дает их Мейлер в своей книге. Для справки: А. Л-ку в этой поэме ближе неприкосновенность.

БЕГ В МЕШКАХ

Секс — как погода, интересует всех, даже когда не представляет практического интереса.

Читая Мейлера, иногда кажется, что вопросы, которые он выясняет, сформулированы в отделе маркетинга издательства. Например — был ли Освальд гомосексуалистам?

Генерал «Гузьмин» намекал, что Освальд был «нечист и пользовался ситуацией, когда она складывалась». Но непосредственный куратор «Степан» категорически опроверг домыслы о гомосексуализме Освальда.

Освальд иногда приводил девушек домой, и «бог знает, чем они там занимались». Вероятно, это было до установления прямого наблюдения в квартире, потому что впоследствии KGB знал всё довольно точно.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
26 июля 1961

21:50 Он идет на кухню, возвращается.
22:10 Они ложатся в постель.

22:15 Интимная беседа.
22:30 Тихо, они спят.
23:00 Наблюдение завершено.

Как объяснял «Степан», KGB не требовал записывать интимные моменты. Обычно человек, который расшифровывал запись, помечал, что акт состоялся, но опускал подробности.

Но на практике, уточнял «Степан», это зависело от задачи:

Представьте, что я работаю в ФБР или ЦРУ и хочу завербовать советского инженера. Мне надо искать на него компромат, прежде и важнее всего — сексуальные связи. Как аналитик я бы приказал: записывайте всё подробнейшим образом. Все сексуальные процессы. Делайте фото. Всё зависит от цели.

«Степану» приходилось вести дела, по которым проходили гомосексуалисты — мужеложство являлось уголовным преступлением и каралось лишением свободы на срок до пяти лет.

Он объяснил Мейлеру, как это выглядело в глазах KGB 1960-х годов:

Обычно у гомосексуалиста тонкий голос, что-то женственное во внешности, он интересуется женщинами только формально, но его глаза загораются, когда он видит мужчину, особенно — извините — с большим задом. Его постоянно можно видеть в общественных туалетах, часто там они и совершают акты. Таким образом, у гомосексуалиста есть определенные четкие черты, по которым его можно обнаружить, и таких черт мы за Освальдом не замечали.

Государственную безопасность однополая любовь подрывала до 1993 года, когда она официально перестала быть преступлением.

Впрочем, вопрос Мейлера мог быть подсказан и материалами комиссии Уоррена.

Бумажка с текстом, где можно прочитать, что Освальд и его убийца Джек Руби были гомосексуалистами и спали друг с другом, приобщена к материалам комиссии и датируется 1 декабрем 1964 года.

Анамнез этого документа напоминает соревнования по бегу в мешках на месте. В июле 1964 года на авиарейсе из Атланты в Новый Орлеан место пассажира по имени Дон Фонте оказалось рядом с пассажиром, которого звали Уэйн Бурке. Заговорили об убийстве Кеннеди, и оказалось, что Дон Фонте слышал о мужской любви двух покойников, о чем никогда не слышал Уэйн Бурке, оказавшийся агентом ФБР. А Дону Фонте рассказала об этом его невеста Верона Халифакс, которой сообщила эту информацию по телефону ее сестра Джоанна сразу после убийства. А поскольку невеста пришла встречать жениха в аэропорт, то агент Бурке там же на месте снял показания: у сестры невесты оказался знакомый по имени Клаус Винкельман, у которого есть знакомый, имя которого неизвестно, но известна сексуальная ориентация, и он спал и с Ли, и с Джеком и знал, что они спали друг с другом. ФБР не поленилось и допросило сестру невесты Джоанну, которая повторила всё ранее сказанное, и указала, что имя неизвестного гомосексуалиста может быть известно преподавателю факультета искусств колледжа Ньюкомб Франклину Адамсу. Прижатый ФБР к стенке Адамс заявил, что не знает никаких гомосексуалистов на факультете и вообще никого, кто знал бы Освальда или Руби.

На всё про всё ушло три месяца. Гетеросексуальность Освальда была восстановлена.

На условный вопрос — «А как сложилась бы история Освальда, если бы он был геем?», есть, однако, безусловный ответ.

Не так.

ГИГАНТЫ СЕКСА

Аминь иногда предшествует аллилуйе.

После «Истории Освальда» Мейлер взялся за роман «Евангелие от Христа». Церковь скрипела зубами. А следующий за этим роман, последняя книга Мейлера, «Замок в лесу» — о детстве Гитлера, зачатого в инцесте, — получил в 2007 году приз британского журнала «Literary Review» «За плохой секс в художественной литературе»[59].

---

59 По оперативным данным, премию заслужил следующий фрагмент: «Теперь она была на нем. Она не знала, это оживит или прикончит его, но та же злоба, острая, как игла, как после смерти Фанни, снова была в ней. Фанни сказала ей однажды, что делать. Клара повернулась своими ногами к его голове, поставила свою самую неприличную часть на его тяжело дышавшие нос и рот, и взяла его старый таран в губы. “Дядя” был теперь мягким, как завиток экскрементов. Она сосала его с жадностью, которая может исходить только от Лукавого — она это знала. Оттуда пришел импульс. Так что теперь они оба имели свои головы на неправильном конце, и там был Лукавый. Он никогда раньше не был так близко. “Пес” начал оживать. Прямо у нее во рту. Это удивило ее. Алоис был так вял. Но теперь он опять стал мужчиной!»
Для справки: перевод Google.

Названия произведений Мейлера говорят сами за себя: «В плену секса», «Гений и страсть», «Призрак проститутки», чуть меньше бросаются в глаза «О женщинах и элегантности» и «Мэрилин», но ради справедливости надо сказать, что первый его роман «Нагие и мертвые» не о том, о чем можно подумать, если прочитать все заголовки вместе.

Следует признать, что Мейлер переплюнул KGB в освещении минской сексуальной жизни (конечно, без учета того, что там еще в архивах).

Так, в книге знакомый Освальда Юрий Мережинский, сын доктора биологии Черкасовой (которая время от времени выскакивает между строчек в самых неожиданных местах этой книги), представитель «золотой молодежи» 1960-х годов, а в начале 1990-х — заслуженный алкоголик, так объясняет американскому читателю минские нравы и типы на примере своего знакомого:

Он был выше и больше меня. Его кличка была «Гон-дончик», от слова «гондон». Он скупал гондоны по 4 копейки за штуку, и покупал платяные щетки. Пробивал четыре дырочки в гондоне, доставал со щетки щетину и вставлял в дырочки, а сверху натягивал еще один гондон. И продавал проституткам, и многие покупали. За большие деньги. Поэтому его и прозвали «Гон-дончик»: он делал женщин счастливыми. Уже в то время можно было иметь гондон с усами! Ну, и такая кличка. Гондон-чик, Гондон-чик. Большой доход, конечно. Его очень любили женщины.

Главу книги «Влюбленный в Эллу» Мейлер начинает с рассказа Павла Головачёва, который работал на заводе вместе с Освальдом и Эллой Герман и наблюдал начало их романа:

Ли не очень демонстрировал свои чувства. Фактически он никогда не говорил, что он с кем-то переспал. Например, была Магда, огромная, как кобыла. Она легко давала. Люди говорили, что это муж сделал ее такой. На ночной смене мужики даже спорили, чья очередь бросить палку. Она весила 120 килограммов. Ее звали «Наша кобыла», «Наш холодильник».

Насчет холодильника: в 1950-е годы Мейлер восхищался учеником Зигмунда Фрейда Вильгельмом Райхом, которого на-

зывают отцом сексуальной революции. Еще в начале 1930-х он объединил учение Маркса с теорией Фрейда и основал «Секспол» — Немецкую ассоциацию пролетарской сексуальной политики, которая вскоре насчитывала 40 000 членов. Райх считал оргазм панацеей, и заявлял, что нашел первичную космическую силу — «энергию аргона». После эмиграции в Америку он построил аккумулятор аргона — деревянный ящик с ферримагнитными вставками, который стал известен как «оргазмотрон». «Аргон», по словам Райха, помогал от импотенции и фригидности, лечил от рака и радиации.

В патенте Райху отказали, но среди тех, кто попробовал на себе действие «оргазмотрона», кроме Мейлера, были Джером Сэлинджер, Сол Беллоу, Аллен Гинзбург и первый Джеймс Бонд — Шон Коннери. Пресса писала о неконтролируемых эрекциях в секс-ящиках, популярность приобрели ручные переносные аккумуляторы таинственной энергии, Райх даже построил аргонную установку для вызывания дождя и, если верить публикации в местной газете штата Мэн, получил за это деньги от счастливых фермеров.

С Райхом связывают знаменитый постулат из романа Джорджа Оруэлла «1984»: «Мы уничтожим оргазм».

Мейлер, кажется, готов был искать оргазм даже в холодильнике. В послесловии он берет имя «Магда» в кавычки, что означает — псевдоним. Вся эта история понадобилась американскому автору, чтобы написать:

Павел не думает, что Ли что-нибудь делал с Магдой.

Больше гиганты минского секса 1960-х «Гондончик» и «Магда» нигде в книге не всплывают.

Но тема секса на этом не заканчивается.

ДОБРОДЕТЕЛЬ И ЦЕЛОМУДРИЕ

Аллилуйя!
Были, были в 1960 году в Минске и целомудренные люди.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(дополнительная страница)
Июнь 1960

Элла Герман — красавица-еврейка с черными шелковыми волосами, с красивыми темными глазами и кожей белой, как снег; великолепная улыбка и добрый, но непредсказуемый характер. Ее единственный недостаток — в свои 24 года она сохранила девственность, потому что сама так захотела. Я встретил ее, когда она начала работать на заводе. Я ее увидел и, наверно, влюбился с первого взгляда.

На заводе у Освальда были три конфликтные ситуации: когда он разобрал подготовленный к работе чужой пресс, когда однажды задрал ноги на стол и заявил, что это сидячая забастовка, и третья — из-за Эллы. Во время перерыва он помогал ей с английским в красном уголке, и выключил радио.

Другой рабочий встал и снова включил. Со словами «Русская свинья!» Освальд опять выключил.

И не получил в ответ по носу. И не потому, что Макс Прохорчик, как звали рабочего, не был русским, а потому что однажды он уже столкнулся с Освальдом и был вынужден извиняться — это он когда-то взял Освальда за грудки в споре за пресс.

Прохорчик просто вышел.

Кроме нелепого оскорбления по национальному признаку своего будущего мужа (Прохорчик женился на Элле Герман уже после отъезда Освальда) Элла вспомнила, а Мейлер процитировал еще несколько высказываний Освальда — ухажера:

Я богатый жених — у меня квартира! Если в будущем нам что-нибудь понадобится, я могу пойти к мэру. Мы получим всё, что нужно.

В мае 1960 года был сбит над Уралом американский самолет У-2 и был захвачен живым пилот Френсис Гэри Пауэрс:

Элла, думаешь, мне это повредит, потому что я американец? Здесь, в Минске, меня не видно. Но когда я приехал в Москву, я действительно выделялся[60].

И последнее:

Если я вернусь в Америку, меня убьют.

Не самое спокойное душевное состояние. Но вряд ли пророчество. Всё же это воспоминания Эллы после того, как всё произошло, и наговорено и написано много всего и всякого.

И всё же...

---

60 По оперативным данным, Пауэрс летал и над Освальдом. Герой американского фильма «Мост шпионов» адвокат Джэймс Донован, организовавший обмен Пауэрса на советских шпионов, в 1962 г. хвалил в прессе хладнокровие летчика во враждебном небе: пролетая над Минском, Пауэрс спокойно ел бутерброд с салями.
Для справки: www.cia.gov уточняет, что бутерброд был с плавленым сыром «пименте», мясной намазкой и тунцом.

ВИД СЗАДИ

Все, от летчиков до налетчиков, хотят иметь свой гимн, а если не гимн, то хотя бы ведомственную песню — кто «Мурку», кто «Вместо сердца пламенный мотор». Еще одна авиапесня после минимальной редактуры может претендовать на служебный гимн оперативных групп наружного наблюдения: «Нам сзади видно всё, ты так и знай».

Однажды, когда Освальд провожал Эллу домой, к ним подбежала девушка, у которой вырвали сумочку, и попросила помочь. Освальд не побежал за грабителем, а спросил у Эллы, как пройти дальше по другой улице. И они пошли другим путем.

Блюстители законности из KGB в такие ситуации не вмешивались[61].

---

61 По оперативным данным, в данном случае имело место сопровождающее наблюдение, при котором «контроль за поведением объекта ведется разведчиками с позиций, находящихся позади него».
Для справки: в словаре KGB нет слова «хвост», хотя есть «разведчик на позиции сзади».

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
02.07.60
12:00—24:00

В 14:30 Ли Харви вышел с работы и пошел на обед в кафе самообслуживания на площади Победы. Поел, был дома в 15:00. В 16:00 вышел из дома, сел на троллейбус № 1 на площади Победы и поехал к Центральной площади без оплаты проезда. Вышел через задние двери и пошел в магазин Союзпечати № 1 на улице Маркса. Там купил несколько газет и пошел в гастроном № 13 на проспекте Сталина. Ничего не купил, вышел, пошел в ГУМ. Посмотрел товары в отделе пластмассы, ничего не приобрел и пошел в цветочный магазин, затем в булочную, потом в кафе «Весна». Вышел из кафе через 5 минут, на остановке «Комсомольская» сел на троллейбус № 1, вышел на площади Победы и был дома в 16:50. В 20:20 Ли Харви вышел из дома и быстро пошел к оперному театру. Там стал ходить туда-сюда возле центрального входа. Через 10 минут пошел в сторону сквера и на главной аллее встретился с незнакомой женщиной, кличка «Дора». Они поздоровались, пожали руки и начали говорить. Поговорив минуты три, они разошлись, не попрощавшись. «Дора» ушла в жилой дом на Лавско-Набережной улице, а Ли Харви остался.

Неизвестно, применила ли в этот момент группа наружного наблюдения прием «вилка», чтобы проследить маршрут «Доры», или наблюдение было «зонально-территориальным». Подходил и прием с «промежутками», известный из словаря KGB как наблюдение «по параллельным улицам», когда «разведчики в малолюдном месте следуют по параллельным улицам, аллеям, дорогам и наблюдают за действиями объекта, используя промежутки между домами, деревьями и т. п.».

Если смотреть в промежутки, а не в стенки домов и стволы деревьев и т. п., Лавско-Набережная, тянувшаяся вдоль Свислочи, действительно была видна от Оперного театра.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
(продолжение)

Через 20 минут «Дора» вернулась, что-то сказала, и они, взявшись за руки, пошли к цирку. Посмотрели рекламу в витринах, потом гуляли

по проспекту Сталина около 35 минут и о чем-то говорили. В 21:45 Ли Харви и «Дора» пошли в цирк. Ли Харви предъявил билеты, и они заняли свои места в 10-м ряду и начали смотреть американский фильм «Лили».

Музыкальная трагикомедия о любви наивной французской девушки и разочарованного ветерана Первой мировой войны, который вынужден зарабатывать в кукольном театре, кончается так, как и должны кончаться романтические фильмы — поцелуем. В Минске в тот вечер до поцелуев дело не дошло.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
(продолжение)

В 23:45, после окончания фильма, они медленно пошли к дому № 22 на Лавско-Набережной, там остановились, поговорили минут 15, после чего попрощались. «Дора» вошла в свой дом (личность выясняется), а Ли Харви пошел домой и был там в 24:00. Наблюдение в этот момент было прервано до следующего утра.

Самое интересное в этом рапорте — не очевидные вольности с минутами и скоростью передвижения объектов, а дата. Освальд познакомился с Герман еще зимой, в первые дни работы на заводе. И это знакомство оставалось неизвестным для KGB полгода.

Другую песню на гимн надо, может эту: «Я гляжу ей вслед, ничего в ней нет».

Халтурщики.

СЕРДЦЕ В КВАДРАТЕ

Любовный треугольник называется классическим, потому что древен как Евклид и повсеместен, как Макдональдс. Однако геометрия, как и общепит, не стоит на месте даже в Минске.

Осенью 1960 года Освальд крутит романы сразу с четырьмя девушками: Инной из консерватории, Нелей из иняза, Розой из «Интуриста» и Эллой с завода. Но Минск город маленький, и случается неизбежное — они встречаются.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
18 октября 1960

Мой 21-й день рождения отмечаю с Розой, Павлом, Эллой маленькой вечеринкой у меня дома. Элла очень красивая русская еврейка, с кото-

рой я в последнее время гуляю, работает также на радиозаводе. Роза и Элла ревнуют друг друга, и это пробуждает во мне теплые чувства. Обе впервые у меня. Элла и Павел оба дарят мне пепельницы (я не курю), мы смеемся.

Освальд не пишет, что потом на вечеринке появляется третья гостья — Инна, что впоследствии ведет к бурному объяснению с Эллой. В результате Освальд прощается с музыкантшей, прекращает походы в общежитие к студенткам, не звонит переводчице и выбирает Эллу.

Только не так быстро и не в такой последовательности — вернемся на пару дневниковых страниц назад.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(дополнительная страница)

В октябре 1960 года мы становимся очень близки, кульминацией стал половой акт 21 октября. Она была девственницей и очень интересной. Мы встречались таким образом 4 или 5 раз, последний — 4 ноября 1960 года.

Так Освальд пишет об Инне. И переключается на Эллу.

РАПОРТ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ KGB
23.12.60
08:00—24:00

В 20:45 объект вышел из дома и пошел на восток до дома № 22, кв. 2 на Лавско-Набережной улице. Через 10 минут он вышел с контактом «Дора», и они вместе, о чем-то разговаривая, пошли вдоль набережной Свислочи и в 21:15 пришли к квартире объекта.

Это был рабочий день, пятница, начало наблюдения — просто начало работы оперативной группы, как на заводе, с 8 утра. «Контакт “Дора”» к тому времени расшифрован, фраза «о чем-то разговаривая» указывает на отсутствие аудионаблюдения, может, потому, что в общем ясно, что происходит.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
1 января 1961

Новый год встречаю в доме Эллы Герман. Думаю, я влюбился. Она отклонила мои не самые благородные поползновения, мы пьем и закусываем в присутствии ее семьи в очень гостеприимной атмосфере. Потом я иду домой пьяный и счастливый. Идя вдоль речки домой, я решаю сделать Элле предложение выйти замуж.

Через три десятилетия Элла Герман пересказала Мейлеру слова, которые услышала от своей матери 1 января 1961 года: «Элла, это твое дело — ты сама выбирай. Но я вот что хочу тебе сказать: в 1939 году тебя могли арестовать только за то, что ты родилась в Польше».

В том году те, кто родился в Польше, больше не имели страны: ее поделили Гитлер и Сталин. При обоих вождях арестовывали и отправляли в концлагеря за то, что родился в неправильной семье от неправильных родителей. В НКВД список оснований для ареста был длиннее, чем в гестапо, и мог включать и место рождения. Но Элла понимала, что мать говорила не о прошлом, а о будущем.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
2 января 1961

После приятной прогулки под ручку в местный кинотеатр мы возвращаемся домой, и на ступеньках я делаю предложение выйти замуж. Она колеблется, потом отказывает. Моя любовь настоящая, а у нее — нет. Есть у нее и другие причины, помимо отсутствия любви: я американец, и однажды меня могут арестовать, просто потому, как, например, польская интервенция в 1920-е годы привела к аресту всех граждан Советского Союза польского происхождения. «Ты понимаешь, какое международное положение, слишком много всего против тебя, и ты об этом даже не подозреваешь». Я в шоке. Она фыркает от моей несообразительности и поворачивается, чтобы уйти. (Я слишком потрясен, чтобы думать!) Я понимаю, что она никогда не воспринимала меня серьезно, а только пользовалась тем, что я американец, чтобы другие девушки, которые

считали меня не таким, как остальные российские парни, ей завидовали. Я в отчаянии.

Мейлеру рассказывали, что когда Освальд шел по цеху на свое рабочее место, девушки-сборщицы действительно наперебой приветствовали его: «Алик, Алик!». И будущий муж Эллы действительно обратил внимание на нее после конфликта с Освальдом из-за включенного радио.

Однажды на берегу Свислочи Освальд и «Дора» поспорили, как правильно кричат лягушки. Элла говорила — «ква», Освальд — «фрок».

Не договорились.

В Беларуси лягушки поют. Хотя уже встречаются в некоторых меню.

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

Важнее единицы в Советском Союзе был только ноль.

Главное событие советской жизни начала 1961 года — денежная реформа, отменившая один ноль на деньгах, зарплатах и ценах. Впрочем, с ценами всё оказалось несколько иначе.

В газетах печатали басню с вечно живым названием «Рубль и Доллар». Перед Новым годом встретился Доллар с Рублем:

Хелло, соперник давний! Как живем?
Как бизнес делаем и каковы доходы? —
Он пред рублем надменно заносился.

Дензнаки решают померяться силой на руках:

Как доллар тут не петушился,
как ни ловчился,
к столу придавлен был рублем!

Рубль объясняет победу дизайном:

На мне — советский герб, как символ счастья,
а над тобою — бог-банкир.

И припечатывает конкурента:

Весь бизнес твой — грабеж, война и гнет.
А ну, с дороги прочь! Посторонись-ка, сэр!
Рубль трудовой идет, рубль СССР!

Надо признать, что рифма «сэр — СССР» — несомненная творческая удача[62].

В дневнике Освальда нет ни слова о реформе — его голова была занята не деньгами и не рифмами.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
3 января 1961

Я в отчаяньи от Эллы. Я люблю ее, но что поделаешь? Это состояние страха всегда было в Советском Союзе.

KGB напрягся, но потом расслабился: как генерал «Гузьмин» объяснил Мейлеру, Освальд расстроился, но не перерезал вены, как в Москве, не бросил работу, не заболел, не запил, не сделал ничего рискованного. Не было оснований для принятия дополнительных мер.

KGB в оценке психологического состояния отвергнутого жениха не ошибся. Освальд думал совсем о другом.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
4 января 1961

Через год после того, как я получил разрешение на жительство, меня вызвали в паспортный стол и спросили, хочу ли я получить гражданство (русское). Я сказал — нет, просто продлите мой временный паспорт. Согласились, и мои документы продлены до 4 января 1962 года.

---

62 По оперативным данным, до реформы официальный курс доллара к рублю был 1:4. После реформы 1 доллар стоил 90 копеек.
Для справки: т. е. курс рубля за одну ночь упал более чем в два раза, при технической деноминации доллар должен был стоить 40 копеек.

Следующая запись подводит итоги не только месяца, но и всего предыдущего года.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
4—31 января 1961

Я начинаю пересматривать свое желание остаться. Работа нудная, деньги, которые я получаю, не на что потратить. Ни ночных клубов, ни боулинга. Ни мест отдыха, кроме танцев в клубе профсоюзов, которых мне уже предостаточно.

В первые дни года газеты публиковали рапорт белорусской доярки Лидии Осиюк партии и правительству: «Я брала обязательство надоить по 5700 килограммов молока от коровы, а когда узнала о созыве очередного пленума ЦК КПСС, я пересмотрела свои ранее взятые обязательства и решила получить от коровы по 6000 килограммов молока».

Коровы, как следует из дальнейшего рапорта, вдохновились пленумом еще больше и дали по 6130 кг. В телеграмме в ответ на той же газетной странице минское начальство желало узнавшим о пленуме млекопитающим новых успехов, здоровья и счастья в личной жизни.

Желание Освальда посвятить жизнь подобному героизму давно скисло.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
1 февраля 1961

Делаю первый запрос в американское посольство в Москве для пересмотра своей позиции: я заявил, что «я хотел бы вернуться в США».

28 февраля 1961

Получил письмо из посольства. Ричард Снайдер пишет, что «я могу явиться на интервью в любое время, когда захочу».

Освальд не пишет в дневнике об одном важном изменении в своем положении: после письма в посольство прекратились

щедрые выплаты от Красного Креста. Впрочем, жить на одну зарплату для экономного Освальда не составляло труда. Он даже жаловался, что деньги в Минске некуда потратить.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
1—16 марта 1961

Я сейчас живу в ожидании возвращения в США. Я рассказал Зигеру, он поддержал мою оценку, но посоветовал никому из русских не говорить о моем желании вернуться. Я теперь понимаю почему.

Освальд обсуждал желание уехать из Минска уже в прошлом году — с Эллой Герман. Но вначале речь шла не об Америке, а о другой социалистической стране — Чехословакии. Не согласилась бы она жить в Праге?..

Эти беседы велись на улице и оставались в секрете от KGB.

Узнать о намерениях Освальда KGB мог либо от своего человека, которому Ли доверял, либо путем прослушивания его разговоров. Но Освальд жил один, телефона у него не было, а прослушивание имеет смысл, только если в квартире есть кто-то еще. Разговоры вслух с самим собой проходят по другому ведомству.

Оставались письма. СССР подписал Женевскую конвенцию, которая не позволяла перлюстрацию почты, но это никого не вводило в заблуждение. Первое письмо Освальда в посольство США было отправлено из Минска 5 февраля — в Москве его получили только через восемь дней. Те, кто его раскрыл в Минске, прочли недвусмысленный текст.

ПИСЬМО ЛХО В ПОСОЛЬСТВО США В МОСКВЕ
5 февраля 1961

Прошу рассмотреть мою просьбу о возвращении моего американского паспорта. Я желаю вернуться в Соединенные Штаты при условии, что мы достигнем ясного соглашения относительно прекращения любого юридического преследования. В таком случае я смогу обратиться к российским властям, чтобы они разрешили мне уехать. Если я смогу предъявить им мой американский паспорт, я считаю, что мне дадут выездную визу.

Они никогда не настаивали, чтобы я принял российское гражданство. Я живу здесь с временными бумагами для иностранца. Я не могу оставить Минск без разрешения, и поэтому пишу, а не явился лично. Надеюсь, что, восстанавливая мою ответственность перед Америкой, вы будете помнить о своей, чтобы сделать всё возможное и помочь мне, потому что я американский гражданин.

Это начало большой переписки о возвращении, в которой будут участвовать американское посольство в Москве, Госдепартамент в Вашингтоне, мать Освальда в Новом Орлеане, ФБР и иммиграционные службы. Освальд окажется неплохим демагогом и будет давить на свои права американского гражданина, требовать паспорт и гарантии неприкосновенности, требовать визу для жены и деньги на дорогу — пока всё не получит. Но на это потребуется больше года.

В Минске тем временем Освальд будет делать вид, что ему всё нравится, и ни с кем больше до конца июня о принятом решении не заговорит.

Это молчание станет почвой для следующих событий, которые вовлекут в свой водоворот новых персонажей и неузнаваемо и навсегда изменят их жизнь.

Молчание — не обман. Но и не правда.

НА ТАНЦЫ

В год явления Освальда в Минске были замечены зомби.

«Одни вихлялись из стороны в сторону, а их ноги, как прибитые гвоздями, неподвижно прилипли к полу, другие, уставившись в пространство пустым невидящим взором, на согнутых коленях волоклись по залу, третьи, плотно прижавшись друг к другу, бездумно топтались взад-вперед, четвертые, судорожно пресмыкаясь всем телом, были озабочены только тем, чтобы эти судороги не кончались...»

Это не кадры из культового фильма 1930-х «Белые зомби», а цитата из белорусского журнала «Маладосць». Зомби собирались во Дворце культуры профсоюзов на танцы. Комсомольский журнал выступал против «заинтересованности некоторой части нашей молодежи “сверхмодными” и “стильными” танцами вроде буги-вуги и рок-н-рола» и за советский стиль — «строгий, выдержанный».

Через год после публикации, если верить Освальду, советский стиль победил: на танцах стало скучно.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
17 марта 1961

Мы с Эриком пошли в профсоюзы на танцы. Скучно, но за час до конца меня познакомили с девушкой с французской стрижкой, в красном платье и белых туфлях. Мы танцуем, и я прошу разрешения провести ее. Провожаю вместе с еще пятью кавалерами. Ее зовут Марина. Мы сразу друг другу понравились. Она дает мне номер телефона и уезжает домой в такси не с таким новым, как я, другом. Я иду домой пешком.

В письменном изложении своей минской жизни для ФБР Марина Прусакова подробно описывает этот вечер на танцах во Дворце профсоюзов.

Сначала планировалась лекция об Америке — выступала профессор Лидия Черкасова, та самая, которую Освальд мог видеть в киножурнале о международном женском дне. По тому же принципу, из-за которого ее сажали в президиум юбилейных собраний, она была включена в состав делегации БССР на 15-ю сессию ООН, плыла вместе с Хрущёвым на теплоходе «Балтика» через Атлантику в Нью-Йорк, привезла групповое фото на память — на палубе она сидит по левую руку от главы партии и правительства.

Марину танцы всегда интересовали больше, чем международное положение. Она окончила фармацевтическое училище в Ленинграде, где после смерти матери жила у отчима, а потом переехала к дяде в Минск. У подполковника милиции Ильи Прусакова и его жены Валентины своих детей не было, квартиру имели просторную, и племянница чувствовала себя лучше, чем дома.

Ленинградка в Минске была популярна. На вечеринку во Дворец профсоюзов Марину пригласил ухаживавший за ней студент мединститута Александр Пискалёв.

В ту пятницу она задержалась на работе в аптеке 3-й клинической больницы, потом два часа переодевалась, сидела перед зеркалом, сделала прическу а-ля Брижит Бордо, затем идти на танцы расхотелось и она переоделась в домашнее платье.

И тут строгий и правильный дядя Марины, подполковник милиции Илья Прусаков выступил в роли дирижера судьбы:

начал подшучивать, поддразнивать, мол, стоило ли два часа торчать перед зеркалом. Марина опять переоделась.

Потом она скажет:

Меня просто потянуло на те танцы, даже против моей воли. Честно скажу — я чувствовала что-то необычное в тот вечер, но не придала этому значения.

С холода, свежая, эффектная, она входит в зал в конце вечера в сопровождении Пискалёва, который выбегал встречать ее каждые десять минут. Марина сразу узнает, что другой парень, который ей нравился, ушел, как только увидел ее с Пискалёвым. Еще один студент-медик, душа компании Юрий Мережинский, сын лектора — профессора Черкасовой, знакомит ее с Аликом, которого она принимает за жителя Прибалтики. В танце они остаются наедине.

Но дальше ее воспоминания о том, как закончился вечер, от записи в дневнике Освальда отличаются.

ИЗ ПИСЬМЕННЫХ ПОКАЗАНИЙ МАРИНЫ ОСВАЛЬД ДЛЯ ФБР

После танцев мы все группой пошли домой к Юрию, чья мать была в США. Я помню, что они поспорили немного с Аликом, ведь Алик говорил очень положительно о своей стране и очень интересно. Мне было очень приятно, что он старался представить свою страну с лучшей стороны.

Записи американской лекции профессора Черкасовой и ее споров при первой встрече с Освальдом нет. Но его последующие визиты наверняка не остались незамеченными. Освальд еще несколько раз бывал у нее дома, рассматривал фотографии, вел разговоры о своей стране и СССР — пока муж, тоже профессор мединститута Мережинский, не потребовал визиты прекратить. Не обязательно по подсказке KGB: сам отлично понимал, что такое несанкционированные связи с иностранцами.

Семья Черкасовых-Мережинских в истории Освальда сыграла роль железнодорожной стрелки, которая переводит летящий на полной скорости состав на другой путь и отправляет его по

новому маршруту. Мать читает лекцию, на которую приходит Освальд, после лекции сын знакомит его с женщиной, которая станет его женой.

Норман Мейлер несколько раз встречался и с Юрием Мережинским, и с Лидией Черкасовой. Рассказы сына так впечатлили Мейлера, что он настоял на очной ставке — провел их совместную встречу.

Юрий, один из самых заметных персонажей минской «золотой» молодежи 1960-х годов, хвастался, что спал с Мариной перед свадьбой и после, рассказывал, как часами потом его таскали на допросы, как он скрывался в Москве от минского KGB. Мать пыталась возражать, рассказывала Мейлеру об иной причине отъезда — лечить туберкулез, сын обзывал ее сталинисткой, и весь скандал, подробное описание которого занимает несколько страниц книги Мейлера, напоминает жалкий бред деградировавшего алкоголика, ни одному слову которого нельзя верить.

ИЗ ПИСЬМЕННЫХ ПОКАЗАНИЙ МАРИНЫ ОСВАЛЬД ДЛЯ ФБР

В тот вечер Саша и Алик провели меня домой. Мы остались на какой-то момент на улице одни, и Ли спросил, когда еще можно встретиться. Я сказала, что, возможно, опять приду на танцы туда, где мы встретились, но точно не обещала. Но когда потом через неделю я пошла с другом на танцы — Ли был там. В тот вечер он пришел со мной домой, и я представила его своей тете. Тете понравились его скромность и вежливость, а также то, что он был очень аккуратный. Она сказала мне со смехом, что в моей коллекции не было только американца.

Кто более точно запомнил начало знакомства — Освальд, датировавший свои записи достаточно свободно, или Марина, писавшая свое свидетельство почти через три года после встречи, — не так и важно.

Встретились. И изменить это нельзя.

ДЕМОН АМНЕЗИИ

Воскрешение всегда чревато.

Через четыре десятилетия после того, как музыканты сложили свои трубы и контрабасы, как последний посетитель покинул Дворец профсоюзов, как погас свет и единственный, кто оставался на площади перед дворцом, был памятник Сталину, в зал вернулся один из танцоров.

Раздел книги Эрнста Титовца, посвященный танцам, называется «Ли встречает свою будущую жену». В эпиграф вынесены слова Льва Толстого: «Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро».

Титовец пишет:

Вечер 17 марта 1961 года стал историческим моментом в жизни Ли. В тот вечер он встретит красивую русскую девушку по имени Марина Прусакова, которая вскоре станет его женой. Это произошло во время танцевальной вечеринки и, при ближайшем рассмотрении, открыло ряд

интересных совпадений. Совпадений, которые дают повод думать, что в движение были приведены силы большие, чем случайная романтическая встреча молодого человека и девушки.

Далее на сорока одной странице (это вторая по объему глава книги, больше только ее заключительная часть) автор исследует эти силы.

Точнее — исследует всё, кроме этих сил. Вначале речь идет о профессоре Черкасовой и ее изучении гипогликемического инсулинового шока у психиатрических пациентов, о ее муже профессоре Мережинском, об их даче в Ждановичах, о поездке Черкасовой в ООН, о ее деньгах, ее сыне Юрия, о его болезни, его девушке, его друзьях, родственниках его друзей...

Далее идет детальное — через сорок лет — описание атмосферы на танцах: преподаватели без белых халатов, студенты без галстуков, уточнение, что танцующие друг с другом девушки — не лесбиянки, а последствия войны, затем проход с Освальдом по коридорам и лестницам; они заглядывают в пыльные кладовки за сценой, и расстаются — американец идет слушать лекцию, а Титовец сачкует.

После лекции начинаются танцы, во время которых Освальд снова находит Титовца и просит помочь объясниться с девушкой, с которой только что познакомился. Еще на двух страницах автор описывает, как они идут через зал и что он при этом думает, а на третьей странице сообщает, что именно переводил: номер телефона и адрес.

Это всё. Так пишет сам Титовец:

Ли внимательно вслушивался через танцевальный пандемониум в зале в то, что я ему переводил. Оказалось, немного. Марина дала ему номер своего домашнего телефона и сказала, где живет. Он попросил меня повторить, я повторил. Оказалось, что это — вся информация, которую Ли хотел уточнить.

Больше Титовец в этот вечер с Освальдом и Мариной не видится.

Пандемониумом называется место в аду, где обитают демоны. На следующих трех десятках страниц автор выпускает сво-

их демонов на волю: демон ревности, демон подозрительности, демон конспирологии, демон недоверия, демон двусмысленности, демон предательства — как гигантские бабочки, они заполняют танцевальный зал и историческое пространство вокруг него в Минске и Америке.

Речь, конечно, о демоническом KGB — о том, как заранее были расписаны роли всех, кто был на танцах, как организованна хореография знакомства, как марионетки танцевали под чужую дудку. И вывод — со смыслом, неуловимым, как мотылек:

Хотя почти каждый человек вокруг Освальда, казалось, работал по плану, чтобы свести американца и Марину вместе, маловероятно, что кто-нибудь знал, кого контролирует KGB, а кто просто на подхвате.

Иными словами, мало того, что вся компания дружно занималась сводничеством, но она еще и не знала, что делала. А Титовец знает: «Таким образом профессионалы KGB добивались своих целей».

К этой детективной главе больше подошел бы эпиграф из трагедии «Отелло» Шекспира, а не из «Крейцеровой сонаты» Толстого (именно там Титовец нашел эпиграф о коварной опасности красоты). Хотя обращение к самому женоненавистническому произведению Толстого с его злейшим антисексуализмом не так уж и случайно.

Титовец пишет, что во время знакомства чары Марины его не впечатлили, она это заметила и потом говорила, что он ей вначале не понравился. Но признает: «От этой девушки исходила животная сексуальность, которая отталкивала меня, но, возможно, именно эта черта привлекла Ли».

Литературоведы считают, что «Крейцерова соната» была очень личным изображением драмы, которую переживал автор.

Свой рассказ Толстой открывает эпиграфом из Евангелия от Матфея:

А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Эрнст Титовец помнит, что в марте 1961 года от Марины немного пахло вином и сигаретами, помнит прическу а-ля Брижит Бордо, помнит ее большие серые глаза, ее губы и особенности улыбки, помнит низкий вырез платья, который подчеркивал грудь, помнит белые босоножки на высоких каблуках и чуть сутулую фигуру, помнит, как она смотрела на него и как смотрели на нее.

Что происходило в его сердце в том марте, Титовец не пишет.

Может, не помнит.

Забыл исследователь демонов из KGB, что это он сам добыл в институтском комитете комсомола пригласительные билеты на двоих во Дворец профсоюзов и привел Освальда на танцы.

Демон амнезии пролетел[63].

---

63 По оперативным данным, Питер Саводник, считавший, что вся история знакомства в интерпретации Титовца служит одной цели — показать, что все, кроме него, участвовали в операции KGB, задал последнему прямой вопрос о его работе на KGB, на который Титовец ответил: «Я никогда не был в этой ситуации».

Для справки: гепард действительно относится к семейству кошачьих.

С ТАНЦЕВ

На столе лежит анкета, а в ней пятая графа, эта песня хороша — начинай с эпиграфа.

На странице минус 5 (первые одиннадцать страниц в «Истории Освальда» идут без нумерации) Мейлер помещает эпиграф — диалог с матерью Освальда Маргеритой на допросе в комиссии Уоррена.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

— Почему ваш сын бежал в Россию?

— Я не могу ответить на это просто «да» или «нет», сэр. Я расскажу всю историю, иначе это не имеет смысла.

— Попробуйте сделать это очень коротко.

— Я не могу коротко. Моя жизнь и жизнь моего сына становятся историей.

Так, вероятно, отвечал сам Мейлер на вопрос редактора, почему имя Освальда впервые упоминается в книге на 25-й странице и снова исчезает, чтобы появиться только через полтора десятка страниц во второй части, которая начинается с приезда Ли в Москву из Финляндии.

Первая часть называется «Приключения Вали» и полностью посвящена минской тете будущей жены Освальда Валентине Прусаковой. Тети не родной — Марина была племянницей ее мужа, подполковника милиции Ильи Прусакова.

Так начинаются романы XVIII века — с экспозиции, исторического фона, философских отступлений, ландшафтных деталей, ботанических сведений, метеорологических сводок и, почти как в Книге Бытия, родословной героя: прапрадед Томас Гепварт Освальд родил Уильяма Освальда, который родил Роберта Эдварда Ли Освальда, который родил Ли Харви...

Но героем книги был совершенно другой человек. «Валя» — побочный персонаж, встречается с Освальдом, когда срок его пребывания в Советском Союзе перевалил за половину, ни в каких драматических событиях в это время она не участвует.

Это и не прием модернизма — стиль в начале напоминает растянутое документальное журналистское расследование вперемешку с эссеистическими отступлениями, выглядящими как неконтролируемое желание опубликовать всё, что удалось узнать.

Однако, хотя классические жанры не закончились вместе с эпохой классицизма, вопрос, что является классикой, давно уже уступил место новому, более важному вопросу: что работает и что — нет.

Как, например, работает рассказ знакомой Освальда сотрудницы «Интуриста» Стеллины о гостинице «Минск».

Приехала пара, канадец с подругой, которая была моделью и имела венгерский паспорт, но администратор отказалась поселить их в одном номере без штампа в паспорте. Канадец не хотел скандала, но венгерская девушка сильно разозлилась. Когда он пошел в свой номер, эта модель вытащила из своего номера кровать в коридор, разделась, легла голая на покрывало, закурила сигарету и начала визжать во весь голос. В отеле было полно финнов, которые пили так много, что не имели никаких

комплексов. Вокруг голой модели уже стали собираться финны, срочно вызвали Стеллину. Когда переводчица попросила венгерку одеться, в ответ услышала: «Б...! Если мой друг не возьмет меня в свой номер, пусть тогда эти финны трахнут меня, все вместе!».

Греховных путешественников выселили из отеля.

В интервью после публикации Мейлер отвечал на вопрос, почему он так начал книгу.

Я начал книгу с тети, которая имела потрясающий опыт во время войны, и я чувствовал, что это задаст рамки. Тетя Марины — удивительная женщина, соль земли, которая рассказывала о невероятных событиях с удивительным, приятным позитивным отношением. Марина была более сложная, чем тетя, я не скажу — болезненная, это будет неправильно, оскорбительно, но жизнь ее больше учила. Она была более обозленная, усложненная, ее беспокоило намного больше вещей.

Книга начинается с тети Вали, описания ее детства, войны, принудительной работы в Германии, встречи с будущим мужем, а потом приезжает племянница из Ленинграда, у которой проблемы. В конце длинной первой главы Марина однажды вечером возвращается домой и говорит тете:

Тетя Валя, вставайте. Одевайтесь. Я привела американца. Сварите кофе. Надо культурно его принять.

Фактически, ради последней фразы Мейлер пишет предыдущие 25 страниц.

Зря, выходит, мэр Шарапов предупреждал американца о некультурных людях в Минске. Ну, может приезжие. А свои — с постели встанут, чтобы гостю кофе сварить.

Чего не сделаешь для истории. Даже оденешься.

СТРАСТИ НА ПАСХУ

В СССР Бога не было, но у Бога СССР был.

Хотя в полумиллионном Минске в 1961 году осталось только две действующие православные церкви и один костел и был запрещен колокольный звон, церковные праздники отмечались свято. Освальд от религии был далек, но она оказалась к нему весьма близко.

Весной 1961 года Освальд решил жениться. Назло Элле Герман.

Он сделает предложение руки и сердца своей последней партнерше по танцам, и Марина примет его меньше чем через месяц после первой встречи.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
18—31 марта 1961

Мы гуляем, я немного рассказываю о себе, она много говорит о себе. Ее зовут Марина Н. Прусакова.

1—30 апреля 1961

Наши отношения развиваются ровно, и я решаю, что мне нужно ее иметь, она отказывает. 15 апреля я делаю предложение, она принимает.

Освальд путает даты.

С 30 марта до 11 апреля американец лежал в 4-й клинической больнице с воспалением уха. Оттуда он позвонил по телефону, который дала ему Марина.

Ответила тетка. Ее историческая роль в истории Освальда была продиктована церковным календарем: приближалась Пасха, которую в тот год праздновали 9 апреля.

Верующая тетя настояла, чтобы племянница сходила проведать — такой праздник, а человек один. Марину научила молитвам бабка, она тайно крестилась на ночь, и не противилась пасхальному заданию.

Марина принесла банку с абрикосами, которые очень обрадовали больного. После первого визита пошли новые — она надевала белый халат фармацевта и могла беспрепятственно проходить к Освальду; персонал относился к иностранному пациенту с исключительным вниманием.

Именно в больнице Освальд сделал Марине предложение. Она не отказала, но и не восприняла это всерьез.

У Марины был на примете другой кавалер, который ей нравился. Именно чтобы насолить ему, она танцевала тогда весь вечер с американцем.

Близкая подруга Марины, Ляля Петрусевич, узнав о предложении Ли, пришла в восторг и заявила, что Марина слишком привередливая, а сама она сразу бы вышла за такого, как Освальд — воспитанного, аккуратного, красивого, к тому же со своей квартирой. Единственный американец в Минске — что может быть лучше!

Марина еще сомневалась, но после выписки Освальд снова пришел в гости и понравился не только тетке, но и дяде, которого она побаивалась. Подполковник даже попросил американца присматривать за племянницей, ведь у нее ветер в голове.

И когда Освальд официально попросил у него руки Марины, он дал согласие.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
31 апреля 1961

После 7 дней отсрочки в загсе из-за моего необычного паспорта, нам позволяют зарегистрироваться как муж и жена. Две подруги Марины выступают в роли свидетелей невесты.

Свидетельство о браке № II-PYa 332281 было выдано загсом Ленинского района. Только заглянув в него, Марина увидела, что Освальд с 1939 года — он говорил, что ему 24 года, а на самом деле был только 21. Он объяснял обман тем, что боялся, что она не захочет выходить за почти ровесника — Марине было 19.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(продолжение)

Мы поженились в доме ее тети. На обед приглашено около 20 друзей и соседей. Они желают нам счастья, несмотря на мое происхождение и акцент, которые в целом смущают русских. Ведь иностранцы очень редки в Советском Союзе, даже туристы. После вечера с выпивкой и закусками дядя Вася начал драку, потом перегорел предохранитель в перегруженной сети. Мы вышли и за 15 минут дошли домой. Мы жили рядом, и в полночь были дома.

Свадьба удалась: кричали «Горько!», танцевали, пели. Освальд удивил гостей «Подмосковными вечерами»: знал слова; а потом спел вместе с друзьями железнодорожный хит Гленна Миллера «Чатануга-чу-чу» из фильма «Серенада солнечной долины». Соревновались, кто больше знает на память цитат из Ильфа и Петрова. Павел Головачёв цитировал финал «Золотого теленка»: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не получилось. Придется переквалифицироваться в управдомы»[64].

---

64 По оперативным данным, Головачёв напомнит эту фразу в письме Марине в Техас, когда она будет жаловаться, что Освальд не может нигде устроиться.
Для справки: письмо, приобщенное к архивам комиссии Уоррена, подтверждает открытый еще древними римлянами закон сохранения: написанное остается.

Кремовый торт с надписью: «Алику и Марине — счастья в жизни» — испекли на заказ в столовой Дома правительства, где работала одна из теток невесты.

Перед прощанием тетя Валя позвала Марину на кухню и налила ей водки — «для смелости».

Когда молодые дошли до своего подъезда, Освальд взял Марину на руки, сказал держаться крепче и понес на четвертый этаж.

Донес.

Графы Монт-Кристо обычно выходят из графинь Монте-Кристо — в очень прямом смысле этого глагола.

Как станет ясно через девять месяцев, у Освальдов тоже всё вышло.

ХУЖЕ KGB И ЦРУ

Если силу удара знает только получающий, то цену комплимента — только дающий.

«К вам приходил Лев Толстой и не застал дома. Приду еще». Такую примерно записку находили у себя в почтовом ящике знакомые Освальда в Минске, с которыми хотел встретиться Мейлер. Текст придумал Шиллер (сначала были варианты «американский Солженицын» или «Пастернак») — для ясности, чтобы собеседники понимали, какую честь им оказывает им визит Мейлера и интервью.

У Марины Освальд была своя иерархия оценок: «Вы хуже ЦРУ и KGB!».

Так Марина оценила Мейлера и Шиллера после марафонской серии интервью об их с Освальдом брачной ночи. На пять дней она поселилась в отеле, никуда не могла выходить, каждый день — ответы на вопросы, два часа утром, три после обеда, еще час или два вечером.

— В конце она терпеть не могла нас обоих, говорила, что мы хуже ЦРУ и KGB, — и Шиллер повторяет свой ответ: — Нет, мы не хуже. Мы просто знаем больше, чем они.

KGB Марина интересовала постольку-поскольку: там знали, что Марина не является их секретным агентом и не выполняла спецзадание окрутить молодого американца.

Но Мейлера Марина интересовала не менее Освальда. Фактически, главный вопрос, который поставил перед собой Мейлер, касался Марины: как ее отношения с Освальдом повлияли на его решение нажать на спусковой крючок? Как проблемы в постели и вокруг влияют на историю?

Мейлера не волновало, что вариант cherchez la femme был не оригинален.

Первой так поставила вопрос и дала ответ комиссия Уоррена. Раздел отчета «Взаимоотношения с женой» основан на ответах Марины и свидетельствах американских знакомых Освальдов, знавших об их семейных делах достаточно близко, чтобы в отчет попали слова жены о муже «Он не мужчина».

Член комиссии Уоррена, будущий президент Джеральд Форд в 1965 году в своей книге «Портрет убийцы» прямо утверждал, что главной мотивацией поведения Освальда в разных ситуациях было стремление произвести впечатление на жену, поразить, заслужить ее признание.

Взгляд жены стал основой работы Присциллы Макмиллан, написавшей книгу «Марина и Ли», построенную на разговорах с Мариной.

В описании брачной ночи Макмиллан, однако, ограничилась несколькими строками: Марина сказала ей, что ничего тогда не понимала в сексе, долго ничего не получалось, Ли был осторожен, но наконец всё произошло и они уснули.

У Форда и Макмиллан не было материалов, которые добыли Мейлер с Шиллером в архивах KGB и во время встреч со знакомыми Марины в Ленинграде и Минске.

Однако без разговора с вдовой Освальда картина была бы неполной, неясной и неубедительной, ведь интервью — это тот же документ. Но жительница штата Техас американская гражданка Марина Портер держала обет молчания и встреч с интервьюерами избегала.

И тут Мейлеру повезло — не с Мариной, а с Шиллером. Если с Освальдом ничего не начиналось, когда начиналось, то с Шиллером всё начиналось, даже если не начиналось.

В 1975 году телекомпания ABC снимала фильм «Суд над Ли Харви Освальдом» — будто Освальд выжил после выстрела Руби и идет судебное разбирательство. В фильме фигурировала Марина: в январе 1964 года она послала письмо адвокату Джека Руби Малколму Белли, в котором просила сделать всё, чтобы избежать смертной казни и утраты еще одной человеческой жизни. Руби был приговорен к смерти, однако адвокат добился пересуда, которого Руби не дождался — умер в тюрьме.

В сценарии были сцены личной жизни Освальдов, и, чтобы сделать кино, необходимо было приобрести у Марины права фактически на ее личную жизнь. Продюсером фильма был Шиллер:

— Я сказал: мы не будем покупать права на ее жизнь. Она их никогда не уступит. Но я могу поехать к Марине и предложить ей определенную сумму денег при условии, что она не будет подавать на нас в суд. Это важнее за права. Ведь единственная причина их покупать — это чтобы на вас не подавали в суд.

Шиллер полетел в Техас, встретился с Мариной и ее новым мужем Портером. Марина помнила Ларри Шиллера по Далласу: молодой фоторепортер снимал ее в дни после убийства. Они поговорили, и Шиллер убедил Марину подписать контракт. Телекомпания оперативно выписала чек на 25 тысяч долларов.

— Это привело к установлению очень близких отношений между мной, Мариной и моей второй женой. До такой степени близких, что она приезжает к нам на каникулы с дочерьми. Шлет письма моей жене, Стефани, говорит, что ты и Ларри единственные, кто всегда был со мной честен. Это перерастает в очень личные отношения. Я навещал ее в Техасе, был на свадьбе одной из ее дочерей, не помню какой. Потом она звонила, просила помочь с адвокатом, так как одна из дочерей разводилась... И, когда дело дошло до книги, у нас с ней уже были очень хорошие отношения.

Шиллер знал о финансовых трудностях Марины и снова предложил деньги — не за интервью, как он сказал (за интервью они никому во время работы над историей Освальда не плати-

ли), а как компенсацию за ее время, за пять дней — 15 тысяч долларов. Он пригласил ее приехать в Даллас не одну, а с подругой, и Марина согласилась.

Вопросы и ответы в условиях, когда ситуацию полностью контролирует тот, кто выбрал время, место и тему, обычно называют допросом. Но сравнение разговоров с Мейлером и Шиллером с методами KGB было вызвано не столько условиями, на которые она добровольно согласилась, сколько вопросами, на которые была должна отвечать.

— Это интервью было последним, которое мы с Мейлером делали вместе, — вспоминал Шиллер. — Тогда мы знали уже почти всё. И главный вопрос состоял в том, догадался ли Освальд в брачную ночь, что Марина не девственница. Или ей удалось притвориться. По русской традиции Освальд принес брачную простыню на завод, чтобы похвастаться. Или это была подделка?

Как говорили члены профсоюза, мы не против личной жизни, но вокруг должен стоять коллектив. Возможно, кто-то из знакомых Освальда наплел американцам о простынях, которые молодожены в Минске по традиции носят по цехам и офисам, — чего только не скажешь, если пить нон-стоп, а на закуску десятилетиями один плавленый сырок.

Шиллер с Мейлером потому и задавали вопросы «хуже KGB и ЦРУ», что жанр требовал публичной дефлорации.

А в литературе, даже в литературе факта, требования жанра сильнее фактов.

Как говорится — тем хуже для фактов.

В ПОСТЕЛИ С ЛИ

Библией семейной жизни БССР в начале 1960-х годов была «Книга полезных советов». Самыми бесполезным в ней были ограничивающие наречия и их синонимы:

Только после Октябрьской революции половая жизнь людей вплотную приблизилась к тем идеалам, о которых давно мечтало человечество. Как и во всей своей жизни, так и в жизни половой человек не может забыть о том, что он — участник нашего социалистического строительства. Решающими всегда будут общие способности человека, его политическое и нравственное лицо, его развитие, его работоспособность, его честность, его преданность своей родине, его любовь к обществу. Любое уклонение человека от правильного общественного поведения обязательно приводит к неустойчивому поведению в обществе, в т. ч. приводит к развратной половой жизни.

В главе «Брачная ночь» Мейлер воскрешает слухи о неустойчивости Марины в Ленинграде. Горничная в гостинице

«Минск» называет ее «испорченным добром», «ленинградской уличной проституткой». Переводчица «Интуриста» вспоминает о шоке, когда Освальд на ее вопрос, как они общаются с женой без переводчика, повторил слова Марины — «Выключи свет» и «Поцелуй меня, пожалуйста»:

Приличные молодые девушки так не говорят. Воспитание не позволяет проявлять инициативу с мужчинами. Секс — это дружба, забота, часть большого чувства. Многие женщины никогда не слышали о женском оргазме — зачем?

После опроса множества знакомых и полузнакомых Мейлер наконец дает слово самой Марине. Дает — это фигурально, точнее — вытягивает, выкручивает, выжимает из Марины слова во время марафонского интервью.

ИНТЕРВЬЮ МАРИИ ОСВАЛЬД

Вопрос: Нам сказали — она не была девственницей в свадебную ночь. Она переживала, что Ли узнает, пошла в аптеку и что-то купила, чтобы защитить брак.

Ответ: ОК.

Вопрос: Точно так было сказано.

Ответ: ОК. Это правда. И что? Нужно быть сексуальным извращенцем, чтобы пять дней об этом расспрашивать. Может, хватит?

Вопрос: Павел говорил о случае на заводе, когда ребята подошли к Ли и начали подкалывать: ну что, была твоя жена целка или нет? Сколько крови было на простыне? Но мы не знаем, что Ли ответил.

Ответ: Я не знаю.

Вопрос: Никто не помнит ответа. Мы не знаем, может, его что-то беспокоило. Важно знать.

Ответ: Ваша догадка не хуже моей.

Вопрос: Мы не интересуемся сексом как таковым, а тем, что Ли знал о Вашем прошлом. Как это на него влияло?

Ответ: Я серьезно относилась к браку. Я хотела иметь семью.

Вопрос: Инесса сказала, что у Вас был тяжелый багаж из Ленинграда. Что Вам нелегко жилось в Ленинграде с отчимом, не было чем гордиться.

Ответ: Это был не мой выбор.

Имя отца в свидетельстве о рождении Марины (17 июля 1941 года) не указано. Ее мать, Клавдия Прусакова, вышла замуж за Александра Медведева, и в 1943 году у Марины появился брат, а в 1948 — сестра. Тогда Медведевы жили в Молдове, там Марина пошла в школу. По возвращении в Ленинград в 1955 году поступила в фармацевтическое училище. После смерти матери в 1957 году Марина осталась с отчимом.

Вопрос: Инесса объяснила, что Вам приходилось искать различные способы, чтобы выжить, поесть, переночевать.

Ответ: Мне ни разу в жизни не платили денег.

Вопрос: Конечно.

Ответ: Я искала любви не там, где следует, и иногда должна была за это заплатить. Меня даже однажды изнасиловал иностранец.

Вопрос: Что?

Ответ: Я задержалась в номере. Он запер дверь. Знаете, на каждом этаже гостиницы сидит дежурная с ключами для жильцов? Я не могла кричать. Я боялась — что она обо мне подумает? Я боролась с тем мужчиной. Но в конце концов он бросил меня под себя. Он сказал: если бы я знал, что ты девственница, я бы к тебе не прикоснулся.

Уже после выхода книги Мейлер скажет в телевизионном интервью, что он был очень удивлен тем значением, которое Марина придала изнасилованию в 17 лет — он ждал какого-то разоблачения, невероятно позорного рассказа, а всё оказалось намного проще. Такую историю, по его мнению, могли бы рассказать сто тысяч американских девушек.

Ответ: Ли не спрашивал, но в брачную ночь я притворилась. Мне было страшно, я спрашивала у себя самой: что делать, когда наступит ночь? Что? С этого момента — чистая жизнь, я хочу быть серьезной, и я была в ужасе. Но Ли не спросил.

Вопрос: Он никогда не спрашивал, Вы девственница или нет?

Ответ: Он поблагодарил меня за это. И я подумала: «Боже. Пронесло, я снова святая».

Развратная половая жизнь, от которой оберегала «Книга полезных советов», в большей степени касалась Освальда: Марина

не знала, что Ли в армии дважды лечился от гонореи. Советов, как сделать интимную жизнь полноценной, книга не давала — и знания добывали кто где мог. На заводе рабочие расспрашивали Освальда, нравится ли ему русская женщина, и Марина боялась, чтобы не дай Бог он никому ничего не говорил. Сам он приносил домой истории, которые слышал от других рабочих, кто с кем и как, и предлагал попробовать новые способы любви.

Марина рассказывала потом Присцилле Макмиллан о проблемах в постели: Ли обычно не выдерживал более трех-четырех минут, и она никогда не достигала оргазма. Они ссорились, иногда она вообще отказывала ему, чтобы не раздражаться. Нужно пять мужчин, чтобы удовлетворить тебя, говорил Освальд, и Марина начала соглашаться, что виновата сама[65].

Однажды он пересказал услышанный на заводе способ любви «по-французски» — они стали практиковать оральный секс. Со временем, несмотря на неполную удовлетворенность, они стали чувствовать себя лучше. Занимались любовью во время месячных, сообщается в книге Макмиллан, и не только на тахте в квартире, но и на природе, во время поездок за город.

Освальд был ужасно ревнив — никто из бывших друзей Марины не мог прийти в гости, если еще не женился, никто не мог танцевать с ней. Она призналась Макмиллан, что однажды, на третий месяц замужества, когда Освальд поехал в Москву, она пошла в гости к бывшему кавалеру. Они выпили, легли в постель — и тут выяснилось, что у парня это впервые. Для него всё закончилось прежде, чем началось.

Разозленная, в два часа ночи Марина вернулась домой. Больше таких экспериментов она себе не позволяла. Секс с мужем, хотя и не удовлетворял полностью, сблизил.

Поведение в обществе стало устойчивым.

---

65 По оперативным данным, в своей книге «Портрет убийцы» Джеральд Форд высказывал мнение, что импотенция Освальда была одной из причин, по которой он решился на убийство.
Для справки: Марина Освальд в ответ заявила, что «дорогой президент Форд всем сказал, что Ли был импотентом, а это неправда. Такие люди становятся президентами… Извините, я господина Форда не уважаю».

МЕДОВЫЕ ТАЙНЫ

То, что для одного — неизвестность, о существовании которой даже не догадываются, для другого — тайна, которую хранят, а для третьего —обман, который скрывают.

Молчание может быть даже преступлением, но в случае с Освальдом оно было его натурой, тактикой и стратегией одновременно.

Первой гостьей наутро после свадьбы была тетя Валя. Когда Освальд открыл дверь, она держала в руках тарелку и с размаху грохнула ее о пол — на счастье.

Завтракали у Прусаковых, потом гуляли по городу, смотрели демонстрацию. Дядя Марины дежурил в оцеплении и отка-

зался пропустить молодоженов на площадь. Марина расстроилась, Освальд обозвал нового родственника бюрократам, но это была мелкая неприятность.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
1 мая 1961

Думаем о своем будущем. Несмотря на то, что я женился на Марине, чтобы насолить Элле, я полюбил Марину.

Марина ревновала Освальда — но не к Элле.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАРИНЫ ОСВАЛЬД

Май был медовым месяцем. Конечно, мы оба работали, но были свободны после 5 вечера и в воскресенья. Ходили в рестораны — во-первых, потому, что не было времени готовить и, во-вторых, я не умела. Он и я любили классическую музыку. У нас было много пластинок Чайковского — он был любимым композитором Ли, а также пластинок Грига, Листа, Римского-Корсакова, Шумана. Любимой оперой Ли была «Пиковая дама»... Я даже ревновала его к этой опере. После работы он сразу ставил пластинку, и не раз, а несколько раз.

Освальд также записал свои майские переживания. Его не заинтересовал ни первый полет американца в космос (5 мая Алан Шепард стал американским Гагариным), не упоминал он и музыку.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Конец мая 1961

Переход от состояния полной влюбленности в Эллу к Марине был очень болезнен, особенно потому, что я почти ежедневно виделся с Эллой на заводе. Но проходили дни и недели, и я всё больше психологически привыкал к своей жене. Я еще не сказал жене о желании вернуться в США. Она безумно в меня влюблена с первого взгляда. Катания на лодке по Минскому озеру, прогулки по паркам, вечера дома у тети Вали — такой май.

В мае пришел отказ из московского Университета дружбы народов, куда Освальд пытался поступить — университет принимал студентов только из стран третьего мира. Но советское высшее образование его уже не интересовало. Он сделал другой выбор и держал его в тайне.

Освальд молчал о намерении вернуться в США и перед свадьбой, и весь медовый месяц.

Решение вернуться могло резко и навсегда развести слившиеся линии двух жизней, и Освальд выжидал, откладывая ошеломительное известие со дня на день, с ночи на ночь. Когда настал удобный момент, на прогулке или в постели, за столом или в театре, Освальд не пишет.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Июнь 1961

Продолжается май, с той разницей, что мы становимся ближе и ближе, и я очень мало думаю теперь об Элле. В конце месяца я открываю свое желание вернуться в Америку. Моя жена слегка поражена. Но затем поддерживает меня в том, чтобы я делал что хочу.

За этой скороговоркой — рецепт драмы. Освальд, как всегда, пишет в первую очередь о себе, о своих чувствах и оценках, планах и решениях, не потрудившись стать на точку зрения другого человека, заметить, понять и зафиксировать чужие интересы, тревоги, желания. Он наслаждается произведенным на жену эффектом, но не вдается в подробности. И в ее реакции отмечает только часть, касающуюся его лично: делай что хочешь.

Мейлер назовет решение ничего не говорить о своих американских планах ни Марине, ни ее семье самым большим обманом Освальда.

На это сомнительное первенство с не меньшим правом претендует и умолчание о матери и брате: Освальд говорил Марине, что у него нет родственников.

Оба обмана разлетятся на осколки, как тарелка, разбитая наутро после первой брачной ночи. Их сметут, чтобы выбросить в мусор и забыть.

Но таких тайн у Освальда было и будет столько, что он сам станет тайной, подзаголовком, который Мейлер выберет для «Истории Освальда», — «Американская тайна». Чтобы разлететься потом на миллионы написанных слов.

Хоть можно было сказать и — «американский обман».

Но пока это был просто обман.

НЕ ПРОСИТЕ, И ДАСТСЯ

Библейское «Просите, и дастся вам» имеет и другую сторону: не просите — и не откажут.

Освальд владел двумя сторонами этого оружия одинаково успешно.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Июль 1961

Я решил взять две недели отпуска и поехать в Москву (без разрешения милиции) в американское посольство. Чтобы узнать насчет получения моего американского паспорта и принять меры, чтобы моя жена могла уехать в Соединенные Штаты со мной.

Освальд не просил официального разрешения на поездку — многое в своей жизни он делал без разрешения. Его разговор-

ный русский, обычная одежда не вызвали подозрения у кассира Аэрофлота, а билеты тогда продавали без паспорта.

KGB не мешал Освальду. Ведь он всё равно не захотел получать советского гражданства — так генерал «Гузьмин» объяснил Мейлеру.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
8 июля 1961

Я лечу самолетом «Ил-20» из Минска, и через 2 часа 20 минут после слезного и нервного расставания с женой прилетаю в Москву.

Вот какой рассеянный из Освальда шпион: «Ил-20» появится только в конце 1960-х. Из Минска в Москву ежедневно было три рейса, два выполнял «Ан-10» и один — «Ил-14»: отправление в 8:30 утра и в Москве в 11:40, билет в одну сторону стоил 14 рублей — четверть месячного заработка слесаря Освальда. В самолетах можно было курить, но пассажир не курил.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(продолжение)

Автобусом от аэродрома добираюсь до центра. С трудом продвигаясь по переполненным улицам, добираюсь до посольства только к 3:00. Сегодня суббота — что, если закрыто? Офисы пустые, но мне удается связаться со Снайдером по телефону (все сотрудники живут в том же здании). Он спускается поздороваться, жмет руку, после беседы говорит прийти сразу с утра в понедельник. Интервью.

После встречи со Снайдером Освальд отправился по одному из немногих известных ему в Москве адресов — на улицу Жданова, 3, в интуристскую гостиницу «Берлин». Администраторша узнала его и, как иностранца, поселила без проблем. Суббота оказалась одним из самых дождливых дней года, лило как из ведра, и Освальд вряд ли куда-нибудь выходил. Что он делал в воскресенье, можно только догадываться: опять прогулялся

к памятнику Дзержинскому, сходил на Красную площадь, где мумия Сталина еще делила мавзолей с мумией Ленина, прошелся по улице Горького к почтамту? Мог пойти в кино: в то воскресеньне в Москве открывался международный кинофестиваль, и в программе была американская картина «Восход солнца в Кампобелло», посвященная жизни президента Франклина Рузвельта.

В следующей записи в дневнике Освальд опять путает даты — вместо понедельника, 10 июля, ставит воскресенье, 9 июля.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
9 июля 1961

Получаю паспорт. Вызываю в Москву и Марину.

Паспорт отдали 10 июля, и Марина вылетела в Москву на следующий день. Это был первый в ее жизни полет, она была беременна, ее дважды тошнило.

Освальд не поехал встречать ее в аэропорт, а ждал на площади Свердлова, у выхода из метро. По пути в гостиницу прошли через площадь Дзержинского. В номере сразу занялись любовью — около кровати, как аккуратно записала воспоминания Марины Присцилла Макмиллан, было большое зеркало, и Освальду это очень понравилось. После обеда их ждали в посольстве.

Они нервничали, пока ехали в такси, но милиционер на входе не только не остановил их, а даже взял под козырек. Марина была уверена, что это из-за ее английских туфель: ничто так не выдавало советскую женщину, как обувь.

Русский персонал был вежлив, никто ее ни в чем не упрекал — и она стала чувствовать себя уверенней.

Освальд, который сначала боялся, что его могут арестовать, тоже успокоился. Ричард Снайдер, занимавшийся его делом, объяснил, что Ли не нарушил закона. Несмотря на агрессивные заявления во время первого визита, он не стал получать советское гражданство, его интервью прессе не являлись преступлением, его письма доходили до посольства — если бы он стал советским гражданином, этого бы не позволили.

Они заполнили анкеты, и Снайдер вернул Освальду то, что тот оставил полтора года назад — его американский паспорт.

В этот же день Снайдер подготовил отчет о визите.

АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В МОСКВЕ —
ГОСДЕПАРТАМЕНТ, ВАШИНГТОН
11.07.61

Тема: Гражданство и паспорт Ли Харви Освальда.

Двадцать месяцев знакомства с реалиями советской жизни явно помогли Освальду повзрослеть. Он открыто сказал, что это для него был трудный урок, полученный тяжелым способом, и что он полностью лишился иллюзий относительно Советского Союза и попутно приобрел новое понимание и оценку Соединенных Штатов и смысла свободы. Задиристость и бравада, характеризовавшие его во время первого визита в посольство, кажется, оставили его.

После успешной поездки в Москву Освальды 14 июля вернулись в Минск.

В посольстве Марину поразил туалет: там была настоящая туалетная бумага, а не обрывки газеты, было жидкое мыло в бутылочках и бумажные полотенца.

Там была Америка. Но дорога туда займет почти год.

ИЗМЕНЫ И ПЕРЕМЕНЫ

Новости путешествуют быстрее самолетов. На следующий день после возвращения из Москвы Освальды поняли, что вернулись не в Минск, а в СССР.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
15 июля 1961

Марина на работе в шоке. Оказывается, на работе все знают, что она была в посольстве США. Им позвонили из Москвы, какое-то начальство. Руководство провело собрание, на котором ей сильно досталось.

В аптеке коллеги Марины были перепуганы ее поездкой в американское посольство и обходили ее стороной. Ее вызвали на беседу к главному врачу, который вместе с секретарем парторганизации пытался убедить ее изменить решение об отъезде.

Марина отказалась. Срочно было созвано заседание комитета комсомола клиники. На собрание явился представитель горкома комсомола, взял ведение в свои руки. Он сообщил, что в горкоме всё знали. Знали о ее встречах с Освальдом, о заявлении в загс, о свадьбе.

И взял самую высокую ноту: а что, если твой муж — шпион?

У советской власти имелся богатый запас обвинений своих граждан не только за дела, но и за слова, не только за слова, но и за мысли, однако шпионаж и измена Родине звучали сразу как приговор. Поскольку шпионов обычно расстреливали, нередко вместе с сообщниками, иногда даже с членами семьи, то, казалось, большей угрозы и быть не может.

Оказалось — может. После рассуждений о шпионаже из уст представителя горкома в адрес слишком верной жены прозвучала самая страшная угроза — ее исключат из комсомола.

На этом встреча окончилась, но дело только начиналось. Не только для комсомольской организации больницы, но и для родных Марины — впереди ждал разговор с дядей и тетей.

Прусаковы были в шоке. Подполковник милиции заявил, что, когда давал согласие на брак, был уверен, что Освальд отказался от американского гражданства и получил советское, иначе никогда бы не согласился. Тетка плакала. Никто не знал, что делать, но все знали, в какой стране живут, и понимали: что-то в их жизни изменилось, и не в лучшую сторону.

В тот же день Освальд сел за письмо в посольство.

ПИСЬМО ЛХО В ПОСОЛЬСТВО США В МОСКВЕ
15.07.61

Как мне было сказано, я пишу, чтобы сообщить о том, как идет получение визы. Мы посетили местный ОВИР, и результаты небезнадежные. Однако на месте работы моей жены произошло несколько необычных и жестоких событий. Пока мы были в Москве, начальству сообщили, что мы ходили в американское посольство за визами. Затем состоялось собрание по обычному образцу «враг народа», на котором она отсутствовала, но была осуждена, а ее подруг на работе предупредили, чтобы не общались с ней. Однако эта тактика не дала результата, и моя жена хорошо держалась, и не лезла на рожон.

Освальд старается на всякий случай показать ситуацию в более выигрышном для себя свете, но она была достаточно драматична и сама по себе.

Марину не уволили. Она продолжала ходить на работу в 3-ю клинику — она была членом коллектива, членом профсоюза, членом советского общества. С ней нужно было «работать». Готовились новые собрания.

Но метаморфозу, которая началась, уже нельзя было остановить. На языке энтомологии это называется «имаго» — взрослая, дефинитивная стадия развития, когда крылья бабочки расправляются, твердеют и приобретают окончательную окраску.

Вместо неподвижной, легкой для добычи куколки — полет.

Но эта перемена, как и любые качественные изменения в реальной жизни, не была мгновенной и одноразовой.

И не была безболезненной.

ЛЮДИ-УШИ

Однажды одной жительнице Минска присудили одну самую престижную в мире премию за то, как она чистосердечно призналась, что она — человек-ухо. Это неудивительно — в Минске есть целый вуз, где готовят людей-ушей. Однако славой их имена не покрыты, их премиальные сокровенны, а вездесущесть является таинством.

Марина выключила свет. Освальд взял фонарик. Они подошли к электросчетчику. Колесико крутилось.

— Нашу квартиру прослушивают!

Подозрение вызвала также щель над лампой в потолке, но она находилась так высоко, что никто туда не заглянул[66].

Когда началось прослушивание квартиры на улице Коммунистической, 4, Мейлеру не сказали. Первые расшифровки KGB, которые получил Мейлер, датируются серединой июля 1961 года.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 24.07.61 21:20

Она: Алик! Послушай, я забыла погладить простыни. Алик! Смотри, как горят мои уши! (шутят и смеются)

Он: Неплохие песни поют.

Она: Проходит какой-то фестиваль. Все едут в Москву, и люди могут говорить что хотят. Раньше ничего нельзя было сказать: ни на улице, ни в трамвае, ни в троллейбусе. Когда Сталин был жив, в каждом доме был микрофон и ничего нельзя было говорить. Теперь всё иначе.

Он: Да, да, сестра моя.

Вряд ли магнитофон KGB был подключен к электропроводке в квартире Освальдов. Могли остаться включенными другие электроприборы. Но вывод был правильный: их подслушивали.

Обсуждать отъезд в Америку и семейные дела жители квартиры начали на балконе; туда же с сигаретой выходили поговорить осторожные гости.

---

66 По оперативным данным, соседи сверху, Мая и Семен Герцовичи рассказывали журналистам, как на несколько дней освободили свою квартиру для технической группы KGB. По мнению А. Л-ка, работы там было на пару часов.
Для справки: вскрытие паркета и его новая укладка на клей строительный по госстандарту СНиП II-А.1-62 занимала 72 часа, предельные номинальные размеры зазоров между планками и предельные отклонения параллельности и перпендикулярности плоскостей составляли 0,8 мм, при этом надо было обеспечить нормативный предел прочности клеевого соединения при испытании на отрыв. Попробовал бы А. Л-к сам оторвать паркетину, тогда бы говорил.

Через тридцать лет друг Марины Александр Пискалёв вспоминал, как однажды он возвращался домой от Освальдов, и возле подъезда его ждала машина. Привезли в желтый дом с колоннами, отвели в подвал. Ему прокрутили магнитофонную запись беседы, которая только что состоялась, и приказали быть готовым подробно информировать KGB. Домой он возвращался пешком.

Пискалёв и его друзья почти перестали встречаться с Освальдами: все попали в такую ситуацию и не хотели доносить друг на друга, объяснил он Мейлеру. Контакты с иностранцами всегда были небезопасны сами по себе, и сигнала от KGB было более чем достаточно, чтобы держаться подальше от американца.

Мейлер жалуется, что в расшифровках прослушивания, которые ему давали выборочно, всё чаще начала встречаться пометка «неразборчиво», «громкое радио», «не слышно». На кухне микрофоны записывали шум водопровода. Иногда Марина сама не слышала Освальда, и тогда он должен был кричать, чтобы перекрыть радио, включенное на полную громкость, или воду, которая под напором била в чугунную кухонную раковину.

Мейлеру объяснили, что сначала прослушивание велось из квартиры сверху. Затем из соседней квартиры была пробита дырочка для визуального наблюдения.

Неизвестно, подхватили ли микрофоны KGB фразу Освальда, когда тот в темноте, при свете фонарика, драматично воскликнул — нас прослушивают!

Если так, неизвестно, разобрал ее расшифровщик на ленте или нет.

Если разобрал, неизвестно, записал ли. И неизвестно, что вызвало большую реакцию KGB — эта фраза или мнение, что после Сталина перестали подслушивать[67].

---

67 По оперативным данным, в 1958 г., назначая Александра Шелепина председателем KGB, премьер Никита Хрущёв попросил: «У меня к вам еще просьба: сделайте всё, чтобы меня не подслушивали».
Для справки: работа в указанном направлении продолжается.

В середине 1960-х годов, когда Марина описывала ситуацию с прослушкой Присцилле Макмиллан, она сказала, что они с Освальдом были уверены: слушают именно через электросчетчик. И решили когда-нибудь сказать «ему» всё, что думают, — и, по словам Марины, так и сделали в свой последний день перед отъездом.

Мейлер об этом прощальном монологе ничего не пишет. То ли не показали расшифровку из архивного дела KGB, ибо это было бы уже слишком, то ли никакого монолога записано не было.

Освальдов не только подслушивали, за ними не только следили на улице, не только заставляли их знакомых информировать об услышанном, не только читали их почту — за ними подсматривали.

В дырочку.

Как с гордостью объяснил Мейлеру генерал «Игорь», подсматривали с использованием новейшей технологии — оптического волокна диаметром 1/100 миллиметра[68].

Оптическое волокно тогда только появилось и не фигурировало даже в фильмах про Джеймса Бонда. В 1963 году в фильме «Из России с любовью» герой наблюдает за событиями в офисе советского резидента с помощью перископа, снятого с подлодки.

Записывать видео тогда еще не могли, поэтому наблюдение за Освальдами велось в режиме реального времени. В дырочку смотрели, как пионеры в общественном туалете. Даже если и через стекло.

Своего же подводного флота в БССР не было.

---

68 По оперативным данным, изменник Родины полковник KGB Олег Гордиевский описал идентичную операцию слежения, проводившуюся в тоже время в Москве за полковником ГРУ Олегом Пеньковским, работавшим на британцев и американцев. Жителей сверху отправили в отпуск на море, просверлили дырку в потолке и поставили камеру размером с булавочную головку и увидели работу Пеньковского с фотоаппаратом и шифрами.
Для справки: Освальд мог видеть окна Пеньковского со своего балкона, но это был другой Пеньковский — командующий Белорусским военным округом, а не дядька шпиона.

РЕЦЕПТ ДРАМЫ

Истинно, истинно говорю вам: стихии спальни благоприятствует стихия кухни. Даже — и особенно — в однокомнатной квартире.

Всё смешалось в доме Освальдов уже через два с половиной месяца после свадьбы. Решение ехать в Америку и визит в посольство потрясли Марину больше, чем она сама себе признавалась.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 17.07.61

Он: Я не могу говорить тебе, что делать. Делай что хочешь. Если хочешь, можешь ехать со мной.

Она: Не хочу.

Он: Почему?

Она: Я просто боюсь.

Он: Конечно, ты боишься.

Она: Я не знаю Америки, я знаю только Россию. Ты можешь вернуться к своему народу. Я не знаю, как там будет. Где ты найдешь работу?

Он: Я всё найду, всё. Я всё сделаю. Это мое дело.

Она: Как там ко мне будут относиться?

(Радио заглушает разговор; ничего невозможно разобрать.)

Понятно было, что у молодой пары очень разных людей, встретившихся всего несколько месяцев назад и ставших жить вместе, начались проблемы.

Поводом могло послужить что угодно, от планов на будущее за океаном до разделения домашних обязанностей. Ни у Ли, ни у Марины не было опыта семейной жизни — оба выросли в неполных семьях, не умели слушать друг друга, не имели навыков самостоятельного ведения хозяйства.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB

За объектом: ОЛХ-2658

За период: 19.07.61

Она: Единственное, что ты умеешь делать, — это мучить.

(Муж выходит из комнаты, что-то кричит из кухни.)

Она: Иди найди себе девку, которая умеет готовить. Я работаю, у меня нет времени готовить тебе котлеты. Ты не хочешь супа, не хочешь каши, только лакомые кусочки, пожалуйста!

Он: Я могу ходить в ресторан.

Она: Иди к черту! Когда ты уже оставишь меня в покое! Я, видно, не доживу до того дня, когда ты оставишь меня в покое!

Он: Но ведь ты не умеешь ничего делать.

Она: Отстань!

«Книга полезных советов», подаренная Освальдом жене и сейчас хранящаяся в материалах комиссии Уоррена, учила не только сексуальной устойчивости. В определенном смысле это был учебник любви — любви к искусству жить.

Книга пользовалась огромной популярностью не только в Беларуси, но по всей стране советов, ее мгновенно раскупали, дарили, переиздавали. Том был составлен из советов, пу-

бликовавшихся в белорусском журнале «Работніца і сялянка», которые, в свою очередь, являлись перепечатками из польских, чешских, немецких журналов и старых книг. Книга объясняла, как накрывать на стол, шить, чистить, ремонтировать, одеваться, готовить консервы на зиму, выводить бородавки и много чего еще.

Первая четверть «Книги полезных советов» была посвящена готовке завтрака, обеда и ужина. Марина, вероятно, просто не дочитала еще подарок Освальда до 40-й страницы, где был рецепт закуски, способной умиротворить любого, даже самого требовательного мужа. Перед тем, как подать первое, второе и третье, книга рекомендовала женам поставить на стол блюдо, приготовленное по самому первому рецепту в разделе «Закуски из мяса»:

ПОРОСЕНОК ЗАЛИВНОЙ

Поросенка натереть мукой и опалить, удалить внутренности, надрубить позвоночник, промыть холодной водой и, завернув в салфетку, поставить варить в закрытой кастрюле, налив в нее холодной воды.

Сделаем короткую паузу и, налив воды, продолжим чтение:

В процессе кипячения снимать пену, держать кастрюлю на слабом огне около 1 часа. Затем снять с плиты, бульон посолить, немного охладить. Поросенка переложить на разделочную доску, а бульон снова поставить на горячую плиту, добавить в него нарезанные коренья, лук и пряности. Приготовить желе[69].

Во всем должна быть граница и мера, поэтому рецепт желе не был включен непосредственно в текст. Вместо этого сделана

69 По оперативным данным, «чтобы бульон хорошо застыл, на каждый стакан его следует добавить от 1 до 3 листиков желатина. Желатин предварительно надо замочить в холодной воде, отжать и лишь после этого положить в горячий бульон и дать ему закипеть».
Для справки: «Желе из такого бульона получится вкусное, но не совсем прозрачное».

ссылка на страницу, где его можно было изучить отдельно — и поэтому Марина, вероятно, сразу его читать не стала бы.

Сваренного и охлажденного поросенка нарубить небольшими кусками, уложить на блюдо, украсить кружками вареных яиц, ломтиками лимона, зеленью петрушки, осторожно залить желе и подать на стол в застывшем виде.

Даже такой гурман, как Освальд, уже, наверное, был бы покорен, но советы на этом не закончились:

К заливному поросенку подают зеленый салат, салат из краснокочанной либо белокочанной капусты, корнишоны, пикули. Отдельно подается сметанный соус с тертым хреном или тертый хрен с уксусом.

Даже не психолог скажет, что после такой закуски семейные ссоры и скандалы невозможны в принципе: у мужа не будет повода, у жены — сил. И даже не литературовед определит жанр книги как утопию: если бы в Минске в 1961 году подавали такие закуски, наверняка не было бы ноября 1963 года. Толстяки и гурманы не ищут смысл жизни через оптические прицелы.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 21.07.61

Он: Ну что ты плачешь? Я же говорил, слезы ни к чему хорошему не приведут.
(Жена плачет.)
Ты же знаешь, я никогда не утверждал, что я очень хороший.
(Жена снова плачет, он утешает.)
Она (сквозь слезы): Зачем я вышла замуж? Ты меня обманул.

Все счастливые семьи похожи друг на друга.
И несчастливые тоже.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

Счастливые семьи всё же счастливы иногда по-разному — по крайней мере, по разным причинам.

Жить и никогда не сказать лишнего слова, потому что оно может быть подслушанным и записанным — для этого нужно быть либо профессионалом, либо очень запуганным человеком. Освальды не относились ни к одной, ни к другой группе и, несмотря на подозрения, вели себя, как молодые жена и муж ведут себя в стрессовой ситуации: ссорились и мирились.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
15 июля — 20 августа 1961

Мы выяснили, какие бланки и справки требуются для подачи — для выездной визы около двадцати документов: свидетельства о рождении, заверенные документы, фотографии, прочее. 20 августа мы подаем все бумаги. Нам говорят, что ответ, выпустят ли нас, будет через три с половиной месяца. Тем временем Марине пришлось выдержать на работе 4 разных собрания, которые начальство проводило после указания от «кого-то» по телефону. Ее также вызвали в комитет комсомола, и она должна была идти на собеседование к ним на полтора часа. Цель (объявленная) — убедить ее не ехать в США. Результат: она становится только более упорной в своем желании ехать. Марина беременна; мы надеемся только на то, что визы скоро придут.

Комсомол и начальство на работе сделали то, что всегда делает внешняя угроза: Освальды получили общего противника, который поспособствовал их взаимопониманию.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 26.07.1961

Он: Ну так что, было собрание?
Она: Да, собрание было.
Он: Где?
Она: В нашей поликлинике. Знаешь, их устроило бы, если бы я сказала: нет, я не еду, я не оставлю Родину. Никогда не говори им правду. Честно говоря, мне не нужно было им говорить вообще ничего. Надо было сказать — я в такой ситуации, когда не знаю, что делать.
Он: А что они сказали?
Она: Они сказали, что я грублю. Ну, я сказала, что мне не нужна хорошая характеристика, мне всё равно. Я поеду и с плохой характеристикой, если нужно. Сказала им, что я не такой уж злостный преступник. Сказала, что я люблю девушек с аптеки как своих подруг, и что я неплохая подруга, и я всё готова отдать девушкам, ведь они простые, хорошие девушки. (Пауза.) Я сразу это сказала. Если я вам не нравлюсь — мне плевать.
Он: И ты... (Не заканчивает предложения.)

Она: Они меня исключили. Сказали, что такие, как ты, — не комсомольцы, что меня нужно исключить. Я сказала: хорошо, я очень рада. Почему ты не хочешь быть членом? — они спрашивали у меня это миллион раз. Ну, потому что мне не нравится, потому что скучно. А почему ты раньше этого не говорила? Не хотела, чтобы думали, что я не такая, как все. Я сказала много вещей, которые, наверное, не нужно было, но не могла сдержаться. Что ты думаешь о комсомоле? Я ответила: комсомол — это комсомол[70].

(Пауза.)

На самом деле, я — антисоветский элемент. Нужно помочь им сделать выводы. А потом, знаешь, он у меня спрашивает: какие у вас отношения с тем человеком, с которым вы ездили в Москву. А кто-то говорит: это ее муж.

(Он смеется.)

Она: И кто же ваш муж, что это за человек? Я говорю: вам лучше спросить в МВД. Почему в МВД, если можем спросить у тебя? Тогда говорю: ведь я могу вам и не ответить.

Он: Они знают самое главное, что я хочу уехать.

Освальд прав. Они уже знают, но не знают пока, что с этим делать. И поэтому продолжают то, что делали с самого начала: слушать, записывать, анализировать, подшивать в дело.

РАСШИФРОВКА
(продолжение)

Она: Он хочет на свою родину, я сказала им: все хотят на свою родину. А ты не пыталась убедить его остаться здесь? Нет, сказала я. Потом… говорю: я не думаю, что там будет лучше, — не потому, что я ищу что-нибудь лучшее. Я просто еду со своим мужем. Возможно, там будет хуже. Говорю: знаете, я там не была, и вы там не были, — как мы можем давать оценки?

(Пауза.)

---

70 По оперативным данным, член коммунистического союза молодежи Прусакова М. не участвовала в общественной жизни и не получала комсомольский билет, хотя месячные взносы в размере 30 коп. сдавала.
Для справки: по официальным данным, М. Прусакова была исключена за невыполнение требований устава ВЛКСМ.

Я сказала, что не оставлю мужа. Он хороший человек, и я им довольна. Он мне дороже, чем ваши оценки. Я вела себя грубо, очень грубо. Я сказала: что вы собираетесь делать — наказать людей, которые давали мне хорошие характеристики, накричать на них? Прошу не преследовать их, лучше накажите меня. Они говорили: мы тебя уважаем, мы тебя любим, у тебя не будет таких друзей, как мы. Я не хочу таких друзей, как вы. Я вижу, как вы меня любите.

Он: Не волнуйся, всё будет хорошо.

(Пауза.)

Она: Самое главное сейчас — уехать.

Он: Я знаю. Мы уезжаем, не надо скандалов.

(Пауза.)

Она: Не ищи правды, всё равно не найдешь. Так мне говорила мать.

Он: Всё будет хорошо.

Она: Ты думаешь?

(Пауза.)

Почему мне грустно? Ведь мой муж не выгнал меня из дома.

Он: Я тебя люблю.

Она: Это сейчас ты так говоришь, а потом скажешь, что не любишь.

Он: Твой муж тебя любит.

Через четыре дня после этого комсомольского собрания в СССР объявили эру коммунизма. Точнее, 30 июля была напечатана программа КПСС, которая сообщила дату: через 20 лет нынешнее поколение будет жить при коммунизме.

Сообщение никак не повлияло на решение молодой семьи жить при капитализме.

«МОЛОДОЖЕНЫ». АКТ 1

Самая первая в истории человечества пьеса была посвящена теме изгнания и игралась для одного зрителя. Ему понравилось, и с тех пор пьеса не покидает репертуара.

Список действующих лиц краток, как в Эдеме: Она и Он. Список слушателей и зрителей обширен, и никто из них не ангел. На лучших местах в ложе — операторы KGB, в партере — Мейлер с Шиллером. Бельэтаж и балконы заполнены читающей публикой, которая всё прибывает.

Когда Марина Освальд согласилась на интервью для книги Мейлера, она знала, что вопросы будут о муже, о Минске, о семье — именно этому была посвящена целая книга Присциллы Макмиллан «Марина и Ли».

Но, наверное, она не могла предвидеть вопрос, который услышит во время новой встречи:

ИНТЕРВЬЮ МАРИНЫ ОСВАЛЬД

Вопрос: Вы ссорились когда-нибудь из-за мытья полов?
Ответ: Нет.
Вопрос: А он когда-нибудь жаловался на полы?
Ответ: Не помню. Но не думаю.
Вопрос: Вы когда-нибудь ругались из-за уборки дома?
Ответ: Мы, наверно, ругались даже из-за котов на крыше.

Вопрос был подсказан архивными документами KGB.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 03.08.61

18:24 (Входят в комнату)
Она (кричит): Я устала от всего этого! А что ты? Ты не можешь сам помыть? Ты, видно, хочешь, чтобы я мыла пол каждый день?
Он: Да, мой пол ежедневно!
Она: Ты ничего не делаешь, а я должна убирать целый день. Порядочный человек помог бы. Помню, как ты говорил: буду помогать! Однажды ты действительно помыл, и теперь бесконечно об этом говоришь, а я всё время стираю, и это совсем не считается.
Он: Ты должна приготовить что-нибудь поесть!
Она (кричит): Я не могу! И не собираюсь готовить!
Он: Ты можешь сделать котлеты, поставить воду на чай. Я говорю — я же всё, всё купил!
Она: Я не буду!
Он: Ты ничего не сделала.
Она: Ну, а что ты для меня сделал?
Он: Замолчи!
Она: Я не буду жить с тобой.
Он: Слава Богу!
Она: Посмотри на себя! Аккуратный! Да ты в двадцать раз грязней, чем я. Посмотри на свою подушку; ты только раз на ней спал, а она уже грязная.
Он: Ты никогда ничего не делаешь!
Она: Правильно, я только хожу на гулянки, пропиваю свое здоровье.

Он: Ты ничего не делаешь.

Она: Ты хоть раз убрал эту квартиру? Я это делала двадцать один раз. Ты сам сделай, а потом говори об этом целый день.

Он: Дом надо убирать каждый день. На кухне грязь, грязно везде. Что здесь хорошего? Ты спишь до 10 утра и ничего не делаешь. Могла бы в это время убирать.

Она: Мне нужно спать. Если тебе не нравится, можешь ехать в свою Америку.

Он (спокойно): Пожалуйста, спасибо.

Она: Ты всегда находишь недостатки; тебя ничего не устраивает, всё плохо.

Он: Ты глупая. Ленивая и грубая.

Она: Я хочу, чтобы ты почувствовал, что такое пробыть один день на моем месте.

(После паузы она начинает плакать.)

Он: Ну, что случилось?

Она: Иди отсюда! Я тебе не прислуга. Создай мне нормальные условия.

Он: Не плачь. Я только говорю, что ты ничего не хочешь делать.

Она: Да? Я никогда не мыла пол?

Он: Ты — не хорошая как домохозяйка, нет, не хорошая домохозяйка.

Она: Надо было жениться на хорошей.

(Молчат.)

Она: Если тебе не нравится, можешь катиться в свою Америку.

Он: Я давно тебе говорил, что ты ничего не делаешь.

Она: Я мою пол каждый день.

Он: Он грязный.

Она: Тебе грязный, а мне чистый. Я вчера помыла пол, а ты везде топчешься в ботинках.

Он: Там грязь и пыль, ведь ты открываешь дверь на балкон.

Она (кричит): Он был закрыт весь день. Ты ничего не понимаешь.

Он: Не плачь.

Она: Как ты не видишь, что я каждый день вытираю пыль?

Он: Ты не вытираешь там, на столе.

Она: Ага, ага, я там пачкаю. Я дважды его мыла, а ты ни разу.

Он: Успокой свои нервы.

Она: Скажи просто: «Марина, это нужно сделать». Не ори; это обидно. Алька, ты меня ненавидишь, когда кричишь на меня?

Он: Да.

Она: Да?

Он: Да.

Она: Почему ты боишься людей? Что тебя напугало?

Он (кричит зло): Заткнись, заткнись. Ты только и знаешь, что болтать.

Она: Ты всех боишься!

Он: Заткнись!

Она: Ты боишься, что у тебя всё украдут, твой горшок золота? (Смеется.)

В такие моменты ты меня можешь убить. Тебе нужно иметь сильную силу воли.

Он: Как насчет картошки?

Она: Она еще не готова, — что я сделаю?

22:37 (Идут на кухню.)

22:40 (Жена заставляет мужа вымыть ноги.)

23:00 (В комнате тихо; не разговаривают.)

Когда в KGB читали свежую расшифровку пьесы «Молодожены», как называет эту прослушку Мейлер, обратили внимание и подчеркнули три фразы Марины:

— Я не буду жить с тобой.

— Если тебе не нравится, можешь ехать в свою Америку.

— Ты всех боишься!

У Освальда — только одну фразу:

— Не плачь.

Слова Марины «В такие моменты ты меня можешь убить» внимания не привлекли.

Чехова не читали.

«МОЛОДОЖЕНЫ». АКТ 2

При единстве времени и места действия антракты излишни, хотя уместны: кому в буфет, кому наоборот.

Второй акт состоялся через неделю, и, хотя герои те же, диалог ведется о вещах более серьезных, чем немытые полы.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 11.08.61

Он: Если ты меня не любишь, как ты можешь жить со мной? Я даю и буду давать тебе всё, что только возможно. Чего ты хочешь? То ты говоришь, что хочешь ехать со мной, через минуту — что не хочешь.

Она: Иногда я боюсь ехать с тобой. Я не хочу пытаться доказать тебе, что здесь всё прекрасно, а там всё плохо. Но даже если здесь я ничего не имею и не буду иметь, здесь — дом.

Он: Ты здесь никогда ничего не будешь иметь, но там у тебя будет муж и всё.

Она: Что я там буду делать? Я буду всё время сидеть дома, и на этом всё.

Он: Но ты будешь со мной. У тебя будет всё.

Она: Я не ищу никаких материальных выгод. Деньги меня совершенно не интересуют. Это не важно. Самое важное для меня — как ты ко мне относишься.

Он: Ну, тогда всё в порядке.

Она: У меня нет гарантии, что ты меня там не оставишь. Что тогда я буду делать?

Он: Если ты меня не любишь — не едь.

Она: Нет, я боюсь, что ты меня бросишь. Ты же здесь всё бросаешь, в конце концов.

Он: Я бросаю?!

Она: Видишь, ты уже кричишь, а как там будет?

Он: Что у тебя здесь есть? Ничего. Одна комната. Это много? Одна комната, которая тебе даже не принадлежит.

Она: Мы здесь живем, она наша.

Он: Ты считаешь? А я совсем не чувствую, что это моя собственность. Я не чувствую, что это мое.

(Пауза.)

Она: Ты меня мучишь.

Он: Не могу терпеть, когда ты такая, как сейчас. Я говорю одно, ты — другое.

(Пауза.)

Она: Спи тихо.

Он: Как я могу спать тихо, если я не знаю, что ты обо мне думаешь? У тебя всё всегда зависит от настроения. Нужно раз и навсегда решить.

Она: Идиот, ты ничего не понимаешь. (Дразнит его.) Собственность, собственность.

Он: Ты не понимаешь концепции собственности. Ты сама не знаешь, чего хочешь. Я хочу там жить, ведь там высокий уровень жизни.

Она: А ты думал, ты сюда приедешь и совсем не нужно будет работать, живи только? Почему ты не учился? Ты мог учиться, ты просто лентяй.

Он: Ты ничего не понимаешь. Миллионы людей уезжают из этой страны. Здесь грубые люди.

Она: Ты на нас смотришь сквозь черные очки.

Он: Какие черные очки? Это неправда.

Она: Я, например, не говорю плохо об Америке. Это неприлично. Надо быть настоящей свиньей, чтобы плохо говорить о стране, которую не знаешь. И я так не делаю.

Он: Может быть, но ты будешь там жить. Там высокий уровень жизни.

Она: Ты не понимаешь. Это не мой дом. Я там не услышу русского языка.

Он: Если ты хочешь ехать — едь. Если нет — тогда нет.

Она: Я не поеду. Я боюсь. Даже сейчас, когда приходит Эрик и вы говорите по-английски, я терпеть этого не могу.

Он: Ты говоришь, как какая-то старая деревенская тетка.

Она: Мы никогда не сможем понять друг друга.

Он: Если ты хочешь ехать, ты поедешь!

Она: Не ори.

Он: Ты заставляешь меня кричать. Я не грублю. Ты стала непорядочная и плохая.

Она: Ты сам такой.

Он: Нет, я был приличный и хороший, когда мы встретились. Но в тебе было много непристойности.

Она: Я так не считаю. Я даже ни разу не поцеловала Сашу. Никто не называл меня непристойной. Я не вела себя, как другие девушки. У меня не было матери, которая бы направила меня на правильный путь. Раз в неделю я вела себя по-дурацки.

Он: Я понимаю.

Она: Тебе нужно, чтобы все терпели. Если б я только знала!

Он: За последний месяц ты совсем изменилась. Ни нежности, ничего. Если бы ты не была беременной… Я не могу кричать на тебя в присутствии других людей, но ты всегда обо мне разное говоришь, когда вокруг люди. А потом ты рассказываешь сказки, что я уезжаю, оставляю тебя и во всем виноват. Но даже если так, я хочу, чтобы ты была со мной. Я понимаю, что ты такая, какая есть, и не можешь быть другой. (Пауза.)

Почему ты прикидываешься, что тебя так обидели? Самая несчастная девушка на свете. Ты несешь чушь.

Она: Иди к черту!

Он: Ты меня не уважаешь.

Она: Алик, мы уже достаточно ругались. И сейчас опять.

Он: Раньше ты не была такой.

Она: Ты тоже.

23:35 (Тихо; они спят.)

Марина тяжело переносила первые месяцы беременности: ее раздражали запахи на улице, в квартире, даже на балконе, запах мужа, запах еды. Плюс стресс и страх — намерение поехать в Америку воспринималось как измена родине.

Тут заплачешь[71].

---

71 По оперативным данным, пьеса оказалась трех- или даже четырехактной.

Для справки: третий акт, за рамками этой книги, — жизнь с Освальдом в Америке. После серии скандалов, через восемь месяцев после приезда в Америку, в феврале 1963 г. Марина написала в советское посольство первое письмо о возвращении, в марте — второе. Она снова была беременна и надеялась уехать до рождения ребенка, и хотела вернуться не в Минск, а в Ленинград. Однако из советского посольства сообщили, что оформление бумаг может занять полгода. Освальд метался: вместе с женой подал просьбу на советскую визу, предлагал услуги американской компартии, ездил в Мексику в советское посольство, менял работы, совершил покушение на генерала Волкера, в конце концов предложил беременной Марине угнать самолет и улететь в Гавану. Освальд ждал сына и даже выбрал ему имя Фидель, в честь Кастро. В октябре родилась дочь, которую назвали Одри Марина Рейчел. Жена с детьми переехала жить к знакомым. Освальд повторно обратился за советской визой — за две недели до убийства Кеннеди.

Четвертый акт — после убийства. Расследование сделало Марину известной на всю Америку. Она давала интервью, соглашалась, что Освальд виновен, обратилась с просьбой о помиловании убийцы мужа Джека Руби, чтобы не умножать трагедию. О ней писали, ее снимали, появились деньги, и она загуляла — стала проводить дни в боулинге, ночных клубах, на вечеринках, получила множество предложений выйти замуж, — повторила, как сама говорила, свой «ленинградский период». В 1965 г. она вышла замуж за местного владельца ранчо Кеннета Портера, родила сына Марка, развелась с Портером через десять лет, но осталась жить вместе с ним.

DOLSTY И ТОЛСТОЕВСКИЙ

Большое берет на себя вину за малое, и малое пользуется этим в свое удовольствие.

В одном литературном интервью в 1960-е годы Мейлер заявил, что он — социалист, и пояснил: «Я верил в большие литературные произведения, заполненные персонажами, которые несли бы свою программу, с большими идеями, и развивались как романы Толстого. Ну, как если бы Толстой сел писать “Анну Каренину”, а вышло “Преступление и наказание”. Что-то похожее происходило со мной».

Мейлер говорил не об «Истории Освальда», но объяснил именно эту свою книгу.

Напомним сюжет и героя: молодой человек ищет смысл жизни, жаждет справедливости, видит вокруг много зла, ни с кем близко не сходится, готов разорвать связи с семьей и убить даже брата, если тот станет на его пути, скрывает даже от близких знакомых свои планы и намерения, разочаровывается в идеале, убежден, что он не такой, как все, и ради высшей цели имеет право и может убить.

Это описание не только Освальда, но и героя ««Преступления и наказания» Раскольникова, а также теорий и мотиваций персонажей романов Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы». «Бесы», кстати, в английском переводе называются «The Possessed» — «Одержимые».

Достоевский действительно несколько раз возникает в «Истории Освальда»: на свое 20-летие герой получает в подарок роман «Идиот»; узнав, что Освальда в Минске называют «Алёша», Мейлер сразу же уточняет — потому что так звали одного из братьев Карамазовых?

Мейлер чувствовал, что Освальд на самом деле герой не Толстого, а Достоевского. Детективный сюжет с убийством, которое ради великой идеи совершает «маленький человек», — классика русской литературы.

«История Освальда» Мейлера действительно выглядит как романы Достоевского: история, на которую хватило бы и двухсот страниц, занимает вчетверо больше. Структурные части непропорциональны, не связаны. Внутреннюю логику заменяет лихорадочная атмосфера неумолимого приближения конца и мозаичная пестрота персонажей, число которых превышает тысячу. Большинство из них не требуется ни для сюжета, ни для лучшего понимания главного героя. Роль внутренних монологов и бесконечных диалогов выполняют расшифровки подслушивания KGB, а полтора десятка офицеров и генералов KGB, которых расспрашивал автор, воплощают коллективного следователя Порфирия Петровича...

Одна из характерных черт творчества Мейлера — безжалостная фиксация на сексуальной жизни героев. Признание в социалистической ориентации завершается в интервью еще большим откровением:

Мое сознание и разум были заняты русской революцией. Но мое подсознание намного больше интересовали другие темы: убийство, самоубийство, оргии, психозы.

«История Освальда» начинается с истории Валентины Прусаковой, жены родного дяди Марины, подполковника МВД Ильи Прусакова. Мейлер записывает ее долгий рассказ о страш-

ной советской жизни, ГУЛАГе и войне, о рабстве в Германии во время войны и знакомстве там с лейтенантом — будущим мужем. Илья Прусаков был на 15 лет старше, сдержан, тактичен, элегантен. Достоевская деталь: перед смертью он болел и, когда приехала «Скорая», спросил — думаешь, надо галстук надеть?.. После смерти мужа жена разбирает вещи и находит — еще более достоевская подробность — пачку фотографий с голыми женщинами. И вздыхает: мужчины есть мужчины.

Эта посмертная маленькая личная тайна второстепенного персонажа, с которым автор не встречался, не нужна ни для развития сюжета, ни для прояснения характера главных героев, ни для контекста — но, как любой тайный грех, она органична для поэтики Достоевского (например, глава «У Тихона» в «Бесах»).

Больше всех от этой поэтики пострадала Марина. Всех, кого можно, Мейлер расспрашивал о ее бурной молодости, записывал похвальбу минского знакомого, который хвастался, что спал с Мариной. Мейлер цитирует переводчицу «Интуриста», которая называет жену Освальда уличной проституткой. И апофеоз — пятидневное интервью с самой Мариной в Техасе, где она признается, что ее изнасиловал богатый иностранец.

Ей было 17 лет, жила без матери, с отчимом, который ее едва терпел. И всё это происходило в городе Достоевского, с белыми ночами, бедными людьми, разбитыми судьбами.

Сонечка Мармеладова из «Преступления и наказания». Марушка из «Бесов», Наташа из «Униженных и оскорбленных».

Во время беседы А. Л-к спросил у Мейлера, как Марина реагировала на публикацию подробностей ее личной жизни в интерпретации KGB и с пикантными деталями, которые нашел и добавил сам автор.

Произошло следующее. Шиллер, как я говорил, большой торговец. Когда он убеждал Марину дать интервью, он привел аргумент: «Вы должны это сделать. Это история. Норман Мейлер является нашим американским Толстым!». Уже после того, как книга вышла, он позвонил ей и спросил о впечатлении, и она сказала: «Никакой он не Толстой!».

В американских университетах говорят — «Tolstojevsky».

МИГ УДАЧИ

Прочитанное, может, и не остается, но чтение оставляет следы.

Последняя для Освальда осень в Беларуси началась с тайного визита в Москву. Тайного, потому что сведений о нем нет нигде: ни в материалах KGB, которые получил Мейлер, ни в документах американского посольства, ни в переписке Освальда с семьей, ни в его «Историческом дневнике».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
21 августа — 1 сентября, 1961

Хожу в паспортный стол в отдел виз, также в министерство иностранных дел в Минске, и в министерство внутренних дел, от которых зависит решение о визе. Добиваюсь обещания быстро обратить внимание на США.

Единственным свидетельством поездки или полета в Москву стало вещественное доказательство номер 374 комиссии Уоррена: во время обыска среди личных вещей Освальда полиция нашла Билет читателя № 3095/к Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Билет на имя Ли Харви Освальда в научный читальный зал № 1 был выписан в четверг, 7 сентября 1961 года, сроком на один месяц.

Что делал, где был, где останавливался, сколько дней провел Освальд в Москве во время той поездки — неизвестно ничего, кроме визита в библиотеку. Картотека заказов читателей давно уничтожена, и что он читал в научном зале — американскую прессу, сборник законов или произведения Ленина, также неизвестно.

Освальд также был читателем главной библиотеки Беларуси, «ленинки», — но картотека не сохранилось. Библиотека находилась рядом с окружным домом офицеров, где в конце сентября проходил съезд компартии Беларуси, — Освальд не мог не заметить множества агитплакатов на работе, на улицах, в витринах, бесконечных рапортов о досрочном выполнении и перевыполнении:

Дни работы съезда вылились в волнующую демонстрацию любви и преданности Коммунистической партии, верности делу Маркса, Энгельса, Ленина, делу коммунизма.

С любовью в последнюю минскую осень действительно стало лучше.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Сентябрь — 18 октября 1961

Ничего не слышно из министерств («Они нам позвонят»). Марина поездом едет из Минска к тете в город Харьков на Урал на 4 недели. В это время я одинок, но вместе с Эриком хожу на танцы и в другие публичные места на развлечения. Уже несколько месяцев не делал этого. День рождения провожу один в опере, смотрю мою любимую «Пиковую даму». Мне исполнилось 22 года.

Мейлер оставляет географическую ошибку без оговорки, — возможно, не заметив ее или посчитав, что украинцы не обидятся. Он делает важное наблюдение: осенью, после всех споров и ссор, в семье настало время охлаждения. Письма из Минска в Харьков не очень содержательные, короткие — о погоде, кто из знакомых заходил, какое кино смотрел. Но вдруг что-то происходит, письма меняются — их пишет как будто другой человек.

Написано по-русски:

18 октября

Дорогая Марина,

Сегодня я получил подарки от тебя, большой спасибо, они очень, очень хорошие, и я всегда буду помнить тот день.

Ну, скоро ты приедешь назад. Я буду очень рад тебя видеть вновь, как я буду тебя любить!!

Марина подарила мужу пластинки, книги и чашку с надписью: «Дорогому мужу на день рождения 18.X.61» — Освальд обещает их *«на всегда держать»*.

22 октября

Моя милая девочка! Сегодня я получил твою открытку; спасибо, милая, только мне не нравится, что ты болтаешь, что ты предчувствуешь, что ты меня потеряешь, ты меня никогда не будешь потерять, и всё!..

Ты не забывай сказать вовремя, когда ты приедешь назад сюда. Скажи чем раньше. О наших личных делах. Я ходил, но они говорят «еще нет ответа». Но ничего, скоро будешь дома снова, так хорошо с тобой будет!! Я очень рад, что ребенок такой активный, это хорошо! Ну пока всё, пиши! Твой муж Алек.

В архивах комиссии Уоррена хранится листок, найденный во время обыска. На нем Освальд пробует со слуха по-русски записать слова знаменитой арии из второго акта «Пиковой дамы»:

«Я Вас люблю, люблю безмерно, без вас не мысль трудней прожить, я подвиг силы безмерной готов сейчас для Вас сдержить. Но знайте серд-

ца Ваша свободу не чем я не хочу стеснять, готов скрываться как Вам угоду...»[72]

Мейлер цитирует все 24 строки арии и делает вывод:

Пушкину и Чайковскому удалось вернуть его к любви.

Исключительно ради педантичности: повесть — Пушкина, но либретто писал не поэт, а брат композитора Модест.

В 1960 году на экраны вышел фильм-опера «Пиковая дама». Марина уже в Америке писала в своих показаниях для ФБР: «Любимой оперой Ли была “Пиковая дама”. В России по этой опере сделали фильм, великолепный фильм. Ли ходил смотреть его четыре или пять раз...».

Выяснить, куда мог пойти одинокий молодой человек в Минске в 1961 году, чтобы удовлетворить свои культурные потребности, было не легче, чем одному литературному герою найти двенадцатое кресло: город еще не имел своей газеты, а афиши с тумб и рекламных щитов давно оборвал ветер истории.

Однако попробовать можно. Главная республиканская газета «Звязда» и ее русскоязычная партнерша «Советская Белоруссия» публиковали не только постановления партии и правительства, но и репертуарную афишу столицы: театры, цирк, филармония, кинотеатры. Иногда появлялись несистемные извещения типа общего схода жильцов одного из Минских районов с неожиданно гуманистической повесткой дня — о посадке плодовых деревьев.

---

72 По оперативным данным, это ария графа Елецкого из 2-го акта.
Для справки:

Я Вас люблю, люблю безмерно,
Без Вас не мыслю дня прожить.
И подвиг силы беспримерной
Готов сейчас для Вас свершить,
Но знайте: сердца Вашего свободу
Ничем я не хочу стеснять,
Готов скрываться Вам в угоду
И пыл ревнивых чувств унять.

Но накануне дня рождения Освальда, 17 октября, в Москве открылся XXII партсъезд, и на следующий день газеты должны были печатать гигантскую речь Никиты Хрущёва. Она заняла весь сдвоенный номер и не оставила места ни для строчек о погоде, ни для шахматного этюда, ни для киноконцертной и театральной афиши.

Репертуар 18 октября был похоронен под тотальным многословием партийного вождя.

В тот день можно было узнать, что Сталин еще больший злодей, чем сообщали пять лет назад на таком же съезде, что маршал Ворошилов сбился с толку, и что коммунизм построится через двадцать лет, и что к антипартийной группе Маленкова примкнул министр иностранных дел Шепилов, на всю жизнь получивший титул «примкнувший к ним», так, видно, и на памятнике написали[73].

Но хотя в Минске и не было городской газеты, была молодежная, «Знамя юности», — а для молодежи бумагу жалели. Газета получила по телетайпу обязательную для публикации информацию и речь Хрущёва, сокращенную в десять раз. И осталось место и для погоды, и для афиши дня.

18 октября, в день рождения Освальда, на сцене Белорусского государственного ордена Ленина театра оперы и балета БССР действительно играли «Пиковую даму».

Спектакль начинался в 19:00, до театра от дома Освальда, если вдоль речки, минут десять — и «миг удачи» в последний день рождения в Минске пойман.

Плакать будут другие.

---

73 По оперативным данным, гр. Шепилов написал книгу «Непримкнувший» (2001), а первой его книгой была «Алкоголизм и преступность» (издание НКВД, 1938)

Для справки: после XXII партсъезда, когда во время распития бутылки на троих вдруг появлялся четвертый, его называли «шепилов».

ДОГНАТЬ АМЕРИКУ

Знали ли вы, любезный читатель, что причины похмелья точно неизвестны?[74]

Но последствия... Всех слов нашей поэмы, ее запятых, тире, двоеточий, восклицательных и иных знаков не хватит, чтобы просто перечислить эти последствия. Поэтому ограничимся одним примером с отягчающими или, что то же самое, смягчающими обстоятельствами.

Пока марксист Освальд думал, как дать деру из Эдема для рабочих, группа спичрайтеров Хрущёва, готовивших на государственной даче его доклад XXII съезду, жадно пила холодную воду, потому что после вчера наступило сегодня. И тут грянул

---

74 По оперативным данным, так утверждается в статье трех авторов под названием «Алкогольное похмелье: критика объясняющих факторов» в журнале «Человеческая психофармакология: клиническая и экспериментальная» от 1 июня 2009, с. 259—267.
Для справки: дурят нашего брата тут: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/19347842?dopt=Abstract и тут: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%85%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B5

гром: позвонил Никита Сергеевич и захотел, чтобы к обеду в доклад вставили что-нибудь повеселее, чем цифры и цитаты, но посерьезнее, чем поговорки и присказки.

Послали гонца за лечебной влагой, и пока тот мчался к заветной цели и назад, на скорую руку сочинили новую Нагорную проповедь — моральный кодекс строителя коммунизма. По ощущениям дня упор сделали на чувства и их градацию: любить требовалось социалистическую родину и страны социализма, к рабочим всех стран рекомендовалось проявлять солидарность, к делу коммунизма — преданность, к общему имуществу — заботу, к общественному долгу — сознание, к членам семьи — уважение, к тунеядству — непримиримость, к врагам мира — нетерпимость, к личной жизни — простоту[75].

Хрущёв пришел в восторг и приказал всем принять к исполнению.

В конце 1961 года на радиозаводе в Минске, как и на других заводах, фабриках, колхозах и в местах массового гуляния, меняли наглядную агитацию. На стендах вывесили «Моральный кодекс» и свежие цитаты из выступления на партийном съезде Хрущёва:

Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! Догоним и перегоним Америку! Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!

В единственную ноябрьскую запись Освальда в дневнике, однако, эти лозунги не попали.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
2 ноября 1961

Возвращается Марина, веселая, привезла несколько банок консервов для меня от своей тети из Харькова.

---

75 По оперативным данным, текст был написан за полтора часа. Для справки: ближайшая точка была в получасе, но без очереди не давали.

Догонять Америку Освальды решили сами. Однако попытки убедить их дождаться коммунизма продолжались.

РАПОРТ KGB
20.11.61

Во время встречи 20 ноября 1961 года Прусаков И.В. пояснил, что в течение последнего времени дважды говорил со своей племянницей Мариной и ее мужем Л. Освальдом. Как родственник жены Освальда, Прусаков высказал мнение, что решение Освальда вернуться в Америку может быть ошибочным. Прусаков говорил с ним о сложном международном положении, а также о возможности его призыва в американскую армию, о проблемах с работой в Америке, а также о возможном его аресте.

Освальд пояснил Прусакову, что вряд ли его призовут на военную службу, так как он уже отслужил свой срок. Что касается возможного ареста — он не думает, что сотрудники посольства стали бы ему врать. Тем не менее, Освальд пообещал еще раз взвесить все эти обстоятельства, касающиеся его возвращения в Америку. Дальше Прусаков пояснил, что он также пытался убедить свою племянницу Марину, что ехать в США нецелесообразно. Такое же влияние на нее оказывала ее тетя Полина, которая живет в Харькове.

В результате этих бесед Прусаков решил, что Марина не слишком хочет ехать. Однако Марина была очень озабочена тем, как жить дальше, если у нее будет ребенок от Освальда.

Прусаков дал обещание продолжать работу по убеждению Освальда и его жены, чтобы те изменили свое мнение по поводу поездки в Америку. Прусаков не упомянул каких-либо подозрительных моментов в поведении Освальда.

Мейлеру Марина рассказывала, что харьковская тетя действительно отговаривала ее от Америки. Но теткин сын сказал: слушай свое сердце и делай, как чувствуешь сама.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
Ноябрь — декабрь 1961

Задержка начинает раздражать. Марина начинает сомневаться, стоит ли ехать в США. Вероятно, из-за напряжения и от беременности, мы ссо-

римся, и всё не так уж и хорошо, особенно с приходом суровой русской зимы.

В декабре Марине позвонили на работу и сказали прийти в МВД-KGB — оба учреждения размещались в одном здании, и она не была уверена, когда рассказывала Мейлеру о встрече наедине с человеком в штатском, был ли он из милиции или из KGB. Речь шла об отъезде: мотивы, намерения, хорошо ли подумала, не навредит ли родственникам, уверена ли в своем желании. Затем собеседник переключился на неформальный тон и начал говорить как человек, который по возрасту приходится ей дедом: Марина была на седьмом месяце беременности, и лучше дождаться родов здесь, — кто его знает, как там сложится брак и жизнь?.. Она запомнила, что угроз не было[76].

Это была последняя попытка повлиять на решение Марины.

В хронологии KGB 6 декабря 1961 года Освальд обратился к американскому сенатору Джону Тауэру за помощью в возвращении в США.

ПИСЬМО ЛХО ДЖОНУ ТАУЭРУ

Дорогой сенатор Тауэр!

Меня зовут Ли Харви Освальд, 22, из Форт Ворта до октября 1959 года, когда я приехал в Советский Союз на отдых. Я получил разрешение на проживание для не-туристов, временно проживающих в СССР. Американское посольство в Москве знакомо с моим делом. От 20 июля 1960 года я безуспешно пытаюсь получить выездную визу, чтобы выехать из этой страны, но Советы отказывают в разрешении мне и моей советской жене (обратившейся в посольство США в Москве 7 июля 1960 года за иммиграционным статусом) выехать из Советского Союза. Я гражданин Соединенных Штатов Америки (паспорт № 1733242, 1959 г.) и я прошу Вас,

---

76 По оперативным данным, ранее, в показаниях для комиссии Уоррена, Марина Освальд утверждала, что встречу с ней проводил полковник МВД Николай Аксёнов.
Для справки: на выездной визе стоит подпись Александра Аксёнова, занимавшего в то время должность министра МВД.

сенатор Тауэр, поднять вопрос удержания Советским Союзом гражданина США против его воли и заявленного желания[77].

Освальд лукавит. Это события не 1960, а 1961 года, автор не мог не помнить, что произошло во время его первого похода в американское посольство в Москве, — а если бы и забыл, под рукой был «Исторический дневник».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
31 октября 1959

В 12:30 я приезжаю в американское посольство, захожу и говорю дежурной «я хотел бы видеть консула», она показывает на большой журнал и говорит, «если вы турист, пожалуйста, зарегистрируйтесь». Я достаю мой американский паспорт и кладу его на стол, я пришел отказаться от американского гражданства, говорю я, как о чем-то обыденном. Она встает и идет в кабинет Ричарда Снайдера, генерального консула в Москве в то время. Он приглашает сесть. Заканчивает письмо, которое печатал, и спрашивает, чем может помочь. Я говорю, что хотел бы взять советское гражданство и хотел бы отказаться от американского. Его помощник (теперь генеральный консул) Маквикар поднимает голову от бумаг. Снайдер говорит, записывает личные сведения, задает вопросы, предупреждает, чтобы я не делал никаких шагов перед тем, как Советы меня примут, говорит, что я «дурак», говорит, что бумаги на выход из гражданства требуют много времени на подготовку (иными словами, отказывает мне в расторжении гражданства США). Я заявляю, что принял решение. С этого дня и в будущем я не считаю себя гражданином США. Я провожу в посольстве 40 минут, пока Снайдер не говорит: «Если вы не хотите более подробно рассказать о своих марксистских убеждениях, то можете идти». Я хочу избавиться от американского гражданства, а он фактически говорит — не сегодня. Я выхожу из посольства в приподня-

---

77 По оперативным данным, письмо дошло, но сенатор его не видел: помощники переслали обращение в Госдепартамент, оттуда поступило предложение информировать сенатора о деле Освальда, но оно никого не заинтересовало. Сенатор впоследствии был обвинен в пособничестве возвращению Освальда в Америку и должен был оправдываться, что не способствовал.
Для справки: но и не препятствовал.

том настроении от этого противостояния, и когда возвращаюсь в отель, чувствую, что потратил свои силы не зря. Я уверен, что после такой демонстрации моей веры русские меня примут.

Довольно точно известно, что подумали в KGB как после демонстративного поведения Освальда в посольстве в октябре 1959 года, так и после демонстративного обвинения советских властей в насильственном удержании американского гражданина в декабре 1961 года: и в первом, и во втором случаях пахло международным скандалом.

Как объяснили Мейлеру, первый скандал, подслушанный и записанный KGB в посольстве, был настолько громок — Освальд повышал голос, кричал, что выдаст все военные секреты, — что рассматривалась версия «двойной легенды» (всё так опереточно-неправдоподобно именно затем, чтобы убедить KGB, что ЦРУ так топорно не сделало бы).

Слежка за жизнью Освальда в Минске и письмо сенатору Тауэра убедили KGB, что скандал может произойти — уже по второй причине. Окончательно вопрос решался в Москве, куда были посланы заключение минского KGB и другие документы, в том числе характеристика Освальда для горотдела милиции, подписанная директором завода и начальником отдела кадров.

МИНСКИЙ РАДИОЗАВОД
11.12.61

Характеристика

Ли Харви Освальд был принят на работу в качестве регулировщика экспериментального цеха радиозавода 13 января 1960 года. Во время работы регулировщиком его работа была неудовлетворительной. Не проявляет инициативы для повышения мастерства регулировщика. Гражданин Ли Харви Освальд болезненно реагирует на замечания мастера и небрежен в работе. Гражданин Л. Х. Освальд не принимает участия в общественной жизни нашего завода и преимущественно ведет себя неискренне.

Однажды в воскресенье в 7 утра, 18 декабря 1961 года, в двери Освальдам позвонили: все на выборы! В этот день выбирали

судей. Освальд не открыл. Потом пришли снова. И Освальд начал кричать через закрытые двери: это свободная страна! Так написано в Конституции. Он прочитал испуганной Марине целую лекцию на эту тему: в свободной стране не заставляют людей ходить на выборы.

Неизвестно, Освальд кричал, имея в виду сталинскую конституцию как изучивший ее марксист, или протестовал как читатель Оруэлла, знакомый с феноменом «двоемыслия». В любом случае агитаторов он напугал, больше не приходили.

Свой окончательный вывод сделал и KGB. Освальд скорее всего не агент ЦРУ, но зарекомендовал себя как человек без коммунистических принципов, который не слишком стремился работать и учиться. Одна головная боль.

KGB дал заключение: возражений для выдачи выездной визы Освальду не имеется. Одной головной болью меньше.

Как говорится — ну-ну.

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ

Трудно придумать более необязательный повод не спать до полуночи, целоваться с незнакомыми людьми, давать невыполнимые обещания и строить несбыточные планы, чем условные цифры в одном из множества известных человечеству календарей. Поэтому Новый год был и остается лучшим праздником советской и постсоветской эпохи и безразличие к нему преступно, хоть и ненаказуемо.

Свой первый Новый год в Советском Союзе Освальд встречал в Москве в гостинице «Берлин» — сидел за полночь вместе с дежурной переводчицей Розой Агафоновой, которая подарила ему игрушечного Буратино.

Второй Новый год Освальд провел в Минске в семье Эллы Герман, в которую тогда был влюблен.

Накануне третьего — и последнего — Нового года в СССР у Освальда изменился почтовый адрес: в декабре улица Калинина была переименована в Коммунистическую.

Вместе с Мариной он был приглашен на соседнюю улицу Красную, 14 на вечеринку к Зигерам. Именно Александр Зигер был первым, кто посоветовал Освальду возвращаться в Америку, и Новый год Освальды встречали с важной новостью.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
25 декабря 1961

Рождество, вторник. Марину вызывают в паспортный стол и отдел виз. Ей говорят, что нам дали советские выездные визы. Она заполняет анкеты и возвращается с этой новостью. Отлично (я считаю)! Новый год встречаем в полночь за столом у Зигеров, еще шесть гостей.

Как следует из текста, запись сделана не 25 декабря, а в январе, после празднования: главная новость года — разрешение на выезд — пришла накануне Нового года, и впервые за долгое время у Освальдов хорошее настроение.

РАСШИФРОВКА ПРОСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 31.12.61

Он: В этом платье ты не будешь хорошо выглядеть.
Она: Почему?
Он: Слишком открыто.
Она: Где открыто? Красиво.
Он: Не подходит.
Она: А вот мои туфли — другое дело! Они совсем не подходят.
Он: Ты действительно не умеешь одеваться, ей-богу!
Она: Купи мне другие туфли.
Он: Это красивые туфли.
Она: Это так. Но они не годятся на зиму. Они белые. Есть зимние туфли и летние туфли.
(Он идет на кухню и сразу возвращается.)
Он: Ты собираешься надеть пиджак?

Она: Какой пиджак? У меня нет никаких пиджаков. Ты думаешь, что им не всё равно, если увидят, что это плохо выглядит?

Он: Да!

Она: Это просто платье.

Он: Нет, оно некрасивое!

Она: Ну, это я не могу надеть. Оно всё в дырках. Не знаю, что надеть.

Он: Всё будет хорошо. Всё будет превосходно.

Она: Ты знаешь, что я никому не нужна.

Он: Боже, а что насчет Освальда? (Целует ее.) Люди будут на нас смотреть и говорить: вот красивая пара!

Она: Красивая! (Смеется.) Тогда я пойду в юбке и свитере. Тебе просто станет стыдно.

(Пауза.)

Если бы было что носить, я одевалась бы лучше тебя, лучше твоих американцев! (Они смеются.) Если бы на мне были эти туфли, когда мы впервые встретились, ты со мной даже не стал бы танцевать. (Они смеются.)

После долгого перерыва в расшифровках KGB вместо ссор и слез возникают смех и поцелуи.

Может, так бывало и раньше, а Мейлеру просто не показали, может, наблюдение через дырочку в стене в новогодний вечер вел другой человек — например, женщина. Так или иначе, но праздничное настроение в тот Новый год имело место и даже попало в архив KGB.

Ленту расшифровывали уже после Нового года, хотя в KGB в новогоднюю ночь наверняка работал оперативный дежурный. И не только в KGB и ракетных войсках. Согласно практике, которая осталась со сталинских времен, во всех органах власти — от ЦК партии и Совета Министров до райкомов и райисполкомов, от заводов до колхозов — в праздничную ночь повышали бдительность: на казенных кожаных диванах и деревянных скамейках ворочались до утра ответственные дежурные — а вдруг где-то что-то случится или кто позвонит?

Так было и с Освальдом — хотя оперативники и не работали с ним 24 часа подряд, бдительность никто не отменял. До самого отъезда.

И даже после.

БОМБА ДЛЯ ХРУЩЁВА

Первых недолюбливают, даже когда любят. И постоянно и повсеместно хотят, чтобы их сменили другие первые — такова природа эволюций, революций и конституций.

2 января Освальд не на шутку встревожил команду наружного наблюдения KGB: он вышел из дома с ружьем в руках и пошел на остановку троллейбуса (как выяснилось, сдавать оружие в охотничий магазин, ему даже выплатили 18 рублей).

Это был второй переполох из-за оружия — первый случился, когда сотрудник, который вел наблюдение через дырочку в сте-

не, заметил подозрительные действия. Освальд возился с кусками металла, чем-то, похожим на порох, — так делают взрывные устройства. Вместе с ним был приятель. Так, по крайней мере, рассказали Мейлеру.

В KGB запаниковали: в январе Минск должен был посетить Никита Хрущёв, глава партии и правительства[78].

Тема покушения на Хрущёва в литературе об Освальде возникает, как индуктивный ток: вот он слышал о выстреле по одному руководителю государства, и потом выстрелил в другого. Речь идет о якобы покушении в Беловежской пуще.

Присцилла Макмиллан приводит три версии, которые Освальд мог слышать от Марины и рабочих на заводе. То ли вся охрана повернула оружие, то ли один охранник, то ли группа молодежи перекрыла дорогу и стреляла в воздух, когда Хрущёв приблизился. В качестве доказательства, что так всё и было, Макмиллан пишет, что после Минска Хрущёв поехал в Сочи и не показывался на публике три недели (из чего следует, что он даже был ранен). Макмиллан слышала и другие рассказы о покушениях на Хрущёва в Москве, Сталинграде, Сочи и Кисловодске.

Ни одно из них не подтверждается — ни в воспоминаниях самого Хрущёва или его сына, ни в работах историков.

А в пуще действительно стреляли — на охоте.

Сотрудники KGB не ответили на вопрос Мейлера, заходили ли они в квартиру Освальдов в отсутствие хозяев, чтобы проверить подозрения. «Степан» сказал, что позже они сумели достать всё из мусорницы и провести инспекцию. Тревога оказалась ложной, коробочка — ерундой, ничем. Даже не самодельным фейерверком.

---

78 По оперативным данным, 06.02.1962 г. газета The New York Times напечатала сообщение агентства UPI из Рима о корреспонденции из близкой к Москве коммунистической газеты L'Unità: «"Унита" сообщает о неподтвержденных слухах о покушении на жизнь Никиты Хрущёва... Покушение, как стало известно, произошло в Минске, на советско-польской границе, две недели назад».

Для справки: если кто сомневался, факты пятой свежести (слухи — Unità — агентство UPI — The New York Times — поэма) были известны и до социальных сетей.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
4 января 1962

Меня вызвали в паспортный стол, потому что мое разрешение на жительство сегодня заканчивается. Я имею сейчас американский паспорт, поэтому мне выдали совершенно новый документ, который называется «Паспорт для иностранцев». Поскольку нам дали разрешение на выезд и знают, что мы уедем, он годен до 5 июля 1962 года.

Приезда Хрущёва, если судить по «Дневнику», Освальд не заметил.

А без дневника мог обратить внимание, что в соседний, хорошо видный с балкона театр оперы и балета массово привозили на автобусах не совсем театральную публику — там проходило сельскохозяйственное совещание, на котором выступал Хрущёв. За безопасность главы партии и правительства отвечал KGB, работавший в режиме особой бдительности. Наблюдение за Освальдом в тот день, вероятно, усилили.

Если бы Освальд каким-то образом попал в зал, он бы мог своими ушами услышать, как партия руководит наукой: референты насобирали Хрущёву примеров из работы белорусских биологов. Хрущёв смешил участников совещания рассказами о пробковом дереве «бархат» — это дальневосточное растение высадили в Беларуси, местные зайцы его полюбили, а горе-ученые засыпали от сладкого запаха, вот и вся наука. А кто будет разводить кукурузу квадратно-гнездовым методом?

Но всесоюзную известность местным биологам принес другой исследователь из Академии наук — он попал в доклад Хрущёва на пленуме ЦК КПСС:

В институте биологии Академии наук Белорусской ССР тов. Крапивный А.П. защитил ученую степень кандидата биологических наук на тему: «Экология и хозяйственное значение европейского белого аиста, черного аиста и обыкновенной серой цапли в Белоруссии». (Оживление в зале, смех.) Я признаюсь в своем невежестве — черного аиста не видел, не знаю, водится ли он в Белоруссии. Верю этому ученому: если он пишет, видно, черный аист есть. Не знаю, возможно, эта диссертация принесет пользу нашим правнукам, но не верю и в это. Во всяком случае, совет-

ские деньги не следует тратить на исследования белого, черного аистов и серой цапли Белоруссии. (Аплодисменты.)

После выступлений в оперном театре была художественная часть, но если бы Освальд и попал на концерт, то всё равно не услышал бы диалога в правительственной ложе. Если верить номенклатурному фольклору, в антракте Хрущёву читал стихи второй секретарь белорусского ЦК Машеров. Первый секретарь Мазуров, которому только что крепко досталось за провал поставок мяса в союзный фонд, сидел молча. Хрущёв повернулся к нему: а ты что надулся, спой нам что-нибудь. Частушки знаешь? Знаю, Никита Сергеевич, но только про кукурузу.

Американский злак после поездки Хрущёва в США окрестили королевой полей, и новую монархию в СССР насаждали, как некогда сбрасывали старую. Народное творчество отреагировало на процесс по-своему:

Вышла б замуж за Хрущёва,
Да боялась одного:
Говорят, что вместо...
Кукуруза у него!

В такую байку с американским злаком номер один оформился тот вечер в любимом минском театре Освальда.

Не «Пиковая дама», конечно.

Рифмы не те.

ПОД БЕЛО-ЧЕРНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

Февраль!

Освальд, видимо, не достал чернил, и поэтому в дневнике единственная запись, о холодной зиме. Если одинокий квартиросъемщик и плакал о себе, то про себя.

Оставим его в шапке-ушанке греться возле чугунной батареи центрального отопления и отойдем ненадолго в сторону, чтобы посмотреть, куда завела тропа случайного прохожего-биолога, попавшего в доклад Хрущёва.

Александр Крапивный окончил Харьковский университет и был распределен на работу в Беловежскую пущу. Там он и занялся изучением численности и питания голенастых птиц, как называют аистов и цапель. Целыми днями дежурил у гнезд, записывал и классифицировал живность, которую аисты приносили и скармливали птенцам. В диссертации указано, что 28-летний автор исследовал 30 785 экземпляров животных — пищевых объектов белого аиста, и 4248 — черного.

Ciconia, как обращаются к аистам на латыни, птица не вегетарианская и имеет соответствующее меню: лягушки, рыбы, ящерицы, змеи, улитки, мыши, суслики, птенцы — более полусотни различных животных. Крапивный перебрал руками не один центнер добычи и, вероятно, иногда чувствовал себя как на бойне или рыбокомбинате. Такова была цена двух предложений в диссертации:

Белый аист еврофаг со склонностью к герпетофагии, энтамомафагии и миофагии. Черный аист еврофаг со склонностью к герпетофагии и ихтиофагии.

В переводе это означает, что белый аист питается всем, что найдет, но отдает предпочтение змейкам-ящерицам, паукам-червякам и вообще всему мясному. А его черный родственник, хотя также неразборчив, предпочитает французскую кухню (лягушки, ящерицы) и японское меню (сырая рыба).

Спустя десятилетия специалисты напишут, что это была первая диссертация по экологии аистов не только в советской науке — ничего подобного не было и в иностранной литературе.

Хрущёв не разбирался в орнитологии, что неудивительно, а вот его помощники были халтурщиками: вставили в выступление факт четырехлетней давности. Диссертацию Крапивный защитил в феврале 1958 года, отказался от места в Академии наук в Минске и поехал в пединститут в Витебск, где давали квартиру.

Там и прочитал в газетах, что первый секретарь ЦК верит ему, что черный аист действительно существует, но советские деньги на него тратить не стоит.

Из комсомольского возраста Крапивный вышел, в партию еще не вступил, так что на политических собраниях его лично особенно не разбирали, тем более что диссертацию он защищал в академическом институте биологии, и Хрущёв упоминал фамилию минского, а не витебского директора института.

Через два месяца, когда, казалось, пронесло, 22 марта в «Правде» появляется фельетон «С точки зрения Аиста», где уже стиралась разница между зоологией и зоофилией.

Белый Аист пишет Серой Цапле:

И чего он прицепился к голенастым диким птицам?! Живем мы мирно, плодимся мало, людям жить не мешаем. Привыкли обходиться без человека. Уж если полюбил птицу, люби домашнюю. Под нашим дубом — птичник. Там и куры, и гуси, и утки. Им надо досмотр. Но Крапивный на домашнюю птицу — ноль внимания. Всё на нас, диких, принимает в штыки.

Через полтора месяца, 10 мая 1962 года, в рубрике «По материалам «Правды» читатели увидели письмо из Академии наук Беларуси со знакомыми словами — критика признана правильной.

Дирекция и партийная организация института приняли меры для улучшения деятельности института и его ученого совета в деле защиты диссертаций. Пересмотрена тематика научно-исследовательской работы и аспирантских тем с целью приближения их к требованиям и запросам народного хозяйства. Принято решение о реорганизации ученого совета и обновлении его состава.

Крапивного вызвали в высшую аттестационную комиссию, но ученой степени кандидата наук не лишили. Времена всё же были не сталинские. Да и не орнитология раздражала партийное начальство — возмутила, скорее всего, формулировка темы о хозяйственном значении аистов и цапель. Дело было не в конъюнктурном названии.

Конъюнктура была нормой. Через месяц после приезда Освальда в Минск в газетах печаталось объявление о публичной защите Г. М. Лившицем диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему, не исследованную ни Флавием, ни Фомой Аквинским, ни отцами церкви: «Классовая борьба в Иудее и восстание против Рима».

Конъюнктура была требованием, но название работы Крапивного выглядело как пародия, причем пародия на святое — политику партии и правительства в сельском хозяйстве. Не помогло и то, что зоология действительно знала о хозяйственном значении аиста: при нашествии саранчи аисты вылетают на поля и истребляют вредителей, как пишут в научных трудах, «в огромном количестве». Крапивный пришел к выводу, что

в условиях Беларуси хозяйственное значение птицы скорее отрицательное: они уничтожают столько земноводных, что разрушают экологию водоемов.

В следующем году Крапивный уехал из Беларуси в Харьков, где успешно публиковал монографии, учебники по зоопсихологии и биоэкологии, стал доктором наук, профессором, приезжал на научную конференцию в Минск, всю жизнь называл себя на белорусский лад Алесем, пока в 1990 году не выбросился из окна, не пережив гибели двух своих студентов во время полевой практики.

При жизни увидела свет только одна его ненаучная книга, которая называлась «Если нет страха».

Книга была не о людях.

КОГО АИСТ ПРИНЕС

Люди появляются на свет независимо от наличия одноразовых шприцов, стерильных пеленок и больничных тараканов — время пришло.

В белорусской традиции детей приносит аист. В американской — тоже аист. Невзирая на поры года.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
15 января — 15 февраля 1962

Дни холодной русской зимы. Но мы себя чувствуем хорошо. Ожидается, что у Марины будет ребенок 1 марта.

15 февраля 1962

Рассвет. Марина меня будит. Пришло ее время. В 9:00 приезжаем в больницу, оставляю ее на попечении санитарок, еду на работу. В 10:00 Марина рожает девочку. Мне сообщают новость в 5 вечера, когда я при-

хожу в больницу после работы. Мы хотели мальчика. Марина чувствует себя хорошо, девочка тоже.

Воспоминания участников позволяют увидеть этот день с большей резкостью.

После утренней суеты и сборов из дома вышли около 09:00, долго не могли поймать такси и в итоге поехали в 3-ю клиническую больницу на автобусе. Освальд еще не доехал до работы, как подруги Марины позвонили на завод, и на рабочем месте он уже получал поздравления.

Марина лежала в роддоме неделю. Записки, которыми обменивались муж с женой, через полтора года попали в комиссию Уоррена и стали официальным материалом следствия. Теперь этот фрагмент минской жизни выставлен на общий обзор.

15 февраля 1962

Дорогая Марина,

Мы с тобой совсем не ожидали дочка, но я очень рад всё равно. Молодец! Как ты добилась рождать так быстро в 11:00 часов? Молодец! Опять молодец! Если тебе что нужно что-нибудь, так скажи любое желание, мы с тобой совсем готовы для Джун Марины Освальд.

Алек

Освальд писал по-русски, и записки цитируются по оригиналам, со всеми их особенностями.

Дорогой Алик!

Вот ты и папа. Даже хорошо, что у нас девочка. Роды прошли очень хорошо и быстро. В 10 часов родилась Джун. Зашили только четыре наружных трещинки. Я сама не ожидала, что всё будет так быстро. Вечером, наверное, придет к тебе т. Валя. Она у меня уже была сегодня. Сегодня ничего не приноси. А завтра принеси только кефир и сладкое. Шоколад мне нельзя уже. Остальное ты уже знаешь.

Целую, Марина.

Освальд надписывает записку: «Прусаковой», затем зачеркивает и поправляет: «Освальд Марине, 52 палата», и пишет поперек разлинеенного листка:

Дорогая!

Как ты живешь?! Кефира нету. Что тебе нужно? Ты уже кормила ребенка, да? Эти фотокарточки ты отдай тете Вале, у нас еще дома. Кто тебе звонил сегодня? Люблю тебя.

Алек.

Было скользко, на следующий день по дороге в роддом Освальд упал, и сделал в подготовленном дома письме приписку:

Сметаны было 200 г. Но я упал на улице, поэтому только 150 г сейчас.

Сообщив, что послал письмо с новостью матери и брату в Америку, Освальд делает признание:

Я уже не сержусь, что ты родила девочку. Ничего!

Это письмо датировано 17 февраля.

18 февраля 1962

Дорогая Марина,

Тетя Валя и дядя Илья были у меня сегодня утром. Она придет к тебе завтра в 2 часа. Я ей говорил, что надо купить. Я и Эрик были в Зигеров вчера до 24-х часов. Как всё там, она ест, да? Что тебе надо? Ты можешь ходить? Инесса была у тебя? Джун еще красная? Ты завтра, когда тетя Валя придет, передай фотокарточки ей. Сегодня тетя Люба к тебе идет. Ну, пока.

Твой муж Алек

P. S. Я завтра не приду, хорошо?

Не пришел.

20 февраля 1962

Здравствуй, папа!

Мы уже шестой день с Джун в больнице. Джун потеряла 200 гр. Сейчас она весит 2700 гр. плюс 20 гр., которые набрала вчера. Алек, я не думала, что будет так трудно нянчить ребенка. Молоко прибывает перед каждым кормлением, и его надо отсасывать. Это так больно, что лучше бы я родила еще одного ребенка. Дорогой Алек, немедленно, сразу сегодня

купи и передай мне грудной отсос, и чтобы резиновая груша была твердая, не мягкая.

Боюсь, чтобы не было мастита. Алек, я стала так плохо выглядеть, что ты меня не узнаешь. Это потому, что я боюсь, что Джун не берет грудь. И еще, здесь не дают поспать сколько нужно — только с 2 до 5 утра.

Не представляю, что я буду делать дома. Алек, мне нужно срочно 1 руб. 20 копеек. Я ведь не могу ходить без лифчика. А здесь одной женщине купили два, и она продала один мне. Нужно отдать ей деньги. Это не для красоты, а чтобы не застаивалось молоко. А то вы там и не думаете приносить то, что мне необходимо. Только спрашиваете, что мне нужно. Я ведь просила принести мне одеколон «Сирень» или туалетную воду. Здесь же не помоешься. Завтра принеси мне мои бигуди.

Чем ты занимаешься, ходил ли в кино? Смотри, чтобы дома был идеальный порядок. Ко мне приходили Инесса и Оля и т. Люба. Т. Валя так и не пришла в больницу. Ты тоже не ходишь, считаешь, что делаешь мне любезность. Ну, хватит, кончаю.

Марина.

После двухдневной паузы молодой отец возвращается к своим обязанностям.

21 февраля 1962

Дорогая Марина,

Сегодня мы получили от завод очень хорошие подарки для Джуны; я знаю, тебе будет нравиться. Они купили 1 летний одеяло, 6 холодных пеленки, 4 теплый пеленки, 2 рубашки, 3 очень хороший теплый рубашки, 4 очень хороший костюмчики и две игруш. (всего 27 р.). Я знаю, что Эрик и Анита были у тебя вчера, как тебе нравится Анита? Как Джун ест? Завтра, наверное, я не приду, хорошо? Люблю тебя.

Алек

В свой день рождения дядя Марины Илья Прусаков впервые увидел внучку — как и отец дочку.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
23 февраля 1962

Марина выписывается из больницы, я впервые вижу Джун.

В архивах Минского Загса до сих пор хранится запись регистрации гражданки БССР с необычным именем Джун.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
28 февраля 1962

Как требует закон, иду регистрировать младенца. Хочу ее назвать Джун Марина Освальд. Но эти бюрократы говорят, что ее второе имя должно быть таким, как мое первое. Русская традиция, подкрепленная законом. Я против записи имени «Джун Ли». Обещают позвонить в горисполком и узнать, ведь у меня действительно американский паспорт.

29 февраля 1962

Мне сказали, что никто точно не знает, что делать, но все соглашаются «давай, делай по-русски». Имя: Джун Ли.

Опять Освальд путает даты: в феврале 1962 года было 28 дней. Високосным был 1960 год. Джун — Юна, Юнона, означает название месяца — июнь.

В свой первый июнь Джун будет и не будет в Минске: ночью первого числа московский поезд с Освальдами, покидающими СССР, кратко постоит на вокзале, на перрон юную минчанку не вынесут, и семья продолжит путь в Америку.

Джуна Лиевна будет спать, но вся история ее будущей жизни всегда будет начинаться с этого города, который никуда не денется, даже если проснуться.

АНТИСОВЕТСКАЯ ФАРМАЦЕВТИКА

Мужчины, между прочим, тоже люди.

23 февраля, когда Освальд впервые увидел дочь, считалось главным мужским праздником года: День советской армии отмечали все, кто носил штаны.

Профессиональным праздником в доме дяди Марины Ильи Прусакова теперь считался и День милиции, но он не мог сравниться с размахом празднования мужского праздника. Тем более что тот совпадал с днем рождения тети Вали.

В свой первый день дома Марина осталась одна и только с помощью соседки сумела справиться с ребенком — Освальда она послала поздравлять тетю. Он обещал скоро вернуться, но пришел очень поздно и в хорошем подпитии — Марина никогда не видела его в таком состоянии. Пили за тетю, за дочь, за отца, за мать, сказал он жене и повалился на кровать. Как объяснит Марина Мейлеру — не привык к водке.

Дяде Марины, боевому офицеру, ветерану недавней войны Илье Прусакову этот день, вероятно, запомнился по другой причине.

РАПОРТ KGB
23.02.62

Встречался с агентом МВД «П» 23.02.62. Сказал, что он недавно дважды разговаривал с племянницей Мариной в связи с предстоящим отъездом из Советского Союза в США. «П» пояснил Марине необходимость вести себя достойно и не принимать участия в антисоветской пропаганде или других враждебных акциях, направленных против Советского Союза, чтобы не создавать проблемы для «П» и других родственников, проживающих в СССР. Марина пообещала «П», что не будет совершать в США никаких действий, которые скомпрометировали бы «П» или других родственников. «П» продолжит воспитательные беседы и также поговорит с «Налимом», чтобы после приезда в США тот воздержался от клеветнических высказываний о СССР.

«П» пояснил, что во время беседы с Мариной, высказывая заботу о ней, он поинтересовался, не замечала ли она чего-нибудь подозрительного в поведении Л. Х. Освальда, что могло бы свидетельствовать о его двойной личности. Марина заявила «П», что ничего подобного в поведении Освальда она не замечала. Во время встреч «П» спросил у Марины, не боится ли она, что Освальд будет наказан американскими властями за то, что уехал из США. Марина знает со слов Освальда, что в США это не считается преступлением, которое грозило бы арестом, и, будто бы, по американским законам нет оснований для привлечения Освальда к ответственности за это, когда он вернется в США.

Марина сдержала обещание дяде — не занималась антисоветской деятельностью в Штатах, но ее ответы на вопросы комиссии Уоррена можно было включать в любой учебник о советской жизни.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

— Сколько вы зарабатывали в Минске?
— Сорок пять, как везде.
— За неделю?
— Нет, за месяц. Это не Америка.
— 45 рублей?
— Да.

— В месяц?

— Да.

— Старыми или новыми?

— Новыми.

— И сколько часов вы работали?

— От 10:00 до 16:30.

— Когда вы сказали «как везде», вы имели в виду, что платили одинаково и в больших, и в малых городах?

— Так фармацевтам платят везде.

— Вы клали деньги на счет?

— Нет. Я получу зарплату и потрачу ее за один день. Максимум за три.

Марина жила у родственников и не платила за квартиру, за постель, за еду. Как другие фармацевты в Минске жили остальные 27 дней месяца, ни члены комиссии, ни позже Мейлер не уточняли. Да и что там уточнять.

До коммунизма оставалось только двадцать лет. И только раз в четыре года случался високосный год с лишним, 29-м днем.

НАГЛОСТЬ БЕЗ ГРАНИЦ

Вторым счастьем обычно называют нахальство, но это взгляд со стороны, откуда первое счастье невидимо.

В марте 1962 года Освальд серьезно заболел: в поликлинике на соседней улице Захарова ему выписали ударные дозы антибиотиков, пенициллина и сульфадимезина.

В дневник такие подробности не попадают, находятся поводы поважнее.

Всю весну Освальд участвует в эпистолярной войне, в которой принимают участие посольство США в Москве, отдел Советского Союза и отдел безопасности и консульских дел Госдепартамента, служба иммиграции и натурализации Министерства юстиции США, и даже командование корпуса морской пехоты США.

После того как стали известны громкие обещания Освальда в посольстве рассказать русским всё, что он знает о радарах и других секретах, в его документах была изменена запись об увольнении из морской пехоты — теперь он проходил по статье

«уволен без почета». Освальд напористо требовал вернуть «почетное увольнение».

На дорогу в Америку нужны деньги, и Освальд пробует получить их от посольства и выбивает эту уступку.

КОНСУЛ США В МОСКВЕ ДЖОЗЕФ НОРБЕРИ — ОСВАЛЬДУ
09.03.62

Разумеется, ожидается, что Вы выберете самый дешевый вид транспорта и напишете расписку за выделенные средства. Мы еще не получили разрешения на визу для вашей жены, но как только она будет одобрена, вы можете подать паспорт на выездную визу в ОВИР.

Виза для Марины и Джун становится главным предметом дипломатической переписки.

КОНСУЛ США В МОСКВЕ ДЖОЗЕФ НОРБЕРИ — РОБЕРТУ ОУЭНУ,
ОТДЕЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГОСДЕПАРТАМЕНТА США.
15.03.62

Требуется как можно скорее решение по поводу «исключения 243 (г)» из правил для Марины Освальд. Муж часто звонит и пишет в посольство, чтобы узнать причину задержки. Нам кажется неразумным обсуждать проблему с 243 (г), поскольку можно еще получить исключение, но всё более неловко отказывать Освальду.

Так в деловую лексику вдруг проникает человеческая: Норбери «неловко». Он не хочет врать. Для него это аргумент, достаточно весомый, чтобы включить в диппочту.

И великий и могучий Госдепартамент слышит эту ноту и реагирует на нее.

ОТДЕЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ОТДЕЛУ ВИЗ
16.03.62

Отдел считает, что в интересах США помочь Ли Харви Освальду и его семье выехать из Советского Союза и отправить их в США как можно скорее. Как неустойчивая личность с совершенно непредсказуемым по-

ведением, Освальд может отказаться выехать из СССР или позже попробовать вернуться туда, если мы не предоставим возможность его жене и ребенку ехать вместе с ним из Москвы. Такие действия с нашей стороны также позволят советскому правительству заявить, что хотя они выдали выездные визы г-же Освальд, чтобы избежать разделения семьи, правительство США сделало это насильно путем невыдачи ей визы. Поездка в третью страну потребовала бы дополнительных расходов от США.

В Минске Освальды предпринимают свои шаги.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
24 марта 1962

Марина официально увольняется с работы.

Как раз в это время Освальд получает официальное уведомление, которое снимает последнее препятствие.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
26 марта

Получаю письмо от Службы иммиграции и натурализации из Сан-Антонио, Техас, что заявление Марины на получение визы США одобрено!! Последний документ. Теперь нужно только дождаться, пока посольство США получит копию сообщения, чтобы официально дать разрешение.

Это сообщение было послано преждевременно и ошибочно — в Техасе и Вашингтоне пока никак не могли принять решение о визе для Марины. Но это незнание никак не влияло на поведение Освальда.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
27 марта

Получаю письмо от г-на Филипса (у него работает моя мать) с гарантией поддержки моей жене, если потребуется.

В этот самый день пишется письмо матери в Техас.

27.03.62

Дорогая мать,

Мы должны быть в Штатах самое позднее в мае. Посольство согласилось одолжить мне 500 долларов на дорогу, а также они приняли мое свидетельство поддержки, так что твое не понадобится. Однако не делай ничего, чтобы твой друг-бизнесмен не отменил свое обязательство помогать мне, оно когда-нибудь может пригодиться. Ты говоришь, мое путешествие могло бы стать поводом для хорошей истории обо мне. Фактически я уже написал 50 страниц заметок на эту тему.

С любовью,

Ли

Тем временем Госдепартамент настаивает на правиле «243 (г)», которое требовало, чтобы жена сначала выехала в третью страну и оттуда начинала визовый процесс. И тогда к делу подключается посол США в Москве Льюэллин Томпсон.

ПОСОЛЬСТВО США В МОСКВЕ — ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США, ВАШИНГТОН

04.05.62

Как можно скорее требуется решение о пересмотре 243 (г) для Освальда. Мы считаем неразумным обсуждать проблему 243 (г), пока еще возможно исключение, но становится всё более неловко отказывать Освальду. Томпсон

Текст телеграммы готовил консул Норбери, он дословно совпадает со строками его мартовского письма в Госдепартамент. Освальд стал серьезной головной болью для американских дипломатов.

КОНСУЛ США В МОСКВЕ ДЖОЗЕФ НОРБЕРИ — РОБЕРТУ ОУЭНУ, ОТДЕЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГОСДЕПАРТАМЕНТА США

08.05.62

Дорогой Боб,

Вы также увидите нашу телеграмму от 4 мая в деле Освальда. Если исключение 243 (г) не будет быстро сделано, я полагаю, нам нужно вызвать

Освальдов и отправить их в Бельгию. Дело не в том, что наши сердца разрываются от жалости к Освальду. Его наглость не имеет границ. Его последнее письмо содержит надменное требование, чтобы Госдепартамент прекратил попытки получить деньги на его путешествие от родственников в США. Дважды или трижды в последнее время, когда он звонил из Минска, я должен был с неловкостью ссылаться на «проблему», которая задерживает решение дела его жены.

Неизвестно, что сыграло большую роль — телеграмма посла госсекретарю, аргументы контрпропаганды, международная обстановка, — но Освальду оставалось ждать недолго.

КОНСУЛ США В МОСКВЕ ДЖОЗЕФ НОРБЕРИ — ОСВАЛЬДУ
10.05.62

Дорогой г-н Освальд!

С удовольствием сообщаю, что посольство в состоянии выполнить заключительные формальности с визовым запросом вашей жены. Для этого вы и ваша жена приглашаетесь прибыть в посольство, когда вам будет удобно. Посольство имеет две копии свидетельства о рождении вашей супруги и копию свидетельства о браке. Таким образом, ей еще нужно предоставить только одну копию свидетельства о браке, три фотографии, рентгеновский снимок, анализ крови и справку о прививке от оспы. Как вам сообщалось ранее, три фотографии вашей дочери и копия ее свидетельства о рождении также необходимы для консульского свидетельства о рождении и записи в ваш паспорт. Пожалуйста, проинформируйте посольство, когда вас можно ожидать.

После всех препятствий и задержек государственная машина США сделала то, что навсегда войдет в историю Америки: дала разрешение на въезд Освальдов.

В доме номер 4 по улице Коммунистической в Минске ситуация с отъездом хотя и выглядела похожей, как в зеркале, но была зеркально обратной.

ИДИОТ, СОБАКА, МЕРЗАВЕЦ, ПОДОНОК

Невыносимая концентрация бытия требует себя разбавить.

18 мая 1962 года в трудовой книжке Освальда делается вторая — и последняя — запись:

Уволен с завода по собственному желанию в соответствии с поданным заявлением.

Начальник отдела кадров мог вздохнуть спокойно.

KGB же передышки не имел. Последние недели Освальда в Минске были, как всегда, под бдительным надзором, но суббота 19 мая зафиксирована исключительно подробно.

РАСШИФРОВКА ПОДСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 19.05.62

Он: Как ты могла! Тебя не было почти три часа.

Она: Ты идиот! Я никуда с тобой не еду. Можешь взять ребенка и ехать. Бери ее и езжай.

Он: Заткнись. Возьми свое дитя.

(Ребенок плачет.)

Она: Отстань. Делай что хочешь, я с тобой не поеду. Ты никогда ничего не делаешь, чтобы мне помочь. Иди, корми ребенка. Можешь меня убить, но у меня от этого молоко не появится. Ты будешь устраивать скандалы до двух утра. Я не просто ушла неизвестно куда — я уснула в той поликлинике. Эти врачи как будто специально не ждут меня. (Плачет.)

Мне что, бежать домой надо было?

Он: Именно.

(Они идут на кухню.)

12:50 (Они возвращаются.)

Она (плачет): Прочь с моих глаз, собака! Мерзавец! Не смотри так на меня — никто тебя не боится. Иди к черту, подонок!

Он: Очень хорошо.

Она: Можешь ехать в свою Америку без меня, и надеюсь, ты сдохнешь по дороге.

(Муж выходит. В квартире тихо).

Магнитофон KGB работал, подслушивание продолжалось, но до вечера ничего нового не записали. Жена с мужем если и продолжали разговор, то на балконе, и даже поздним гостям пришлось долго звонить в дверь.

В расшифровке KGB они обозначены как «Неизвестный мужчина 1», «Неизвестный мужчина 2» и «Неизвестная женщина 3». Мейлер уже достаточно хорошо знал круг знакомых Освальда, чтобы подставить в текст имена: Павел Головачёв, Александр и Анна Зигеры.

РАСШИФРОВКА ПОДСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 19.05.62 21:30

Анна Зигер: Мы стучали и стучали!

Марина: Мы были на балконе, ничего не слышали.

Анна Зигер: Где ваша дочка? Надеюсь, она здорова. У нее мамины глаза — очень большие.

Ли: У нее мамины глаза, губы, нос. Она всё получила от своей матери, и ничего от меня.

Анна Зигер: Следующий у вас будет сын.

Ли: Мы уже получили документы. Вероятно, отъезжаем во вторник.

Анна Зигер: Как вы едете? Пароходом или самолетом?

Ли: Из Москвы либо поездом, либо самолетом. Зависит от того, какую визу нам дают.

(Все говорят одновременно, невозможно разобрать.)

Анна Зигер: Когда она вырастет, она даже не будет знать, где родилась.

Марина: Может, Джун когда-нибудь приедет.

Анна Зигер: Проведать это одно. Ей только не надо приезжать сюда жить.

Ли: Ты поставила чай?

Анна Зигер: Не беспокойтесь за нас, всё в порядке.

Ли: У нас есть стаканы?

Марина: У нас два стакана. Есть еще моя чашечка. Он уже всё упаковал.

Ли: Всё наше богатство. Комната пустая.

Анна Зигер: Вы счастливы, конечно?

Ли: Мы счастливы.

Анна Зигер: Мариночка, а ты?

Марина: Я совсем не такая уж счастливая, ясно.

Анна Зигер: Девочка будет блондинкой, она будет красивая.

Ли: У нее будет хорошая жизнь, у нее всё будет.

(Все говорят одновременно, сложно разобрать. Приходит Павел, все трое мужчин идут на кухню.)

Каждый в состоянии прочитать этот прощальный диалог по-своему. Он одинаково впечатляет, если не знать будущего, которое ждет героев, и если прочитать его с высоты сегодняшнего дня.

Впрочем, и для тех, кто говорит, и для тех, кто подслушивает, и для тех, кто читает, существует только сегодня.

Как для мотыльков.

ДЕНЬГИ, СВОБОДА, ЛЮБОВЬ, ДУША

Записанное осыпается. Магнитофонные записи додигитальной эры делались на ферромагнитных пленках и были недолговечны: размагничивались, сыпались, голоса теряли качество и слова превращались в ржавый прах. Но снятые тексты остаются.

Запись подслушивания 19 мая, в предпоследний день Освальда в Минске, была самой долгой за всю историю наблюдения. В книге Мейлера впервые за десятилетия зазвучали голоса людей, с которыми Освальд дружил, проводил время, ходил в гости.

РАСШИФРОВКА ПОДСЛУШИВАНИЯ KGB
(продолжение)
19.05.62

Анна Зигер: Мариночка, ты даже не знаешь, как я тебе завидую, ты такая счастливая.

Марина: Не знаю, может, будет трудно, может, он не найдет работу.

Анна Зигер: Почему он не найдет работу? Устроится, всё будет хорошо, у вас будет всё, у вас будет свобода.

Марина: Будут деньги — будет свобода.

Анна Зигер: Боже, как я ненавижу жизнь в этом городе. У тебя немного белья. Сколько шкафов? Боже, а у нас столько барахла! Сколько всего мы привезли! И сколько раздали! Был шкаф, кровать, зеркало в дубовой оправе, огромное. И посуда! Продали всё.

Марина: Вначале вы, наверное, ничего этого не имели?

Анна Зигер: Да, я помню как вчера. Ему был двадцать один. Мне двадцать четыре, я была старше его.

Марина: Вы выглядите, как будто вы моложе.

Анна Зигер: Как у вас с деньгами?

Марина: У нас есть сбережения. Мы оба такие.

Александр Зигер: Сколько всё это стоит?

Марина: Один билет 440 рублей. На двоих.

Анна Зигер: А тетя не помогла?

Марина: Нет.

Анна Зигер: Слава Богу, вы едете. Это судьба, что ты встретила своего любимого американца.

Марина: Одно могу сказать — он мне помогает.

Анна Зигер: Самое главное, чтобы у него не было другой женщины.

Марина: Кто знает, может и я не всегда буду хороша для него. Я не скажу, что я действительно хорошая.

Анна Зигер: У тебя добрая душа.

Марина: Вначале он был расстроен, что у нас девочка, а не мальчик, но теперь он не против.

Анна Зигер: Конечно нет, он ее полюбит.

Марина: Он ее любит и сейчас.

Марина не хочет выносить грязное белье из дома: муж уже и помогает, и любит, а жена уже критически смотрит на себя. Далее оперативный слушатель KGB решает, что такая беседа не представляет интереса для госбезопасности, и вместо полного диалога ограничивается кратким пересказом:

Они говорят о ребенке, о том факте, что некоторые мужья плохие, пьют или плохо обращаются с женами.

Как мотыльки, мелькают, чтобы исчезнуть на десятилетия в архивах KGB, жизненные истории, размышления, страхи и надежды.

Анна Зигер: Может, когда-нибудь ты приедешь нас навестить79.

Марина: Там легче жить. Он будет больше зарабатывать, чем здесь. Что он здесь может делать? Работаешь, работаешь — и зарабатываешь копейки.

Анна Зигер: Странно, что твоя тетя тебе не помогла — она могла хотя бы купить тебе подарок.

Марина: О чем вы говорите! Она даже пеленки для Джун не купила. Они с мужем зарабатывают тысячи. Они могли хотя бы что-то купить. Я не прошу дорогие подарки, может быть, маленькую шапочку за 40 копеек. Вот девушки из аптеки помогли — одна приносила пеленки, вторая еще что-то. Каждая мелочь помогает.

Малое часто успешно закрывает намного большее. Тетка, взявшая племянницу мужа к себе в дом, варившая кофе для ее кавалеров, пославшая Марину в больницу к американцу со сладкой передачей — банкой абрикосов, и так пациент стал женихом, устроившая свадьбу у себя в квартире и налившая рюмку водки перед брачной ночью «для храбрости», вдруг из второй матери превращается в мачеху — невнимательную, черствую и жадную.

Марина уже не помнит, что несколько лет не платила ни за квартиру, ни за постель, ни за завтраки с обедами. Что тратила свою аптечную зарплату за три дня на саму себя, на наряды, косметику и развлечения. Она помнит свои обиды, реальные и выдуманные, потому что время, когда кому-нибудь еще можно пожаловаться, истекает, — впереди тревожная неизвестность, и бог знает, услышит ли и поймет ли ее страхи хоть кто-нибудь. Ведь тетка не едет.

И шапочку не купила.

---

79 По оперативным данным, Марина Освальд после отъезда впервые позвонила в Минск уже после распада СССР, в 1992 году, и приезжала навесить тетку трижды: в 1995, 2001 (вместе с дочерью Джун) и 2004 году.
Для справки: данных о встречах с А. Л-ком не имеется.

Анна Зигер: Ты уже попрощалась с тетей?

Марина: Еще нет.

Анна Зигер: Когда ты ей сказала?

Марина: Я думаю, они получили мою записку позавчера. Я сказала ей, что мы уезжаем. «Ты сошла с ума! Ты всё же уезжаешь!»

Анна Зигер: Едешь за мужем. Куда иголка, туда нитка.

(Они говорят, как Марина оденется в дорогу; говорят о мебели: сколько более-менее за нее дадут; говорят о ребенке.)

Сдался даже расшифровщик KGB — если раньше все реплики тщательно переносились в печатный текст, последняя лента оказалась слишком длинной. Замучился оперативный работник или работница, а может, начальство подгоняло: интересовали последние часы перед отъездом, нужно обязательно прочитать, что там в последний вечер происходило, о чем договаривались, чтобы принять, если надо, оперативно-следственные меры.

Повод для такого хода мыслей действительно был.

СПЕЦТЕХНИКА ПОДВЕЛА

Гибель хора называют трагедией, а неразборчивость слов в его исполнении — только халтурой. Или низким качеством звукозаписывающей техники.

На последние полчаса подслушивания в расшифровке потребовалось чуть менее двух с половиной сотен слов. Но не потому, что собеседники вдруг замолчали или стали объясняться знаками — спецтехника подвела.

РАСШИФРОВКА ПОДСЛУШИВАНИЯ KGB
(продолжение)
19.05.62

Марина: Алик, иди сюда, она спит.
22:40 (Ли, Павел и Александр Зигер возвращаются из кухни.)
Анна Зигер: Ну что, Алик, будешь по нас скучать?
Ли: Конечно, будем скучать.

(Все говорят, невозможно расслышать; Павел делает фотографии. Все говорят одновременно, невозможно разобрать.)

Анна Зигер: Ты должен пообещать научить ребенка русскому языку.

Ли: Обещаю.

Анна Зигер: Знать русский — это хорошо. Никогда не помешает. Разве плохо, что ты меня понимаешь?

(Мужчины говорят о радио; женщины — о своих проблемах; невозможно ничего понять.)

Павел: Таможня не будет смотреть.

Марина: В любом случае, они не смотрят всё, они делают это выборочно.

Анна Зигер: Когда мы прибыли в Одессу, там был огромный склад; каждый привез семь или восемь ящиков. Мы привезли пианино, тележку, четыре огромных комода, полных всякой всячины, — каждый привез полвагона вещей. А украинки говорили: «Посмотрите на их добро, а нам говорят, что там люди умирают с голода». Мои девочки, когда приехали, были на высоких каблуках: «Посмотрите на каблуки!». Мы были как прибитые, можете себе представить. Всё так изменилось за последние пять лет!

Павел: К худшему?

Анна Зигер: К лучшему. Будем надеяться. Мне надоело жить и страдать в такой стране, как Россия, самой большой и самой богатой.

Павел: В конце концов, количество бомб в каждой стране не так уж и страшно. Если бомб достаточно, никто не начнет войну.

Анна Зигер: Нужно быть сумасшедшим.

Павел: Говорят, мы вооружаемся, ведь американцы хотят войны. У американцев бомба появилась раньше, чем у нас; почему они не напали тогда? Они не хотят войны. Никто не хочет войны.

Александр Зигер: Неизвестно, будет война или нет.

Павел: Две системы могут сосуществовать очень долго.

Александр Зигер: Если марксизм действительно верен, тогда капитализм умирает, заканчивается, и будет только одна система. Если он не верен, тогда коммунизм долго не продержится. Коммунизм изменился, если сравнить его с коммунизмом, описанным Энгельсом и Марксом. (Треск; ничего не слышно.)

Александр Зигер: До свидания.

Анна Зигер: Увидимся перед отъездом.

23:10 (Зигеры уходят.)

В этой, третьей части расшифрованной записи KGB Освальд звучит только дважды — когда говорит, что будет скучать, и когда обещает учить дочь русскому языку. Его соображения о марксизме-коммунизме, о ядерных арсеналах и новой войне скрыты за микрофонным треском и многоголосым разговором всей компании.

В расшифровке KGB подчеркнуты только слова Павла Головачёва о таможне. Возможно, ранее был подслушан разговор, в котором Освальд говорил жене перед отъездом, чтобы та достала в аптеке какие-нибудь дефицитные лекарства. Марина сказала Мейлеру, что ничего не брала[80].

Но KGB не мог не знать еще об одной вещи, которую Освальд хотел вывезти.

О рукописи.

---

80 По оперативным данным, при обыске среди вещей Освальдов полиция нашла две пипетки, ртутный термометр, упаковки таблеток «Пурген», «Никоцептин», «Таблетки угольные» советского производства.

Для справки: слабительное пурген снято с продажи как канцероген, угольные таблетки по-прежнему популярны, особенно среди эмигрантов, пенообразующее противозачаточное средство никоцептин эффективно в 90 % случаев.

ЗАПИСКИ АНТИСОВЕТЧИКА

Когда дела становятся деяниями, они начинают делиться на предусмотренные разными кодексами и на все остальные.

Работа Освальду опостылела. Пару раз его вызывали к начальству и объявляли выговор за халатность и лень, и каждый раз он возвращался на свое рабочее место и грозился, что напишет мемуары «Как мне запомнился Советский Союз». Рабочие стали его сторониться.

В конце лета 1961 года Освальд начал готовиться к своей будущей роли в Америке — роли человека, который видел два мира и за мифами холодной войны сумел рассмотреть истинную картину.

Он начал писать по вечерам так сосредоточенно, что Марина даже спросила, уж не шпион ли он.

«И что, если так? Что бы ты тогда сделала?» И только увидев, как она растерялась, сказал, что шутит, — пишет воспоминания.

В конце марта 1962 года Освальд сообщает в письме к матери об уже готовой полусотне страниц о советской жизни, и объясняет странности почты:

Причина задержки одних писем и скорости других — в русском цензоре, читающем все письма.

KGB мог узнать о рукописи и без прослушки — хватило бы и перлюстрации. Тем не менее Освальд успешно вывез написанное через границу.

КОЛЛЕКТИВ — ЖИЗНЬ РУССКОГО РАБОЧЕГО

Восстановление Минска — интересная история мужества его строителей. В тоталитарной системе большие силы могут быть приведены в действие под жестким контролем. Архитектурное планирование можно назвать каким угодно, кроме как современным, но так построены почти все русские города.

Если первое предложение будто списано с брошюры «Интуриста», то эпитет «тоталитарная» подпадал под статью 57 Уголовного кодекса БССР 1960 года, поскольку порочил советский государственный и общественный строй и наказывался лишением свободы на срок до семи лет со ссылкой от двух до пяти. Жену можно было посадить либо за хранение рукописи (та же статья), либо дать ей от одного года до пяти лет (статья 86.1. «Укрывательство государственных преступлений»).

Но далее «антисоветскую деятельность» сменяют записки прохожего — несколько более внимательного и знающего, чем обычный турист, хотя и ненамного[81].

---

81 По оперативным данным, фотографии центральных минских улиц, зданий и памятников, планы города и районов с описанием предприятий, складов, дорог, транспортных коммуникаций, мостов, стадионов, гостиниц, школ, тюрем, театров, пивзаводов, аэродромов, военных объектов, строек, от послевоенного комплекса МВД-КГБ до метро, регулярно обновлялись ЦРУ с 1940-х годов.
Для справки: все справки на www.cia.gov

За аэропортом, который служит восточной границей, перед нами большая разбросанная городская застройка, которая только выглядит как город. На горизонте заводские корпуса и трубы свидетельствуют о его индустриальном характере; я говорю «выглядит», потому что самое высокое здание — это девятиэтажный Дом правительства в начале главной улицы, проспекта Сталина, который длиннее чем две мили, единственная такая авеню в республике. Все остальные улицы — узкие мостовые, которые вьются через город, как каменные речки, от главной улицы, и выходят в обширные парки.

Дизайн и содержание этих улиц весьма показательны. С севера на юг это прямая, как стрела, городская артерия, в начале которой стоят отель «Минск» и Главпочтамт.

Отель был построен в 1957 году по приказу Хрущёва, которого огорчил тот факт, что во время его официального визита в Минск в столице Беларуси существовал только один старый, заброшенный отель. Отель был возведен за три месяца — рекорд для всего Советского Союза, — имеет более 500 номеров.

Современный, хорошо построенный, с хорошим обслуживанием отель принимает множество туристов, которые едут из Германии и Польши через Минск в Москву.

Здесь Освальд повторяет байку, которую мог услышать от своих переводчиц. На самом деле гостиницу Минск начали строить в 1957 году и закончили в 1959-м, на 6 этажах было 265 номеров, рассчитанных на 447 мест. Из всех зданий начальной части проспекта это, пожалуй, самое невыразительное, недоведенное, одномерное и явно выпадает из всей архитектурной стилистики.

Никита Хрущёв во время приездов в Минск останавливался в правительственной резиденции на Броневом переулке, но к виду гостиницы имеет прямое отношение. Подписанное им в ноябре 1954 года постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» нанесло смертельный удар сталинскому классицизму: украшения фасадов, бельведеры, эркеры, декоративные колоннады и портики перестали соответствовать линии партии.

В постановлении упоминался Минск. Городское начальство спешно посылало рабочих сбивать колонны и портики, заму-

ровывать арки, сносить балюстрады со зданий, которые еще не были сданы государственным приемочным комиссиям. Советский ампир отправлялся в прошлое.

А одно из самых красивых зданий на проспекте успели завершить до хрущёвского постановления — оно находилось напротив гостиницы:

Почтамт перерабатывает всю почту, которая приходит и выходит из города. Построен в 1955 году, на входе четыре колонны в греческом стиле.

Освальд ошибается — почтамт начали строить в 1949 году и закончили в 1953. Стоит добавить, что именно здесь продавали авиаконверты для заграницы, сюда в специальную щель можно было бросить письмо в Америку. Здесь, в круглом зале под стеклянным куполом с 18 колоннами и 15 эркерными окнами, если стать возле четвертой колонны слева и сказать что-то шепотом, человек, который сидит за столиком метрах в десяти, удивленно оглянется: кто это шепчет в ухо, — такое там четкое и аккуратное эхо.

Как руки перлюстраторов, которые из общей груды выуживали письма Освальда в Америку, расклеивали, читали и заклеивали снова.

Далее по проспекту — магазин одежды и детский магазин. Центральный кинотеатр, лучший в Минске, вмещает 400 человек в маленьком зале без вентиляции. За ним обувной магазин, напротив через улицу — центральный салон красоты, центральная аптека, гастроном и мебельный магазин.

Зигзагом обежав в трех предложениях сразу восемь адресов, Освальд снижает темп возле следующего строения:

Далее идет министерство внутренних дел во главе с суровым армейским полковником Николаем Аксёновым из «народной милиции». Он имеет должность министра внутренних дел.

Следующее уточнение вносит некоторую сумятицу:

На углу находится его подразделение, KGB, Комитет внутренней безопасности (разведка и тайная полиция)[82].

Министр внутренних дел Аксёнов и до назначения на высшую в республике милицейскую должность сидел в том же здании — был заместителем председателя KGB БССР.

Обиделись ли кураторы Освальда, что он так и не сумел разобраться во взаимоотношениях МВД и KGB, или, наоборот, обрадовались, что так хорошо работали с американцем, что тот даже грозную аббревиатуру не сумел грамотно расшифровать, — неизвестно. Имя министра МВД перепутано — он Александр, но фамилия упомянута кстати: именно к нему в отчаянии обращалась Марина за выездной визой, и, хотя он ей не ответил, свою подпись под разрешением поставил. Решение, разумеется, принимал не он.

Через дорогу — всегда многолюдный книжный магазин на проспекте, а напротив — еще более многолюдный ресторан, один из пяти в городе, где за два рубля посетитель может приобрести жареный язык или курицу с картофелем и тушеной капустой, а не просто котлеты (хлеб и мясной фарш) или шницель (где чуть больше мяса и меньше хлеба) и бифштекс (одна перемолотая говядина), которые подаются с картофелем, капустой и иногда с макаронами. Их всегда подают в рабочих столовых

---

82 По оперативным данным, такие строения в Минске считаются невидимыми — до попадания в печать. Так, в 1960 г., когда Освальд прибыл в Минск, государственную секретность нарушил журнал «Вясёлка»: в июльском номере был помещен рисунок художника А. Козловского к заметке «Становится краше наш город». Как указывал Главлит в письме в ЦК КПБ: «На рисунке показана та часть улицы, где находится закрытое предприятие — завод математических машин. Художник журнала ввел в заблуждение Главлит БССР, уверив, что это строящееся административное здание. В результате журнал вышел в свет с рисунком, не подлежащим открытому опубликованию».
Для справки: когда в 1990 г. журнал «Родник» печатал материал А. Л-ка об Освальде, Главлит выразил протест против публикации фотографии Освальда на мосту через Свислочь на фоне штаба Белорусского военного округа. А. Л-к, игнорируя список объектов, не подлежащих показу в открытой печати, утвержденный приказом Главлита СССР еще в 1949 г., заявлял, что фото было копией из американского журнала «Life».

и стоячих кафе, открытых вечером. Иногда можно купить сладкие булочки, кофе, осенью — фрукты, также можно взять салат и помидоры. Рядом с кафе, которое называется «Весна», — булочная. Здесь за 13 копеек можно купить белый батон (без упаковки), за 7 копеек — различную сладкую выпечку, и за 20 копеек — буханку черного хлеба. (Буханка черного вдвое большая, чем белого и, таким образом, более дешевая в пересчете за килограмм, и пользуется большим спросом. И еще: черный хлеб из-за твердой корки исключительно долго остается свежим.)[83]

В последний месяц Освальда в Минске, в конце мая 1962 года, в СССР взлетели в космос цены на мясо и молоко. Американец в это время будет уже в дороге домой, и ценовые судороги, как и расстрелы в июне недовольных ценами в Новочеркасске в рукопись не попадут.

Освальд вновь переходит проспект — возвращается к книжному магазину и идет к «Лакомке».

Напротив этой булочной — магазин конфет. Это детская страна грез из конфет и шоколада, хотя из-за климата шоколад стоит в четыре раза дороже, чем в США. За четыре унции нужно заплатить 60 копеек. Шоколад пользуется большим спросом, ведь русские — сладкоежки. Здесь всегда толпа. Еще дальше мы подходим к единственному в Минске универмагу, ГУМу, что означает «государственный универсальный магазин».

Отметим только точную в этом месте расшифровку названия магазина — не главный, как многие считают до сих пор, а государственный. Государственный не потому, что остальные были

83 По оперативным данным, в информационном рапорте о Минске в ноябре 1955 г. ЦРУ оценивало как «хорошие» два столичных ресторана: «Беларусь» и железнодорожный. «Цены в ресторанах высокие; ужин без выпивки стоил около 15 рублей. Ресторан брал за литр водки “Московская” 44 рубля, за стакан чая — 45 копеек, и от 1,30 до 5 рублей — за суп. Обслуживали очень медленно, иногда надо было ждать час, чтобы пообедать. Цены в столовых и чайных были ниже. Но пища намного хуже. Обед в столовой стоил 4—5 рублей».

Для справки: суточные для командированных в Минск агентов ЦРУ в 1955 г. см. на www.cia.gov

частные, а — важный, как награда или тайна. Или как безопасность.

Перед тем, как выйти на площадь Сталина, в конце центрального района проспекта находятся два стоячих кафе самообслуживания. Эти кафе находятся друг напротив друга через проспект. Снаружи и внутри они абсолютно одинаковые, в обоих подают одинаковые блюда за одинаковую цену. Почему их не построили на разных концах проспекта или даже на разных концах площади — неизвестно. Хотя это было бы более удобно. Причина, возможно, заключается в том, что архитектурные планы для всех городов Советского Союза присылают напрямую из Москвы, что, как можно представить, является большой ответственностью для архитектора. Поскольку в СССР за ошибки расплачиваются головой, логической причиной стандартной архитектуры является то, что простейший способ застройки улиц — самый безопасный.

Логично было бы в русле этих архитектурных наблюдений упомянуть как раз такое решение с памятниками вождям: на одном конце проспекта — бронзовый Ленин, на втором — бронзовый «Ленин сегодня». Но в минских заметках Освальда 9-метровая бронзовая статуя Сталина на 9-метровом гранитном постаменте не упоминается.

В архиве комиссии Уоррена хранятся фотографии с видами Минска и скульптурами вождей, но нет ни одного снимка, который обычно делают люди в чужом городе — Освальд на фоне какого-нибудь заметного памятника.

Но отсутствие снимков означает только отсутствие снимков, не более. Хотя с Дзержинским получился бы классический снимок. Как и «Освальд и Ленин».

Или «Сталин и Освальд».

ОСВАЛЬД И СТАЛИН

«Мне отмщение и аз воздам» читают и как угрозу, и как напоминание, что о справедливости есть кому позаботиться помимо читателей.

Первый раз Освальд увидел Сталина в 20-й день своего рождения, когда посетил мавзолей с двумя мумиями в Москве. Последний раз мог видеть его статую в ноябре 1961 года в Минске.

17 октября в Москве начался самый долгий послевоенный съезд КПСС — XXII, который длился полмесяца и завершился выносом сталинской мумии из мавзолея.

ЛИ — РОБЕРТУ ОСВАЛЬДУ
01.11.61

Дорогой Роберт,

мы слышали по радио, что русские власти решили убрать тело Сталина с Красной площади. Это здесь большая новость, для меня очень смешная. Если я слушаю радио или какого-нибудь политкомиссара,

я всегда думаю о книге Джорджа Оруэлла «1984», где «двоемыслие» является образом жизни. В любом случае, здесь всё очень интересно, и люди в целом простые и хорошие. Ну, это почти все новости из Минска.

Твой брат Ли.

Ни в «Историческом дневнике», ни в «Коллективе...» Освальд о Сталине специально ничего не пишет. Но, несмотря на иронию в письме к брату, хрущёвские перемены его впечатлили. По возвращении в Америку Освальд дополнил минские заметки событиями ноября 1961 года:

НОВАЯ ЭРА

В Минске был памятник Сталину, 35 футов высотой, который стоял даже после разоблачения Сталина Хрущёвым, в то время как памятник Сталину в Ленинграде был сразу снесен. Эта огромная конструкция из бронзы и мрамора стояла так долго, как это было возможно, благодаря усилиям таких твердокаменных сталинцев, как полковник Петров, начальник ОВИРа в Минске, и других. Однако после 22-го съезда, когда Хрущёв вновь развенчал Сталина, 5 ноября, за два дня до революционных праздников, отряд в 100 человек появился на площади Сталина (теперь площадь Ленина) и с бульдозерами и сваебойными машинами начал сносить (не снимать) памятник. Они делали это с большим энтузиазмом, ведь уже на второй день после того, как они убрали 10 тонн бронзы, пять человек старшего поколения пришли на площадь и были осмеяны саркастическим младшим поколением. Самым известным в разрушении этого гигантского монумента было то, что работа прекратилась 6 ноября, но началась опять 7-го, в тот самый день, когда рядом проходил большой парад рабочих. Памятник был как раз напротив трибун. На глазах всех людей разрушение Сталина и символическое завершение сталинизма (надежда Хрущёва) было завершено. Но Беларусь вместе с родиной Сталина Грузией — всё еще опора сталинизма. И возрождение сталинизма в этих двух республиках очень, очень возможно.

В этом тексте Освальд сделал полдесятка ошибок и одно предсказание. В Ленинграде сталинские памятники (их было пять) демонтировали не раньше, а одновременно с Минском; хотя полковник Петров был на самом деле генералом и председате-

лем KGB, он не мог ни сохранить, ни разрушить памятник без команды из Москвы; в Минске монумент снесли за одну ночь: площадь оцепили войсками, сдернули статую, но потом долго и тяжело долбили постамент, который держался на огромном бетонном фундаменте. Бронзовую фигуру транспортировали на склады городских коммунальных служб, а куски постамента отвозили на соседнее строительство музыкальной школы при консерватории, где они были закопаны в фундамент. Площадь Сталина тогда переименовали не в «Ленина», а в «Центральную», и это название сохранилось до 1984 года.

В архивах комиссии Уоррена за эссе «Новая эра» следуют заметки Освальда о коммунистической партии Америки. Сначала он предложил свои услуги местному филиалу, энтузиазма предложение не вызвало, и тогда Освальд обвиняет партию в измене. Мол, она превратилась в рычаг иностранной силы для свержения правительства США — и не ради свободы или высоких идеалов, а ради сервильного соглашательства с желаниями Советского Союза, не самой, как выяснилось, образцовой системы.

Советы совершили преступления, несравнимые даже с тем, что совершали вначале капиталистические страны: лишение свободы своих граждан, массовые уничтожения, типичные для Сталина.

Подавление индивидуальности, строгая регламентация при Хрущёве.

Депортации, целенаправленное ограничение питания населения России.

Убийство истории, проституирование искусства и культуры.

Так читатель Оруэлла подкорректировал свое восхищение Советским Союзом после возвращения в Америку.

А в «Новой эре» требует поправки еще одна неточность — предсказание, что возрождение сталинизма «очень, очень возможно» в Грузии и Беларуси.

Ошибся, как выяснилось через полвека. Может, потому, что в Грузии никогда не был.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Все — это никто, для всех — никому, обо всем — ни о чем. Это не язык «1984», а азы редактуры.

Книга, которую Освальд начал писать в Минске, читается тяжеловато. Возможно, потому, что автор ничего не пишет о себе, а наивно пытается решить наукоподобную задачу — охватить весь спектр советской жизни.

Приводит списанные откуда-то статистические данные о количестве студентов, тиражах газет и журналов, санаториях и пионерах. Объясняет институт прописки и указывает размеры взятки за печать в паспорте (60—100 руб.), жалуется на обман в торговле, где вместо говядины могут подсунуть конину.

Сообщает, что на 12 кинотеатров в Минске приходится 58 агитпунктов, где не только раздают коммунистические брошюры — там есть особый телефон и каждый может зайти, чтобы донести на другого члена партии или любого гражданина.

Кто ему рассказывал эти истории, слегка подогнанные под оруэлловский «1984», неизвестно, но цифры требуют уточнения: в Минске было 17 кинотеатров, а агитпункты были в каждой школе, цехе, учреждении и насчитывали многие сотни. И, конечно, доносчики справлялись со своими обязанностями и без агит-телефонов.

Хотя, возможно, задача автора «Коллектива...» не такая и наивная — рукопись можно рассматривать и как преодоление своих иллюзий, и как подготовку к триумфальному возвращению в Америку с готовой книгой.

Если попытаться расставить по значимости здания, которые претендуют на роль главных в минской жизни Освальда, то на третье место после KGB и дома, где он жил, претендует Дворец профсоюзов. И Освальд не обходит стороной место первой встречи с будущей женой.

КОЛЛЕКТИВ — ЖИЗНЬ РУССКОГО РАБОЧЕГО

Еще одна характерная и интересная постройка в Минске — здание Профсоюзов. Там есть концертный зал, классы и раздевалки для любительских коллективов, которые там иногда выступают, и небольшой танцевальный зал. Там нет, как можно было бы подумать, профсоюзного офиса... Внушительная постройка выглядит как греческий храм с фигурами наверху под треугольным сводом, который опирается на большие белые мраморные колонны. Однако если присмотреться, то увидишь не обнаженных греческих богов, а — слева направо — ученого с микроскопом, каменщика с ведром, спортсмена в тренировочном костюме и символическую скульптуру мужчины в двубортном костюме с портфелем — видимо, бюрократ или интеллигент.

По ходу: в костюме изображен П. Ежов, архитектор минского Парфенона, подозрительно напоминающего церковь Марии Магдалины в Париже. Колонны, кстати, не мраморные — бетон повапленный.

Со своего балкона Освальд хорошо видел самое главное в БССР здание на улице Карла Маркса, 38 — пятиэтажный ЦК компартии, которому он прибавляет тройку этажей:

Восьмиэтажный желтый дом из металла и кирпича, прямоугольник, почти без аляповатых украшений, которые можно видеть почти на всех городских зданиях. «Первый секретарь ЦК КП Беларуси» — такой важный титул имеет невысокий полный мужчина, которому под шестьдесят, К. Т. Мазуров. Его редко можно увидеть на улице, вместе с семьей он занимает большую восьмикомнатную квартиру на верхнем этаже одного из домов на проспекте Сталина. Вход в здание охраняет днем и ночью милиционер в форме, который проверяет пропуск и не пускает лиц без разрешения. Мазуров управляет и контролирует всю деятельность в республике с полномочиями, которых не имеет ни один губернатор в США, ведь его власть нельзя ограничить судебными решениями или запретами, как это часто случается в США. Мазуров подчиняется напрямую Москве и президиуму партии во главе с Хрущёвым.

Еще по ходу: Мазурову не было и пятидесяти, и жил он не на проспекте, а на соседней улице Карла Маркса, 32, но разницу с американскими губернаторами Освальд отмечает точно и по делу.

После ЦК, не заметив театр Янки Купалы, не упомянув Дом офицеров и штаб воздушной армии, располагавшийся на центральном проспекте в сером здании без вывески, не обратив внимания на цирк (а зря — только цензорским вмешательством можно объяснить обрезание ленинской цитаты о важнейшем из искусств: в оригинале важнейших два — кино и цирк), перейдя мост через Свислочь, пропустив дом-музей 1-го съезда РСДРП, Освальд сразу подходит к соседнему со своим дому:

Радиотелецентр в Минске представляет собой четырехэтажное бетонное здание по адресу улица Калинина, 6 около небольшой реки Свислочь. За ним стоит внушительная стальная радиовышка высотой 500 футов, самая высокая постройка в Беларуси. Радиовышка и здание обнесены высокой оградой, которую патрулируют вооруженные охранники с собаками. Вход во двор возможен только через здание, и без предъявления вооруженному охраннику специального пропуска войти нельзя.

Актеров снимают в другой студии, откуда концерты и постановки передаются на станцию и на вещательные вышки. Таким способом чрезвычайно важная система связи застрахована от саботажа или захватов, которые часто совершают латиноамериканские контрреволюционеры либо недовольные элементы.

Разбираться, кто где чем был недоволен вплоть до саботажа — гиблое дело, но, судя по тону, Освальд одобряет меры против таких элементов. Однако то, что он пишет дальше, могло расцениваться как сбор секретных и «других» данных, как элегантно формулировал уголовный кодекс, для использования в ущерб интересам СССР:

Неподалеку от телевышки, через четыре квартала на восток на улице Долгобродской стоят еще две вышки, каждая приблизительно по 200 футов. Они не занимаются вещанием. Фактически, совсем наоборот. Эти очень заметные конструкции с высоковольтными кабелями являются вышками глушения передач на коротких волнах из-за границы. Главной мишенью для этих вышек-глушилок являются мюнхенские и вашингтонские передатчики программ «Голоса Америки». Иногда их используют для глушения русскоязычных передач «Би-би-си» и передач из Франции.

Дома у Освальда был коротковолновый приемник, и он нередко слушал новости. Марина вспоминала, как в сентябре 1961 года он прослушал часовую речь Джона Кеннеди в ООН, посвященную Берлинскому кризису. Голос Кеннеди был искажен, звук плавал, иногда нельзя было расслышать отдельные слова, и Освальд чертыхался каждый раз, когда волна исчезала.

Эти вышки также охраняют вооруженные охранники, вход на территорию обнесен проволокой и запрещен без пропуска. Известно, что количество электроэнергии, которую потребляют эти вышки, огромно, особенно если учесть, что свет на рабочих местах с неохотой включают даже в темные дни. С иронией и грустью думаешь об огромном расточительстве и усилиях советского правительства ради того, чтобы не допустить в свою страну идеи других народов. Но частоты глушения составляют только половину дела. Пропагандистские программы «Радио Москвы» можно услышать на любом коротковолновом радио в Соединенных Шта-

тах — и без глушения. Программы «Радио Москвы» уверяют людей, что железного занавеса больше нет, никогда не было, и он является клеветой на Советский Союз, придуманной реакционерами, sic!!.

Как говорят — доигрался, подошел вплотную к «Статье 62. Шпионаж» уголовного кодекса БССР, который в 1962 году за сбор и передачу таких сведений давал от семи до пятнадцати лет или расстрел.

Одновременно с Освальдом к тому самому забору и к тем самым статьям уголовного кодекса приблизился еще один житель Минска.

И грянул гром — с лязгом опустился железный занавес.

НАШИ НА ЛУНЕ

Есть места, где рано становится поздно.

Конвоир остановился около решетки, отделявшей купе тюремного вагона с шестью арестантами от прохода и сказал: Кеннеди убили.

Поезд шел вперед, стучали колеса, уже целый месяц политического диверсанта Сергея Ханженкова (статьи 65, 67, 69 УК БССР) везли в место отбывания наказания — Мордовия, Дубровлаг. Маршрут начался в Минске и проходил через пересыльные тюрьмы: Смоленск — Вязьма — Ряжск —Пенза — Рузаевка — Потьма. Обычному поезду на такой маршрут хватило бы двух дней, но у тюремной системы свои скорости.

Новостей с воли после долгих месяцев в тюрьме и на пересылках не хватало — и в лагере новый зек сразу направился в библиотеку. Газеты печатали соболезнование от советского правительства, особых деталей не было, слухи и версии вспыхивали, как солома на ветру — кто убил, что будет, как это от-

разится на лагерном режиме? Вскоре в лагере стало известно имя убийцы — Ли Харви Освальд.

— А знаете, как его звали в Минске? «Лихаря»!

Ханженков говорит коротко, по делу, четко помнит все детали событий, которые происходили полвека назад. А. Л-к сидит с ним в его комнате в том самом доме, где он тогда, до ареста, жил с родителями. Если провести прямую линию от дома Освальда через центр парка Горького, она выведет как раз на Ханженкова, на угол улиц Первомайской и Пулихова. Ежедневно пешком он отправлялся в политехнический институт, шел через парк, мимо планетария или кинотеатра «Летний», выходил на площадь Победы и шел дальше по проспекту.

— С Освальдом не встречался, но, конечно, знал о диком случае: какой-то американец приехал жить в Минск, ходит на танцы в дом офицеров, в клуб Дзержинского. Это было необычно, об этом говорили, и существовало такое общее мнение, что американец, как бы это выразиться, ну, словом, чудак.

Ханженков избегает не только лагерной, но даже уличной лексики. Можно предположить, что реальная синонимика общественного мнения об американце в Минске была более выразительна.

Сергей Ханженков ходил теми же улицами в то же самое время и видел то же самое, что и Освальд — но не так, как американец.

Ханженков родился в 1942 году на Колыме, где после отбытия пятилетнего срока работал отец; дед Ханженкова по матери был сослан на Соловки, потом расстрелян. В 1955 году, когда семья переехала в Минск, о советской власти подросток знал и понимал уже намного больше, чем Освальд.

Опыт советской жизни быстро просветил американца и почти выровнял мировоззренческую разницу — по крайней мере, в отношении глушилок в центре Минска взгляды двух молодых людей совпали. Только Освальд ограничился записями, а Ханженков решил глушилки взорвать.

Когда родители Ханженкова переехали в Минск, они сняли комнату в доме на углу проспекта Ленина и улицы Козлова. Окно выходило во двор. «А это глушилки», — сразу пояснила хозяйка заоконный индустриальный пейзаж.

Ханженковы купили ламповый приемник «Минск-55», который изготавливали на местном радиозаводе, и Сергей включил короткие волны.

— Всё было интересно. Особенно «Радио Свобода», которое тогда называлось «Освобождение». Самые интересные передачи шли, конечно, по «Свободе». «Голос Америки» — американские дела, «Би-би-си», «Немецкая волна» тоже... А «Свобода» была самой актуальной. Каждые полчаса — новости, потом культура, белые пятна истории, интересно всё.

Таким образом Ханженков познакомился с глушилками во второй раз — «Свободу» глушили сильнее всех. И студент автодорожного факультета, военная специальность — сапер, решил глушилки взорвать.

Вместе с двумя друзьями (один — студент, второй — бывший зек) начал готовиться. Добывали тол, искали детонатор, изучили местность. Ханженков определил, как учили на военной кафедре, место закладки заряда, чтобы стальная конструкция рухнула и ничего не разрушила. Время должно быть позднее, погода плохая, чтобы не было прохожих. После — побег за границу.

Его арестовали в автобусе, в руках он держал чемоданчик с толом: в планы был посвящен еще один друг, школьный, который сразу донес в KGB. Там увидели перспективу для орденов и внеочередных званий и вместо профилактической беседы через друга начали разработку. Предлагали добыть оружие, изменить объект — взорвать какой-нибудь завод, связаться с иностранцами. Ханженкова, однако, интересовала только «Радиостанция № 3», как официально называлась глушилка. Он хотел взорвать именно символ советской власти, а еще — разбросать листовки.

Суд определил максимальный срок — 10 лет заключения, которые он отсидит от звонка до звонка. (Два подельника напишут прошения о помиловании и выйдут на свободу через пять лет, доносчик на суде проходил свидетелем.)

На все обращения родителей в судебные инстанции, прокуратуры, президиумы верховных советов, сессий и съездов приходил ответ: преступление тяжкое, вина доказана, оснований для пересмотра нет, для амнистии тоже.

Нобелевский лауреат Александр Солженицын уточнил преступление и наказание слушателя запрещенного радио:

Вспоминается судьба Сергея Ханженкова, отсидевшего за попытку — или даже намерение — взорвать глушитель в Минске... Хотя, исходя из общечеловеческих ценностей, нельзя понять этого преступника иначе как борца за всеобщий мир.

Ханженков сел раньше героев запрещенного эфира — Синявского, Даниэля, Галанскова, Гинзбурга, Кукобаки...

Роль Освальда, точнее, роль KGB в убийстве Кеннеди в лагере обсуждали. Преобладало мнение0, вспоминал Ханженков, что вряд ли убийство организовано советской стороной. Хрущёв не был Сталиным, мог договариваться с Кеннеди, зачем было убирать знакомого либерального партнера, которого мог сменить куда более жесткий лидер — таков был политический анализ за колючей проволокой, надо признать, более толковый, чем многие теории, испеченные на свободе.

В мордовских лагерях сидели образованные люди, продолжавшие и там образовываться. Выписывали газеты, журналы, специализировались на какой-то теме и потом читали лекции. Ханженков получал «Известия», «Новый мир», где впервые прочитал повести Василя Быкова, и журнал «Авиация и космонавтика».

Он стал авторитетом в космических делах и довольно быстро пришел к выводу, что гонку в космосе Советский Союз проигрывает — журнал был реферативный, и можно было понять, что и почему делают американцы.

Когда мечта и задача, которую поставил Кеннеди — полет на Луну, — стала реальностью, Ханженков смастерил и повесил на стенку барака схему полета и объяснял, что и как происходит, передвигая значок ракеты по траектории полета.

Темноватая комната на низком первом этаже в минском доме, где до смерти жил Ханженков, примерно таких же размеров, как квартира Освальда. Пейзаж за окном только другой — тесный минский двор, застроенный будками, перегороженный, заставленный автомобилями. Под потолком на шкафу стоит коричневый ящик лампового приемника «Минск-55» с облуплен-

ным лаком, вместо верхнего света хозяин включает железную лампу на шнуре, на книжной полке несколько десятков книг.

В пластиковых пакетах хранятся сложенные в аккуратные стопки несколько тысяч открыток и писем — лагерная переписка. Ее размер в разы превосходит переписку Освальда, приобщенную к материалам комиссии Уоррена. У зека Ханженкова было право на одно письмо в месяц, но получать почту позволяли. Весь лагерный срок он хранил письма от матери, от младшего брата, открытки от родственников, а дома складывали его конверты. Цензура не позволяла писать о лагере, политике, других зеках, но каждое письмо свидетельствует об интеллектуальной жизни автора: он обсуждает достижения науки, произведения «новомирских» авторов, дает дельные советы.

(После распада СССР о Ханженкове писали газеты, брали интервью, он ездил на съезды политзэков. В Минске стал ходить на акции оппозиции, там нашел единомышленников и даже жену. Сергея Ивановича любили все, кто его знал. Он умер в марте 2016. В.П.)

Во время разговора А. Л-к думал — вот бы Мейлеру в Минске не исторической лепидоптерологией США заниматься, а написать о ровеснике Освальда — слушателе американских радиостанций, который ни о чем не жалеет и уверен в своем выборе. Но Бог с Мейлером, какое ему дело, Ханженков — герой не его родины.

Хотя...

На зоне была швейная мастерская, и зэки под руководством Ханженкова сшили в натуральную величину модель корабля, в котором американцы садились на Луну. Модель разложили перед бараком, собрались заключенные, и Ханженков из окна второго этажа читал лекцию.

Прибежала охрана — и тоже осталась слушать.

— Наши — на Луне! — так он тогда закончил.

И, увидев недоумевающий взгляд А. Л-ка, объяснил:

— Нашими в лагере мы называли американцев.

Лихаря не понял бы.

КОЛЛЕКТИВНАЯ КОМЕДИЯ

Самым знаменитым отчетом о путешествии в потусторонний мир уже полтысячи лет является «Божественная комедия».

Освальд серьезно отнесся к своей роли американца, имеющего уникальный опыт работы на советском заводе, — и выступил в роли Данте, повествующего о своем путешествии в загробный, точнее, в советский индустриальный мир.

Неизвестно, кто выступал в роли Вергилия — им мог быть Александр Зигер, критичный, с международным опытом инженер, авторитет для Освальда. Мог быть и ровесник Павел Головачёв.

Несмотря на молодость и отца-генерала, Павел советскую власть не любил давно: подростком его сильно впечатлил рассказ сослуживца отца о кровавом подавлении в 1956 году восстания в Венгрии. Дома у Освальда он говорил о советской системе всё, что думает, пугая осторожных гостей вроде Титовца, который потом признается, что «поздравлял сам себя с тем, что

не реагировал на разглагольствования Павла Головачёва о недостатках системы».

Данте из Освальда получился не совсем классический. Начало рукописи «Коллектив — жизнь русского рабочего» если и впечатляет, то своей беспомощностью. Освальд заваливает читателя бессмысленной статистикой: 87 000 больших и мощных радиоприемников, 60 000 телевизоров производится за год на заводе, где работают 5000 рабочих, из них 58 % — женщины и девушки. Далее он дает раскладку по цехам и участкам, называет площадь завода и его координаты, расписывает организацию труда, роль мастеров, нудно объясняет, кто такие ударники, — в тексте не больше жизни, чем на стенде наглядной агитации.

Но тогда, через пять столетий после Данте, примерно так писали и современники Освальда — профессиональные члены союзов писателей и журналистов:

ЖУРНАЛ «МАЛАДОСЦЬ»

Десятиклассницы — надежная наша смена. Школьница Нина Цирулева в прошлом году получила первый разряд монтажницы. Когда она пришла в телевизорный цех, ей не пришлось ходить ученицей. Монтажницы охотно приняли Нину в свою семью. Теперь Нина — одна из лучших монтажниц.

Журнал «Маладосць» печатал очерк «День радиозаводчан» в сентябре 1961 года, когда трудовой стаж слесаря Освальда перевалил за половину:

Слаженный трудовой ритм на всех участках. Бригада настройщиков, руководимая Леонидом Солодухиным, соревнуется с бригадой Геннадия Мигая за лучшие показатели в труде и воспитание настоящих мастеров настройки. Еще раньше парни выступили инициаторами овладения смежными операциями на настройке. Теперь и Сергей Анисько, и Люда Петрович, и Саша Малашенко, и Ефим Гейман, и Владимир Максимов освоили все операции на конвейере. Их почин широко подхвачен в телевизорном цеху. С каждым днем растет число рабочих, овладевающих смежными операциями и специальностями.

Освальд в журнале не упоминается, хотя он тоже овладевал весьма смежной специальностью заводского летописца. И не безуспешно.

Пройдя завод до половины, автор очутился в кузнечном цеху:

КОЛЛЕКТИВ — ЖИЗНЬ РУССКОГО РАБОЧЕГО

Грохот оглушает, металл скребет по металлу, стальные пилы вгрызаются в железные болванки со скоростью два сантиметра в минуту, пол залит маслом для охлаждения металла, и нужно смотреть под ноги; руки рабочих черные, как пол, и кажется, были такими всегда...

Следующий — цех пластмасс. Здесь 47 женщин и трое инвалидов заливают красный расплавленный пластик в различной формы прессы и штампуют ручки, кнопки, трубки и т. п. У этих рабочих наихудшие условия на заводе из-за температуры, материалов и вредных испарений. Им дают 30 дней отпуска, максимум для рабочих.

За что наказаны эти грешники, Освальд не сообщает — но температурные условия более-менее соответствуют страданиям, зарезервированным Данте для еретиков и богохульников.

Надо признать, что следующий вид страданий, подробно описанных Освальдом, не имеет аналогов у Данте — это наказание собраниями.

Коллективные собрания на заводе настолько многочисленны, что голова идет кругом. Например, в течение одного месяца в плане следующие собрания и лекции: одно профсоюзное собрание, на котором обсуждается работа профсоюза по сбору взносов, оплате путевок и т. д.; четыре политинформации, каждый вторник во время обеда; два комсомольских собрания, 6 и 21 числа каждого месяца, одно производственное совещание, на котором рабочие обсуждают, как улучшить работу; два партийных собрания, которые созывает секретарь цеховой парторганизации; четыре заседания школы коммунистического труда, обязательные, каждую среду; одно спортивное собрание, необязательное, — всего 15 собраний ежемесячно, 14 из которых обязательны для членов компартии и 12 обязательны для всех. Эти собрания происходят после работы либо в обед, никогда в рабочее время. Отсутствовать ни в коем случае не разрешается.

В среднем кольце седьмого круга Дантова ада растет колючий сучковатый куст — это самоубийцы, люди, которые насильно лишили себя жизни, им уже не дано будет воскреснуть. На заводских собраниях, по ощущению Освальда, пошли дальше Данте. Там людей превращали в камни:

После многих лет жесткой дисциплины, особенно при сталинском режиме, ни один рабочий не будет накликать на свою голову обязательные дисциплинарные меры со стороны членов партии и парткома из-за того, что попытается уклониться или не обращать внимания на то, что говорится.

На собраниях удивительное зрелище — настоящий театр, — то, как местные члены партии обращаются с политической проповедью к группе обычно живых, простых рабочих, которые каким-то странным образом превратились в камень. Превратились в камень все, за исключением твердых коммунистов с глазами, которые так и шныряют в поисках невнимания со стороны любого рабочего, чтобы изобличить и получить за это похвалу.

А вот об этом у Данте есть: в том самом седьмом кругу, как раз на колючем кустарнике свили гнезда гарпии — не самые привлекательные особи с человеческим лицом, широкими крыльями и цепкими когтями.

Если наблюдать за политическими лекциями, поразительно то, как слушатели впадают в чрезвычайно феноменальное состояние, отключаясь от внешнего вмешательства или звуков. В это время лучше забыть о своем обычном игривом и живом характере.

Под портретом Ленина два на два метра стоит секретарь партийной первичной организации, в нашем отделе — рябоватый мужчина среднего возраста по фамилии Собакин, обычного вида, в очках. Его лицо в морщинах и искры в глазах создают впечатление, что сейчас он расскажет соленую историю или смешную шутку, но нет. У него 25 лет стажа в партии. Его относительно высокая должность свидетельствует о его эффективности. Во время недельной политинформации он стоит и пересказывает газетные заметки с полным отсутствием энтузиазма и интереса — как человек, которому не нужно волноваться за свою аудиторию или о том, что кто-то поднимется и уйдет.

Освальд мог изучать Данте в школе (он был включен в программу), об Оруэлле известно точно — он читал «1984», и это можно почувствовать в его картинках заводского жизни. Подробно описав, как загоняют рабочих на демонстрации дважды в год, Освальд пишет о тех, кто любит поспать и потом выйти на улицу прогуляться:

Их могут затолкнуть в колонну милиция или добровольные «народные дружинники» в красных повязках. Любой, кто будет спорить, позже может стать объектом расследования, а этого надо избегать в любом полицейском государстве...

Данте назвал свое путешествие в ад комедией, потому что начиналось оно ужасно, а закончилось хорошо. То, что начинается хорошо и заканчивается так, как у Освальда, называется иначе.

Не бывает антиутопий с Happy end.

ЗАСУНУЛ В ШТАНЫ

Некоторые слова — как мотыльки: покрасовались, потанцевали, оставили пыльцу на страницах газет и исчезли, будто их никогда и не было.

В начале 1960-х «горячую» десятку в СССР составляли:

1. Культ личности (так объяснялось наибольшее в истории человечества уничтожение своей властью своих людей);
2. Королева полей (кукуруза, которую внедряли квадратно-гнездовым методом от Крыма до Карелии);
3. Космос (оплаченный рабским трудом миллионов запуск спутников и человека на орбиту);
4. Водородная бомба (см. объяснение к Космосу);
5. Куба (см. объяснение к Космосу);
6. Целина (см. объяснение к Космосу);
7. НТР (что-то вроде интернета, но по почте);
8. Химия (рубашки, в которых обливаешься потом, и вонючие комбинаты, которые строили зэки);

9. «Наш дорогой Никита Сергеевич» (см. Культ личности, но при Хрущёве лагерных недобитков выпустили на волю и напечатали Солженицына);

10. Америка (догоним и перегоним, победим в борьбе за мир и похороним).

В этом списке лексической лепидоптерологии нет слова, которое было ключевым в СССР три предыдущих десятилетия, — бдительность[84].

Что с ней только ни делали: ее проявляли, теряли, повышали, усыпляли, к ней призывали, о ней напоминали, а также ее требовали, добивались, и о ней иногда даже забывали.

Но не в БССР.

Подходил к концу первый год Освальда в Минске, когда в главной газете Беларуси «Звязда» появилась статья под заголовком «Бдительность — наше мощное оружие».

Публикация была посвящена 43-й годовщине образования ЧК и ее метастазов — ГПУ-НКВД-МГБ-KGB.

Автор — председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров БССР Василий Петров писал о страшных событиях, которые происходили на белорусской железной дороге:

БДИТЕЛЬНОСТЬ — НАШЕ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ

Группой жителей города Минска были задержаны на пешеходном мосту у железнодорожного вокзала два иностранца, которые фотографировали подъездные пути, вокзал и проходящие составы. Задержанными оказались американские туристы, муж и жена Марлах, которые кроме фотографирования, как позже выяснилось, возводили клевету на нашу действительность, восхваляли так называемый американский образ жизни.

---

84 По оперативным данным, 2 июня 1960 г. ЦК написал письмо «О повышении революционной бдительности». Повышать надо было из-за иностранных выставок, на которых заграничные товары, оборудование, тематические экспозиции порождали потребительские настроения и отвлекали от текущих задач.
Для справки: о письме мало кто знал, потому что оно было секретным.

Что это была за группа, в которую объединились жители города на пешеходном мосту, чтобы перекрыть выходы и захватить двух фотографов, сколько таких жителей было — не выдал генерал.

Группу ждал сюрприз, если судить по выражению «задержанными оказались американские туристы». Вот же удивились, видимо, жители Минска — думали, фотографы фотографируют, а оказалось — возводят клевету.

Еще одну бдительную группу граждан объединяло то, что они не желали смотреть узкопленочные кинофильмы:

Американские туристы, проповедники секты пятидесятников Матысюк и Дурасов, которые находились в Минске, привезли с собой узкопленочный кинофильм с проповедью главы американских сектантов-евангелистов Робертса, дублированный на русский язык, а также религиозные листовки. Однако они не нашли желающих смотреть их фильм и читать листовки. Вражеским лазутчикам советские люди дали достойный отпор.

Почему христианские миссионеры были приравнены к разведчикам в тылу или в расположении противника (так объясняет словарь «лазутчиков»), вопросов не вызывает: в СССР Бога не было. Точнее, их Бога не было, своих хватало, и перед приездом в Минск Освальд даже успел проведать нетленные мощи в Москве. Но кто были эти советские люди, которые давали отпор в Минске? Какой отпор считается достойным, а какой нет? А если бы фильм был широкоформатный?

Генерал оставил эти вопросы без объяснения и перешел к еще более драматическому случаю:

Проезжая по территории Белоруссии поездом, группа иностранцев из капиталистического государства пыталась фотографировать из купе вагона железнодорожные сооружения и другие объекты. Проводница вагона обратила внимание на это подозрительное поведение и на следующей станции пригласила в вагон сотрудника железнодорожной милиции, который потребовал документы у указанных пассажиров. На вопрос сотрудника милиции, почему они занимаются непристойной деятельностью, один из них не смог ответить что-либо определенное, второй по-

просил прощения, а третий настолько испугался, что вообще не мог ничего сказать.

Язык отняло. Вместе с неприличными кадрами. Литературоведы отметят влияние на генерала творчества Гоголя, Чехова и Кафки. Известен по крайней мере один книжный герой, который с одинаковым успехом мог быть и генералом — автором статьи, и бдительной проводницей, и милиционером — борцом за приличия, и капиталистическими туристами (на каком языке они объяснялись?..), — бравый солдат Швейк[85].

Рукопись Освальда «Коллектив…», однако, бдительными гражданами перехвачена не была. Она выпорхнула через железный занавес, на корабле переплыла Атлантику, не потерялась при переездах, была обнаружена полицией при обыске квартиры Освальда и приобщена к материалам комиссии Уоррена. К ней беспрепятственно обращаются исследователи, и Мейлер опубликовал ее большую часть в своей книге.

Занавес, как это обычно бывает при столкновении метафоры с реальностью, оказался не железный.

Марина потом рассказывала, как Освальд вывез свои записи: когда поезд приблизился к Бресту, он засунул рукопись за пояс, в штаны под рубашку.

Неясно только, почему Освальду не заглянули в штаны. То ли «Степан» не заметил информации о рукописи в письмах и расшифровках подслушивания, то ли «Игорь» не обратил внимания на рапорт «Степана», то ли сам председатель KGB проигнорировал тревожное сообщение, то ли передали по инстанции

---

85 По оперативным данным, А. Л-ку следовало бы самому перечесть Гоголя Н. В, объяснившего, над чем смеются, когда не знают над чем: в рассекреченных в 2017 г. архивах ЦРУ действительно находятся фотографии транспортных узлов и строений из Минска и других белорусских городов, сделанные в 1950-е годы.
Для справки: А. Л-к волосы на голове рвать отказался и заявил, что посмотрел эти пять тысяч файлов и ему нечего стыдиться первого издания этой книги в 2011 г., т. к. качество черно-белых снимков такое, будто всё сгорело и засыпано снегом, и оперативной ценности они не представляют.

в Москву, а там махнули рукой, то ли проводница попалась нерадивая...

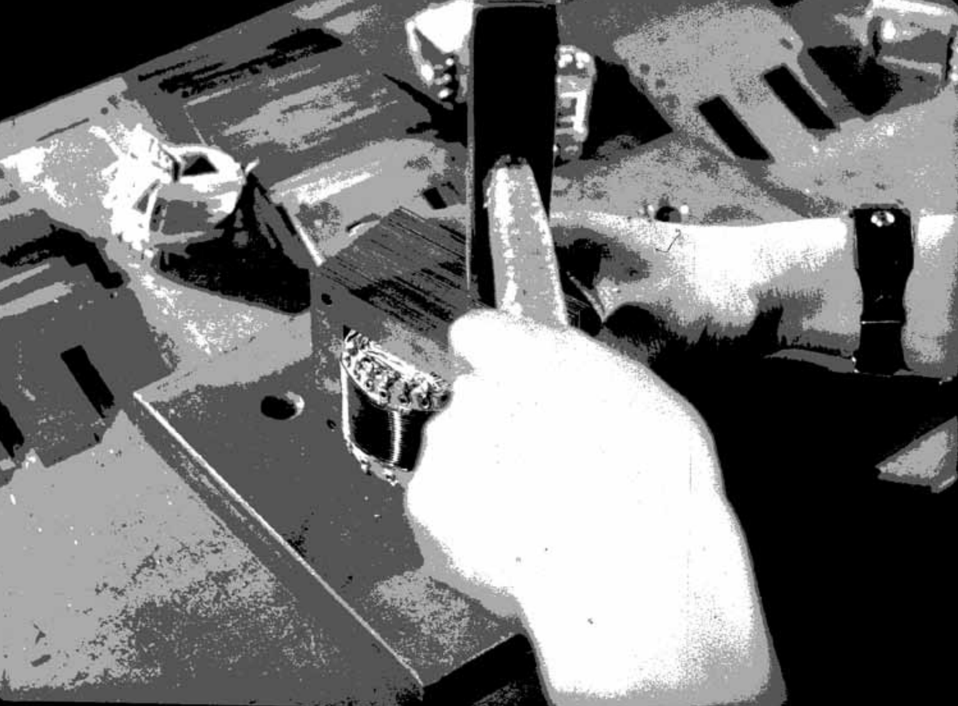
Как с грустью напишет Василий Петров:

Есть еще у нас отдельные зеваки, благодушные люди, которые, забывая о своей высокой ответственности, готовы болтать о доверенных им секретах или проходить мимо фактов потери политической бдительности.

Эти генеральские слова могли быть адресованы и ответственным работникам собственного ведомства.

Хотя их вина минимальна. Рукописи — как мотыльки, не знающие таможен, инструкций и границ.

Характер такой, небдительный.

ВВИДУ ВЫЕЗДА

Любой конец повышает напряжение, даже если сулит облегчение. Такова природа будущего — его не дано знать, хотя можно догадываться, надеяться или опасаться.

Последние недели перед отъездом ушли на сбор копий документов и медицинских справок, необходимых для получения визы: о прививках от оспы, о реакции Вассермана, рентгеновский снимок легких, который надо было представить в посольство.

В среду 16 мая 1962 года «слесарь опытного цеха Ли Х. Освальд» написал заявлении на увольнение с пятницы, 18 мая — «ввиду выезда».

Воскресенье 20 мая 1962 года станет последним днем Освальдов в квартире с видом на Свислочь. Как и предыдущие, день начался со скандала: Освальд пытался проинструктировать жену, что можно, а чего нельзя говорить в американском посольстве при получении визы.

Температура быстро подскочила до кипения, и Освальд хлопнул дверью. В этот же день Марину навестила подруга из аптеки.

РАСШИФРОВКА ПОДСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 20.05.62

10:05 (ОЛХ уходит.)
13:20 (Приходит Соня; говорят о ребенке Марины.)
Соня: У вас немного вещей, только чемоданы, да?
Марина: Только чемоданы.
Соня: И всё?
Марина: Надо помыть пол перед отъездом.
Соня: Зачем тебе? Пусть сами моют.
Марина: Надо натереть.
Соня: Это неважно. Можно просто помыть.

Если надо выбрать только одну фразу, чтобы описать состояние Марины перед отъездом, достаточно было бы ее ответа на вопрос «И всё?»:

Надо помыть пол перед отъездом.

Так Гамлет дразнит Полония, так, невпопад, отвечают три сестры Чехова, к такой выразительности стремились Беккет, Пинтер и Гавел. Марина умножает абсурд:

Надо натереть.

Она готова делать то, что не любила делать больше всего, что было предметом домашних скандалов, она хочет дотронуться до каждой паркетины убогих 30 квадратных метров, вдруг начавших уходить из-под ног. Она цепляется за свой старый миропорядок и прощается с ним, отдавая последние почести жизни, покидающей пространство ее судьбы.

В тот же день Освальды сходили к Прусаковым, а после через двор перетаскивали вещи на соседнюю улицу Захарова, 11 —

последнюю ночь и последний день в Минске они проведут в четырехкомнатной квартире Павла Головачёва, чтобы оттуда отправиться на вокзал.

Но не сразу.

РАПОРТ KGB
21.05.62

21 мая 1962 года я провел беседу с дядей «Налима», Прусаковым И. В., который сообщил мне, что 20 мая его квартиру посетили племянница Марина и «Налим». В беседе «Налим» сказал Прусакову о намерении выехать в Москву 22 мая, чтобы заполнить все надлежащие документы и затем выехать в Америку. Прусаков и его жена дали Марине несколько советов. В частности, Прусаков, выражая тревогу за свое благополучие, просил Марину и «Налима» не участвовать после приезда в США в мероприятиях, враждебных Советскому Союзу. Прусаков напомнил «Налиму», что его всем обеспечили и к нему очень хорошо относились советские люди. «Налим» заверил Прусакова, что они не будут участвовать ни в каких мероприятиях, враждебных Советскому Союзу. «Налим» объяснил, что для того чтобы избежать возможных встреч и интервью с корреспондентами, он решил сразу направиться к своему брату, не останавливаясь в Нью-Йорке. Перед отъездом в Москву ожидается, что Марина снова посетит квартиру Прусаковых. Учитывая этот факт, было рекомендовано Прусакову провести с ней беседу, которая бы помогла предотвратить участие Марины и «Налима» в антисоветской пропаганде за рубежом. Внимание Прусакова было обращено на осознание того, что эта беседа не должна вызвать подозрение со стороны Марины и «Налима»[86].

Не вызвала.

86 По оперативным данным, 25 июля 1961 г. председатель KGB Александр Шелепин утвердил решение «Об улучшении контрразведывательной работы в отношении советских граждан, временно выезжающих в капиталистические страны по частным делам», предусматривавшее «проведение сотрудниками KGB от имени органов милиции бесед с выезжающими за границу лицами по вопросам бдительности и о нормах поведения советских граждан за рубежом».
Для справки: чтобы всё было нормально за рубежом.

То, что родственники остаются заложниками, для человека, который вырос в Советском Союзе, было понятно само собой. Да и на самом деле переживали люди, выправляя единственную племянницу с ребенком за океан.

Во вторник 22 мая Освальд ходил на прием в милицию: в его американский паспорт также было необходимо поставить разрешение на выезд. Там местные грамотеи шлепнули штамп и вписали, кому выдана виза: «гр. США Освальд Ли Харвею», двумя подписями заверили и круглой печатью «кіраўніцтва міліцыі МУС БССР» закрепили.

22 мая вечером на вокзале Освальдов провожали Павел Головачёв, семья Зигеров и две подруги Марины. В тени здания за прощанием наблюдал неизвестный мужчина — сестры Элеонора и Анита Зигер крикнули ему, что может подслушивать сколько хочет, секретов нет. Дядя «Налима» подполковник Прусаков на вокзал проводить племянницу с мужем не пошел, но тетя Валя приехала.

После поцелуев, последних слов и обещаний писать, после слез и объятий поезд тронулся. Павел и девушки бежали по платформе вслед.

Эрик Титовец на вокзал не явился.

Последний минский рапорт наружного наблюдения KGB Мейлеру не показали.

Натертые полы уже через неделю затоптали новые жильцы.

ПРОФСОЮЗНЫЕ СТРАСТИ

Получить американскую визу в советский паспорт в начале 1960-х годов было примерно так же, как получить фотографии обратной стороны Луны. То есть возможно.

В Москве Освальды провели чуть больше недели. Сначала они остановились в гостинице «Останкино», потом перебрались в «Берлин». И хотя в Москве их не подслушивали так тотально, как в Минске, KGB точно знал об их последней главной заботе и причине частых ссор — визе, которую должна была получать Марина в американском посольстве.

РАСШИФРОВКА ПОДСЛУШИВАНИЯ KGB
За объектом: ОЛХ-2658
За период: 20.05.62

Он: ...Ты ничего не говори. Ты ответишь на их вопросы и не будешь говорить. Будешь там сидеть и молчать, понятно?

Она: Если будут проблемы, ты с ними разбирайся.

Он: Это всё, что будет. Это моя ответственность. Ты просто тихо сиди. Ты должна сказать: нет, я не член профсоюза. Я никогда не была ни в какой советской организации.

Она: Так за это в Америке преследуют? Зачем мне ехать в такую страну!

Он: Просто скажи.

Она: Я еще не уехала. А проблемы уже начинаются, и как только я доеду до Америки — ага, ты русская! Ты член профсоюза!

Он: Заткнись, у тебя не хватает извилин.

Она: Я советская девушка, и я ничего не собираюсь бояться. Если я член профсоюза, я — член, и я не собираюсь прятаться!

Он: Идиотка!

Она: Мне нечего бояться.

Он: Дура! Скажи просто, что ты фармацевт.

Она: Ну, я не поеду в страну, где преследуют за каждое слово.

Он: (Идиотский смех.)

Она: Ну ты засранец! Лопнешь как мыльный пузырь!

Он: Ты уже давно лопнула сама.

Она: ...Честные люди ничего не скрывают, но ты лжец. Ты всегда обманываешь, ты всех обманываешь.

Освальду не позволят присутствовать на визовом интервью в посольстве в Москве — вице-консул Джек Мэтлок объяснил, что говорит по-русски и интервью должно проходить тет-а-тет[87].

Освальд вначале отказался оставить Марину одну в кабинете консула, и тогда Мэтлок просто занялся другими делами. Пауза росла, растерянная Марина не знала, что делать, Мэтлок сосредоточенно что-то писал. Рассерженный муж вынужден был выйти.

---

87 По оперативным данным, Джек Мэтлок станет послом США в Москве в 1987—1991 гг. и однажды, когда А. Л-к будет на приеме в его резиденции Спасо-Хаус, удивит его не тем, что говорит по-русски без акцента, а тем, что поздоровается по-белорусски, скажет, что переводил Янку Купалу, и процитирует стихотворение «А хто там ідзе».
Для справки: ответ обычно становится известен, когда уже пришли, т. е. поздно.

Как и учил Освальд, Марина отрицала членство в комсомоле. В принципе, из-за этого посольство могло отказать в визе. Но решение принимал не Мэтлок, оно уже было принято. Марина получила визу[88].

Как по-философски замечает Мейлер, ирония оказалась обоюдной: Освальд был прав, и Марина была права.

Ссоры были о вещах, которые не имели значения.

Ирония здесь, как минимум, трехсторонняя. Мейлер не обратил внимания на существенную деталь: Марина всё же захватила с собой в Америку свой профсоюзный билет, который был изъят во время обыска ФБР и приобщен к вещественным доказательствам комиссии Уоррена.

Но на самом деле профсоюзная ирония имела еще одно действительно историческое измерение. Если членский билет Марины мог и не заинтересовать Мейлера, то другой членский билет просто должен был: Освальд тоже был членом советского профсоюза и захватил в Америку свой билет № 01311655, выданный 1 сентября 1960 года «Освальду Алику Харвею».

Билет был на двух языках, и в белорусской части вместо «Алик» написано «Лі». Названия месяцев на страницах, куда вклеивались марки за взносы, писались сверху по-белорусски, снизу по-русски.

Освальд захватил в Америку и учетную карточку члена профсоюза. Из нее следует, что слесарь экспериментального цеха Освальд Ли Харвей, 1939 года рождения, домашний адрес ул. Калинина, дом 4, кв. 24, был зачислен в школу коммунизма, как именовались советские профсоюзы, в пятницу 12 августа 1960 года.

В свое первое лето в Минске слесарь Освальд поставил подпись в учетной карточке, а последние взносы из его последней зарплаты были отчислены в пользу профсоюза в мае 1962 года,

---

88 По оперативным данным, Госдепартамент интерпретировал членство в профсоюзах и профессиональных организациях в странах за железным занавесом диалектически, как «недобровольное», и препятствием для выдачи виз оно становилось, только если член был активистом или занимал какую-нибудь должность.

Для справки: но «отрицание материального факта», как назывался обман, вело к отрицанию визы без всякой диалектики.

как раз тогда, когда он учил жену не признаваться, что она числилась в такой крамольной организации. Которой, как он справедливо напишет в заметках о жизни в СССР, на самом деле не существовало[89]:

Профсоюзов как таковых нет (поскольку забастовки либо переговоры насчет повышения зарплаты не разрешены; конечно, каждый рабочий может подавать предложения, но всё это делается через местный коммунистический заводской комитет, и они принимаются или кладутся на полку, как пожелает комитет).

Во время первой поездки из Минска в американское посольство в Москву в июле 1961 года за паспортом, консул задал Освальду вопрос о членстве в профсоюзе. Освальд заявил, что в профсоюз не вступал.

Вечером 1 июня 1962 года на Белорусском вокзале Москвы бывшие члены профсоюза Освальды сели в поезд, который шел через Польшу и Германию в Нидерланды, где их ждал океанский лайнер «Маасдам».

Поезд останавливался в Минске. Марина накануне послала телеграмму Прусаковым, чтобы в последний раз повидаться с родственниками. Но на платформе никого не было.

Тетя Марины Валентина потом объясняла, что муж был в командировке, телеграмма пришла в 10 вечера, за час до прибытия поезда, и она побоялась идти на вокзал одна. Освальд тоже послал из Москвы открытку Павлу Головачёву, но перепутал номер квартиры — вместо 72 поставил свою, 24, и открытка опоздала.

Головачёв писал потом в Америку: «Жаль, что я не знал, в какой день вы проезжали еще раз через Минск, — я бы подошел к поезду. На следующий день после вашего отъезда в Москву заходил Эрик ко мне. Он сказал, что его в этот день не было

89 По оперативным данным, на той неделе в США самой популярной была песня под названием «Itsy Bitsy Teenie Weenie Yellow Polkadot Bikini» — «Ицы-бицы, тини-вини, весь в горошек твой бикини». В шпионском фильме спецслужбы ГДР пытали этой песней подозреваемого.
Для справки: эта сноска сделана для сохранения баланса абсурда на одной странице.

дома и поэтому ничего не знал о предстоящем отъезде и не зашел к вам».

— Мы последний раз дышим воздухом Минска, — сказала Марина мужу и заплакала уже в купе.

Как нередко бывает, она ошибалась и была права одновременно.

ДЕМОНЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Знать, что будет, и одновременно пытаться управлять этим будущим — любимая забава идеологов и тяжелая работа демонов.

Идеологам просто. Они сначала придумывают теорию, потом объявляют ее всесильной, потому что она верная. А дальше еще проще: всем несогласным отрывают головы.

Демонам намного трудней — во-первых, они не могут нарушать законы физики и других наук, регулирующих свободу

движения, во-вторых, дело приходится иметь с демонами противника, в-третьих, у начальства бывают свои соображения.

Демонологи скажут, что демон или ангел Кеннеди увидел дату «23.11.63» одновременно с демоном Освальда, где-то в начале 1950-х, и оба принялись за работу. Демон Кеннеди был мощнее, ведь в конце концов он сделал его самым могущественным человеком на Земле, способным уничтожить или спасти жизнь на планете, как в случае с Карибским кризисом и испытаниями ядерного оружия. Демон Освальда был мелким бесом, но роль коротких перебежек в истории усвоил лучше.

Демон «О» подтолкнул своего подопечного к марксистской литературе, а затем — на призывной пункт и оттуда на военную службу, где тот научился стрелять.

Демон «К» концентрировался в это время на своем кандидате в президенты: его непосредственный соперник, демон Никсона, был не менее мощным (разница в голосах на выборах составила 0,17 %).

Заметив краем глаза что-то клубящееся вокруг Освальда, демон «К» решил просто убрать угрожающую фигуру как можно дальше. Пинок был такой силы, что Освальд очутился в Москве, сдал паспорт и отказался от права когда-либо вернуться на родину, попросив новое гражданство. Казалось бы, куда уж дальше и надежней (как известно, демоны не властны напрямую в вопросах жизни и смерти, а только в путях своих подопечных).

Однако местные демоны заупрямились (будут тут нам из-за океана указывать!) и гражданства не дали. В образовавшейся пустоте подопечный сразу умер — взрезал вены. Но его личный демон «О» не спал, отправил на выручку в гостиничный номер переводчицу, приехала «скорая» и самоубийцу спасли.

Демон «К» отвлекся от избирательной кампании, пошевелил пальцем, персонажа занесло в Минск — казалось, навсегда. Но казаться так могло только людям, демоны знают, что пространство не преграда, а — дорога. И чтобы больше не возвращаться к раздражающей пустоте, которая почему-то пересекала орбиту Кеннеди и могла заполниться чем угодно, демон «К» завалил выход из Минска глыбами законов, щебенкой инструкций, колючей проволокой параграфов. И больше к Освальду не возвра-

щался — надо было бороться на выборах, справляться с управлением самой могущественной страной и удерживать мир от апокалипсиса.

Демон «О» увидел в непроходимых завалах не преграду, а шанс — найти и расчистить путь, и провести бюрократическими лабиринтами свою фигуру незамеченной.

Волокита с возвращением Освальда в Америку насчитывает сотни писем, справок, заключений, постановлений, телеграмм, резолюций, ссылок. В ней участвуют десятки персонажей в Минске, Москве, Вашингтоне, от минских нотариусов до госсекретаря США. И почти все они, если посмотреть сквозь стекло прошлого, как будто немного не в себе, и в полусне, в помрачении делают невозможное возможным.

Отказ от паспорта оказывается сдачей его на хранение.

Письменное заявление о выходе из гражданства становится бумажкой без юридической силы.

Отказ от родины по политическим мотивам и обращение за гражданством тоталитарного вражеского государства квалифицируется как свобода слова.

Предложение выдать американские военные секреты влияет только на запись задним числом в документе об увольнении с воинской службы.

Даже заявленная готовность воевать против своей страны и убивать своих соотечественников не рассматривается как угроза.

У Освальдов нет денег на возвращение, у его матери денег также нет, занять не удается, Красный Крест отказывает в денежной помощи, посольство несколько раз заявляет Освальду, что гостиница в Москве, билеты на поезд и пароход — его личная ответственность. И всё же Госдепартамент выписывает ссуду — 435 долларов 72 цент. Освальд только доложил своих 90 рублей на покупку железнодорожных билетов.

Тем более интересны усилия остановить Освальда.

Одну такую попытку сделал 26 января 1962 года скромный служащий министерства юстиции в Далласе Л. А. Мак. Освальд обратился за американской визой для Марины, разрешение упиралось в Акт об иммиграции и национальности, принятый в 1952 году. Акт ограничивал возможности въезда в США

антиамериканских «подрывных элементов», в том числе по идеологическим мотивам.

Заявление Освальда о визе уже прошло предыдущие инстанции иммиграционной службы. Мак, однако, написал свое мнение:

Получив документы для ознакомления, я не смог согласиться с этим разрешением.

Акт об иммиграции 1952 года будто предвидел случай Освальда. Гражданин США утрачивал гражданство, если получал гражданство другой страны, если приносил присягу или делал иное заявление о верности другой стране, если официально отказывался от гражданства перед американским дипломатом или консульским работником за границей. Освальд следовал букве закона — ей не следовал Госдепартамент, где не только не лишили его гражданства, но и вернули паспорт, затем продолжили его срок, чтобы он мог вернуться, и настаивали на скорейшей выдаче визы жене, без которой Освальд отказывался возвращаться.

Мак признает, что закон дает возможность отменить санкции в случае, если имеются заслуживающие внимания позитивные обстоятельства и за визой обращается родственник с достойной уважения репутацией, а также не найдено существенной отрицательной информации в вопросах безопасности.

Мак был сух и прям:

Я придерживаюсь мнения, что в данном деле присутствуют оба эти ограничения.

Через четыре дня, 30 января, региональный директор Джинс В. Холланд согласился с Маком:

В данном случае был установлен значительный объем отрицательной информации в области безопасности, и у нас создалось впечатление, что он (Освальд) не соответствует критериям достойной репутации. Возникло существенное сомнение насчет положительных характеристик. Сообщается, что во время нового обращения в посольство США он заявил, что

полностью избавился от своих иллюзий о Советском Союзе, что у него почти не осталось бравады и высокомерия, которыми характеризовался его первый визит. Эти ничем не подтвержденные уверения заявителя недостаточны для того, чтобы развеять сомнения относительно его лояльности Советскому Союзу. Санкции не будут отменены и в просьбе будет отказано.

ПРИКАЗАНО: санкции, наложенные в соответствии с частью 243 (g) Акта об иммиграции и национальности, не отменяются, и в просьбе отказано.

Своим приказом региональный директор Холланд остановил историю. Ровно настолько, сколько понадобилось, чтобы напечатать еще одно предложение:

Также ПРИКАЗАНО, чтобы это дело было представлено заместителю комиссара, управление поездок, для окончательного решения.

Демон Кеннеди не остановил печатную машинку на абзац раньше, возможно потому, что как раз начиналась первая фаза Карибского кризиса, который мог стать полномасштабной ядерной войной, и всё внимание надо было сосредоточить на демоне Хрущёва. Новая игра требовала иных приоритетов, к тому же надо было отбиваться от собственных любителей досрочно завершить историю человечества.

Возможно, демон не любил Достоевского или, точнее, Ивана Карамазова, отрицающего высшую силу, а значит и демонов, всего-то из-за одной невинной слезинки.

А может, начальство приказало: делом займись. Мир спасать надо. Не до женских слез в следующем ноябре.

Заместитель комиссара иммиграционной службы Роберт Робинсон согласился с аргументами Холланда и Мака о санкциях, но заключил, что случай Освальда может регулироваться другим положением — разрешение на въезд выдается законной жене американского гражданина. Тем не менее, ограничения пока не сняли.

Робинсон обратился за разъяснением в бюро безопасности и консульских дел Госдепартамента. И 27 марта 1962 года начальник бюро Майкл Клепински написал, что отказ Марине

Освальд в визе негативно повлияет на другие подобные случаи и снятие ограничений послужит интересам Соединенных Штатов.

9 мая Робинсон отправил Клепинскому официальное решение:

Ввиду сильных аргументов, приведенных в вашем письме от 27 марта 1962 г., сообщаем, что ограничения, введенные параграфом 243 (g) Акта об иммиграции и национальности, настоящим письмом в отношении миссис Освальд отменяются.

Советские ядерные ракеты поплывут на Кубу, и одновременно с ними будет пересекать Атлантику пассажирское судно с Освальдами.

Войны чудом удастся избежать, но слезы будут.

И не только женские[90].

---

90 По оперативным данным, А. Л-к, кодовое имя «Саша», также пытался остановить Освальда. Он был неоднократно замечен на рельсах, по которым 2 июня 1962 г. проследовал поезд с Освальдами. Объект «Саша» с подельниками из числа первоклассников города Бреста (город фигурирует в отчете комиссии Уоррена) готовил теракт путем подкладывания на рельсы медных монет.

Для справки: как А. Л-к признал впоследствии, «для поезда пять копеек были не более чувствительны, чем мотылек, который сел на блестящую отполированную сталь, получалась тонкая овальная бляшка, золотистая, с крыловидными острыми краями, за которую уже ничего нельзя было купить и которой особо ничего нельзя было и сделать. Мои пять копеек не повлияли ни на железнодорожное движение, ни на движение истории. Лучше бы газировки выпил с сиропом».

ГИБРИДНЫЙ ОСВАЛЬД

Если вдуматься, плюрализм в одной голове намного предпочтительнее обратного состояния.

На бумаге, однако, он неприглядень.

Во время десятидневного трансатлантического путешествия Освальд решает подготовиться к встрече с родиной и готовит шпаргалку для прессы: вопросы и ответы. Ответов вдвое больше, чем вопросов:

ПРЕСС-РЕЛИЗ ОСВАЛЬДА

Почему вы поехали в СССР?

Я поехал в знак отвращения и протеста против американской политики за рубежом, в знак личного недовольства и ужаса от ошибочной линии мышления американского правительства и народа.

Я поехал как гражданин США (как турист), проживающий в другой стране, на что имел полное право. Я поехал посмотреть на ту страну, на народ и на то, как работает их система.

В последний день Освальдов в СССР, 1 июня 1962 года, все газеты на первых полосах публиковали «Обращение» к советскому народу, в котором партия и правительство объясняли, почему мясо, которого и так было не купить, подорожало на треть. Объяснение будто списано с Освальда — виноватым оказался Джон Кеннеди.

Сначала народу разъяснили физические факты:

Мы живем не в безвоздушном пространстве.

Затем напомнили теорию:

Пока существует империализм, сохраняется и опасность новых войн.

После чего посетителям гастрономов был процитирован «г-н Д. Кеннеди»:

«При некоторых обстоятельствах, мы, возможно, проявим инициативу в ядерном конфликте с Советским Союзом».

А поскольку империалисты уважают только силу, то пищевой продукт, изготавливаемый сепарированием или сбиванием сливок из коровьего молока и намазываемый на хлеб, тоже подскочил в цене на 25 процентов.

Не отвлекаясь на подорожавшие из-за Америки колбасу и масло, Освальд продолжил интервью с самим собой:

ПРЕСС-РЕЛИЗ ОСВАЛЬДА

А что насчет тех писем?

Я написал несколько писем, где выразил свои чувства американскому посольству, когда в октябре 1959 года я пошел туда, чтобы юридически избавиться от американского гражданства, и мне было отказано в этом законном праве.

Я не писал никаких писем, насмехающихся над США! В переписке с посольством я не делал никаких антиамериканских заявлений! Если у меня и присутствовала критика, то только вопросов политики, а не власти.

2Б. Делали ли вы там какие-нибудь заявления против США?

Да. Нет.

Ответ на под-вопрос «2Б» уже несет в себе окончательную выразительность, и остальной внутренний диалог в восьми частях интересен скорее деталями.

Например, первый вариант ответа на вопрос, почему так затянулась его туристическая поездка:

У меня была комфортная жизнь. Много денег, бесплатная квартира, множество девушек и т. д. Почему мне надо было всё это бросать?

Во втором варианте идет перечисление реальных мытарств с отъездом. На вопрос, коммунист ли он, дается два ответа — да и нет. Так же построены ответы на вопрос о различиях между СССР и США:

Разницы никакой, только в США немного выше уровень жизни; свободы одинаковые, медицинская помощь и образование в СССР лучше, чем в США.

Свобода слова, передвижения, открытый протест против непопулярной политики, свобода верить в Бога.

И последняя строчка, finita la commedia:

Газеты: Спасибо, сэр, вы настоящий патриот!!

В обращении к советскому народу содержался философский ответ на всевозможные неожиданности, которые встречаются не только у мясных прилавков: «Строительство новой жизни — не скольжение по паркету, где нет ни сучка, ни задоринки».

В начале июня, пока Освальды плыли, «The Washington Post» опубликовала короткую заметку под заголовком «Третий американец за 2 месяца покидает советский “дом”», — о возвращении бывшего морского пехотинца на родину. В те же дни техасская газета «Звезда Телеграм» Форт Ворта поместила более подробную историю о блудном сыне, его антиамериканских за-

явлениях и раскаянии. Но этим всё и обошлось. Когда 13 июня «Маасдам» вошел в порт Нью-Йорка, прессы на причале не было.

Как не было и денег на дальнейшее путешествие. Пришлось с Мариной и дочкой идти в контору социального обеспечения, там денег не дали, но дали возможность позвонить брату, чтобы прислал деньги, брата дома не было, отвечала жена…

Так, с задоринки, началась новая жизнь.

ЛЕКАРСТВО ОТ «ДОКТОРА ЖИВАГО»

Дети и родители обязаны заботиться о друг о друге — так учила советская конституция, не действовавшая ни до приезда, ни во время пребывания, ни после отъезда Освальда. Хотя не вся и не для всех.

Если от детей требовалось заботиться и помогать без всяких уточнений и ограничений, то родителям вменялось в обязанность готовить их к общественно-полезному труду и растить достойными членами социалистического общества.

Дело Освальда была прекращено летом 1962 года. Так Мейлеру сказал «Степан». Дело, конечно же, не закрыли — оно продолжало пополняться.

В Минске оставались друзья и знакомые Марины и Освальда, которые перед отъездом обещали не забывать и писать.

В документах комиссии Уоррена хранятся письма из Минска, адресованные Освальдам, в том числе и от Павла Головачёва. Есть и фото: Павел сидит на тахте с деталью телевизора.

ПИСЬМО ПАВЛА ГОЛОВАЧЁВА ОСВАЛЬДАМ
4 июля 1962

Здравствуйте, Ли и Марина! Привет маленькой Джун! Надеюсь, что вы уже добрались домой. Как вы доехали? Как чувствует себя Джун? Ведь ей пришлось «открывать» Америку в таком возрасте, в котором даже Христофор Колумб, несмотря на то, что был отважным человеком, не осмелился бы на такое открытие.

Ответ пришел через два месяца, и Павел в своем ответном письме спешил поделиться радостью, новостями, мыслями.

15 сентября 1962

Здравствуйте, Ли и Марина!

Сегодня, вернувшись с работы, получил ваше письмо. Сразу же отвечаю, так как переполнен радостью. Я уже хожу на занятия. Занимаюсь на втором курсе. Завтра последний день пойду на работу — я уволился, потому что занимаюсь по дневной системе с отрывом от производства.

Марина, ты не пожалеешь, если выпишешь вместо «Советской Белоруссии» «Известия» с воскресным приложением «Неделя». В этом приложении очень много интересного, так как оно большее по объему, печатных листов (приблизительно газет в 10). В нем есть и интересные рассказы.

Да, журналы вы, видимо, получите в ближайшее время. Дело в том, что я послал их не авиапочтой (они довольно тяжелые для самолета), а пароходом. Так что скоро получите. Я подготовил еще кучу журналов. Завтра вышлю. Книг в двух пакетах, которые Ли послал мне, я еще не получил, но, видимо, он их недавно только послал, поэтому они не успели еще доехать, но думаю, что скоро придут.

Между прочим, Марина, пришли мне, пожалуйста, в письме какую-нибудь подробную техническую заметку из прессы о космическом корабле «Mariner-2». Мне хотелось бы знать о нем подробнее.

Далее Павел пробует починить проигрыватель пластинок через океан, жалуется на отсутствие единых стандартов электроаппаратуры, хвалит слесарные навыки Ли, иронизирует над описаниями погоды в письмах и, в ответ на вопрос Марины, дает литературоведческую консультацию:

Кстати, Марина, постарайся объяснить Полю, что основная мысль пьесы Погодина «Человек с ружьем» — в словах: «Сейчас не нужно бояться человека с ружьем». Это, как говорят медики, квинтэссенция. Спасибо, что вы выслали мне несколько номеров «Америки» — они скоро придут. Но журнал «Америка», если захотеть, можно увидеть и у нас. Но «Америка», как и «Советский Союз» — это не обычные еженедельные журналы. Они с самого начала готовятся за границу (на экспорт). Мне больше хотелось бы получать от вас технические (типа наших журналов «Знание — Сила», «Техника — молодежи», радиотехнические и обычные еженедельные журналы типа «Life», т. е. как у нас «Огонек».

До свидания.

Жду ваших писем.

Павел.

Позднее, во время допроса адресатки в комиссии Уоррена, ей предъявили это письмо и попросили объяснить фразу «Теперь не надо бояться человека с ружьем». Марина пояснила, что ее знакомый Пол Грегори изучает русский язык и писал реферат по пьесе Погодина «Человек с ружьем», она помогала. Член комиссии спросил, уверена ли Марина, что это не имеет ничего общего с убийством? Марина ответила, что уверена. Больше к письму с ружьем не возвращались[91].

---

91 По оперативным данным, в Минске как раз учили любить человека с ружьем.
Для справки: такое сообщение содержится в нобелевской лекции, прочитанной одной минчанкой в декабре 2015 г.

В октябре 1962 года Павел Головачёв уже сидел в кабинете в здании KGB и показывал два письма, которые он получил из Америки.

«Зачем ты принес письма? Нам они не нужны. Мы подписали Женевскую конвенцию о свободе переписки, и нам ничего этого не нужно», — «Степан» вернул письма.

Так Головачёв пересказал Мейлеру начало беседы.

Сына в административное здание на углу Комсомольской и Ленинского проспекта привела мать. Специально приехала в Минск с Урала, где служил муж, и сразу отправилась в KGB, так как сын мог испортить карьеру отца.

Мать так и сказала Павлу: своей дружбой с американцем он навредит всей семье. Отца при жизни Сталина называли сталинским соколом, но жизненный опыт подсказывал, что две звезды Героя Советского Союза, которые Головачёв-старший получил за победы в небе, были меньше, чем две звезды на погонах сотрудника особого отдела.

РАПОРТ KGB
13.10.62

Мать Головачёва сказала, что они с мужем возмущены поведением сына и обеспокоены его поступками, и она специально приехала в Минск, чтобы лучше разобраться в его поведении и сделать соответствующие выводы.

Ввиду того, что в одном из принесенных Головачёвым писем к Освальду упоминался «Доктор Живаго», я спросил, не получил ли он эту книгу от Освальда. Головачёв ответил отрицательно. В ответ на вопрос, чем «Доктор Живаго» привлек его внимание, Головачёв объяснил, что хотел познакомиться с романом чисто из интереса, чтобы составить какое-то представление о книге. Головачёву было разъяснено, что согласно заключению известных советских критиков, писателей и других лиц, которые ознакомились с «Доктором Живаго» Пастернака, роман содержит клевету на советскую действительность и не представляет собой художественной ценности. Таким образом, ознакомление Головачёва с кни-

гой «Доктор Живаго» не обогатило бы его знаний, а наоборот, привело бы его к искаженному пониманию определенных проблем.

Товарищ Головачёва остро критиковала желание Головачёва прочитать «Доктора Живаго», заявив, что ни один порядочный человек не стал бы тратить свое время на такую книгу. Во время дальнейшей беседы с Головачёвым я напомнил ему о наших прежних встречах, когда ему были сделаны замечания по поводу его поведения в отношении Освальда, и указал на недостаток дисциплинированности Головачёва, который проявился в том, что он не явился на встречу с оперработником. Эти действия были восприняты как неуважение Головачёва к интересам госбезопасности. Вместе с тем я дал Головачёву понять, что мы не были полностью уверены, что он не рассказал Освальду о своих беседах с оперработником. Головачёв настоятельно просил поверить, что он не обсуждал разговоров либо просьб, которые получал в отношении Освальда.

Головачёв сам рассказал Мейлеру об одной такой просьбе «Степана» — заговорить с Освальдом о своем отце-генерале и посмотреть, как американец среагирует. Головачёв заговорил, но Освальд не проявил никакого интереса — зато среагировала Марина, которая спросила весьма недвусмысленно: «Павел, а зачем ты об этом говоришь?».

Однажды, когда Марина и Освальд обсуждали, кто мог на них доносить, она спросила о Павле. Освальд выдержал паузу и, глядя ей в глаза, сказал: ему я доверился бы куда быстрее, чем тебе. Марина согласилась.

РАПОРТ KGB
(продолжение)

Возмущенная равнодушным отношением Головачёва П. П. к просьбам оперуполномоченного о встрече, мать Головачёва обратилась к нему со следующими словами: «Разве так ведут себя советские патриоты? Ты должен был сам пойти и рассказать им о знакомстве с американцем».

Согласившись с этими доводами своей матери, Головачёв попросил прощения за свои безответственные поступки. В конце беседы я попросил Головачёва немедленно информировать нас о любых фактах, которые могут быть интересны органам KGB, в том числе о лицах, которые

могут пытаться вступить с ним в контакт в результате его знакомства с Освальдом. Головачёв заявил, что в будущем он будет действовать соответственно.

После ухода Головачёва его мать, которая поделилась со мной опасениями за судьбу своего сына, выразила сожаление, что за четыре года он отдалился от родителей и попал под влияние нежелательных лиц. Товарищ Головачёва обещала уделить больше внимания политическому воспитанию сына. Она собирается чаще приезжать в Минск, чтобы проверять, как ведет себя сын. Более того, в будущем она ограничит его финансово и будет давать деньги только на абсолютно необходимые расходы. По ее словам, отец Головачёва П. П. заставил его подписаться и регулярно читать молодежные газеты и журналы. Они будут стараться следить за тем, насколько честно Головачёв П. П. будет соблюдать эти указания.

Мать Головачёва П. П. также высказала пожелание, чтобы органы периодически встречались с ее сыном, что, по ее мнению, имело бы положительное воспитательное влияние. Я объяснил матери Головачёва, что в этом нет нужды, и выразил уверенность, что они сами способны повлиять на сына в правильном направлении, чтобы он был достоин своих родителей и принял активное участие в строительстве коммунизма в нашей стране.

Степан Васильевич Григорьев[92].

Возможно, где-нибудь дети отвечают за мать. Но не в Минске.

---

92 По оперативным данным, генералом Головачёв Павел не стал, коммунизм не построили, отец умер в 1972 г., и его именем назвали улицу в Гомеле, а мать через тридцать лет после его смерти опубликовала свои воспоминания. Визит в KGB там не упоминается.
Для справки: в 2003 г. П. Головачёв был выписан из Минска, как сообщает Мингорсправка, «в связи со смертью».

35 ЛИ ОСВАЛЬДОВ

Всё уже было, даже то, что еще будет.

Впервые имя «Ли Харви Освальд» стало известно широкому кругу людей в Беларуси во вторник 26 ноября 1963 года. Местные газеты поместили сообщение ТАСС под заголовком:

Полиция обвиняет в убийстве президента Кеннеди Ли Освальда.

Это самое первое сообщение было самым информативным:

По обвинению в убийстве президента США Дж. Кеннеди полиция города Далласа арестовала жителя города, некоего Ли Харви Освальда. Этот 24-летний человек был задержан, несмотря на его отчаянное сопротивление, в помещении кинотеатра «Техас», которое находится на расстоянии около шести километров от места гибели президента США. Ли Освальда обвиняют также в убийстве полицейского. После почти десяти-

часового безостановочного допроса, которому подвергли Освальда в полицейском участке полицейские и агенты ФБР, ему было предъявлено официальное обвинение в убийстве президента. Затем Освальда представили корреспондентам. По сообщению корреспондентов агентства АП, Освальд упорно отрицал свою причастность к убийству. Окружной прокурор Далласа Генри Уэйд отказался ответить на вопрос корреспондентов, были ли на винтовке, из которой, как предполагают, был убит президент США, чьи-нибудь отпечатки пальцев.

В этом коротком тексте имя Освальда упоминается шесть раз.

На следующий день его имя будет упомянуто уже одиннадцать раз: под заголовком «Заметают следы» газеты печатали сообщение ТАСС об убийстве Освальда Джеком Руби (его имя тогда писали «Раби») и об указе нового президента Джонсона о расследовании убийства.

Минские читатели всесоюзной газеты «Известия» 27 ноября могли увидеть фото Освальда в последние минуты жизни — знаменитый кадр, когда он изумленно вздрагивает и корчится от неожиданно болезненного выстрела в упор. «Звязда» и «Советская Белоруссия» печатали сообщение без иллюстрации.

Время в Минске всегда течет иначе, чем в Америке — там уже всё было, а тут еще только должно быть.

Все публикации в Беларуси шли по двойному календарю: уже к моменту самой первой публикации, во вторник 26 ноября, не только Кеннеди, но и Освальд был два дня как мертв, а Руби арестован.

Имя Освальда можно встретить на страницах белорусской печати еще 16 раз до конца ноября, потом дважды в декабре. Ни разу нигде не упоминается его приезд в СССР, жизнь в Минске, работа на радиозаводе, жена и ребенок, возвращение в Америку.

В Минске, где Освальда знали сотни человек, это означало только одно: нужно молчать.

В доме переводчицы «Интуриста» Стеллины рвали на клочки фотографии с Освальдом. Она плакала, а муж предупреждал, что сейчас придется расплачиваться всей семье.

Она вспоминала при встрече с Мейлером:

Когда мы с мамой услышали, что Кеннеди убит и Освальд имел к этому отношение, мы так и сели. И сидели не двигаясь. Я помню огромный ужас, охвативший меня и всю семью.

Стеллина с семьей решила уехать из Минска: до 1977 года жила и работала учительницей в Витебске.

Студента мединститута Константина Бандарина вызвали в KGB, спросили о фотографиях — он все сжег — и отпустили, не пригласив даже сесть.

Но Стеллину в KGB не вызывали. Элла Герман ждала, что ее вызовут. Не вызвали. Не вызвали ни Аниту Зигер, ни ее сестру Элеонору, ни их родителей.

Мейлеру было неизвестно, вызывали ли Эрика Титовца.

Мейлер приводит свидетельство одного из компании студентов-медиков, Константина Бандарина, который говорит, что, в отличие от других знакомых, которые перестали встречаться с Освальдом перед отъездом, так как были уверены в слежке KGB, Эрик продолжал контакты — и даже, в отличие от всех них, сохранил все материалы того времени. Все уничтожали фотографии и письма, а Эрик сказал: вы удираете, как кучка трусов, и всё выбрасываете за борт. Эрик должен был бы трястись от страха, как осина, но вышел сухим из воды, ему ничего не было.

Бандарин говорит Мейлеру:

С чего бы это Эрик был такой смелый?

И Мейлер останавливается, заканчивает абзац, оставляет вопрос висеть в воздухе без ответа.

Знак вопроса — как точка в истории персонажа «Титовец».

Чекисты тоже плачут — по крайней мере, Мейлер именно так, с комом в горле, приводит слова бывшего начальника контрразведки.

Я почувствовал себя не плохо — а ужасно! Это был наихудший момент моей жизни!

Так генерал «Гузьмин» воспринял новость из Далласа. И вспомнив, пишет Мейлер, чуть не заплакал.

Все обвиняют меня! Будто я знал, что он будет стрелять. Мы не имели понятия. Нельзя в Минске найти ни одного человека, кто сказал бы — да, Освальд собирался вернуться в Америку и заварить эту кашу.

«Гузьмин» и «Степан» больше всего боялись: а вдруг Освальд готовился к убийству в Минске, а они не заметили. Но самым важным признанием, которое записал Мейлер от чекистов, он посчитал последнее:

Если честно, нас не заботило общественное мнение в Америке. Нас волновало, что скажет Москва.

Кто бы сомневался. Уж если где может быть то, чего не было, так это тут.

ОШИБКА МЕЙЛЕРА

Выбирая между вежливостью и нравственностью, следует выбирать первое — оно менее опасно. Хотя у государства может быть иное мнение.

В ноябре 1963 года один житель Минска совершил поступок, который свидетельствует о хорошем воспитании и который можно было квалифицировать как измену Родине.

Сразу после убийства самого Ли Освальда Джеком Руби единственный из всех знакомых Освальдов в Советском Союзе — Павел Головачёв написал и отнес на минский почтамт письмо Марине Освальд с соболезнованием.

Наутро за ним пришли.

Два сотрудника KGB повели его на троллейбусную остановку, и через десять минут они уже входили в здание KGB. Павла отвели на второй этаж, из окна был виден книжный магазин, в комнате ждало человек семь.

Как Головачёв позже скажет Мейлеру — его не били.

Речь шла о письме с соболезнованием. Головачёв вспоминал:

Они начали с того, что сказали: «В нашей стране только представители народа могут посылать соболезнования. Ты не представитель нашего народа. Ты не имеешь права выражать соболезнования. Это одно. Ты потерял политическую бдительность. Ты стал политически близоруким. Если ты не хочешь, чтобы законы нашей страны написали тебе на шкуре, если ты хочешь снова увидеть небо, перестань делать глупости. Кстати, каковы твои отношения с Мариной Освальд? Ты с ней спал?» Они задавали другие вопросы и затем возвращались к этому: «Ты когда-нибудь спал с Мариной? Почему ты написал такое письмо, если ты с ней не спал?».

Логика KGB понятна: если бы Павел ответил, что да, спал с Мариной, сразу появился бы ясный и безопасный мотив, почему он выражал соболезнование. Его завели на почтамт и заставили написать заявление об отзыве письма. Такое соблюдение законности не слишком впечатлило Головачёва: откуда же KGB знает содержание, если они еще не перехватили письмо? [93]

В январе следующего года подруга Марины Инесса Яхлиель с друзьями послала телеграмму с соболезнованием. И получила ответ: «Не поминайте Альку лихом». Последствий от KGB не было. А соболезнования от Павла Марина так и не дождалась.

В разговоре с Мейлером через тридцать лет Головачёв назовет этот привод в KGB наихудшим моментом своей жизни.

Депутат Сергей Наумчик встречался с бывшим куратором Освальда полковником в отставке Александром Костюковым. Сцена — как из-под пера Достоевского:

Он сетовал на минских друзей Освальда, дававших западным журналистам недостоверную информацию, где сомнительно показывали его, Костюкова, роль. Особенно жаловался на Павла Головачёва: «Павлик говорит, что я его вызывал, сурово с ним разговаривал... Да когда его мать пожаловалась в KGB и мне пришлось с ним встречаться, я дрожал, как

---

93 По оперативным данным, ФБР также читало письма американских граждан в советское посольство в Вашингтоне, в том числе письмо Освальда с просьбой о визе для возвращения в СССР от 12 ноября 1963 г.
Для справки: письмо дошло до адресата.

осиновый лист: я — младший офицер, никто, а он — сын Героя Советского Союза, знакомого с Хрущёвым...»

Оперуполномоченный говорит так весной 1993 года, во время расцвета белорусской демократии, когда разговоры о люстрации ведутся не на кухнях, а в парламенте, и говорит это депутату оппозиции, перед которым тогда распахивали двери председатель KGB и министры.

А журналисты, на которых ссылается Костюков, на самом деле были с востока — Головачёв рассказал о запугивании KGB корреспонденту газеты «Известия», которая публиковала серию материалов об Освальде в августе 1992 года. Что-то неясное со сторонами света в минских широтах: как только чуть меньше страха — сразу Запад[94].

В самом конце книги Мейлера, в именном показателе, Павел Головачёв будет представлен как «друг Освальда и информатор KGB». Из множества людей, с которыми Освальд встречался в СССР и которых потом расспрашивал Мейлер, так будет написано только об одном Головачёве.

Книга Мейлера почти безупречно точная: ошибки в ней — не ошибки, а описки (не та буква в фамилии консула, который выдаст Марине визу для возвращения в Америку, лишняя гласная в фамилии председателя KGB («Шираковский»), смешное объяснение, что, если имя одного из собеседников — Саша, а его отца — Николай, так его зовут «Саша Николаевич»).

Но слова в показателе имен о Павле Головачёве, хотя и не неправильные, окажутся самыми несправедливыми.

Симпатичный был парень.

И вежливый.

---

94 По оперативным данным, в ноябре 1992 г. А. Л-к, как член парламентской комиссии по делам жертв репрессий, вел митинг на ступеньках центрального входа KGB, предоставляя слово по очереди детям бывших врагов народа и другим элементам. Как он вспоминал впоследствии: «Неожиданно огромные двери за спиной открылись и на крыльцо вышел человек в черной кожаной куртке и стал сзади. Постоял, потом вежливо спросил, как долго еще мы будем перекрывать движение. Оказалось, это Ширковский — не помню, что я ответил, помню, что слова ему не дал».
Для справки: неизвестно, просил ли председатель слово.

VISA VOLANT

Увиденное не остается. Таков неизбежный ошибочный вывод из знаменитого латинского мема о написанном.

В архивах комиссии Уоррена собраны тысячи вещественных доказательств — фотографии из Минска и Техаса, письма, рукописи, блокноты, конверты, оригиналы документов. Существует самая дорогая в мире любительская документальная лента, снятая жителем Далласа Абрахамом Запрудером во время убийства (26,6 секунды были оценены в 16 миллионов долларов). Выбирать было из чего — но в «Истории Освальда» нет ни одной иллюстрации. Нет даже портрета героя.

Почему Мейлер не захотел включать иллюстративный материал в книгу? Почему нет даже Освальда с Мариной?

Возможно, по той же причине, почему нет фотографий в романах Толстого или Достоевского. Освальд, разумеется, реальный человек, а не литературный персонаж. Но Мейлер не столько хочет рассказать о герое, сколько найти ответ на вопрос:

почему? И даже глубже: существует ли вообще тайна, либо мы имеем дело с проявлением абсурда, постмодернистской реальностью, где всё происходит безо всякой причины. Иными словами — если президента убило ничтожное насекомое, то мы живем в мире деградировавшего хаоса, и всё безнадежно. Но если идейная личность застрелила отца двоих детей и убила полицейского, то такое зло можно понять и, значит, с ним бороться.

Если выбирать только одно фото для книги об Освальде в Минске, стоило бы напечатать довольно банальный снимок Освальда и Марины в солнечный день на набережной Свислочи, неподалеку от их дома. Главная его особенность — это единственный снимок, на котором двое в полный рост.

Вот они стали у парапета, Освальд улыбнулся в камеру, половина лица жены в тени, фотоаппарат щелкнул — и готово. Не сразу, конечно, а после того, как пленка побывала в бачках с проявителем, фиксатором, была промыта, высушена в темной комнате с красной лампой, а потом печатались карточки, и это тоже процесс, который начни описывать — не остановишься.

Этот снимок однажды попросили прокомментировать одного мастера фотографии в Минске, знатока фотоискусства и истории. Вот что он писал, не зная имен, с оговоркой о малом формате и низком качестве изображения:

Это неплохая фотография «на память», снято довольно грамотно, без грубых технических ошибок. Камера, скорее всего, кинопленочная (24 x 36), качество файла не дает возможности сказать увереннее. Снято, видимо, любителями во время прогулки, без продуманной постановки. Профессионал при специальной съемке не допустил бы, чтобы женщина стояла не эстетично, с расставленными ногами. Плохое качество файла всё же дает возможность разглядеть немного психологию пары, но только в самых общих чертах. Так выглядит женатая пара, когда совместная жизнь уже вошла в привычку. Хотя наблюдается определенная отчужденность между этими людьми, какая-то нестабильность, недосказанность. Не всё у них хорошо.

Позже фотомастер улучшил снимок и прислал дополнительный комментарий:

Эти люди отличаются по культуре фотографирования. Женщина снимается непосредственно, такой, какой есть, не думая, как выйдет, и не прихорашиваясь, не принимая «выгодных» поз. Тем временем мужчина сознательно принял, видимо, знакомую ему позу и улыбается, но всё это выглядит непосредственно и элегантно. Он вообще держится более раскованно и элегантно. Пальто на нем довольно дорогое, сидит хорошо и сшито точно по нем; брюки по тогдашней моде и точные по длине, отутюжены, туфли начищены до блеска; шарф аккуратно подобран и завязан; тип прически характерен для интеллигентного человека. Мужчина на фото привык следить за своим видом. Это мог бы быть человек из тогдашней инженерно-технической интеллигенции, преподавателей средней или высшей школы либо из мелких государственных служащих.

Женщина элегантностью не выделяется. Внешний вид ее простоватый, одежда не подходит (возможно, куплено в «ширпотребе» — что было), но держится она уверенно, спокойно и самодостаточно. По внутреннему наполнению она выглядит взрослее мужчины и сильнее характером. Мужчина в сравнении с ней несколько инфантилен. Непонятно, почему женщина без шарфа, в пальто и с открытой голой шеей и грудью. По виду это типичная минчанка того времени, работница столовой, бухгалтерии, поликлиники, парикмахерской, швейной фабрики, часового завода, продавщица в гастрономе и т. д. — средний уровень жителя Минска. Тем временем мужчина более типичен для Западной Беларуси, Прибалтики, Польши. Это более западный тип человека.

Этот анализ поражает своей точностью: то, на что KGB потратил годы оперативного наблюдения, а Мейлер — сотни страниц книги, отразилось и может быть считано с не очень качественной черно-белой фотографии[95].

Но была одна деталь, на которую мог обратить внимание только знакомый с историей героя человек. Именно этот сни-

---

95 По оперативным данным, фотографии комментировал белорусский политик, кандидат искусствоведения, автор ряда фотоальбомов Зенон Пазьняк. В начале 1960-х годов он был студентом театрально-художественного института в Минске, имел антисоветские взгляды и фотоаппарат «ФЭД».
Для справки: фотоаппарат «Феликс Эдмундович Дзержинский» был популярен в антисоветских кругах, т. к. являлся копией аппарата Leica II.

мок был главным доказательством теории, что Освальда здесь подменили и в Америку возвращался человек KGB.

На снимке Ли и Марина почти одинакового роста. На самом деле она имела около 160 см, а Освальд — около 180. Марина в босоножках без платформы и каблуков. Кто тогда рядом с ней?

Первый неконспирологический ответ на этот вопрос сумел дать в начале 1990-х канадский журналист Питер Вронский, который поставил его с ног на голову: не кто рядом с Мариной, а — кто рядом с Освальдом?

Во время приезда в Минск Вронский встречался с подругой Марины Людмилой Петрусевич, которая сказала — на снимке с Освальдом именно она. Людмила вспомнила, как они гуляли, делали снимки вместе и по отдельности, и вот этот снимок делала Марина. А почему это пальто на Марине на других ее снимках? А потому что Людмила пошла гулять без пальто, замерзла и одолжила его погреться.

Публикация Вронского вызвала сенсацию в кругах освальдоведов, и загадка считалась решенной до тех пор, пока он снова не приехал в Минск и не попытался снять всю сцену на видеокамеру.

Нашли то самое место, установили камеру, чтобы выбрать правильный ракурс, поставили возле балюстрады вместе с подругой Марины переводчицу Вронского — и вдруг в кадре Люся Петрусевич оказалась одного роста с переводчицей, которая была выше ее.

Асфальтовое покрытие у балюстрады вздыбилось, рядом с провалами были возвышенности. На историческом фото действительно была Марина — она стоит на асфальтовом горбике, для устойчивости чуть расставив ноги: носок ее левой туфли на одном уровне с правым ботинком Освальда, но каблук выше.

Вот как работа городских коммунальных служб несколько десятилетий опускала или возвышала — кому как — репутацию KGB, давала занятие целому направлению освальдоведения и привела к эксгумации тела Освальда в 1981 году.

Ох, Минск — город не простой для прогулок. Надо под ноги смотреть, даже когда на месте стоишь.

ЗРЯ ИЛЬ НЕ ЗРЯ

Писатель Толстой, например, писателя Шекспира не любил, но читал — потому, что тот писал. Ненаписанное не вызывает ни злорадства, ни сочувствия, не предугадывается, не отзывается и за него не дается гонорарная и иная благодать.

«Захватывает дыхание» (The New York Times Book Review); «Шедевр!» (The Economist); «Завораживает» (The Washington Post Book Review); «Это великий романист, как Бальзак или Достоевской или Диккенс. Очень, очень мощно» (Би-би-си) — такие оценки появились в американских и европейских книжных обозрениях сразу после выхода «Истории Освальда».

«Возможно, это самое главное литературное достижение Мейлера» — так характеризуется книга через два десятилетия после ее выхода и через десять лет после смерти автора на страницах самого большого книжного магазина в мире, интернет-гиганта Amazon.

Но книги могло и не быть, и вовсе не из-за KGB.

Вопрос «Зря или нет ехали в Минск?» возник перед Шиллером и Мейлером уже после встреч с KGB на Лубянке, когда был истрачен издательский аванс, записаны московские и ленинградские интервью, когда председатель KGB независимой Беларуси Ширковский распил с авторским коллективом штоф «Беловежской» и не дал, одновременно дав, доступ к делу.

Неожиданно выяснилось, что издательство Random House ранее заключило контракт на подобную тему с Джеральдом Познером, молодым талантливым юристом, который после нескольких лет адвокатской практики занялся журналистскими расследованиями.

— Random House — очень конкурентное издательство, — объяснял Шиллер, без обиды, просто констатируя, будто речь шла не о подрыве интересов одной стороны, а о погоде.

Глазами юриста и историка Познер перечитал официальные и альтернативные версии, проанализировал все имеющиеся в открытом доступе оригинальные документы, изучил всё, что могло иметь отношение к выстрелам в Далласе — от психического здоровья Освальда в детстве до новейших баллистических исследований, — и пришел к выводу, что нет доказательств международного или внутреннего заговора. Ни ЦРУ, ни KGB, ни Линдон Джонсон, ни американская мафия, ни Фидель Кастро, ни тайный второй стрелок не стояли за убийством.

— Когда мы узнали об этом, стало ясно, что книга Познера может быть важнее нашей, — сказал Шиллер, опять спокойно, так как на стихию не обижаются.

Книга Познера «Дело закрыто» вышла за два года до «Истории Освальда» и сразу стала бестселлером. Авторитетные критики единодушно отмечали безукоризненный характер и исчерпывающее качество исследования. (С тех пор опубликовано еще около 4 миллионов страниц документов и различных оценок на ту же тему, но, по мнению экспертов, они лишь подтверждают выводы Познера.)

В это время Мейлер и Шиллер были уже в Минске, и перед ними встал вопрос: что делать? Книжный рынок не резиновый, существует читательская усталость от темы, а тут сразу две книги об одном герое в одном издательстве. Зачем зря тратить время, силы, средства?

После обсуждения решили, что не зря. Всё же их книга была задумана о другом, и имела уникальную ценность — архивы KGB.

Да и Мейлер был Мейлером, писателем не только с американской, но мировой известностью, признанный самыми знаменитыми современниками.

Проблема, однако, не исчезла. Только, по мнению Шиллера, она была не в Познере и не в издателях, а в самом Мейлере, который был не менее честолюбив и азартен, чем Random House. Мейлер решил ответить ударом на удар — увеличить рамки книги, написать вторую часть об американском периоде, о том, что происходило с Освальдом после возвращения.

По его просьбе в Минск привезли 28 томов отчета комиссии Уоррена. У Мейлера уже было слабое зрение, и каждую страницу распечатывали на ксероксе, увеличив вдвое. Вместо прогулок по Минску, походов в театр, новых встреч, знакомства с местной историей американец проводил дни и вечера, изучая отчет комиссии Уоррена.

Шиллер был уверен, что это минское решение — ошибка.

— Мы не делали никакой оригинальной работы с американским периодом, никаких новых журналистских интервью. Ничего нового, перепев отчета Уоррена, — говорил Шиллер.

Мейлер однажды заявил, что хотел бы написать роман, который «захотели бы прочитать Достоевский и Маркс, Джойс и Фрейд, Стендаль, Толстой, Пруст и Шпенглер, Фолкнер и даже старый трухлявый Хемингуэй». Он был убежден, что надо рассказать всю историю Освальда — от начала до конца, что такая книга может стать каноном, национальной классикой на самую волнующую для американской психики тему XX века. И материалы комиссии Уоррена просто более достоверный источник, чем память участников событий после двух десятилетий пересказов и напластований.

— Книга должна была охватывать только советский период Освальда. Это придавало бы ей уникальность, вес, законченность, — вспоминал свои аргументы Шиллер.

Но сделать ничего не мог — у Мейлера была репутация стихии.

И не зря.

СКАЛА ГИБРАЛТАРА

Чем ничего, лучше хоть раз и чуть-чуть.

Потому что, если переводить весь отчет комиссии Уоррена, это другая работа, иная книга, не та профессия. Единственный член комиссии, написавший книгу об убийстве, Джеральд Форд называл материалы отчета «Гибралтаром литературы факта».

Пролив между Атлантическим океаном и Средиземным морем окаймляют Геркулесовы столбы: Гибралтарская скала на севере и скала Джебель-Муса на юге. Океан документов, рожденных комиссией, был ужат до тысячи страниц опубликованного отчета. Для этой поэмы наибольший интерес представляют две проливообразующие главы, возвышающиеся как скалы над морем расследования.

Одна — «Дезертирство в Советский Союз», посвященная периоду с октября 1959 по май 1962 года. Однако жизнь русского рабочего Освальда комиссию Уоррена не заинтересовала: на его 966 дней в СССР отведено полпроцента отчета, четыре с половиной страницы. Из них о минском периоде — две, и почти вся

информация взята из дневника и писем Освальда. Цитируется Марина: комиссии она говорит, что к Освальду в Минске относились дружелюбно. А подруге — что все его ненавидели.

Объемно, хотя и куцо.

Другую главу можно назвать скалой любви или, точнее, скалой с видом на любовь: она называется «Взаимоотношения с женой». Комиссия, как и Мейлер через три десятка лет, считала, что взаимоотношения Ли и Марины чрезвычайно важны для понимания возможных мотивов Освальда.

Ситуация в отчете выглядит так: семейная жизнь трещит по швам, Марина мужа не ценит и не уважает, а он ведет себя как деспот. Освальд выступает против русскоязычных знакомств жены, против изучения английского, против «ста платьев», подаренных ей новыми друзьями. Запрещает ей выпивать, краситься, не дает денег, однажды ударил, случайно прочитав письмо Марины в Минск, где она жаловалась на свою жизнь в Америке и жалела, что не за того вышла замуж.

Дальше комиссия узнает больше. Свидетели говорят о незрелости Марины: она может публично упрекнуть мужа, что тот мало зарабатывает, может в его присутствии заявить о его несостоятельности в постели. Жалуется знакомым на то, что у них редко бывает секс, что он «не мужчина». Признает, что провоцирует мужа, и тогда случаются стычки. У нее появились синяки, он занимался рукоприкладством, когда она была беременна.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

Вопрос: Вы когда-либо били его чем-нибудь кроме как рукой?

Ответ: Помню, однажды я сказала, что, если он меня снова тронет, я запущу в него транзисторным приемником. И когда он меня опять ударил, я швырнула в него радио.

Вопрос: Попали?

Ответ: Промазала.

Марина давала показания комиссии Уоррена семь дней. Первые два раза —в Вашингтоне, 3—6 и 9 февраля, затем 11 июня 1964 года; и еще раз — через три месяца, 6 сентября на авиабазе в Далласе, куда прилетели три члена комиссии.

Вдове Освальда задали около трех тысяч вопросов, на которые она под присягой через переводчика дала столько же ответов, иногда долгих, иногда коротких. Самый первый вопрос прозвучал от председателя комиссии Эрла Уоррена: как вы доехали, миссис Освальд, хорошо?..

Последний, перед прощанием, диалог между председателем и свидетельницей также является образцом хорошего тона:

Председатель: Вы полностью вольны, миссис Освальд, вести нормальную жизнь без чьего-либо вмешательства. Если бы кто-нибудь вам мешал, надеюсь, вы сообщите об этом комиссии.

Миссис Освальд: Я вам очень благодарна. Я не думала, что найду столько друзей среди американцев.

Председатель: У вас здесь есть друзья.

Миссис Освальд: Спасибо.

Друзья из числа членов комиссии неоднократно, в разных формулировках, задавали свидетельнице главный вопрос: мог ли Освальд быть убийцей? Утвердительно отвечая на него в первый раз, жена сказала, что прочитала такой ответ в глазах мужа во время их краткого свидания в полицейском участке после задержания.

Не знавшая английского языка Марина только в Вашингтоне познакомилась с переводом «Исторического дневника», писем, рукописи мужа. Ее мнение о том, кто убил Кеннеди, по мере знакомства с обстоятельствами дела не менялось, а только укрепилось. Одним из последних тот же вопрос задавал конгрессмен Джеральд Форд.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

Вопрос: Миссис Освальд, после убийства президента Кеннеди ваш муж был задержан и допрошен властями. Он отрицал, что хранил ружье в доме миссис Пейн. Он отрицал, что стрелял в президента Кеннеди. И он подверг сомнению подлинность сделанного вами фото, где он держит это ружье и чехол. Так вот, несмотря на эти отрицания вашего мужа, вы все еще считаете, что президента Кеннеди убил Ли Освальд?

Ответ: Да.

Этот же ответ — нет сомнений, что президента убил ее муж, — Марина повторит в сентябре во время последней встречи с комиссией Уоррена[96].

Комиссия установила, что миссис Освальд высмеивала политические взгляды мужа, чем ранила его самолюбие. Он зачитывался автобиографиями выдающихся деятелей, потому что, по мнению жены, думал, что похож на них «в своих фантазиях, полностью безосновательных».

Марина с детьми уходит жить к знакомым, потом возвращается, затем перебирается к подруге Рут Пейн в городке Ирвинг.

Ситуация несколько улучшается, когда Освальд устраивается на книжный склад в Далласе и приезжает в Ирвинг на выходные. Однако в последние выходные перед убийством Марина просит его не приезжать: в семье подруги отмечали день рождения. Накануне Марина с подругой едут в Даллас и узнают, что Ли поселился под чужим именем. Его объяснение — потому что им интересуется ФБР, потому что он был в России, потому что ездил в Мексику — выводит Марину из себя как еще одна глупая отговорка.

В понедельник 18 ноября Освальд звонит несколько раз, потом Марина перестает брать трубку. В четверг, накануне убийства, он приезжает.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

Вопрос: Ваш муж как-то объяснил свой приезд домой в четверг?

Ответ: Он сказал, что был одинок, потому что не приезжал в прошлые выходные, и хотел помириться.

Вопрос: Что вы на это сказали?

Ответ: Он пытался разговаривать со мной, но я не отвечала, и он был очень расстроен.

---

96 По оперативным данным, через четверть столетия миссис Марина Портер передумала и с тех пор с миссис Освальд не соглашается.
Для справки: воздействие психологического характера индивидом на собственное сознание, которое характеризуется некритическим восприятием реальности, называется самовнушением или прозрением, в зависимости от характера.

Вопрос: Вы тоже были расстроены?

Ответ: Я злилась, конечно. Он не был зол, он был расстроен. Я была злая. Он очень старался угодить мне. Провел много времени, меняя подгузники, и играл с детьми на улице.

Вопрос: Как вы дали ему понять, что злитесь?

Ответ: Не разговаривала.

Вопрос: И как он показывал, что расстроился?

Ответ: Он расстроился, потому что я не отвечала. Он пытался заговорить со мной несколько раз, но я не отвечала. Сказал, что не хочет со мной ругаться, это его расстраивает. В тот же день предложил снять квартиру в Далласе. Сказал, что устал жить один и что, возможно, причина моей злости — то, что мы не живем вместе. Что если я захочу, он завтра же снимет квартиру в Далласе, что он не хочет, чтобы я оставалась у Рут, а хочет, чтобы жила с ним в Далласе. Он повторил это несколько раз, но я отказалась. Тогда он сказал, что я опять предпочитаю своих друзей и что он мне не нужен.

Вопрос: А вы что сказали?

Ответ: Я сказала, что будет лучше, если я останусь с Рут до праздников, он приедет, и мы все встретимся. Что так было бы лучше, потому что, когда он живет один, а я у Рут, мы тратим меньше денег. Я сказала ему купить стиральную машину, потому что стало слишком трудно стирать для двоих детей вручную.

Вопрос: Что он на это ответил?

Ответ: Он сказал, что он хотел бы купить мне стиральную машину.

Вопрос: Что вы сказали?

Ответ: Спасибо. Лучше, если бы он купил что-то для себя, я сама справлюсь.

Одиночество, обиды, упреки, нежелание идти на компромисс и желание уколоть — нормальные ингредиенты размолвки, которая может завершиться разводом или, наоборот, примирительным сексом. Но последняя ночь с Мариной завершилась иначе.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

В эту ночь Освальд лег спать раньше жены. Она не говорила с ним, когда сама ложилась, хотя думала, что он еще не спит.

На следующее утро он ушел на работу, пока все еще спали. Впервые он оставил обручальное кольцо в чашке на комоде в своей комнате.

Также оставил 170 долларов в бумажнике в одном из ящиков. Он взял с собой 13 долларов 87 центов и длинный коричневый сверток, с которым его видели [соседи] Фрейзер и миссис Рэндл и который он принес на книжный склад.

В длинном коричневом пакете был разобранный карабин «Манлихер-Каркано»[97].

97 По оперативным данным, если бы мужья убивали начальство разных уровней только из-за жен, давно бы царил матриархат.
Для справки: что-то в этом есть.

МИНСК — ДАЛЛАС

Все пишут: Кеннеди, Кеннеди. В Минске Освальд слышал его по радио, в Америке читал в газетах, взял в библиотеке его книжку «Портреты мужества» — и ни разу до 23 ноября 1963 года не видел Кеннеди.

Издалека президент Освальду нравился. Что же изменилось, когда расстояние между ними сократилось до 50 метров?

«История Освальда», где всего понемногу для всех плюс еще немножко, и должна была стать ответом на этот вопрос. Мейлер гордился, что сократил рукописный текст с 1700 до 1400 стра-

ниц. По мнению Ларри Шиллера — недостаточно. Но у Мейлера было свое мнение, и вторая, большая часть «Истории» посвящена приключениям Освальда после Минска.

Если коротко: жизнь в Америке у Освальда не задалась. Пресса им не интересуется, но интересуется ФБР, однажды его пригласили выступить с воспоминаниями о советском опыте, но больше не приглашали, он начал перепечатку своих заметок, но после нескольких дней бросил — не было денег на машинистку. Биржа труда устраивает его на работу, но работник в американских компаниях из него не лучший, чем слесарь на минском радиозаводе, он нигде не задерживается. Денег не хватает, продолжаются скандалы с Мариной, она уходит из дома. Освальд пробует предложить свои услуги советскому посольству в Мексике, пытается что-то сделать в поддержку Кубы, и даже предпринимает отчаянную попытку уговорить беременную жену вместе угнать самолет и улететь в Гавану.

Лихорадочные усилия перевести стрелки судьбы, набиравшей скорость, как сумасшедший паровоз на встречном пути, — ироническая и трагикомическая попытка вернуться в Советский Союз. Марина почти сразу после приезда в США начинает писать письма в советское посольство, и Освальд присоединятся...

Затем Освальд решается на убийство. Карабин уже куплен, и он выбирает мишень — незнакомого ему, но популярного в Техасе правого политика генерала Эдвина Волкера. Ветеран двух войн, Волкер был единственным американским генералом, уволенным в XX столетии из армии из-за политических заявлений: он участвовал в выборах на пост губернатора Техаса, но проиграл. Освальд стреляет в генерала, который был в своем доме и подошел к окну, пуля попадает в раму, неудачливый стрелок убегает, полиция никого тогда не нашла.

Пытается наладить контакты с местными коммунистами, по его просьбе из партийной газеты ему присылают слова «Интернационала» по-английски: «Это есть наш последний и решительный бой...».

Всё это не минские маршруты, хотя в Америке Освальд и оформил подписку на газету из Минска — «Советскую Белоруссию».

Только после полутысячи страниц, посвященных подробностям полутора лет Освальда в Америке, Мейлер предлагает ответ на вопрос: почему Освальд выбрал мишенью Кеннеди?

Ответ отражает наше понимание Освальда: это был наибольший шанс, который он когда-либо имел. Убийство президента было бы землетрясением. Для американцев его эхо будет звучать до конца века и даже дольше. Это также будет наказанием для русских и кубинцев. Но он, он был выше капитализма и выше коммунизма. Выше обоих! У него было, как он считал, высшее призвание и потенциал, как у Ленина. Освальд разделял его веру в то, что цель оправдывает любые средства. После унижения в Мехико и отсутствия социального статуса в городке Ирвинг, куда переехала Марина, похоже, что политическая идеология Освальда наконец остановилась на центральном нерве нигилизма: всё должно стать значительно хуже, чтобы потом стать лучше. Можно процитировать его запись, сделанную на корабле во время возвращения в Америку: «Интересно, что было бы, если бы кто-то встал и сказал, что он против не только властей, но и против народа, всей страны и всего фундамента общества». В этом предложении — вся мотивация выстрела в Кеннеди.

Эта реконструкция настолько напоминает героев «Бесов» Федора Достоевского и их главного прототипа Сергея Нечаева с его людоедским катехизисом революционера, что вслед за Мариной хочется воскликнуть: не Толстой!

Dolsty.

Мейлер пишет, что Кеннеди вселял оптимизм и давал надежду, и в этом смысле он был хорошим президентом, и Освальд никогда ничего плохого о нем не говорил. Однако, с точки зрения Освальда, он был слишком хорошим президентом и мог затормозить развитие социального кризиса и радикальные перемены, а потому объективно препятствовал созданию лучшего мира. Лучше, как обычно, когда хуже.

Ну, а сложное порой на самом деле оказывается простым. Маршрут Кеннеди был напечатан в техасских газетах, указано время, нарисованы схемы движения кортежа, и рабочие в книжном складе целую неделю обсуждали, как президент будет проезжать в открытом лимузине на расстоянии метров пятьдесят под их окнами. Можно будет рукой помахать.

Как Освальд писал брату Роберту:

Всегда лучше использовать возможность, если она появилась.

Появилась 22 ноября 1963 года.

В 12:30 использовал.

Марина смотрела телевизор, когда подруга, Рут Пейн, у которой она жила, крикнула, что президента убили, и стреляли из здания, где работал Ли. В материалах комиссии Уоррена записана ее реакция:

У меня сердце остановилось. Потом я пошла в гараж, чтобы проверить, на месте ли ружье, увидела, что одеяло, в которое оно было завернуто, на месте, и сказала: слава Богу!

Кошмар был остановлен, несчастье махнуло крылом и миновало, — еще два часа мир Марины стоял не рухнув, продолжалась ее прежняя, не самая удачная, нелегкая, обыкновенная счастливая жизнь.

В 15:00 с обыском явились полицейские, она повела их в гараж, где хранились их семейные вещи, указала на сверток с ружьем. Полицейский взял одеяло, и оно повисло у него на руке.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

Вопрос: 23 ноября, когда в полицейском участке вы увиделись с мужем, вы не спросили, он ли убил Кеннеди?

Ответ: Нет. (…) Он сказал, что не надо волноваться, всё будет хорошо. Но я видела по глазам, что он виновен.

Вопрос: Что же вы увидели в его глазах, что навело вас на такую мысль?

Ответ: Он попрощался со мной взглядом. Я знала. Он сказал, что всё будет хорошо, но сам в это не верил.

Вопрос: Как вы это можете утверждать?

Ответ: Я видела это в его глазах.

Возможности, как мотыльки, могут появиться не только неожиданно, но и с неожиданной стороны: через два дня, когда

Освальда переводили из полицейского участка в тюрьму, в толпе репортеров с кольтом в руках ждал местный житель Джек Руби, решивший убить Освальда, если появится возможность.

В 11:21 появилась и была использована.

Мейлер хотел назвать книгу «Американская трагедия» — если бы не Драйзер, который сделал это на 70 лет раньше. Заголовок «Американская мечта» Мейлер использовал для своего четвертого романа.

Достоевский учил, что «человек есть тайна». Чем было многостраничное исследование Мейлера, как не разгадыванием, поиском ответа, попыткой истолковать абсурд, который вдруг опрокинул время? И «История Освальда» получила подзаголовок: «Американская тайна».

Точнее было бы «Американский обман».

Даже лучше: самообман.

ДАЛЛАС — МИНСК

На койке плашмя лежит солдат. Глаза у него закрыты, но он не спит...

Эти слова Освальд о своей службе мог написать сам, но его опередил Мейлер — так начинается роман «Нагие и мертвые», вышедший в 1948 году и пользовавшийся огромной популярностью. События происходят на Тихом океане — там, где служил Освальд. А уж прикидываться спящим, не видеть и не слышать, чего не хочешь, этот морской пехотинец умел не хуже других.

Как бы Освальд, будь он жив, воспринял книгу Мейлера о себе, о подслушивании KGB, о друзьях-подружках, о жене, о своей жизни, вывернутой наизнанку?.. Что бы уточнил, что оспорил? Или сразу зарядил бы свой «Манлихер» и первым же рейсом вылетел из Далласа в Нью-Йорк — хотя нет, с оружием в самолет не пустят. Значит, завел бы свой автомобиль и поехал, но не в Нью-Йорк, и не потому, что очень далеко, ведь что такое полторы тысячи миль для 55-летнего мужчины на хорошем авто по хорошей дороге, а в адвокатскую контору — судиться с автором, издательством и KGB.

Даже проще — никуда бы не поехал, а адвокаты сами пришли бы. Ведь если бы в 1963 году дело дошло до суда и смертного приговора, американские юристы умело добиваются отсрочек, даже в Техасе. Также вероятно, что за это время он осуществил бы свою мечту — написал и опубликовал бы свои мемуары, и, может, даже продал бы права на экранизацию в Голливуд.

И Мейлер с Шиллером не поехали бы в Минск, и не договорились бы с KGB, и не раскрылись бы таким образом до сих пор страшно секретные тайны оперативной работы органов в Минске, и не было бы… да мало ли чего не было бы.

Одна книга сто лет назад так описала проблему причин и следствий в истории: человек выпил лишнюю рюмку, сел за руль автомобиля со слабыми тормозами и, когда поворачивал на неосвещенном перекрестке, сбил выскочившего за сигаретами человека.

Кто виноват в смерти?

Водитель, выпивший лишку?

Механик, не отрегулировавший тормоза?

Местные власти, не отремонтировавшие фонарь?

Курильщик, перебегавший улицу, чтобы удовлетворить вредную привычку?

Его подруга, забравшая себе последнюю сигарету?[98]

Когда знаешь финал истории Освальда, подобные вопросы можно задавать еще сто лет. Но один вопрос всё же нельзя не задать: какое влияние оказал минский период жизни Освальда на его действия в Далласе?

Минские знакомые Освальда и незнакомые ему, но знавшие его товарищи из KGB единодушно утверждали, что Освальд не мог быть убийцей Кеннеди. Так знакомые говорят почти обо всех убийцах: был тихий мальчик в школе, приличные родители, помогал соседям, имел хорошие характеристики, мы вместе играли в парке...

---

98 По оперативным данным, это следственное предположение было высказано британским дипломатом Эдуардом Карром в 1917 г. в работе «Что такое история».

Для справки: о вреде девичьего курения предупреждает А. Л-к., пытавшийся даже протащить в поэму сомнительное двустишие: «Когда от девушки пахнет никотином густо, она напоминает мне малину с дустом».

Этот распространенный феномен — защитная реакция от неожиданного выброса абсурда.

В минской среде Освальда мнения расходятся только в причинах, почему не мог: одни, включая KGB, считали его неразвитой, ленивой и безобидной бездарью, другие — интеллигентным, образованным, неординарным молодым человеком.

Эрнст Титовец через полвека после убийства завершит свою книгу воспоминаний вопросом:

Был ли Освальд счастлив?

И ответит:

Если счастье означает способность свободно выбрать жизненную цель и работать ради ее осуществления, он был счастлив.

Титовец аргументирует свою оценку: Освальд был идеалистом, стремящимся улучшить жизнь в своей стране. В своей Афинской системе он нашел третий путь в обход коммунизма и капитализма: «Жизнь его была полна приключений и усилий, которые все были направлены к этой идеалистической цели... Он был счастливый человек».

А счастливый человек, как следует из ответа, не способен на убийство.

Вывод, конечно, верный. Если забыть о некоторых идеалистах, стремившихся осчастливить человечество в предыдущие столетия.

ОТЧЕТ КОМИССИИ УОРРЕНА

Вопрос: Вы хоть как-то можете объяснить мотив, подтолкнувший вашего мужа убить президента?

Ответ: Исходя из всего, что я знаю о муже и о происшедших событиях, я могу сказать, что он хотел любым способом, хорошим ли, плохим ли, совершить что-нибудь такое, что сделало бы его знаменитым, чтобы остаться в истории.

Вопрос: И вы верите, что ради этой цели он убил президента?

Ответ. Я так считаю.

Литературное следствие, проведенное Мейлером, имело дело с исследованием личности Освальда и поиском ответа на вопрос — не кто и как убил президента, а — почему?

Однако первое исследование внутреннего мира Освальда появилось задолго до Мейлера, и задолго до «Дела № 34451», возбужденного KGB: «Дело № 26996» увидело свет в мае 1953 года, и его автором был психиатр.

Первый серьезный конфликт с правопорядком у Освальда зафиксирован в Нью-Йорке в возрасте 13 лет: мать не могла справиться с сыном, который прогуливал школу, и 16 апреля 1951 года его поместили в «юношеский дом», где с трудными подростками работали врачи. 1 мая Освальда осматривал главный психиатр Ренатус Хартогс, который позже даже посвятил ему семинарские занятия, где медики обсуждали необычных пациентов.

Хартогс писал:

Это напряженный, отчужденный и скрытный мальчик, который чрезвычайно не любит говорить о себе и своих чувствах. Ему нравится создавать впечатление, что его не трогает мнение других людей, чтобы от него отстали и не надо было прилагать усилий к разговору. Преодолеть эмоциональную стену, за которой прячется этот мальчик, было трудно, но он предоставил достаточно ключей, которые позволили рассмотреть напряженное беспокойство, застенчивость, чувство неуклюжести и неустроенности как главные причины отчужденности и привычек затворника. Ли сказал: «Я не хочу иметь друга и не хочу говорить с людьми». Он называет себя упрямым и признает, что любит говорить «нет».

Хартогс выводит причину такого состояния из семьи: отца нет, мать занята собой (Ли спал вместе с матерью до 10 лет), братья его игнорируют, в школе в Нью-Йорке к подростку с южным акцентом относятся как к провинциалу.

Ли живет яркими фантазиями, вращающихся вокруг тем всемогущества и власти, которыми он пытается компенсировать свои недостатки и фрустрации. Ему не нравится ни с кем быть вместе, и на вопрос, какой компании — девушек или парней — он отдал бы предпочтение, он ответил: «Мне не нравятся все».

Хартогс отмечает «сильные негативистские черты», и ставит диагноз:

Личность с шизоидными чертами и пассивно-агрессивными тенденциями.

В день убийства Кеннеди телевидение обратилось к Хартогсу за комментарием, кто, с точки зрения психиатрии, мог убить президента. Хартогс сказал:

Очень вероятно, это психически неустойчивая личность с личной неприязнью к людям у власти, и очень вероятно, это человек, который в попытке преодолеть свою незначительность и беспомощность попытается совершить поступок, который напугает других, потрясет мир и заставит людей почувствовать себя уязвимыми, чтобы таким образом избавиться от собственного чувства незащищенности.

Хартогс нередко выступал в роли эксперта на телевидении, и в тот день ни журналисты не знали, ни он сам не помнил, что Освальд был его пациентом.

Вот что Мейлер ответил на вопрос А. Л-ка о связи между Минском и Далласом 22 ноября 1963 года:

Я думаю, что нужно пойти гораздо глубже. Освальд уехал из Минска и вернулся в Америку. И однажды он сказал себе: я единственный человек, который жил сравнительно около самого дна, в социальных низах в обеих странах. Я был рабочим низкого уровня в Советском Союзе, и я рабочий низкого уровня здесь, в Америке. Я знаю обе страны снизу доверху так, как никто больше. Никто в мире не знает того, что знаю я. И это было действительно так. Отсюда пришло чувство своей огромной значимости. Такое влияние имел на него Минск.

Изначально Мейлер хотел назвать свою книгу «Освальд в Минске». Можно и наоборот — Минск в Освальде. И такая книга увидела свет в 2013 году.

Но написал ее не минчанин.

МИНСК В ОСВАЛЬДЕ

Со стороны виднее, это правда. Но не обязательно виднее всё, а увиденное — не обязательно правда.

Если Мейлер собирал материалы в Минске для своей книги в додигитальную эпоху, но во время расцвета демократии, то американский журналист Питер Саводник приехал в Минск во времена, политически более схожие с началом 1960-х, но технологически вполне соответствующие календарю, — в 2010 году.

Его история Освальда, увидевшая свет через три года, покоится на трех Минсках, как античный мир — на трех китах. Но только не пространственных, а временных.

Книга «Незваный гость» делится на три части: первая — «Перед Минском», вторая — «Минск», третья — «После Минска». Автор помещает Минск в центр разговора об Освальде: не только героя в город, но и город — в героя.

Более минскоцентричной структуры для истории Освальда, кажется, и не придумать — однако автору она потребовалась, чтобы доказать обратное. Книга построена не на Минске, а на его отсутствии. Города нет, нет городской культуры, нет и горожан — и это отсутствие автор считает в жизни Освальда в СССР самым главным.

Саводник подробно анализирует феномен «минчане» (почему-то используя анахроничную форму «Menchani», и в единственном числе «Menchan» — до 1939 года город назывался «Менск»). Книга пестрит «russkizmami» — написанными латиницей русскими терминами, названиями, адресами, что, вероятно, должно повышать уровень достоверности в глазах западного читателя, однако свидетельствует в первую очередь об отсутствии редактора, знающего разницу между «трудной» и «трудовой» книжкой.

Оценки минской истории, городского контекста и его значения для Освальда, как представляет его Саводник, в целом корректны, хотя иногда фривольны. Например, что «поросенок, коза, несколько кур» составляют часть счастливой городской жизни вчерашних сельчан, или рекордная скорость, семь часов, с которой московский поезд будто бы достигал Минска, — на самом деле вдвое медленнее. И версия, будто квартиру Освальду дали такую, чтобы наблюдать за ним с другого берега Свислочи через бинокль, не выдерживает задернутой занавески...

Свободней, чем рекомендуется редакторами, обходится автор и с датами: так, Освальд приехал в «город-герой» — звание, как пишет Саводник, «присвоенное Минску сталинским режимом», — однако это звание Минск получил в 1974 году, через двадцать один год после смерти Сталина и через одиннадцать лет после убийства Освальда. Еще пример: 13 января 1960 года Освальд выходит на работу в «экспериментальный цех Минского радиозавода имени 50-летия Октябрьской Революции» — за семь лет до славной даты и присвоения юбилейного имени.

Или еще одно авторское пояснение: Марина Прусакова родилась в июле 1941 года — «через год с лишним после того, как Германия напала на Советский Союз». Это уже даже не простительный анахронизм, а «просто неправильно», если взять кате-

горичные слова самого Саводника, которыми тот подытожит свой критический анализ конкурирующей книги Мейлера, посвятив ей целых полстраницы своего труда.

Эти неточности не влияют, однако, на основные, вполне резонные оценки и выводы Саводника как о самом Освальде, так и о его окружении в Минске, о его мотивах, о его финале. Проблема скорее в их вторичности. Саводник встречался со знакомыми Освальда — от заводских рабочих, их детей и родственников до Станислава Шушкевича, интервьюировал даже Эллу Герман, которая переехала в Израиль. Но для задуманной книги-соперницы Мейлера не имел главного — доступа к документам KGB или другим оригинальным архивным источникам. В результате Саводник вынужден был строить свои постулаты в основном на не очень внятных и не очень существенных воспоминаниях, на дневнике, рукописи Освальда «Коллектив…», документах комиссии Уоррена и их интерпретации.

Интерпретации эти иногда изящны, но в большинстве своем существуют не в сфере реальности, а в отрицательном пространстве — не возможного, а отсутствующего варианта истории. Мнимости уместны даже в геометрии, но соусом сыт не будешь.

Саводник — принципиальный противник конспирологических теорий, он если и замечает, то не без иронии, что перемены места и обстоятельств в биографии Освальда случаются почему-то каждые 10,2 месяца, что важные для него люди в Минске (Головачёв, Титовец, Марина) появляются в его жизни каждые шесть месяцев, как по некоему алгоритму... В простака-убийцу, которым манипулируют тайные силы, Саводник не верит и заявляет об этом прямым текстом журналиста.

Как писатель, он имитирует Мейлера, заполняя страницы биографиями и характеристиками побочных персонажей, однако избегает ссылок и цитирования «Истории Освальда» — то ли из-за авторских прав, то ли из-за ревности, то ли из-за того и другого вместе. Саводник заявляет, что в книге Мейлера Освальд предстает как человек поиска и протеста, более умный, чем на самом деле, — а это «просто неправильно».

Освальд не был «хипстером а ля Норман Мейлер», напишет Саводник в эпилоге — это замечание выделяется на фоне вто-

ричной информации, которой заполнена книга, своей оригинальностью.

И хотя «Минск» у Саводника является книгообразующим элементом и Освальд изучается и объясняется через минский опыт, автор в конце концов забывает о своей конструкции и в заключении, в последнем абзаце книги пишет обратное:

Освальд действовал сам по себе, по своему желанию, выросшему из фрагментов детства, из подростковой и взрослой жизни с ее непостоянством и переездами с места на место, но в итоге — сам по себе.

Не был «менчаном».

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ KGB

В начале должна была быть конфискация.

...наносит ущерб интересам Республики Беларусь и подлежит конфискации. Гражданину Н. Мейлеру выносится официальное предупреждение за нарушение действующего законодательства РБ и присуждается штраф в размере 50 минимальных величин.

Этой исторической цитаты в начале «Истории Освальда» нет, так как в KGB не знали, что Шиллер и Мейлер почти подрались на лестничной площадке. А не знали, потому что навряд ли группа наружного наблюдения KGB независимой Беларуси была прикомандирована к американцам, снимавшим офис в их здании и работавших с их архивом. А если и была, то достаточной преградой для визуального наблюдения служили захлопнутые обычные двери в подъезд.

Но если бы в KGB знали, из-за чего они почти подрались, то история могла развернуться немного иначе — по крайней мере, для банковских счетов авторов и Random House.

Жизнь литературного десанта в Минске подходила к завершению. Интервью, беседы со знакомыми Освальда сразу снимали с магнитофона, переводили на английский и по сателлитной связи отправляли в Вену вместе с другими материалами. Были опрошены, и не раз, почти все знакомые Освальдов, со многими американцы успели подружиться — бывали в гостях, помогали. Кому-то отремонтировали телевизор, кого-то консультировали при продаже квартиры, для кого-то доставали лекарства.

Была даже свадьба: Шиллер пошел по следам Освальда и в Минске женился. Женился на своей переводчице Людмиле Пересветовой, которую знал еще со времен работы над «Петром Великим».

— Чтобы помочь ей с американской визой: я тогда снова был холост, — объяснял мне Шиллер.

В январе 1993 года посол Суорц провел официальную церемонию, и Людмила смогла подать на визу для себя и дочери, чтобы переехать в Америку.

Но самое сложное испытание, как вспоминал Шиллер, было впереди:

— Наступил момент, когда я понял, что надо что-то сделать, чтобы иметь доказательства нашего доступа к архиву KGB. На случай, если в Америке нам не поверят. Нужно было сделать копии и вывезти за границу, чтобы их всегда можно было продемонстрировать.

Копировальная машина в KGB была. И не советская «Эра», а вполне приличный ксерокс. Шиллер заказал в Австрии бумагу формата А4 и тонер для машины.

— Чтобы никто не заметил, что бумага или тонер в KGB заканчиваются слишком быстро.

Шиллер хотел всё иметь в трех экземплярах. В ответ на самый интересный вопрос — кто же делал, как удалось?! — Шиллер только улыбнулся.

— Не могу назвать. В KGB работало много разных людей, скажем так.

Но цену назвал — 25 тысяч долларов.

Идея Шиллера выглядела следующим образом: все скопированные документы разделить на троих: один экземпляр пове-

зет через границу Мейлер, второй — Пересветова, третий — он сам. Выезжать будут из трех мест: из Минска, Москвы и Ленинграда, и, если одного задержат, копии вывезут другие.

Ссора с применением физической силы на лестнице началась, когда Шиллер рассказал о своем плане Мейлеру. Тот был в ярости: нас задержат, арестуют, конфискуют, вышлют, пропадет вся работа.

Не исключено, что потасовка в подъезде завершилась бы визитом в больницу. Мейлер уже однажды поскользнулся на улице, упал, и «скорая» отвезла его в травмопункт, где сделали рентген — перелома тогда не было. Но падение с лестницы для человека в возрасте (Мейлеру в Минске исполнилось 70, Шиллеру — 57) — не самое приятное испытание.

Несмотря на разницу в годах, стычка могла закончиться плохо и для Шиллера. Мейлер занимался боксом, и после одного бурного литспора однажды отправил в нокдаун своего давнего антагониста, писателя Гора Видала. Тот, лежа, приподнялся на локте и нанес пощечину в ответ: «Слова, как обычно, Норману неподвластны».

На минской лестнице обошлись словами.

Уже перед отъездом Мейлер сказал Шиллеру: а может, нас всё же арестуют и всё конфискуют? Вот будет реклама для книги — лучше не придумать![99]

На самом деле уже придумывали: в том самом издательстве Random House был именно такой случай, вошедший в историю литературы XX века. Сегодня, в начале XXI века, это самая большая издательская компания в мире, но в начале 1930-х годов, когда ей не было и пяти лет, эта малоизвестная фирма заключила контракт с Джеймсом Джойсом на издание романа «Улисс». Слава романа росла, но он ни разу не был издан ни

---

99 По оперативным данным, рекламное действие в виде перемещения через таможенную границу ценностей, ограниченных к такому перемещению, совершенное с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств идентификации, предусмотрено ст. 228 УК РБ.

Для справки: теоретически за пять лет в тюрьме Мейлер мог написать новую «Войну и мир». Или как минимум просьбу о помиловании, что не слабее «Фауста» Сталина.

в Великобритании, ни в Америке, нигде в англоязычном мире: роман считали порнографическим. В Америке, однако, вовсю продавались подпольные экземпляры, и писатель нес финансовые потери. Тогда и была придумана операция легализации романа через таможню. Литературный агент ввез экземпляр, показал таможеннику, тот отмахнулся, мол, чего там, для себя можно, но после скандала и давления из издательства экземпляр был конфискован, что в конце концов открыло дорогу к суду и привело к официальному оправданию книги. Постановление суда стало базовым для определения порнографии и было напечатано вместо предисловия к «Улиссу».

Оправдательная формула суда «скорее вызывает рвоту, чем возбуждает» открыла новую эпоху для литературы и искусства в США. Но вначале была конфискация.

Искусство конфискации является важнейшим из всех государственных искусств в Беларуси. Однако в KGB не знали о копиях, не подслушали ссору будущих контрабандистов, на таможнях в начале 1990-х перестали обращать внимание на книги, не то что на бумажки с печатными словами, и таким образом секретные копии оказались в архиве Шиллера.

Причем сохраняются там не менее надежно, чем в архиве KGB. Когда в Конгрессе США вновь рассматривался вопрос убийства Кеннеди, Шиллер отказался предоставить эти копии Конгрессу, и закон оказался на его стороне. Однажды он их достал: пришли два агента ФБР и попросили копии, чтобы сравнить с теми материалами, которые в 1999 году правительство Ельцина передало Белому дому: нет ли каких подделок, купюр? Шиллер снова отказался отдать копии или сделать новые, но позволил агентам сравнить тексты под наблюдением своих представителей. Сам он в комнате не присутствовал, после нескольких часов работы агенты попрощались и ушли, и Шиллер больше никогда их не видел.

Минскую контрабанду KGB стоимостью в 25 тысяч долларов три сообщника вывезли без скандала. Контрабандистам повезло, книготорговцам — наоборот. Книга вышла без предисловия от KGB.

Нобелевскую премию автор не получил, как и Джойс.

Но по другой причине.

НОБЕЛЕВСКИЕ ОБИДЫ

Все счастливые семьи похожи на несчастливые — хотя бы своими несчастьями.

В начале книги Мейлер высказывает «безусловную признательность» Шиллеру, «моему умелому и проницательному коллеге по интервью и следствию, за шесть месяцев, которые мы трудились бок о бок в Минске и Москве, и потом в Далласе, чувствуя себя как одна семья, а также иногда ругаясь».

Вспоминая ссору на лестнице, Шиллер был философичен:

— У Нормана было огромное Ego, у меня огромное Ego, — сам удивляюсь, как мы уживались.

Первая стычка между двумя дружественными Ego состоялась в 1973 году, через десять лет после трагедии в Далласе. Тогда вновь обсуждалась смерть самой знаменитой женщины в мире, которая превосходила по известности и количеству изображений всех своих предшественниц и последовательниц, от Нефертити до Хиллари, — Мэрилин Монро. Монро умерла в августе 1962 года, но и через десять лет не исчезала магия притяжения ее имени, ее лица, ее тела, ее жизни.

Аппетит публики оставался ненасытен, и Ларри Шиллер готовил к изданию большой фотоальбом. В него вошли фотографии самого Шиллера: в 1960 году журнал «Life» послал 23-летнего фотографа сделать репортаж со съемок фильма «Давай займемся любовью» с участием Монро. Через два года журнал «Paris Match» заказал ему фоторепортаж со съемок нового фильма Монро.

— Вы уже знамениты, а сейчас сделаете знаменитым меня, — сказал Шиллер.

— Не выпендривайся (было такое слово в 1960-е годы), фотографа легко поменять, — ответила актриса.

Отношения между молодым репортером и кинозвездой стали через полвека предметом книги воспоминаний Шиллера «Мэрилин и я». А тогда, в начале 1960-х, фотографии сделали ему имя. Они отражали психологическую драму Монро-актрисы, напряженную студийную атмосферу, но сенсацией стало другое. Фильм назывался «Что-то должно случиться», и что-то случилось: в сцене с бассейном Монро снималась голая, а Шиллер фотографировал.

Монро впервые за долгое время позволила сделать и опубликовать снимки в жанре ню.

Казалось, через десять лет после смерти актрисы к этому уже невозможно добавить ничего, что бы так же потрясло публику, — но Шиллер готовил не просто альбом, он готовил бомбу.

Он попросил написать предисловие Нормана Мейлера.

Сама идея была ересью — Мейлер был известен как антифеминист, брутальный мачо, который однажды пырнул ножиком собственную жену (вторую из официальных пяти).

Как раз тогда вышла книга Мейлера «Узник секса», которую жестко раскритиковали женские организации. Мейлеру писать о Монро было всё равно как Освальду — если бы он выжил и сидел в тюрьме — написать биографию Кеннеди. Или более современный пример — если бы нобелевская лауреатка Светлана Алексиевич вдруг взялась за книгу о героическом мужском лице войны.

Мейлер получал многочисленные престижные литературные премии, но самой высокой среди них нет. А. Л-к говорил с Шиллером о жанре нон-фикшн, к которому принадлежит

и «История Освальда», и который недавно стал Нобелевским. Вопрос о нобелевских амбициях Мейлера Шиллера рассмешил:

— Однажды он очень разозлился на меня. Он позвонил и сказал: «Из-за того, что ты сделал, я никогда не получу Нобелевской премии!».

Когда альбом Шиллера и Мейлера «Мэрилин. Биография» вышел, ведущие американские журналы захотели дать фото Монро на обложке. Но Шиллер был тогда, как он сказал, «царь»: ему принадлежали права на фото из книги.

— Я сказал журналу номер один, «The Time»: мы дадим, но при условии, что вы ничего не будете менять. Они ответили: проваливай. Мы всё равно сделали обложку сами и послали. Даже без письма. Просто готовый макет. У нас было одно очень смешное фото: Мэрилин Монро стоит позади французского актера Ива Монтана и гладит его по голове. Я заменил Монтана на Мейлера, и журнал вышел с этой обложкой: руки смеющейся Мэрилин в кудрях шевелюры Нормана. И хотя мы с Мейлером остались хорошими друзьями, он был очень, очень расстроен. Он считал, что если он и имел шанс на Нобелевскую премию, я его уничтожил.

Мейлер взялся написать предисловие, а написал большое эссе, которое превратило формат настольного фотоальбома в жанр биографии. Перу Мейлера принадлежат четыре биографии («История Освальда» стала третьей), но «Мэрилин…» была первой. В ней он высказывал версию, что Монро убили — и сделали это по приказу Кеннеди, который боялся афишировать свой роман с актрисой. Третий муж Монро, драматург Артур Миллер, назвал этот вывод бредом Мейлера, который «прикинулся женщиной и разыгрывал голливудские фантазии славы, секса и неограниченной власти». Однако именно «Мэрилин…» оказалась после «Нагих и мертвых» самой продаваемой книгой Мейлера.

Мейлер не получил Нобеля, но не из-за остроумного фотомонтажа. Как заметил Шиллер:

— Я не думаю, что люди, присуждающие Нобелевскую премию, читают журналы. Они читают книги.

Или не читают.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА

Классическая механика знает три вида равновесия: безразличное, устойчивое и неустойчивое. При первом шар лежит на столе неподвижно, при втором лежит в чашке и после толчка возвращается в исходную позицию. А вот при третьем его положили на перевернутую чашку, тронь — укатится куда глаза глядят.

В начале 1960-х годов, когда безразличие Освальда к советскому образу жизни перешло в устойчивое разочарование и он начал искать способ, как выбраться из Минска, специалист по теории хаоса Эдвард Лоренц делал математические расчеты модели погоды. Лоренц незначительно, на одну десятитысячную, изменил один компонент в формуле — и вдруг получил радикально иной прогноз, ставший впоследствии известным как «эффект бабочки». Рассказ Рэя Брэдбери получил математиче-

ское обоснование: маленькие изменения могут привести к значительным последствиям[100].

Но, как учит механика, совсем не обязательно наоборот. Большие последствия возможны только в неустойчивых системах.

После 12:30 в субботу 22 ноября 1963 года в мире стало меньше смеха, больше слез. Но влияние выстрелов в Далласе на политическую историю было не столь драматично.

Во внутренней политике Линдон Джонсон продолжал реформы, которые Демократическая партия США начала при Кеннеди: расширение гражданских прав, конец расовой сегрегации, поддержка корпуса мира, который дал возможность идеалистической молодежи больше узнать о мире и попытаться изменить к лучшему жизнь в странах третьего мира.

Участие американцев во вьетнамском конфликте начало драматически нарастать еще при Кеннеди и переросло в полномасштабную войну после него. До сих пор действует подписанный Кеннеди договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой — многие считают это важнейшим достижением его тысячи дней в Белом доме. Политика в отношении Кубы осталась неизменной в течение следующего полувека, уроки Карибского кризиса усвоили обе стороны.

Слова Кеннеди в Берлине после возведения стены («Ich bin ein Berliner!» — «Я — берлинец!») повторяли следующие президенты, пока стена не рухнула.

Через пять с половиной лет после убийства президента Америка выполнила поставленную им задачу — послала человека на Луну.

Самые могущественные режимы личной власти рассыпаются после смерти диктаторов, их памятники сносят, а имена засыпают проклятьями. Демократии по своей природе относятся к системам с устойчивым равновесием. Неизвестно, конечно, что бы еще сделал Кеннеди для Америки и мира, но это так и останется неизвестным.

---

100 По оперативным данным, Лоренц считал, что малые воздействия не могут влиять на сами события, но могут влиять на их последовательность. Для справки: см., напр., гл. «Наказание перед преступлением».

Заметные перемены произошли в президентской службе охраны: власти перестали заранее печатать маршруты поездок и озвучивать их точное время и даты, открытые кабриолеты были выведены из парка президентских машин.

Следующие полвека лавры Освальда не давали покоя еще десятку лиц, но заканчивалось всё, как для мотыльков на рельсах: их либо ловили и сажали за решетку, либо они погибали. Больше американских президентов не убивали.

Трагедия, разыгравшаяся 22 ноября 1963 года в Далласе, оборвала жизни одних людей, неузнаваемо изменила судьбы других, но не изменила историю.

Влияние Освальда на ход событий XX века оказалось не большим, чем влияние мотылька под колесами поезда на его прибытие на станцию по расписанию. Рэй Брэдбери, хотя и способствовал рождению мотыльковой теории хаоса, всё же писал фантастику.

А лепидоптерология — наука. Как и механика.

НЕИЗМЕРИМЫЙ ЛИ

Без Гейзенберга и квантовой механики в этой поэме всё же никак.

Наблюдение за Освальдом упирается в квантовую физику с ее принципом неопределенности в весьма определенных вещах. Например, какого цвета были глаза, смотревшие на Минск, а потом в снайперский прицел?

Присцилла Макмиллан в репортаже из Москвы пишет о «голубоглазом молодом человеке». В карточке морского пехотинца один раз встречаются «карие», другой раз, в подделаном воинском документе, сам Освальд напишет «серые», а в третьем документе уточнит: «серо-голубые». Из документов комиссии Уоррена глядят и карие, и голубые.

Но на цвет товарищей нет, глаза у человека могут меняться, как меняется и вес, а вот рост — рост у взрослого мужчины по идее должен быть постоянен?

В существующей литературе, на радость автору принципа неопределенности Вернеру Гейзенбергу и его товарищам-физикам, глядевшим на жизнь как на набор вероятностей и возможностей, рост Освальда колеблется от 173 до 180 сантиметров.

На что другой товарищ, тоже физик Альберт Эйнштейн заметил: «Бог не бросает кости». То есть выберите что-нибудь одно, вселенная, возможно, игрушка, но не игра.

Со 173 сантиметрами вроде бы просто — это рост Освальда при поступлении на воинскую службу в 1956 году. В сентябре 1959-го, при увольнении, в документах стоит цифра 180 — подрос, поправился, возмужал. В 1963-м, когда Освальд изготавливал себе фальшивые документы на имя Алека Хиделла, он вписал тот же рост — 180 см.

Но это только рамки, а картина в них подвижна как столбик ртути в термометре, вывезеннном Освальдами из Минска и приобщенном к вещдокам. Одни интерпретаторы склонны считать, что Освальд приписал себе несколько лишних сантиметров из-за комплекса неполноценности. Другие указывают, что рост человека с утра до вечера может колебаться на 1—2 сантиметра. К тому же футы и дюймы (от 5'8" до 5'11") в метрическую систему без остатка не переводятся.

Самым разновеликим Освальд был 22 ноября 1963 года. На странице 144 отчета комиссии Уоррена приводятся показания свидетелей, видевших Освальда в окне склада, откуда прозвучали выстрелы, заметивших его на улице, присутствоваших при убийстве полицейского Джи Ди Типпита.

Линейка выглядит так: в 12:45, когда Освальд вышел со склада, его рост составлял 178 сантиметров. Затем, в 13:22, после убийства полицейского, все патрульные машины получили оперативное описание подозреваемого убийцы ростом 173 сантиметра. А в 13:30 полицейская рация передала оценку еще одного свидетеля: 180.

После задержания, во второй половине дня, во время предварительного опроса Освальд ответил на анкету:

Раса: Белая
Пол: Мужской
Дата рождения: 18 октября 1939 г.

Место рождения: Новый Орлеан, Луизиана
Вес: 74 кг
Рост: 175
Волосы: Средне-коричневые, средней длины, требуется стрижка.
Глаза: Серо-голубые
Шрамы: Татуировок и шрамов нет

Этот последний, собственноручно указанный рост, 175 сантиметров, комиссия Уоррена пишет без бюрократических кавычек, т. е. принимает за основу. Полицейские линейку к задержанному не прикладывали, в отчете паталогоанатома рост не указан.

Остается только процитировать ответ третьего из товарищества физиков, Нильса Бора: «Эйнштейн, не говорите Богу, что делать».

Какого роста хотел, такого и был.

Более-менее, туда-сюда, около того.

Как в жизни.

БЫЛ ЛИ ОСВАЛЬД

Крылышкуя золотописьмом толстейших книг, в прогулку по следам Освальда в Минске стоило бы взять 527-страничный том Присциллы Макмиллан «Марина и Ли».

Макмиллан сумела построить доверительные отношения с вдовой Освальда и в 1964—1965 годах записала более 700 страниц интервью. Она называла Марину «очень честным человеком», который говорит правду. В 1977 году книга «Марина и Ли» вышла в издательстве «Harper & Row» и стала классикой освальдоведения.

Однако минскому периоду посвящена только четверть книги, около ста страниц.

Вышедшая в 1977 году книга стала классикой, ее высоко ценил Мейлер, сразу, однако, заявивший, что не со всем соглашается, и объяснил: иначе зачем ему было бы писать свою книгу.

И правда.

Если поставить целью захватить с собой на минскую прогулку все документы, посвященные Освальду и убийству Кеннеди, то для того чтобы потянуть 18 тонн бумаги, потребуется серьезный воз и пара-тройка хороших лошадей, например выведенной в 1950-х годах породы «советский тяжеловоз». Однако оригинальные документальные книги, посвященные минскому периоду, можно и в руках понести, что понятно: Макмиллан по свежим следам расспросила Марину, кроме Мейлера никто не имел доступа к документам KGB и большинству минских знакомых Освальда, а из них только один Эрнст Титовец написал свои воспоминания.

Но одна американская книга выделяется — во-первых, потому что была написана еще до того, как Освальд стал посмертно знаменитым, а во-вторых, потому что предугадала будущее освальдоведения.

Книга, где прототипом был Освальд, называлась «Идеальный воин». Ее написал знакомый Освальда по службе в морской пехоте, некто Керри Торнли. Торнли внешне был похож на Освальда и потом на протяжении многих лет заявлял, что они с Освальдом были «продуктами генетических испытаний евгеников-нацистов из общества “Вирил”», что в него и Освальда при рождении вживили приспособления для подслушивания, за ними следили и ими манипулировали с детства всемогущие руководители «Вирила».

Торнли был жертвой бессмертной традиции, которая возникла сразу после первой беседы Евы со Змием и будет жить, пока будет существовать человечество. Это — поиск тайных пружин там, где их нет, секретных заговоров там, где их не существовало, построение пирамид аргументации, которые ни на что не опираются, непринятие фактов после того, как они были проверены и подтверждены.

Граница, где здоровый скепсис превращается в психическую болезнь, довольно широкая. Иногда очень. И, как в случае с историей Освальда, может длиться десятилетиями.

В Беларуси, например, после выхода книги Мейлера критики как из лагеря демократической оппозиции, так и из официоза будут обвинять Станислава Шушкевича в сотрудничестве с KGB.

Есть еще одна интересная вещь: в Минск из США приехал Ли Харви Освальд. Не знаю, зачем его сюда прислали, но всё время его учили стрелять. И учителем русского языка у него был Шушкевич; поверьте мне, KGB ничего не делал без смысла. О том, чтобы его учил Шушкевич, было решено в Москве, на Лубянке, Станислав Станиславович много знает, но не скажет[101].

Насчет того, что KGB ничего не делал «без смысла», спору нет, каждому свое.

Есть смысл напомнить, что после хрущёвского разоблачения сталинских преступлений всю власть в стране забрала партийная номенклатура, которая в целях личной безопасности и под лозунгом восстановления «ленинских принципов социалистической законности» весьма существенно обкорнала некогда всемогущие органы. И секретарь парткома мог организовать уроки русского языка без персональных указаний с Лубянки.

Шушкевич был сыном «врага народа» с 1936 до 1954 года, а после этого — сыном «жертвы необоснованных репрессий». Официальное отношение к необоснованным жертвам в начале 1960-х годов было благоприятным: их восстанавливали в партии, а заслуженных чекистов-орденоносцев оттуда исключали. Шла выборочная люстрация. Правда, наказания за необоснованные преступления были такие, какие не мог бы обосновать даже Достоевский, их предсказавший: забирали бордовую книжечку и не принимали взносы.

Нет свидетельств, будто Освальда «всё время учили стрелять» — на самом деле известно только о двух выстрелах Освальда на охоте (оба мимо), и однажды он поучаствовал в стрельбе из пистолета в заводском клубе ДОСААФ — «на троечку», как оценил инструктор (что ничего не доказывает — известна история одного чемпиона мира по стрельбе из пистолета, у которого ограбили дом. Он стрелял в грабителей несколько раз и не попал).

---

101 По оперативным данным, это слова журналиста П. Якубовича из книги «Зрабаваны народ. Размовы з беларускімі інтэлектуаламі», 2009 г.
Для справки: некоторые интеллектуалы в Беларуси знают не меньше, а не говорят еще больше.

Коспирология не зависит от географии или профессии: скромный тир ДОСААФ превратился в американской прессе в 1964 году в полигон Главного разведывательного управления советской армии. Цитировались высказывания перебежчика, подполковника польской разведки Михала Голениевского о минской «школе убийц», где ГРУ будто бы готовило свои кадры. Освальд, по мнению подполковника, «мог там учиться, а мог и не учиться».

А американский профессор и правый активист из Чикаго некто Ревило Оливер в том же году уже безапелляционно утверждал, что Освальд «проходил подготовку по саботажу, терроризму и партизанской войне (включая прицельную стрельбу из засады) в хорошо известной школе для международных преступников под Минском». Оливер преподавал классическую литературу и был специалистом по Ренессансу. Его пригласили в комиссию Уоррена, где он не смог подтвердить свои открытия ничем, кроме общей теории антикоммунизма и личной ненависти к Кеннеди; университет Иллинойса вынес ему предупреждение, но не за Освальда, а за нарушение устава.

Счет журналистских публикаций об Освальде в белорусской и российской печати ведется на сотни. И трудно найти хоть одну, где бы не было несуществующих фактов или многообразных допущений, выдаваемых за реальность, личных мнений, преподносимых как истины или просто небрежных ошибок.

Не всё еще исчерпано, конечно. В Минске Освальд мог встречаться и, вполне возможно, виделся на улицах с людьми, искушенными в терактах. Например, на соседней улице проживала партизанка Мария Осипова, организатор уничтожения гражданского руководителя оккупированной Беларуси Вильгельма Кубе, что спровоцировало массовые расстрелы мирного населения. Освальд мог видеть первого секретаря минского обкома партии Сергея Притыцкого, который, как герой «Бесов» Достоевского, по заданию своей организации пытался убить свидетеля на суде.

Наиболее же близок Освальду возрастом, взглядами и масштабом содеянного был местный современник Достоевского Игнат Гриневицкий, убийца Александра II, самого либераль-

ного русского царя, освободившего рабов в России, что почти одновременно сделал и американский президент Авраам Линкольн.

И как тут обойти параллели убийства Линкольна и Кеннеди. Первый был избран в Конгресс в 1846 году, второй — в 1946. Первый стал президентом в 1860, второй — в 1960, имена обоих по-английски насчитывают по семь букв, обоих убили в пятницу, обоих выстрелом в голову, обоих сзади, рядом с обоими были их жены. Линкольн был убит в Театре Форда, а Кеннеди — в автомобиле «Форд» модели «Линкольн», оба следующих президента имели фамилию Джонсон и оба были с юга, первый Джонсон родился в 1808, второй в 1908 году — и это только цветочки.

Убийца Линкольна Джон Вилкес Бут родился в 1839 году, Ли Харви Освальд — в 1939, оба были с юга, у обоих тройное имя, у обоих имена по-английски насчитывают 15 букв, оба были убиты до суда...

Этот список появился вскоре после убийства Кеннеди и уже более полувека очаровывает одну часть публики и доводит до умоисступления другую, тщетно указующую, что ничего статистически невероятного здесь нет, что различий больше, чем совпадений, что некоторые сведения недостоверны...

Если бы не разрушили Берлинскую стену, то с нее тоже можно было бы увидеть президента Джона Кеннеди и Освальда. Кеннеди вошел в историю Берлина знаменитой фразой «Ich bin ein Berliner» — «Я берлинец», сказанной в знак солидарности с жителями Западного Берлина во время советской блокады. Об Освальде тоже можно сказать, что он — берлинец. По приезде в СССР Освальд жил в московской гостинице «Берлин», в Минск приехал поездом «Москва — Берлин» и поселился в гостинице «Минск», построенной на месте отеля «Ново-Берлин». По дороге назад в Америку Освальд был в Берлине — тут поезд стоял около часа.

Но это не всё. Впервые фраза, основанная на гордом латинском заявлении «Я — римлянин», прозвучала в речи Кеннеди в Новом Орлеане — городе, где родился Освальд. Кеннеди заявил, что, как и древние римляне, граждане США могут гордиться словами «Я — американец». Кеннеди сказал это в мае

1962 года, когда и Освальд в Советском Союзе повторял эти слова как мантру, пробиваясь домой в Америку.

И это не всё. Сейчас в Берлине есть бар «Ли Харви Освальд», где на экране крутятся нон-стоп кадры ареста и убийства бывшего жителя Минска. Какой-то Генри Г. зашел перекусить и написал в интернете чистосердечный отзыв: «Действительно прочистило мне мозги».

Извлечение корня квадратного из пустоты — занятие бесконечное. Пытливые умы неизбежно сократили вопрос «был ли Освальд убийцей», и из юридического он переместился в область искусства для искусства: был ли Освальд?

Не с первого раза, но все же им удалось убедить техасского судью, что ответ надо искать на глубине двух метров в секторе «Закат № 18» западной части мемориального погребального парка Шенон Роуз Хилл. Эксгумация, проводившаяся с согласия и в присутствии вдовы, не оправдала надежд: в 1981 году всё было как в 1963, все снимки зубов совпали. Страшно подумать, что было бы, если бы останки кремировали.

Как говорил в подобных случаях белорусский классик Владимир Короткевич: «Хоть ты раком встань и на Луну завой!»[102]

---

102 По оперативным данным, Марина Освальд заявила комиссии Уоррена, что ее муж нигде не мог быть счастлив, уточнив: «Возможно, только на Луне».

Для справки: это стало возможным через шесть лет.

KGB ПРОТИВ ПАРМЕНИДА

Даже самые фантастические романы о самом далеком будущем написаны в прошедшем времени: «Он сказал, что... Она улетела на...»

Что уж говорить о минувшем? Писатель пятится из начала в конец, из прошлого в будущее своей истории, которая вообще-то уже случилась, и за ним в несколько более комфортной позе следует читатель. Зрелище не для богов, но ведь любая поэма — это камасутра, не жанр, а способ познания одного и того же, только своим языком и иными придаточными частями.

Самым сложными в истории Освальда являются самые простые вещи. Например, ответ на вопрос: когда Освальд приехал в Минск?

Казалось бы, куда проще:

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
7 января 1960

Приезжаю в Минск.

Поездом, конечно. Вопрос только — каким.

В ситуации Освальда о его билете беспокоилось государство, сам он на вокзал не ходил и в очереди не стоял. «Интурист», опекавший американца, имел свои кассы и свою бронь, потому что свободных мест не было никогда и никому — если вы не герой советского союза или социалистического труда, почетный железнодорожник, человек со спецудостоверением или грудными детьми, не имеете блата или не умеете дать десять рублей носильщику.

У государства были разные поезда: пригородные, пассажирские, пассажирско-грузовые, а если пункт назначения был в 700 км и более — дальнего следования. Освальду, конечно, выбрали скорый поезд — три краткие остановки, через полсуток в Минске.

Дело оставалось за малым — чтобы уточнить время отъезда и прибытия, надо было заглянуть в действовавшее в январе 1961 года расписание.

Как А. Л-к искал эти отсутствующие в интернете и архивах комиссии Уоррена сведения, какие фонды каких библиотек безрезультатно исследовал, какую попутную литературу изучал, какие переговоры вел с министерствами путей сообщения двух стран и частными коллекционерами скрижалей движения, какие молитвы возносил, чтобы открылась ему священная железнодорожная книга, определявшая место, время и скорость, с которой днем и ночью рассекали земные просторы тысячетонные чугунные болиды, грохоча по мостам, цокая на стыках, пролетая мимо замерших полустанков, отзываясь лесным эхом, светясь занавесками вагона-ресторана с дымящейся солянкой на накрахмаленной скатерти и запотевшим графинчиком «Столичной», — предмет повести иных временных лет, лучше, как учил в подобных случаях Пушкин, перечесть «Двенадцать стульев».

Библия Трансжелдориздата «Расписание движения пассажирских поездов. Зима 1960/61 года» явилась после шести лет упований, бдений и хождения по каталогам и открылась на странице 16. Из нее следовало, что из Москвы на запад ежедневно отправлялись четыре скорых поезда с конечными остановками в Минске, Бресте и Берлине.

Самым удобным, с проверенным и подготовленным KGB персоналом, был поезд № 3 «Москва — Берлин». Окончил московские дневные дела, в 20:05 плавно тронулись, поужинал в ресторане или выпил железнодорожного чаю около Можайска, заснул у Вязьмы, разбудили в районе Борисова, опять принесли стаканы в литых подстаканниках, и в начале рабочего дня, 8:16, под звуки вокзального марша бодро ступил на минский перрон[103].

Но вернемся на одну дневниковую запись ранее.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
7 января 1960

Выезжаю поездом из Москвы в Минск, Белоруссия.

В четверг, 7 января, выехал, и в четверг приехал? За один день?..

«Расписание» безжалостно категорично: не исключено. Как стрелочный перевод позволяет подвижному составу, не снижая скорости, перейти с одного пути на другой, так и расписание жестко, как переводная крестовина из высокомарганцевой стали Гадфильда, перевело неизвестное в вероятное.

Был еще один поезд «Москва — Берлин», № 5! Он отправлялся в 13:00 и прибывал в Минск 01:12. У пассажира действительно могло возникнуть ощущение, что в один день сел и приехал, и так можно записать в дневнике. Не такая уж и ошибка.

Впрочем, даже стальная логика железных дорог знает двойные стрелочные переводы, когда один путь разветвляется на три: два направления отклоняются одинаковыми радиусами на одинаковый угол в разные стороны, а третье направление прямолинейно. Но начитавшийся путейной литературы автор имеет в виду даже не еще один возможный поезд, № 9 «Москва — Минск», отправление в 21:41, остановки в раздельных пунктах

---

103 По оперативным данным, 8:16 — время точное.
Для справки: А. Л-к не исключает, что поезд в тот день мог опоздать или прибыть раньше, но твердо придерживается презумпции невиновности всего и всех, пока не доказано обратное, и считает, что доказывать опоздание — не его дело.

Можайск — Вязьма — Смоленск — Орша — Борисов, прибытие в 08:20, а календарь.

Освальд мог ошибиться с датой, которой обозначил записи в дневнике. Одно из двух: мог выехать 7 января и приехать 8-го, или же приехать 7-го, выехав 6-го.

Впрочем, с одним из двух тоже не всё просто. Сам пассажир к датам относился без пиетета. В одной анкете, которую Освальд заполнял уже после возвращения в Америку, он напишет, что в Москве жил до 4 января, а с 5 января жил в Минске. 4 января, в понедельник, он идет в московский ОВИР, где ему вручают направление в Минск. 5 января вместе с переводчиком отправляется в Красный Крест и получает там денежное вспомоществование, 5000 рублей. Можно было сразу (вещей почти не было) и отправиться на Белорусский вокзал. Как говорится, не исключено.

Таким образом, Освальд мог появиться в Минске 6, 7 и 8 января. Мог ступить на перрон в 1:12, 8:16, 8:23...

Над этой проблемой бились еще древние греки: отец метафизики Парменид заявлял, что бытие одно и не может быть двух и более бытий, а его оппонент Гераклит настаивал, что всё течет и меняется. Если пропустить следующие две с половиной тысячи лет и примерно столько же попыток дать определение реальности, то можно остановиться, например, на философской школе «пятиминутки». Ее адепты утверждают, что мир был создан только что, но сразу со всей минувшей историей. Эта теория известна еще под названием «В прошлый четверг».

С учетом собранных доказательств, признавая их взаимоисключающий характер, имея в виду их категоричность, беря во внимание невозможность их проверить, руководствуясь здравым смыслом, музыкальным слухом и календарем 1960 года, где первый четверг января приходится на число семь, и было решено начать настоящее повествование словами:

«В четверг 7 января 1960 года, в 8:16 утра...»

Точен ли ответ — знает только KGB.

Вопрос только, к какой философской школе относились его практики в Минске, когда обозначали в рапорте дату начала наблюдения за американцем. Если следовали заветам Парменида, духовного отца архивного дела, учившего, что нет возникнове-

ния и уничтожения, то ответ известен, — только неясно, когда мы его узнаем. Если оперработникам был ближе Гераклит, то утечка неизбежна, хотя не проверяема[104].

В любом случае, это будущее знание уже существует, и Освальд когда-нибудь всё равно приедет в Минск.

Может быть, опять в прошлый четверг.

104 По оперативным данным, есть еще одна философская школа, чья трактовка реальности исторически близка секретным службам: это скептики, уверенные, что мы на самом деле являемся мозгом, заспиртованным в банке, которым управляет сумасшедший профессор.

Для справки: не в спирте, а в формалине.

КТО КОГДА СМЕЕТСЯ

Смеяться полезно всегда, но в конце как-то веселее.

Эта лепидоптерологическая экспедиция по следам Освальда была и исследованием минских путешествий Нормана Мейлера, который ловил здесь своих мотыльков.

Мейлеру понравился Минск:

Эта книга писалась легче, чем другие мои книги. Я также получил от этой книги больше, чем от остальных. Я люблю эту книгу, потому что у меня был потрясающий опыт жизни в Минске. Я почувствовал, а, черт, мне уже давно седьмой десяток, и я почувствовал: я еще не умер. Совсем неплохо. Я могу жить в странном месте и много от этого получать, и я плодотворно работаю. Было здорово.

В заключение нашей беседы А. Л-к попросил автора представить сюжет: американский писатель приезжает в Минск, где получает материалы слежки спецслужб за американским гражданином, который жил здесь на пару десятилетий раньше. Писатель снимает квартиру, встречается со множеством людей, заводит знакомства — и за ним постоянно ведут оперативное наблюдение спецслужбы, подслушивают разговоры, снимают на видео, знакомые пишут отчеты, и всё идет в дело агентурной разработки. А потом, через пару десятилетий, в Минск приезжает исследователь творчества этого американского писателя...

Мейлер засмеялся[105].

105 По оперативным данным, зря.
Для справки: время покажет.

ВЫМЫСЕЛ ПРАВДЫ

Все настоящие книги после смерти автора дописывают себя сами.

Норман Мейлер умер в ноябре 2007 года, но дело его живет. И не только в фонде его имени, стипендиях для молодых авторов, премиях, чтениях и обильном цитировании.

В «Истории Освальда» на 800 страниц авторского текста приходится 695 ссылок на открытые источники: материалы следствия, официальные документы, письма, книги, периодику. Плюс многочисленные интервью, записанные в Минске, Москве и Америке. И, конечно, архивное дело KGB. Многие герои имеют эту книгу дома, как Марина Освальд в Техасе и собеседники Мейлера в Минске, или могут пойти в библиотеку и показать всем желающим свое имя, попавшее в историю.

Наивные!

Всех их, вероятно, обидит заявление, что на самом деле их не было и нет. Что они существуют только в голове автора.

Что их жизнь и воспоминания — плод его фантазии.

Что наибольшее, на что они могут претендовать, — это на роль совпадения. Причем даже не такого совпадения, как пули с мишенью в прицельном выстреле, а — случайного. Как сумасшедший с бритвой в руке, вдруг наголо обривший голову первому встречному. Который шел в парикмахерскую именно за этим. (Бывает, конечно, всякое. Знакомая парикмахерша как-то жаловалась А. Л-ку, что в ответ на вопрос: «Как постричь?» — всё время слышит: «Постригите, как вам нравится». Мне лысые нравятся, ответила она однажды, клиент не дрогнул, и теперь у них кучерявый мальчик).

В издании 2013 года написано, что «История Освальда» является... вымыслом.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события являются либо плодами фантазии автора, либо используются как художественный вымысел. Любое сходство с реальными событиями, местами, людьми, живыми или мертвыми, является чисто случайным.

Эта юридическая формула, которой теперь открывается книга, — самый фантастический текст во всем почти тысячестраничном томе. Он появился после смерти автора, и, по его логике, покойный Мейлер теперь также имеет чисто случайное сходство с тем Норманом Мейлером, который жил в Минске, пил «Беловежскую» с генералом KGB, ночевал в квартире Освальда, брался за грудки с Ларри Шиллером, вывозил контрабандой секретные документы.

Умри, как говорил один специалист по мнимостям, лучше не скажешь. Ни на суде, ни в службе внешней разведки, ни при определении отцовства-материнства.

Не поможет даже самоубийство автора, потому что всё равно окажется случайной правдой чистого вымысла.

Что ж. Если и есть еще надежда — то только в этом[106].

---

106 По оперативным данным, всё, от начала до конца, в этой поэме также является только совпадающими буквами и знаками препинания, не больше.

Для справки: и не меньше.

НА САМОМ ЛИ ДЕЛЕ ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬД УБИЛ ПРЕЗИДЕНТА ДЖОНА КЕННЕДИ, РАНИЛ ГУБЕРНАТОРА ДЖОНА КОННАЛЛИ, УБИЛ ПОЛИЦЕЙСКОГО ДЖЕЯ ДИ ТИППИТА, — И ВСЁ ЭТО САМ-ОДИН?!.

Ну[107].

107 По оперативным данным, это самая короткая глава — и А. Л-к действительно так считает.
Для справки: ага.

ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Документальная проза имеет дело с пустотой как материалом и линией горизонта как задачей.

Первой покупкой Освальда в Минске стала электровилка, символ его жизни, бившейся как мотылек между плюсом и минусом, пока не замкнула напряжение на себя и не сгорела, оставив воспоминание — хрупкое, как пепельные чешуйки, и эфемерное, как дым.

Хотя можно сказать и наоборот: четыре миллиона листов разных документов общим весом под двадцать тонн, появившихся на свет по поводу Освальда, — предмет еще какой конкретный. А рапорты наружного наблюдения KGB опередили видеокамеры на десятилетия, и благодаря им можно, как путешественнику во времени — герою Брэдбери, попасть в любой день Освальда в Минске:

В 11:00 Ли Харви вышел из гостиницы «Минск» и пошел в ГУМ. Там зашел в отдел электротоваров, что-то спросил у продавца, достал из

кармана деньги и пошел к кассе. Не заплатил, положил деньги в карман и стал расхаживать по первому этажу универмага туда и обратно и рассматривать различные товары. Затем вернулся в отдел электротоваров, заплатил 2 рубля 25 копеек за электровилку, положил ее в карман и поднялся на второй этаж. Там провел некоторое время в отделе готовой одежды, пересмотрел имеющиеся костюмы, затем быстро вышел...

...А. Л-к вышел из гостиницы «Минск» и повернул налево, прошел мимо кинотеатра «Центральный», обувного и ювелирного магазинов, затем долго шагал вдоль бесконечного желтого дома с колоннами, где спрятаны капсулы исторического времени, позади остался книжный магазин, шоколадный рай, цветочный оазис, и через пять минут он уже входил в ГУМ, зашел в отдел электротоваров, потом поднялся на второй этаж в отдел мужской одежды, глянул костюмы, вернулся, заплатил 2 рубля 25 копеек за электровилку и быстро пошел на выход.

Не с пустыми же руками возвращаться.

Было бы только куда.

POST SCRIPTUM

Будущее не меняется, меняется только прошлое.

Будущее бесформенно, как полет мотылька, и предсказуемо, как пейзаж, открывающийся пассажиру, сидящему у окна спиной по ходу поезда, — и также неожиданно, как любая сосна, мост и встречный состав. Всё может быть и не быть.

Прошлое — это вид, открывающийся по ходу движения. Оно приближается, расширяется, растет, открывает новые перспективы и взрывается фейерверком подробностей, деталей и черт, четких, как рисунок на крыльях бабочки, скользнувшей по двойному окну вагона, чтобы исчезнуть в миг наибольшей резкости.

Каждое путешествие неповторимо, главное — не проспать, чтобы в ранний час — число и месяц выберите сами, — в плаще или без — по погоде, летящей утренней походкой выйти на перрон своей станции и не узнать ее, потому что прошлое уже изменилось.

Оно всегда меняется.

ВНЕ

Стихи,
написанные на завершение перевода поэмы.

ЛИ, ЛЕТО 1963

Воздуха мало.
Нещадно палит.
Кондиционер только
У босса. Воротник
Врезался. Зуб болит.
Прошлой ночью опять
Она притворилась, что спит.
Что им всем. Разве неясно,
Что не так надо не так.
Невозможно скрипит.
Смазать не могут. Тупицы.
Пицца. До обеда пропасть.
Поспать бы. Он что. Бардак.
Нанимался. Не так. Подай,
Принеси, убери. Давай.
Неси. А сами. Паскуды.
Немогунехочуинебуду.
Пошли бы вы. Вас.
Вам. Их. Ими.
Не бу.
Не у.
Я.
У.

МАРИНА, 24 НОЯБРЯ

Ну поплачь. Легче сразу не станет,
А потом — что потом, всё равно.
Даже худший из судей устанет
Узнавать, что узнать не дано.

Исторгает тягучие звуки
Это радио для одного.
Твоих рук бесполезные муки
Не изменят уже ничего.

Впереди нет просвета на мили,
Позади беспросветный туман.
Жили-были, потом позабыли
Жизнь свою как случайный обман.

Уложи дочерей. Завтра в школу.
Пить нельзя, но сегодня налей
Спирт себе, а ему кока-колу.
Жалко всех. И себя пожалей.

ВСЁ

Еще нет. Еще будет слезиться
По крепчайшему в мире стеклу
Твоих ангельских лиц вереница,
Заводящая в сердце иглу.

Мы раздвинем вагонные двери,
И надежды тугие жгуты
Перетянут аорты у зверя
Налетающей пустоты.

Сдавит, сплющит, затянет и бросит,
И отпустит последнюю нить.
И прощенья никто не попросит,
Да и не у кого попросить.

ТРИ ЗВЕЗДЫ

Я не знаю. И стоит ли браться,
Если вечер уже на дворе,
Скоро звезды начнут загораться,
Одна сверху, другой отражаться
Предоставлено право везде.
Над Флоренцией каменной плачет
Хриплый колокол. Церковь в окне
Закрывает полнеба. Прохожих
Половина на Данте похожа,
Половина приснится во сне,
Где опять повстречать тебя можно.
Тут уже закрываются двери
Галерей, где на каждой стене
В рамки взято прошедшее время
На анализ. Превысит пределы
Концентрация власти в слюне,
Спесь в крови и безверие в вере.
Пурпур, золото, камень, рогожа
Одинаково прячут в себе
Ледяную тоску безнадежных
Неизменных сюжетов. Нигде
Ни улыбки, ни боли, ни страсти,
Только выдаст себя иногда
Узкий взгляд из другого пространства,
Где беззвучно сияет звезда
Вечной скорби, любви и потери.
Я открою тяжелые двери,
А на лестнице чьи-то следы.
Всё как в книгах, напрасно не веришь,
Всех простили и в рай отпустили.
Ты мне скажешь: здесь Медичи жили.
А теперь тут отель.
Лифта нет, есть вай-фай.
Три звезды.

ДОЖДЬ В ПАРИЖЕ

Стулья сдвинуты перед ненастьем,
Тротуары открыты опять
Для прохожих и детских колясок,
Разворачивающихся вспять.

Мы закажем по дюжине устриц.
Лёд, лимон, острый уксус, багет,
Дождь ударит в окно и подарит
Лицам всем перламутровый цвет.

Звон стекла, серебро и улыбки,
В запотевшем бокале шабли.
Ты уверен, что нет здесь ошибки,
Разве вместе тогда мы были?

Канифольные скрипок печали,
Сигаретный осиплый шансон.
Мы с тобой Рождество здесь встречали.
Ты со мной? Я с тобой? Ты о чем?

Странно очень. Налей мне. Ты кто же?
Анна, Джулия, Ольга, Катрин?
А тебя как? Иосиф, Сережа,
Игорь, Джереми, Вениамин?

Тает лёд. В полумгле ресторана
Никого не зови. Для любви
Уже поздно. Для ужина рано.
Дождь утих. Счет несут. Принесли.

ВОСПОМИНАНИЕ

Детство помню всё лучше. Еще бы. В YouTub-е
Не включается плейер. Сначала изволь
Дать ответ на вопрос из таинственной глуби,
Где хранится надежно забытый пароль.

Имя лучшего друга, фамилия деда
По матери — ее девичья часть, до меня,
Город встречи с тобой, марка велосипеда.
Всё из памяти тащится, всех на свете кляня.

Вырастают, как к вечеру тени, фигуры
Прошлой жизни. С любимых когда-то страниц
В танец с веером сабель по клавиатуре
За дурой прекрасной пускается маленький принц.

Чушь несут и хохочут, вздыхают и плачут
Над такой, прости господи, галиматьей, как
Незасчитанный гол в перенесенном матче,
Не тем боком повернутый диакритический знак.

Впрочем, с этим не шутят тут. Прописные
Буквы, пробелы не к месту, тире
Не откроют Сезам и не пустят в его кладовые
Даже администратора, искушенного в этой игре.

Это что. Раскаленная линия помощи
В единицы с нулями заколдованных новостей
Даст совет на прощанье, как спрятать сокровище
Проще: год рожденья — год смерти. Куда уж простей.

ПЕРЕВОД

Гневных богинь косоглазые взгляды
Следуют. Взрывы шампанского
Брызгоопасны. Медные листья звенят
По. О Муза, оргазм не узнавшая
В муках. И стыд, как повидло, размазан
На змеях. Глаголы сворачиваются
В поисках суффиксов. Причастия отказывают.
Как холодно в щелях. Голландец летучий,
Не смейся, что помнишь ты, нехристь,
О сдвиге согласных. Он Лютер, он Мор,
Он Скарына. Вульгата твой род и семья
Земноводных. Дрожащая тварь. Отступая,
Упал и разбился, а гвоздики с воздухом
Сперли, веревочки свили, и гнезда зияют.
Ты клей, превращающий дощечки в крылья.
Ты утренняя паутина над ивами
И вами, мой друг. Мой милый.

Флоренция, декабрь 2016 г.

РАПОРТ САМОНАБЛЮДЕНИЯ

За объектом: А. Л-к
Период: 1955—2017

По оперативным данным, выявлена группа лиц, открыто и скрытно передававших А. Л-ку отдельные слова и их сочетания для поэмы:

Абламейко Сергей, Алексиевич Светлана, Антонов Юрий, Арлов Владимир, Ахмадулина Белла, Белинский Виссарион, Берра Йоги, Бор Нильс , Бродский Иосиф, Брэдбери Рэй, Булгаков Михаил, Вайль Пётр, Ваховские братья-сестры, Гейзенберг Вернер, Гегель Георг, Гераклит, Гоголь Николай, Горький Максим, Довлатов Сергей, Достоевский Фёдор, Есенин Сергей, Ерофеев Венедикт, Ибрагимбеков Рустам, Ильф Илья, Кант Иммануил, Конквест Роберт, Короткевич Владимир, Кундера Милан, Купала Янка, Лермонтов Михаил, Макмиллан Присцилла, Мандельштам Осип, Маркс Карл, Маршак Самуил, Мелвилл Герман, Монтень Мишель, Набоков Владимир, Некляев Владимир, Окуджава Булат, Оруэлл Джордж, Пастернак Борис, Парменид, Пелевин Виктор, Петров Евгений, Платон, Пушкин Александр, Райкин Аркадий, Солженицин Александр, Стрельцов Михась, Сэлинджер Джером, Тарковский Андрей, Тарковский Арсений, Толстой Лев, Тютчев Фёдор, Уэйлс Джимми, Флоренский Павел, Фолкнер Уильям, Хичкок Альфред, Хлебников Велемир, Хемингуэй Эрнест, Чомски Ноам, Экклезиаст, Эйнштейн Альберт, Юнг Карл.

Для справки: соучастниками поэмы являются Арлов Владимир, Дубовец Сергей, Мацур Генадзь, Мейлер Норман, Наумчик Сергей, Шиллер Лоуренс.

Литературно-художественное издание

Лукашук Александр

Освальд в Минске
Поэма

Ответственный за выпуск *Змитер Вишнёв*
Художник *Генадзь Мацур*
Корректор *Галина Ребенкова*

Подписано в печать 14.04.2017. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 1963 экз. Заказ №2664.

Частное издательское унитарное предприятие «Галіяфы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя
и распространителя печатных изданий №1/48 от 03.10.2013.
Пр-т. Партизанский, д. 77 А, к. 20, 220107, Минск.
E-mail: vish@bk.ru.
www.galiafy.by

Общество с дополнительной ответственностью «Новапринт».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя
и распространителя печатных изданий № 2/54 от 25.02.2014.
Ул. Геологическая, д. 59, к. 4, п. 10, 220138, Минск.